

Псалом 90

Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится.
Говорит Господу: прибежище моё и защита моя, Бог на которого я уповаю!
Он избавит тебя от сети ловца, от гибельной язвы;
Перьями своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен;
Щит и ограждение Истина Его.
Не убоишься ужасов в ночи; стрелы, летящей днём;
Заразы, опустошающей в полдень.
Падут подле тебя тысяча и десять тысяч одесную тебя, но к тебе не приблизятся.
Только смотреть будешь очами твоими и видеть возмездие нечестивым.
Ибо ты сказал: Господь — упование моё.
Всевышнего избрал ты прибежищем твоим.
Не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему.
Ибо ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих.
На руках понесут тебя, да не преткнёшься о камень ногою твоею.
На аспида и василиска наступишь, попирать будешь льва и дракона.
За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя моё.
Воззовёт ко мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прославлю его;
Долготою дней насыщу его, и явлю ему спасение Моё. Аминь.

И сказал Велес: Открой короб песен!
Размотай клубок!
Ибо кончилось время молчания
И пришло время слов! (Песни птицы Гамаюн).

Правда не боится исследования.

«Все войны выигрывает учитель» (Бисмарк).

«Мудрые подобны врагам, что борются со слабостями больных…
Так что когда я слышу о смерти мудреца, моё сердце скорбит.
Не о нём, конечно, ибо он жил в радости и умер в почёте. Нет, я оплакиваю тех, кто пережил его… Без сильной руки, которая их защищала, они обречены на невзгоды… если только Провидение не взрастит нового защитника на смену старого» (Филон).

«Никакое землетрясение несравнимо с разложением сознания. Нужно напрячь все силы, чтобы удержать человечество от пропасти» (Е. Рерих).

«Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее» (Дж. Оруэлл).

Роман ***КЛЮЧНИК***

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1878-1881 гг.

Крестьянская
и интеллектуальная
защита:
М.Е. Салтыков-Щедрин,
Н.С. Лесков, И.С. Тургенев,
Ф.М. Достоевский

3

Санкт-Петербург
2008

Содержание

Предисловие
Современное идеологическое противостояние и история России 7
Рабинович и антисемиты 8
Начало нового идеологического противостояния — атаки 13
Попытка создания новой идеологической надстройки 15
Последний этап идеологического превосходства атакующих 17
Начало новой идеологической борьбы — появление ответа патриотов 19
Еврейский ответ, неожиданная слабость еврейских идеологов 22
Оргмероприятия вместо научной аргументации 29
Инструкция 34
Большое значение науки истории 37

Часть первая
Перемены в Европе 41
Глава 1 Ротшильды и захват Европы 41
Глава 2 Последствия создания надгосударственной еврейской организации 51

Часть вторая
Марксизм 58
Глава 1 Свобода, неравенство и несправедливость 59
Глава 2 Французские просветители. Заблуждения Руссо 66
Просветители Франции 68
Истины и заблуждения Руссо 69
Глава 3 Французские масонские революции 76
Бонапарт 85
Ещё две революции 87
Глава 4 Маркс. Юношество. Проявление основ 93
Глава 5 Изменение Марксом журналистики 99
Глава 6 Маркс, от эмансипации евреев — до классовой эмансипации 108
Глава 7 Подсказка и помощь Энгельса 113
Глава 8 Грубейшая ошибка Маркса и «баранье сознание людей» 119
Глава 9 Коммунизм из сионизма 124
Глава 10 Революционная практика и предательство Маркса 128

Часть третья
Россия в середине 19-го века 144
Глава 1 Начало геополитического противостояния.
Крымская война. Убийство Николая I 146
Глава 2 Александр II, А.Герцен, «новые люди» и древние евреи 166
Глава 3 Запад против Востока. Западники против славян.
Славянофилы против западников 192

А.Хомяков и И.Киреевский ... 198
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин ... 203
Николай Семенович Лесков ... 209
И. С. Тургенев, Н.А.Добролюбов ... 214
Глава 4 Славянофилы, власть и современность ... 224
Глава 5 Начало терроризма в России ... 242
Глава 6 Первая террористическая война в России ... 261
Глава 7 Предупреждение К.Н. Леонтьева ... 267
Глава 8 Предупреждение Ф. М. Достоевского ... 272
Литературное начало ... 276
Ошибка молодости — увлечение либеральными идеями «свободы» 281
Жестокие уроки жизни и властей ... 284
Возвращение из Сибири другого Ф. Достоевского ... 288
«Записки из подполья» ... 293
«Преступление и наказание» ... 301
«И д и о т» ... 309
«Бесы» и «Братья Карамазовы» ... 312
Глава 9 Большой секрет после 1917 г. — «Дневник писателя» ... 318
Ф.М. Достоевский о Петре I ... 320
Ф.М. Достоевский о Европе и наших «европейцах» ... 322
Ф.М. Достоевский о войне ... 326
Ф.М. Достоевский о России и Русском народе ... 330
Глава 10 Достоевский о путях выхода и спасения ... 335
Глава 11 Ф.М. Достоевский и «Еврейский вопрос» ... 341
Глава 12 Крестьянская защита, погромы ... 354
Глава 13 Защитные меры российских властей и общественности в Европе ... 363
Глава 14 Результаты послепогромных реформ ... 381
Глава 15 Подготовительный период перед Второй террористической войной в России ... 389

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современное идеологическое противостояние и история России

Это пятая моя книга, посвященная истории России, если не считать, что вторая книга «Лекции президентам по истории, философии и религии» оказалась очень популярной и издавалась четыре раза, и каждое новое её издание отличалось от предыдущих, потому что в каждом переиздании было много существенных дополнений. И это третья книга (3) из новой серии.

Заметка для тех, кто читал мою вторую (2) книгу этой серии – «Предисловие» этой книги почти полностью повторяет предисловие второй книги, — для экономии времени.

Данная книга адресована не только преподавателям истории в вузах и школах, любителям углубленного изучения истории родной страны, но и руководителям всех рангов в разных областях деятельности: руководителям фирм, заводов, институтов. Уверен — полезна она будет нашим политикам и, особенно, руководству нашей страны — России.

Задача этой книги — заполнить существенные пробелы в образовании многих российских граждан (и не только российских) в области истории, философии истории и религии. Эти знания жизненно необходимы для правильной ориентации в окружающем нас Мире, для выработки правильного и уверенного мировоззрения. Несмотря на большую серьёзность поставленных задач и обозначенных целей, я стремился при написании этой научной книги сделать её увлекательной, в научно-публицистическом стиле и даже не лишённой иронии.

В данной книге я исследую историю России от конца правления Николая I до конца 19-го века и, в отличие от сотен книг по истории России и миллионов учебников по истории России для студентов и школьников, — не буду лгать, более того — неизбежно вынужден, соблюдая

историческую правду, коснуться «еврейского вопроса», роли еврейского сообщества в истории России, тем более, что после поглощения Польши в состав России вошло около одного миллиона евреев, которые через некоторое время стали играть большую роль в истории России. Поэтому неизбежно в ходе этого исследования будем наблюдать и анализировать много интересных событий, связанных с еврейским народом, и изучать еврейский народ «по делам их». Хотя любая попытка приступить к изучению этой темы тут же обзывается страшными словами — «антисемитизм», «расизм» или «нацизм», за которым, уже установленным кем-то порядком, идёт обязательно — «русский фашизм».

И в этих случаях мы почти всегда наблюдаем в современной России в эпоху демократии, гласности и свободы слова — нарушение конституционного права свободы совести, свободы слова и выражения мнений, попытку закрыть гласность и не дать многим гражданам нашей страны узнать правду об истории их Родины, Отечества, на которые ещё ни разу не отреагировала Российская прокуратура.

С понятием «антисемитизм» и «антисемит» в России вообще произошла сложная и забавная история.

Рабинович и антисемиты

Самое интересное открытие в пылу критики сделал современный израильский историк — «специалист» по истории России Я. Рабинович:

«Солженицын не стесняется прокомментировать словами В.В. Розанова из его пасквильной, откровенно расистской книжицы под названием «Обонятельное и осязательное...»... — это не просто какой-то дикий, стихийный, «частный» антисемитизм, проистекающий от необразованности... Как раз напротив, этот антисемитизм, свойственный некоторым людям, весьма образованным».

Затем Я. Рабинович набросился на знаменитого российского математика и историка И. Шафаревича: «Но разве можно назвать интеллигентным человеком, скажем, И. Шафаревича, будь он хоть трижды академиком?» И далее Рабинович сам себя опровергает — доказывает, что интеллигентные люди могут быть антисемитами, и даже очень выдающиеся, и их много:

«Следует отметить, что среди русской — и не только русской — интеллигенции антисемитизм не является исключительным явлением. К примеру, великолепный писатель и тонкий психолог Ф. Достоевский грешил, и изрядно грешил антисемитизмом. И. Гончаров, И. Аксаков и многие писатели, деятели искусства тоже были антисемитами...

Многие евреи думают, что антисемит в любом смысле слова — это обязательно дебил, бездарность, неуч или завистник. В общем, негодяй

и дерьмо. Но, вникнув в суть вопроса, на основании жизненного опыта я с огорчением понял, что это не всегда так. Нередко недолюбливали евреев вполне уважаемые, талантливые и честные люди. Когда я узнал, что антисемитом был и Чехов, то испытал шок. И я понял, что стоит подумать о причинах этого печального явления. О некоторых из них, например о Владимире Дале, Гоголе, Достоевском, широко известно. О других — о Чехове, Блоке, Белом, Куприне, Флоренском, Булгакове, Лосеве, Шукшине — известно в меньшей степени...».

И к этому списку выдающихся мыслителей можно ещё добавить — М. Лермонтова(«Разбойники»), Н. Лескова, И. Гончарова, Г. Державина, И. Тургенева(повесть-притча «Жид»), В. Розанова, А. Блока, С. Есенина, знаменитых историков Костомарова, Ключевского и Соловьёва, и даже критика Белинского. При этом можно представить и длинный список выдающихся западных мыслителей, но процитирую самого мирного и безобидного — Марка Твена:

«Евреи составляют лишь один процент человечества. Исходя из этого, кажется, что еврей должен быть едва слышен и незаметен, но он всегда слышен и заметен. Он выделяется, и его значительность крайне непропорциональна его малочисленности» (эссе «Относительно евреев»). Этим вопросом задавались и задаются многие на нашей планете.

Сейчас, в 21 веке, в России еврейские идеологи проводят тотальную запретную акцию против использования слова-понятия «жид», но, во-первых, это понятие относится к людям всех национальностей с алчным, корыстным и безнравственным менталитетом-мировоззрением, поклоняющимся исключительно «золотому тельцу» и своему кошельку — читайте внимательно объяснение нашего великого мыслителя Ф.М. Достоевского, а во-вторых, — прикажите нам переписывать всю великую русскую литературу за Гоголя, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Тургенева, Достоевского? И менять их язык?

В-третьих, если, не дай Бог, опять очередные еврейские террористы-революционеры набедокурят и прольют немереное количество русской крови в России как в 1877—1881 гг., 1901—1907 гг., 1917—1941 гг., — тогда и слово-понятие «еврей» по «нашей вине» закономерно приобретет сугубо негативный характер, — то и его тоже под нажимом «мудрых» еврейских идеологов придется удалять из оборота?

Это тотальное запрещение и преследование гласности, свободы слова и свободного выражения мнений самыми большими крикунами о свободе слова и правах человека начинает уже переходить все разумные границы...

Как свидетельствует в своей книге А. Солженицын — стоило ему в одной из предыдущих книг указать национальность убийцы Столыпина, и на него сразу со всех сторон обрушились обвинения в антисе-

митизме — почему не скрыл национальность убийцы? То есть любая правдивая констатация факта — правды, истины, которую можно оценить как нелицеприятную для еврейского народа — также является антисемитизмом.

И еврейские идеологи, юдофилы или люди неграмотные могут небрежно сказать по поводу этой моей книги — «очередная антисемитская дудка», а я же утверждаю, что эта книга научная, и пусть читатель сам разберется — где есть Правда, а где ложь. И уверен — демонстрацию исторической правды нельзя назвать, квалифицировать как разжигание национальной розни, если были в истории нелицеприятные поступки, то их просто не следовало делать, а совершить ужасный поступок и после этого спрятать его от истории и от людей — это гарантия повторения трагедии миллионов людей.

К тому же в этой книге пытаюсь серьёзно рассмотреть ещё одну «засекреченную» табуированную тему — роль масонских организаций в истории России; эта тема очень актуальна, так как масоны очередной раз рвутся к власти в России.

Причем, — это не просто книга конкретного автора — это сборник исследований многих выдающихся мыслителей, учёных. В этой книге-исследовании вы встретите много исторических фактов и процессов, о которых «почему-то» упорно не пишут в современных учебниках для школьников и студентов.

В результате аналитического изучения многих исследований суммированы, систематизированы, скомпилированы итоги поисков и выводы многих выдающихся мыслителей нашей планеты. При этом обнаружен интересный феномен — некое дополнительное исследование не просто делает картину Мира полнее, более подробной и правдивой, оно способно кардинально поменять смысл всей картины Мира, всего мировоззрения человека, понимание действия людей, вождей, политиков, стран.

То, что данная книга является большим сборником исследований многих выдающихся мыслителей — в этом её определённая ценность. Знаменитый древнегреческий мыслитель Платон заметил: «Даже истинные мнения стоят немного, пока кто-нибудь не соединит их связью причинного рассуждения».

А соединяются они чьим-то умом, разумом, а в аналитике и систематике не обойтись без хорошей логики, о которой наш выдающийся мыслитель Иван Ильин говорил:

«Логика — есть подлинное и первое откровение Бога Себе Самому в элементе чистой мысли».

Даже утверждения, убеждения какого-либо авторитета мировой величины не могут признаваться истинными, а что уж говорить о скром-

ном авторе этих строк. Но когда вместе собраны выводы авторитетных личностей разных стран и народов, от Платона, Трисмегиста, Соловьёва, Гумилёва, Флоренского, Саровского, Солженицына и до еврейских историков и мудрецов, и они совпадают, то уже можно говорить с большой уверенностью о правде, об Истине.

Когда мнение многих учёных совпадает и просматривается единственно возможная логическая причинно-следственная цепочка, тогда можно говорить об истинности и научности. Это ведь не наука физика или химия — здесь опыты невозможны. Хотя в истории мы часто встречаем жестокие эксперименты над людьми, попытки осуществить в жизни различные гипотезы; и можно увидеть в истории много повторов-ошибок, которые людей ничему не учат...

Читатели без труда могут найти авторитетных авторов, на которых я ссылаюсь, и их произведения, и проверить информацию, сопоставить её с другой, самим исследовать и проверить Истину. Ссылки на авторов я делаю не в конце книги, как это делается обычно, а по ходу текста, в конце цитат.

И в этом аспекте предупреждаю неподготовленного читателя, который до этого момента не увлекался серьёзной исторической и философской литературой, — может возникнуть много впечатлений и удивлений, желание много проверить-исследовать самому, продумать и переосмыслить, что-то понять в этом Мире глубже и больше, — и это один из самых интересных и полезных вариантов использования свободного времени.

Исследователь истории из Израиля Я. Рабинович сетует: «Активное участие в работе над ошибками русского писателя (А. Солженицына) принял его коллега по литературному цеху, писатель Виталий Коротич. Тот самый — бывший редактор перестроечного «Огонька»... Солженицын, по мнению Коротича, недостаточно знаком с менталитетом еврейского народа и в силу этого односторонне, а зачастую довольно предвзято освещает эту тему, приходя к весьма странным выводам» («Быть евреем в России. Спасибо Солженицыну», 2006 г.) Конечно же, В. Коротич ни одной ошибки не нашёл, ибо Солженицын в своём исследовании исходил не из менталитета евреев, а строго из исторических фактов. Но я учту в этом исследовании претензии Я. Рабиновича и с помощью ученых Санкт-Петербургского Института Нравственности постараюсь обратить на это внимание.

При этом подчеркну — цель изучения истории должна быть только положительной: лучше узнать другие нации, чтобы, имея достаточные знания, легче находить общие точки взаимопонимания, избегать конфликтных ситуаций, лучше действовать в интересах своего народа, своей страны.

Данная серия книг своими знаниями объективно участвует в современной информационно-идеологической борьбе, и демонстрацией исторических фактов, событий, своей аргументацией отличается от того, что пытаются представить такие современные телевизионные властители умов и душ, как еврейские журналисты-политтехнологи Н. Сванидзе в своих «Исторических хрониках», Млечин, Познер, Вульф и т.п.

Есть «вечная» мудро-хитрая уловка их сородича, — еврейский идеолог Танкред Голенпольский: «Сегодня не та пора, когда стране нужно очередное противостояние, которое ни к чему позитивному не приведёт, лишь создаст ещё один, на этот раз весьма опасный узел. Сегодня, как никогда, нужна консолидация сил... Только враг России может сегодня подливать масло в огонь национальных конфликтов в нашей многонациональной стране». При такой позиции, поскольку история сплошь состоит из противостояния народов, и в ней фигурируют татары, турки, англичане, шведы, поляки, немцы, финны — то лучше вообще захлопнуть историю и размашисто бросить её подальше...

Как заметил наш выдающийся современник А. И. Солженицын:

«Я замечал, что именно евреи чаще других настаивают: не обращать внимания на национальность...

И я готов был шапкою хлопнуть оземь: «Согласен! Давайте! С этой поры... Едва ли не больше всего различают люди в людях — почему-то именно нацию. И, руку на сердце: настороженней всех, ревнивее и затаённее всех — отличают и пристально отслеживают — именно евреи»;

«До лагерей и я так думал: «наций не надо замечать», никаких наций вообще нет, есть человечество.

А в лагерь присылаешься и узнаёшь: если у тебя удачная нация — ты счастливчик, ты обеспечен, ты выжил! Если общая нация — не обижайся...».

Писатель Аркадий Львов как-то признался: «Десятилетним мальчиком я выискивал евреев среди учёных. Среди писателей, среди политических деятелей... и я гордился сталинским наркомом Кагановичем... Я гордился Свердловым, гордился Урицким... гордился Троцким — да, да Троцким!» (у Солженицына). И это нормально, в подобном может признаться человек любой национальности, смолоду пытающийся выяснить свою «породу», свою принадлежность, кто его дедушки и прадедушки, кто его народ, может ли он ими гордиться...

Но в еврейской нации бросается в глаза в этом аспекте — огромное количество национальных организаций в любой стране, к тому же — свои национальные библиотеки, национальные университеты и т.д. — ни одна нация так трепетно не относится к себе, так себя не выделяет, не отделяет, не обособляет. Это, кстати, «мудрецу» Т. Голенпольскому — по поводу необходимости консолидации современного российского

общества, а по поводу его призыва — избежать противостояния в обществе можно ответить: Только «За!» обеими руками, но кто на самом деле это противостояние в современной России начинает основательно осуществлять первым?

Начало нового идеологического противостояния — атаки

Началом нового идеологического противостояния в России следует считать 1993 год. Иронично можно заметить, что всё началось по марксистским постулатам — с экономического базиса. До этого момента экономический базис в стране выглядел только как государственная собственность на всё, кроме кооперативов и личных вещей граждан, а теперь экономический базис начал изменяться. Стала появляться весомая частная собственность. Причём новый экономический базис ещё не сформировался, а идеологическая надстройка общества после расстрела российского Парламента в 1993 г. кардинально изменилась. Причём этот процесс происходил не как в Америке, когда частный базис создавался изначально с нулевой точки или с привезённых капиталов и далее развивался. В России это происходило чаще всего в результате некоего аппаратного дележа — когда лучшие государственные предприятия выводились из государственной собственности, из государственного базиса, и становились частными. Вся эта формальность стоила смешных денег и позволяла отдельным лицам в течение нескольких лет становиться миллиардерами на зависть бывалым западным бизнесменам.

Были открыты торговые ворота страны, и зарубежные товары хлынули на пустые постсоветские полки. Любой российский гражданин мог заниматься бизнесом, но встал самый важный вопрос — откуда взять деньги, стартовый капитал. Деньги, по многим причинам, оказались у граждан еврейской национальности. В результате, — почти весь импорт от бананов до мяса, и почти весь экспорт от леса и до алюминия находится в руках фирм и корпораций, владельцами которых являются евреи. Для сомневающихся рекомендую открыть любой деловой журнал: «Эксперт», «Компании», «Деньги», «Секрет фирмы» и т.д. В торговле был открыт новый способ зарабатывать огромные деньги — это квоты и льготы или монопольные каналы. Лучший пример — когда Б. А. Березовский имел монополию на продажу импортных автомобилей.

Уже после развала СССР в 1991 году в России стали активно создаваться масонские организации, причем инициаторами это процесса оказались иностранные посольства. Масонские организации несли уже новую мировоззренческую идеологию. Процесс их становления был довольно долгим, и только к концу 20-го века они стали себя активно проявлять. Но уже с 1994 года в России стали активно применять запад-

ные политтехнологии по воздействию на сознание человека, о которых я информировал в четырех изданиях своей книги «Лекции президентам по...» (2005—2007 гг.).

Стремительно растущие частные капиталы в 1995 году логично перешли на качественно другой уровень. Новый базис требовал новой идеологической надстройки, доминирующей в государстве. Для этого необходимо было захватить носители этой надстройки, чтобы старое поменять на новое. Так путём убийства Влада Листьева был захвачен центральный канал телевидения. Вскоре та же судьба постигла другие каналы телевидения и ведущие газеты.

Все основные каналы телевидения и радиовещания, тем или иным образом, оказались под влиянием двух еврейских олигархов — Березовского и Гусинского. При этом вначале это было сделано не для чисто идеологической доминанты, а для приватизации оставшихся самых ценных богатств страны — нефти, газа и металлов. Можно было не знать марксизм, чтобы понять — если захватить экономику, то этот оркестр разношёрстных СМИ никуда не денется — будет петь те идеологические песни, которые закажут новые владельцы страны.

Чтобы достигнуть этой цели, необходимо было захватить власть в стране, а для этого было необходимо захватить современный мощнейший фактор влияния на человеческое сознание — телевидение. Что и было сделано. Благодаря телевидению президентом России в 1996 году опять стал Ельцин, которому доверяли всего 2–3% населения России. Он стал фактически марионеточным правителем. При нём был осуществлён окончательный делёж страны. В результате этого дележа владельцами недр страны стали Березовский, Абрамович, Вексельберг, Смоленский, Дерипаска, братья Чёрные и много других евреев. В этом списке можно назвать всего двух русских и одного азербайджанца: Потанина, Мордашова и Аликперова. России была уготована роль дойной коровы наподобие латиноамериканских стран — огромные деньги из России выводились, а в её развитие никто ничего вкладывать не собирался. Около 100 миллиардов долларов в год выводилось из России в то время, когда народ жил в нищете, а бюджет государства составлял смешные 20 миллиардов долларов.

Даже ценные исторические документы огромной стоимости из государственного архива умудрился похить наследник Оси Бендера — некто В. Файнберг.

Итак, экономика или экономический базис государства был захвачен и изменён. Для сохранения этого нового положения после максимального отбора финансовых накоплений у граждан, мелких и средних предпринимателей в 1998 году — с самой высокой политической вершины был объявлен курс на стабилизацию в стране, то есть на закрепление и

консервацию новой ситуации. Фактически в России действовала уже новая идеология, хотя она публичными декларациями и специальными научными публикациями себя не афишировала. Никакая другая идеология ей не противостояла; окончательный уход марксизма был только вопросом небольшого отрезка времени.

Но для полной надёжности оставалось окончательно изменить и захватить идеологическую надстройку, чтобы не подвергать рискованным изменениям новый экономический базис.

Попытка создания новой идеологической надстройки

СМИ — телевидение, радио и ведущие газеты уже были захвачены и работали на новый порядок. Доставленные из-за рубежа еврейские оракулы западной идеологии — Познер и Шустер, принялись убеждать с телеэкранов российский народ в единственно правильных ценностях. На посты министров СМИ и культуры были поставлены свои люди, которые также работали на новый порядок, изменяя «старое традиционное сознание» и настойчиво внедряя через информационные носители элементы «передовой» западной культуры. Действуя в этом направлении, министр культуры и гражданин двух государств — господин Швыдкой объявил о начале «культурной революции» в России. И хотя она уже произошла — судя по большому количеству оставляемых молодёжью в подъездах домов шприцев от наркотиков и пивных бутылок, но, вероятно, этот министр имел в виду более глубокие изменения сознания населения. Но на этом данный «эволюционный» процесс не остановился.

На средства западных фондов в России было открыто много новых университетов, которые также несли уже новую культуру. В том числе в Москве и Санкт-Петербурге на средства международных еврейских организаций были открыты два Еврейских университета. Бурную деятельность развил Российский Еврейский Конгресс, в результате которой Москва, при поддержке мэра столицы, стала центром деятельности еврейского сообщества не только в России, но во всей Восточной Европе и Азии.

Чтобы окончательно изменить и подладить под новый экономический базис идеологическую надстройку, оставалось сделать две вещи: дать новую трактовку истории России, подкреплённую изданием соответствующих учебников, и подвергнуть критическому анализу философию в России.

Что касается истории, то, начиная с 1996 года, была приготовлена новая версия, и разгорелись горячие дискуссии о замене учебников и учебных программ в школах и вузах, ибо базовые для формирования патриотического сознания новых поколений история и русская литера-

тура подверглись радикальному пересмотру В передачах радиостанции «Эхо Москвы» многократно звучали вопросы, обращённые к радиослушателям: «Стыдно ли вам за историю своей страны?»

Вся проблема, тормозящая победную реализацию этой «реформаторской» программы, заключалась в министре просвещения, которого никак не удавалось сменить на «прогрессивного», но это был вопрос небольшого промежутка времени. С философией дела обстояли намного легче, ведь марксистско-ленинская философия сама себя дискредитировала, то же самое произошло и с её высокопоставленными приверженцами. Пинать всё, что с этим связано: марксизм-ленинизм, большевиков, Сталина, Хрущёва, Брежнева — стало не только беспроигрышным делом, но, на праздники и в дни выборов, — неизбежной и обязательной милой циничной забавой. В понимании новых архитекторов России всё шло хорошо.

Подвёл немного Ельцин, быстро состарившийся и ставший профнепригодным. Ни для кого не является секретом, что после того, как слабоумие и маразм Ельцина стало трудно скрывать, и его нельзя было публично показывать, потребовался другой марионеточный президент. Найти нового марионеточного кандидата в президенты оказалось совсем не просто. Березовский несколько раз публично жаловался, что нет такой харизматичной личности — кандидата в президенты, который был бы симпатичен народу, а потому легко выбираемым, и, естественно, — верой и правдой служил бы олигархам.

В результате мучительных поисков выбор пал на В.В. Путина, якобы из-за таких качеств, как преданность, благодарность и симпатия к либеральным ценностям, чему подтверждением была дружба и совместная работа с А. Собчаком. Выгода была ещё и в том, что он был выходец из спецслужб, которые Березовский и его сотоварищи по богатству упорно в течение нескольких лет безрезультативно пытались поставить под свой контроль.

Нового кандидата в марионетки спешно провели по должностной иерархической лесенке на глазах удивлённой общественности на самый верх и, к концу 1999 года, сделали президентом. По замыслу упомянутых олигархов Путин должен был, заняв наивысший государственный пост, быть им благодарным — ведь он вошёл в историю и был обеспечен до конца жизни материально.

Замена одного президента на другого, также «своего», произошла очень быстро и гладко, наступила долгожданная стабильность и предсказуемость на длительную перспективу. И теперь уже можно было расслабиться и закончить в России фундаментальный процесс замены идеологической «надстройки», поставить над обществом свою монопольную доминирующую западную либеральную идеологию и уничтожить национальное самосознание русских, их достоинство и гордость,

сделать из них серых рядовых космополитов и обычных потребителей товаров и услуг.

Для достижения этой важной цели либерал-демократам оставалось убрать несколько важных препятствий: во-первых, окончательно дискредитировать и добить до конца в сознании людей ностальгию по советскому прошлому и Сталину, включая даже Великую победу; во-вторых, после самоубийства марксизма-ленинизма оставалось дискредитировать великую русскую философию до 1917 года, главным представителем которой был В. Соловьёв; в-третьих, — поскольку трудно дискредитировать Пушкина, Гоголя и других великих русских мыслителей, но необходимо было максимально умалить их появление перед глазами учеников и студентов путем изменения учебных программ, и в-четвертых, — необходимо было дискредитировать и максимально умалить влияние православной церкви. И эти процессы были запущены.

Последний этап идеологического превосходства атакующих

Итак, новый президент, ставленник-преемник старого, в понимании новых собственников России был надёжным гарантом на долгие годы либералам. И можно было начинать смелую атаку, которая началась с 1999 года с подлой атаки на православие и вообще на христианство — «В 1996—1999 издательство «Тера» выпустило сочинение К. Дешнера «Криминальная история христианства», написанную с позиции иудаизма», — отметил историк О. Платонов, он понял замысел, и стал готовить ответ, Платонов: «В ответ на это издательство «Энциклопедия русской цивилизации» считает своим долгом опубликовать знаменитый труд выдающегося православного богослова И. Лютостанского (1835—1915) «Криминальная история иудаизма» («Талмуд и евреи»)...».

Итак, — фиксируем исторический факт — с 1999 года начался новый этап идеологической борьбы с атаки на фундаментальные ценности русского народа либералов, во главе которых «почему-то» стали еврейские идеологи. Ответ на этот выпад О. Платонов готовил довольно долго — «Криминальная история иудаизма» была издана в 2005 году. А пока монопольно действовала другая сторона и, не видя противников, совершенно расслабившись, издала для своих в 1999 году очень смелую большую книгу — дневниковые записки о революции 1917 года известного еврейского историка Семёна Марковича Дубнова (работа «Еврейского университета в Москве»). Эта книга была рискованная, ибо описывала многие интересные моменты российской истории, в частности — подготовку сионистской армии в России к «русской» революции, там были потрясающие свидетельства очевидца и участника, причем профессионального историка.

Одностороннее наступление-чистка продолжалось — и в 2000 году на полках книжных магазинов появилась книга, изданная в России двумя еврейскими авторами Ефимом Кургановым и Генриеттой Монди под названием «Василий Розанов и русская философия». Вот небольшая цитата из этой книги — Генриетта Монди: «Ефим Курганов на основании этой цитаты совершенно справедливо назвал Флоренского «предтечей фашизма», «Такова та почва, на которой был взращён бердяевский МИРНЫЙ ФАШИЗМ... Бердяев сформулировал давно зревшую в недрах русской мысли программу МИРНОГО ФАШИЗМА... Все построение, которое наметил Вл. Соловьёв, а затем развернул Бердяев, не осуществлено и неосуществимо». В этой же книге под такой же удар попал наш выдающийся религиозный мыслитель Павел Флоренский.

В этой книге не только впервые в истории был введен ложный и подлый термин «русский фашизм», но и достояние российской и мировой философии — Соловьёв, Флоренский и Бердяев — теперь оказывается являются фашистами... После краха марксизма-ленинизма втоптать в грязь эти имена — это значит лишить российский народ собственной философии, лишить собственных мудрецов; это значит не просто унизить этот народ, — а доказать его ничтожество, и соответственно объяснить, почему он заслужил такую ничтожную, нищенскую жизнь.

Логично встаёт вопрос, — а какой же народ и почему заслужил благодатную жизнь? На этот вопрос авторы отвечают конкретно: «Отрицать избранность еврейского народа, считать её временной, преходящей — ересь, ведь Бог избранность эту не отменил...». Это высказывание уверенно следует назвать проявлением религиозного расизма.

Среди бесконечных перепечаток Аристотеля, Канта, Гегеля и т. п., новых книг по философии в нашей стране выходит очень мало, поэтому многие наши профессора и академики от философии читали книгу Генриетты Монди — но никто не встал на защиту философского достояния российского народа, на защиту добрых имён славных философов, олицетворяющих закономерное достоинство народа. А со стороны атакующих это называется — добить упавшего. Всё, — захвачены богатства страны и уничтожено национальное самосознание, теперь следует стыдиться собственной истории и философии, теперь вы — никто... и смиритесь с тем, что случилось, и с положением, в котором находитесь. Всё... — назначенный президент и правительство объявили политику стабильности, и никаких переделов, и никаких пересмотров...

Как таковой идеологической борьбы в России на этом историческом этапе не было. Невозможно принимать всерьёз многочисленные брошюрки и мелкие газетенки, содержащие статьи о «иудо-масонском» захвате России, ибо они влияли на очень маленькую часть населе-

ния, их авторы доступа к распространению информации не имели, и лучшим методом борьбы с ними было их полное игнорирование, замалчивание.

В 2000 году вышла моя книга «Ответ Джо Соросу или изучение мудрости», в которой был дан обзор мировой философии, истории демократии, и часть книги была посвящена некоторым закономерностям в истории человечества и именно — роли еврейского общества в истории различных народов. Эта книга писалась мною не спеша давно — с 80-х годов, со студенческой скамьи, не была полемической в разделе русской философии, потому что я не ожидал такого возмутительного нападения на русских философов.

Теперь же, после Г. Монди и Е. Курганова, я стал готовить целенаправленный разъяснительный ответ, прекрасно понимая, что официальная наша наука, академическая профессура на это не отважится и останется лежать, оплеванная, в грязи, боясь потерять должности и жалкие гроши. Вероятно, с этого момента, не я один решил дать ответ на этот вызов. И это нормально и закономерно — мы ведь не туземцы из джунглей, которым можно легко внушать различные бредни и ложь. Кстати, — вот так в истории человечества происходит движение, борьба, эволюция, «елочка» — «вызов-ответ».

Но до выхода моего «ответа» было ещё далеко, и слава Богу — в этот период в России появилось на информационно-идеологическом фронте немало прекрасных воинов. Наконец-то начала проявляться защитная иммунная реакция народа, нации, — из рядов интеллектуалов-патриотов прозвучали первые робкие ответные выстрелы, через несколько лет превратившиеся в дружные целенаправленные залпы.

Начало новой идеологической борьбы — появление ответа патриотов

2001—2002 годы следует считать очередным этапом, когда появилось новое идеологическое противостояние. Началось, пожалуй, с появления в конце 2001 г. на книжных полках исследовательского труда О.А. Платонова «Терновый венец России», интересных исследовательских книг по истории и славянизму А.В. Трехлебова «Клич Феникса» и В.И. Истархова «Удар Русских Богов», а также издание первого тома научного двухтомного труда А. И. Солженицына «Двести лет вместе». Первый том вышел в 2001 году и из-за известных событий в США (с башнями) был незамечен.

Совсем другую реакцию вызвало появление второго тома. При этом важным было не столько содержание книг, сколько то, что мыслитель с такой известной мировой фамилией отважился, рискнул, счёл важ-

ным и необходимым озвучить очень «неудобную», «стеснительную» и «страшную» тему.

Оппонент А. Солженицына, его идеологический враг — исследователь истории из Израиля Я. Рабинович это отметил в первую очередь: «И... сразу же правда его (Солженицына) слова была поставлена под сомнение и получила название «Ошибка Солженицына»! И всё-таки, в чём же главная ошибка Солженицына? Она не одна, на этот раз нобелевский лауреат ошибся многократно! Прежде всего, он решился назвать острой тему «Евреи и Россия», обратить «самое пристальное внимание» на русско-еврейские отношения...» («Быть евреем в России: спасибо Солженицыну», 2005 г.).

То есть, — по мнению самых говорливых о гласности, открытости, свободе мнений и правде — главная и единственная ошибка А. Солженицына, что он вынес на обсуждение тему «еврейского вопроса», поэтому А. Солженицын — юдофоб и антисемит. И Я. Рабинович для сравнения приводит положительный образец: «Я вынужден сказать несколько слов в защиту прекрасного русского писателя Глеба Успенского. Он, конечно, не был юдофилом, но не был и злостным ксенофобом: евреи и еврейский вопрос его мало интересовали». Не хватало, чтобы Г. Успенский писал нашим детям сказки о злых и коварных евреях...

А. Солженицын не спорил, — есть или нет русский фашизм, или — фашисты Соловьёв и Флоренский или нет, он просто очень долго, с 60-х годов (по свидетельству его первой жены Н. Решетовской. — «АиФ»), добросовестно и очень тщательно изучал историю России последних 200 лет, и надо же было случиться такому совпадению-чуду — как раз в разгар атаки на русскую духовность издал свой научный двухтомный труд, в котором по принципу — «правда не боится исследования» неопровержимо было показано — кто готовил «русские» революции, кто захватил в России власть, и показаны десятки еврейских фашистов, уничтожавших миллионы русских. И таким образом нанес мощнейший удар в самый центр, в «штаб» идеологических противников.

Никто не ожидал от знаменитого диссидента — правдолюба и выдающегося писателя подобного научного и гражданского подвига. Подвига в смысле смелости и огромности проведённой научной работы. Судя по всему, — Солженицын исследовал эту тему вначале сугубо для себя, для собственного понимания истины и происходящего, и публиковать свои исследования не собирался. Но собственные «открытия» в «давно известной» истории России и события в России 1996 г. и 1998 г. — боль и переживания за судьбу своего Отечества и народа подтолкнули к окончательной доработке изучаемой темы и публикации её. Если учесть несомненную опасность темы, то определённую положительную роль сыграл и преклонный возраст писателя — получилось как у Коперни-

ка... «Я долго откладывал эту книгу и рад бы не брать на себя тяжесть её писать, но сроки моей жизни на исчерпе, и приходиться взяться», — признался А.И. Солженицын.

Начатый процесс активного идеологического сопротивления в России нарастал, — в 2003 году вышла небольшая знаковая книга Р.Л. Перина «Психология национализма», затем через год он издал книгу известного советского исследователя А.З. Романенко «Тайны «русских» революций» и переиздал книгу В.А. Солоухина «Тайна происхождения В.И. Ленина», кстати, за сам факт обнаружения этой тайны в 1965 году были уволены научные сотрудники государственного архива СССР. В 2005 году вышли уже «большие» книги — первое издание моей книги «Лекции президентам по истории, философии» и мощный труд Михаила Назарова «Вождю Третьего Рима». В этот период некоторые издательства стали активно переиздавать знаменитого классика русской философии Ивана Ильина.

А в 2006 г. на книжных полках появилось уже огромное количество патриотических книг по различным темам от правдивой истории России до исследований славянизма, от серии книг О. Платонова под общей рубрикой «Русское сопротивление» и до Ю. Мухина «Евреям о расизме».

Вторым важным моментом этого периода следует считать то, что к концу 2002 года появились сомнения в важном политическом вопросе — в чьих интересах руководит государством В. В. Путин.

Вероятно, в Путине патриотические чувства и переживание за свой народ перебороли благодарную преданность, он отказался от роли марионетки и повёл самостоятельную политику на укрепление и усиление российской государственности. Первым это прочувствовали еврейские олигархи и через СМИ стали его дискредитировать.

Путин выгнал из страны фактически правящих страной еврейских олигархов и, где-то к середине 2002 года, поставил под свой контроль парламент (Думу). Изменения происходили довольно неожиданные и серьёзные. Еврейский университет в Москве даже сменил своё название на более скромное. Но еврейские лидеры в России с этой переменой не согласились. Богатейший еврейский олигарх Ходорковский при явной поддержке руководства еврейской организации РЕК и, чувствуя поддержку других олигархов, включая опальных, а также поддержку ряда международных организаций и западных стран — в 2003 году официально объявил о намерении поставить под своё влияние парламент и добиться на выборах поста президента. При этом дерзко, на глазах всей страны, вступил в конфронтацию с действующим президентом. Более того, — он намеревался продать свою корпорацию американским компаниям, налоговые отчисления которой при высоких ценах на нефть

составляют 15% и более бюджетных поступлений страны, что явно является угрозой суверенитету страны.

В результате всего происшедшего интерес к еврейской нации у российского общества возник большой. В её руках сейчас не только богатства нашей страны, но и крупнейшие банки, заводы, ведущие торговые фирмы, политические партии, крупнейшие средства массовой информации и т. д.; плюс — захват власти в 1917 и в 1996 (Ельцин был в их руках марионеткой) и третья попытка Ходорковского сделать это же. С учётом происшедшего в 1901—1906 гг. — это уже четвертая попытка захвата власти в России на протяжении 100 лет, при этом две из них были успешными... Ни одна нация из более ста проживающих в России (да и за пределами её) не может похвастаться такими «достижениями»...

Их успех впечатляет, продуманность его интригующа и загадочна. В чём она состоит? Влияние евреев, проживающих в России и за её пределами, на историю России и судьбы её народов так велико, что уже давно пора досконально и научно разобраться в этой теме.

И вот на волне этого интереса был издан большой двухтомный научный труд А. И. Солженицына, посвящённый этой теме — «Двести лет вместе». И теперь было интересно глянуть на ответ со стороны западных и прозападных идеологов.

Еврейский ответ, неожиданная слабость еврейских идеологов

Вначале они около двух лет держали паузу, молчали, переваривали, вырабатывали позиции, готовились. Создалось такое впечатление, что они не ожидали противодействия, ответа и были уверены, что после всех событий в России периода 1996 — 2000 г. в 21 веке их мысли и идеология будет монопольно и бесшабашно летать над головами миллионов россиян, как американские боевые самолёты над Ираком, как будто все наши радары уже вышли из строя — и никто не ориентируется ни в прошлом ни в настоящем, порох давно закончился, а бойцы идеологического фронта или перебежали на сторону противника или доживают молча последние деньки в нищете.

Сама по себе затяжная молчаливая пауза и была первой ответной реакцией на появление патриотов в информационном пространстве, чтобы не привлекать внимание своей критикой многих людей к тогда ещё малоизвестным именам и «опасным» книгам, но молча и презрительно игнорировать мыслителя с такой фамилией — Солженицын было уже не мудро и опасно. Хотя первая попытка замолчать Солженицына удалась на славу — когда в 2000 году вышла первая книга А. Солженицына в этой теме «Евреи в СССР и в будущей России», то она не только не

появилась в информационном пространстве, но и загадочно исчезла из магазинов, как только появилась, её почти никто и не увидел.

Но на этот раз резонанс был большой, и кому от показанной Солженицыным исторической правды стало неудобно, почувствовали себя разоблачёнными — прорвало: появились многочисленные статьи в прессе и интернете. В газете «Московский комсомолец» в октябре и ноябре 2003 года вышли статьи ястреба публицистики Марка Дейча под хамским названием: «Бесстыжий классик». В печатных изданиях за пределами России его статья называлась: «Классик антисемитизма».

В интернете можно обнаружить большое количество статей на данную тему еврейских авторов из многих стран планеты. Этого идеологическим оппонентам Солженицына оказалось мало — в срочном порядке группой еврейских «учёных» по вопросам истории — Семёном (Шимоном) Ицковичем из Чикаго, Львом и Ириной Левинсон (Израиль), Борисом Кушнером (Питтсбург) — во главе с сотрудником радиостанции «Голос Америки» Семёном (Шимон) Резником (США) была написана в США книга, якобы опровергающая книгу Солженицына, под названием — «Вместе или врозь. Заметки на полях книги А. И. Солженицына» (2003 г.). Оперативность просто удивляет — эта книга была помещена в России в книжных магазинах на полках рядом с двухтомником Солженицына, чтобы раскупалась в приложении к ней.

А в Израиле Яков Рабинович начал мудрено рассуждать: «Его (Солженицына) возвращение на родину в сталинском френче под стрекот телекамер Би-Би-Си выглядело, как злая пародия. Его речи с телеэкрана были пусты и скоро приелись. Сегодня он живёт на отшибе, мало интересный соотечественникам, которые за минувшие годы повидали столько гениев и пророков (Гайдар? Чубайс? Аксёнов-Гинзбург? — и т.п. — Р.К.), что больше пока не нужно....

Его (Солженицына) публицистика после возвращения из эмиграции била наотмашь, и все — мимо! Нашумевший двухтомник «Двести лет вместе», по мнению многих читателей, — такая глупая, прости Господи, книга (хорошие евреи — за Россию, плохие — против, а между ними суетящийся автор с призывами всем покаяться, раздающий полезным евреям пряники за добрые слова о русских), что неприятно обсуждать!» — сказал Я. Рабинович и... — и спешно принялся вместе с помощниками писать опровержение Солженицыну, чтобы евреи в России могли обоснованно аргументировать свою позицию в спорах с русскими патриотами, и через несколько лет в России (в 2006 г.) начали распространять его толстенную книгу под названием «Быть евреем в России: спасибо Солженицыну».

Не преминул написать странную брошюрку против Солженицына под названием «Портрет на фоне мифа» и автор предателя-Чонкина

В. Войнович, чем, пожалуй, окончательно доказал свою деградацию. Вот, например, отрывок из статьи под названием «С протянутой рукой...» в еженедельной газете Российского еврейского конгресса «Еврейские новости» (№ 26, стр. 2, июль 2004 г.) по поводу презентации вышедшей в защиту книги Солженицына книги Валентина Осоцкого «Еврейский вопрос по Александру Солженицыну»:

«Марк Дейч подчеркнул, что, к примеру, в книге Семёна Резника «Вместе или врозь» есть масса примеров, «иллюстрирующих враньё Солженицына». Ещё один крупнейший исследователь истории советского еврейства Геннадий Костырченко, по словам Дейча, открыто назвал Солженицына расистом... Публицист Валерий Каджая, назвав книгу Резника «обвинительным актом против Солженицына»... отметил, — То, что Солженицын написал грязную и подлую книжку, — с этим нельзя мириться».

Заместитель председателя Московского антифашистского центра Виктор Дашевский обратил внимание присутствовавших на то, что Солженицын, которого защищает Валентин Осоцкий, оболгал не только евреев, но и русских, написав, к примеру, пассаж о Февральской революции, совершенной по «нашему неразумию». Эта борьба многочисленных еврейских идеологов приняла довольно странный, ненаучный характер. Можно прочитать и проанализировать десятки статей против книги А. Солженицына, в том числе и книги еврейских «учёных», но бесспорным является то, что нигде вы не обнаружите доказательств или обоснованных опровержений. Опровержений, например, такого рода — неправда, что евреи повинны в тысячах смертей белорусских крестьян от голода в начале XIX века — вот вам доказательства, или — неправда, что еврейские террористические организации в период 1901–1905 гг. развязали в России террористическую войну и убили сотни российских чиновников — вот вам доказательства, или — неправда, что евреи совершили государственный вооружённый переворот в октябре 1917 года — вот вам доказательства.

Эти моменты истории вообще не упоминаются и не затрагиваются, а если и упоминаются, то в весьма забавном аспекте. Например, Марк Дейч очень легко и ловко в одной куче рассматривает обе революции — и февральскую, и октябрьскую, прощаясь с этой темой словами: «Хорошо известно, что произошло в феврале 17-го. Коротко говоря — «царя скинули»». Ещё более «убедительно и научно» опровергает Солженицына наш «выдающийся историк» Геннадий Костырченко в своей брошюре «Из-под глыб века»: «Нет необходимости, что называется, с фактами в руках доказывать сейчас обратное: существуют тысячи непредвзятых специальных исследований, из которых ясно, что большевистский террор был, конечно, не «еврейским», а классовым, как, впрочем, и сама революция».

Хотел бы я увидеть хотя бы одно из этих непредвзятых исследований, много лет изучаю эту тему, и ещё ни одного такого не встретил. Опора в доказательствах на «хорошо известно» или «нет необходимости доказывать» в таких важнейших вопросах рассчитаны на читателей, не знающих истории своей страны, и являются элементарным лукавством и мошенничеством.

Совсем коварно решил загнуть редактор еврейской газеты Танкред Голенпольский:

«Книга даже получилась направленной скорее против русских, которые выглядят в ней эдаким стадом послушных или зомбированных баранов: они алкоголики или безвольные, с которыми делало что хотело еврейское меньшинство. Что же такое русский народ? Почему он так охотно поддаётся этой еврейской эксплуатации?».

Совсем странным делом занимался в США Резник с сотоварищами, — почти половину своей книги они посвятили рьяному доказательству, что последний российский царь — дурак и сволочь, а февральская революция совершена русскими руками. Зачем, опровергая Солженицына, это доказывать, когда Солженицын сам говорит об этом прямым текстом. Но когда их исторический анализ доходит до событий октября 1917 года — то у них вдруг пропадает желание заниматься далее анализом истории России и опровержением Солженицына, и книга заканчивается.

Неудовлетворённый читатель, вероятнее всего, должен понимать, что нет разницы между февральской революцией и октябрьской (всё равно произошли в один год), то ли должен опираться на «и так хорошо известное», состряпанное большевистскими идеологами сразу после революции.

Зато все статьи, пытающиеся опровергнуть выводы Солженицына, и большая часть книги «американского мудреца» Семёна Резника содержат одни и те же доказательства, опровергающие выводы Солженицына из истории России; звучат они все примерно так: «ага, а вы знаете — Солженицын не был мучеником Гулага — он там был нормировщиком! А вы знаете — Солженицын во время войны с фашистами не был на передовой, он был в звуковой разведке за несколько километров до передовой — а значит награды его не боевые... А мы нашли в Америке его сослуживца (видимо с помощью израильских спецслужб) еврея Соломина, который рассказал, что у Солженицына был адъютант, вы представляете...

Этот Солженицын вместо того, чтобы внимательно прочитать рассказы Шаламова — их просто просмотрел, представляете...» — и так далее и тому подобные «доказательства». Представляю, сколько труда стоило наскребать столько грязи в «доказательство» и затем усердно эти

«доказательства» переписывать друг у друга. Хотя это элементарная и противная непорядочность, но читать без улыбки это невозможно. Вот Григорий Бакланов (он же — Григорий Яковлевич Фридман) «разоблачению» Солженицына посвятил статью размером в 24 страницы и кроме вышеперечисленных «доказательств» ложности его труда весьма оригинально обнаружил очень весомый аргумент, поставивший под сомнение весь двухтомник Солженицына — оказывается... в корне фамилии автора есть буквосочетание «ЛЖЕ» — и этим всё сказано... А вот Давид Гарбар из г. Дуйсбурга (Германия) — поступил честнее, признавшись в начале своей статьи «Двести лет вместе», или как это сделано»: «О книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе (1795–1995)» сейчас пишет даже и «ленивый»... Вот и у меня есть потребность высказаться — выбросить накопившийся негатив».

Яков Рабинович из Израиля поступил ещё более оригинально, — он дождался выхода книги С. Резника и его команды, затем примерно 70% их книги просто переписал, вернее — перекопировал, ничего не меняя, и добавил кое-какие свои «гениальные» рассуждения:

«Книга Солженицына, в основу которой положен хронологический принцип, трудна для восприятия, когда стараешься удержать в уме лавину дат и имён. Книга скучна и тем хороша, что, оставляя равнодушным компетентного читателя, не возбуждая заметного антисемитизма у неофита. Однако как знать? Масса рецензий и отзывов с трудом поддается обозрению». Понятны трудности восприятия и удержания в памяти, мягко говоря — «пожилого» Рабиновича, но чем хаос и неразбериха лучше строгого хронологического метода?..

Я. Рабинович решил взбодрить копии от С. Резника своими новшествами — нашел князя С. Урусова, «забыв» сказать, что Урусов был «заслуженным», выдающимся масоном и основным организатором с 1906 года масонских организаций в России, и писал всякие гадости о России из Франции, сидя в окружении евреев. Затем Рабинович «нашел» себе другого помощника среди русских — якобы любвеобильного «юдофила» русского писателя Н. Лескова, и решил использовать его две статьи, но «забыл» читателям поведать, что Н. Лесков написал произведение «Жидовская кувыркалегия» и поэтому российскими евреями во второй половине 19-го века считался злостным антисемитом. Не надо, товарищ Рабинович, считать себя самым умным, а остальных неграмотными.

Но самым умным, просто «гением» посчитал себя еврейский журналист Валерий Каджая, награждённый в 2005 г. премией за «антиксенофобские» статьи, который легко сравнил А.И. Солженицына с Гитлером, — он полностью скопировал книгу Я. Рабиновича, который почти полностью скопировал книгу Шимона Резника, назвал её — «Почему не любят евреев» и издал в России в 2007 году. Уверен — Резник не имеет

претензий к Рабиновичу, а Рабинович не имеет претензий к Каджае, я умиляюсь этими «гениями», они здорово веселят, и уверен — евреи во власти, руководящие русской культурой, дадут Каджае за книгу-копию ещё одну премию.

Теперь уже без улыбки невозможно читать иллюзорные надежды Солженицына: «Смею ожидать, что книга не будет встречена гневом крайних и непримиримых, а наоборот послужит взаимному согласию».

Почему у всех критиков накопился негатив, совершенно понятно — ведь почти сто лет всё было так спокойно: никто историю не трогал, тысячи профессоров и академиков твердили одно и то же. Всегда были виноваты: русские цари-кровопийцы, черносотенцы, попы (предлагающие «опиум для народа») и, потом, — изверг Сталин. Из исследования Солженицына российский гражданин вдруг узнал, что в недавней истории России случались не только еврейские погромы, но и русские погромы, когда толпы евреев устраивали в России побоище русских. Ни один критик или хулитель Солженицына даже и не попробовал опровергнуть эти факты. Итак, — западные идеологи со своей задачей в истории с Солженицыным не справились. Что они ещё могут придумать?

Когда в прессе и интернете страсти по Солженицыну утихли, то сторонники искажённой, лживой истории активизировались сразу по нескольким направлениям. Как это выглядело? Вначале решили сыграть на ностальгическом партийном идеологическом патриотизме многочисленных ветеранов марксизма-ленинизма, — и русскоязычный идеологический еврейский журнал «Алеф», который издаётся в Москве, Израиле и США, то есть имеющий большую аудиторию, в своём номере, вышедшем в июле 2005 г., опубликовал обширную восторженную статью о героине еврейского народа Розалии Залкинд. Неграмотным российским гражданам это имя ничего не говорит, а сторонники коммунистической партии знают эту еврейскую женщину под дружелюбной маской «Землячка», но все профессиональные историки и тысячи людей, изучающие внимательно историю России, знают, что эта женщина была редчайшим в истории всего человечества кровавым палачом русского народа.

Когда интернациональная Красная Армия захвативших Россию «большевиков», среди главарей которых были «почему-то» представители в основном одной нерусской национальности, добивали в Крыму русскую армию, часть которой не успела покинуть Россию морским путём, а другая часть, поверив обещаниям большевистских главарей о прощении и примирении, осталась на российской земле, то над этими обманутыми людьми большевики во главе с Розалией Залкинд устроили страшную кровавую бойню с предварительными издевательствами и пытками.

Благодаря «стараниям» кровавого фашиста Розалии Залкинд было убито более 30 тысяч пленённых русских офицеров и солдат! Эта «рачительная» фашистка, экономя патроны Красной Армии, измученных голодом и пытками людей вывозила баржами в море и связанных друг с другом топила. Это была Катастрофа русского народа, настоящий Холокост. Но это ещё не всё... — когда были уничтожены все русские военнопленные, Розалия Залкинд взялась за чистку местного населения, среди которого, по её мнению, могли быть сочувствующие свергнутой власти — и опять многие тысячи учителей, врачей, крестьян, мещан были замучены в пытках или массово утоплены в Чёрном море.

Всего в течение небольшого периода времени — полтора года (1920–1922 гг.) под руководством Розалии Залкинд, которая после захвата Крыма сделала карьеру и была первым секретарём обкома Крыма, было уничтожено более 120 тысяч русских людей, большое количество татар, и даже некоторое количество критикующих большевиков евреев! В истории человечества аналогичной этой кровавой фашистке трудно найти даже среди гитлеровских фашистов, а уж среди женщин-фашисток, бесспорно, ей равных по сатанизму в истории человечества нет. При этом стоит понимать, что Крымский Холокост русского и татарского народов — это только один из многочисленных эпизодов в длительной кровавой деятельности Залкинд в России. И на пропаганду «героизма» этого фашиста никто в 2005 г. в России не отреагировал: ни славные правозащитники во главе с основным «яблочником» Лукиным, ни многочисленные антифашистские организации, включая молодёжно-кремлёвскую «Наши», не знаменитые общественные деятели, которые тут же вопят по каждому незначительному факту антисемитизма, «не увидели» этого и вездесущие журналисты газет и телевидения.

И если бы в России была бы «нормальная» власть во всех отношениях, такая как в европейских государствах, то всех руководителей и владельцев журнала «Алеф» за пропаганду фашистов и фальсификацию истории России обязательно бы судили и закрыли бы этот идеологический рупор. Сейчас мы являемся свидетелями того исторического момента, когда нормальный умный человек становится антисемитом. Вот момент и причина постоянного возникновения антисемитов, как протеста против наглой лжи и массированного навязывания «своего» лживого мировоззрения, лживой идеологии, а в случае с фашисткой Залкинд — и навязывания своей лживой кровавой власти.

Руководство еврейского журнала «Алеф», чувствуя полную безнаказанность, отсутствие меры и предела, неграмотность современной власти или понимая её как «свою» — в сентябре 2005 года опять издевательски принципиально опубликовало статью о героине еврейского народа «пламенной» революционерке Розалии Залкинд, продолжая и

дальше нагло-лживо «просвещать» российских граждан, пытаясь целенаправленно зафиксировать в их умах свою идеологическую картину. Эта попытка западных идеологов точно оказалась провальной и даже усугубила положение.

Что дальше можно придумать? Дальше — решили засыпать российских граждан книгами по истории России с «гибкой» полуправдой, для чего ангажировали никому не известного писателя-фантаста А. Бушкова, издали в течение одного года несколько его книг или книг под его фамилией огромным тиражом и попытались раскрутить в СМИ А. Бушкова как «выдающегося» «модного» историка. Небольшой успех эта операция западников имела, но далеко до желаемого. Что дальше?

Далее приравняли антисемитизм и любую критику еврейских идеологов к фашизму, — получился «русский фашизм», причем сами запутались в антисемитизме изрядно.

Оргмероприятия вместо научной аргументации

Вероятно, — долго совещались еврейские идеологи и в 2005 году выдали целый веер инициатив.

Вначале журналист и политтехнолог М. Гельман объявил список «100 неофашистов» современной России, в который вошли большинство авторов, исследующих в своих книгах историю России правдиво, кроме Солженицына.

...Если что-то не по ним,
Сразу в крик «Фашизм! Фашизм!»
Победителю его
Ставят чёрное клеймо.
Только мудрость так гласит:
„Поджигатель на пожаре -
Больше жертвы голосит".
(отрывок стиха В.Г. Ануфриева)

Эта акция еврейских идеологов ставила своей целью не столько шельмовать своих идеологических противников и якобы опозорить их перед общественным мнением и, в свою очередь, надавить на них общественным мнением, — сколько подготовить общественным давлением следующий технологический шаг: обращение в карательные органы, чтобы изолировать с поля идеологического боя своих противников. И главный раввин России Берл Лазар от имени Федерации еврейских общин России потребовал в 2005 г. от российской прокуратуры запретить произведения И.А. Ильина(!), И.С. Аксакова, Л.А. Тихоми-

рова, М.О. Меньшикова, С.А. Нилуса, И.Р. Шафаревича, М. Назарова, О. Платонова и других русских современных исследователей истории за то, что в книгах этих авторов «значительно искажаются многие факты прошлого и настоящего».

Но в прокуратуре оказались умные люди и к тому же в подавляющем большинстве русские, которые хорошо помнили законы, гарантирующие свободу слова и свободу выражения мнений и не собирались их нарушать. И западные и прозападные идеологи своей цели не добились и умершим русским патриотам рот не закрыли, и те остались на свободе, в строю.

Что им осталось делать дальше? — Дальше неугомонные идеологи и их помощники-активисты в разных городах России, руководимые Берл Лазаром, начали проводить широкомасштабную акцию — вообразили себя прокурорами и судьями на информационном и идеологическом поле, и пошли обходить книжные магазины Москвы, Петербурга и других крупных городов России и начали оказывать давление на руководство книжных магазинов. Фактически это была акция их запугивания, чтобы они не принимали на реализацию «антисемитские», «ксенофобские», «неофашистские» книги вышеназванных авторов. Но и этого показалось пришлым бойцам идеологического фронта мало, и они применили другие методы и формы нападения на своих идеологических противников, уже мало отличающиеся от настоящих окопных.

«В Москве в феврале 2005 г. в магазине «Молодая гвардия» группа еврейских экстремистов пыталась сорвать презентацию моих новых книг, — рассказывает Олег Платонов со страницы газеты «Русский Вестник» (№ 19, 2006 г.). — Угрозы и оскорбления шли в адрес издательств, выпустивших книги. О запрете моих книг сообщили из города Иванова. Из Тольятти прислали список: «Не принимать заказы. Запрещённая для продажи книга». В этот список было внесено 14 моих книг. Летом 2005 г. Российский еврейский конгресс и экстремистская организация Брода объявили глобальную акцию «Город без фашистских книг» и обратились ко всем еврейским организациям, чтобы они требовали возврата из книжных магазинов книг Б. Миронова и некоторых других русских авторов».

27 октября 2007 года в Санкт-Петербурге либералы провели марш и митинг против ненависти и ксенофобии на площади имени академика Сахарова, на котором выступали лидеры СПС во главе с Гозманом и Билых, лидеры «Яблока» во главе с Резником и правозащитники во главе с Рыбаковым, я присутствовал и был свидетелем, как эти борцы за свободу слова возмущались ростом издания неудобной для них литературы и призывали создать специальный цензурный комитет, который решал бы — какую книгу можно издавать, и какую нет. Дожили при

демократии... — тоже эффективная мера против правды, против идеологических противников.

Таким образом, когда прозападным идеологам нечем было «крыть» пробившуюся на страницы книг, наконец-то, правду — тогда они перешли от теоретической полемики к конкретным репрессивным мерам, на деле доказывая, как выглядит в их умах и делах свобода выражения мысли и свобода слова при их пресловутой демократии. Вы думаете — они на этом остановились? Нет, «прогресс» продолжался и вот как выглядел на следующем этапе — «их» идеологический рупор — газета «Новые известия» № 36 за 2006 г. сообщает всей России:

«Эксперты Московского бюро по правам человека (А. Брод, Г. Резник и их компания) выяснили, под влиянием чьих книг и статей Александр Копцев напал на синагогу. Вчера доклад «Подстрекатели» был передан «НИ». В свою очередь, психологи считают, что главное было желание Копцева кого-либо убить, а авторы погромной литературы очень кстати подсунули ему «образ врага». Правозащитники утверждают, что Александр Копцев ворвался в синагогу под влиянием произведений прежде всего шести авторов. Это сопредседатели лишенной регистрации Национально-державной партии Борис Миронов и Александр Севастьянов, издатель газеты «Дуэль» Юрий Мухин и писатели Олег Платонов, Валерий Хатюшин и Михаил Назаров».

Вот с какой целью была организована эта простая, но кровавая сцена в самом начале 2006 года. По моему мнению — именно поэтому в этой истории оказалось столь много нестыковок и вопросов, именно поэтому был найден в отчаянном положении безработный парень А. Копцев, которому, вероятнее всего, пообещали после тюрьмы обеспеченную жизнь. Эта акция называется — публичная превентивная прививка российскому обществу от антисемитизма, от угрожающе быстро растущих, согласно всем социологическим исследованиям, патриотических настроений в обществе и одновременно мощный удар по идеологическим оппонентам, чтобы окончательно их вышибить из информационного поля, убрать от народа — лишить возможности просвещать народ.

Но «синагогская история 2006 г.» преследовала и более глобальные, фундаментальные цели — не только вышибить патриотов из информационного поля, но и из политического, убрать из политики даже похожих на патриотов, и замысел идеологов этой акции удался — после огромной шумихи, поднятой после «синагогской истории», президент России В. Путин публично заявил ко всеобщему умилению еврейских «мудрецов»: «Карьера политика, пытающегося в России разжигать национальную рознь, должна немедленно заканчивается» — что и требовалось достигнуть для закрепления олигархического «интернационального» «мягкого» и «гибко-

го» режима в России, для выкачки огромных общенациональных денег от продажи общенациональной нефти и металлов в швейцарские банки.

Здесь был удачно осуществлен коварный метод «мудрецов» — путем сложных провокаций-«подстав» использовать против патриотов и для их уничтожения силу их же государства.

Следующим этапом было уже закрепление достигнутого успеха — «контрольные» выстрелы в общественное мнение, которые должны были подтвердить тенденцию развития «русского фашизма» в России и укрепить и усилить меры против этого возмутительно выдуманного «русского фашизма».

В начале марта 2006 года «миролюбивые» «мудрецы» пытались связать истерию по поводу «русского фашизма» с гибелью таджикской девочки в Санкт-Петербурге, и наблюдалось большое шумное возмущение большинства СМИ «слишком мягким», по их мнению, приговором людям, участвовавшим в событии, приведшем к смерти таджикской девочки в Санкт-Петербурге. Вдова А. Собчака Л. Нарусова, которая имеет свободный доступ к президенту В. Путину, с телеэкрана устроила истерию по поводу «захлестнувшей» Россию ксенофобии и фашизма.

И как «подтверждение» последствий мягкого ошибочного приговора суда по делу убитой таджикской девочки и необходимости жесткого наказания за проявление национализма или расовой нетерпимости, — «вдруг» в начале апреля 2006 года в России прошла череда нападений на лиц «нерусской» национальности: в г. Санкт-Петербурге на девочку мулатку и в Москве — на министра культуры Адыгеи и артистов «нерусской национальности», причём с провокационными националистическими выкриками. Профессиональных преступников-провокаторов, конечно же, — ни в одном случае не поймали. И именно в это время «вдруг» в интернете «обнаружилась» инструкция якобы для русских по нападению на иностранцев и на «нерусских». Интересно — в других странах эти «мудрецы» также проводят такие глубоко продуманные провокационные многоходовки?

Эта широкомасштабная пиар-акция по раздуванию несуществующего «русского фашизма» в своей оголтелости и безнаказанности, при молчаливом попустительстве власти и при дружном «одобрямс» СМИ продолжалась и перешагнула все мыслимые моральные и нравственные границы 2 апреля 2006 года. В этот день телеканал ОРТ в вечерней программе «Время» в 21 час продемонстрировал на всю Россию и на многие страны мира обширную программу по теме «русского фашизма».

В этой программе руководство и журналисты ОРТ представили наш многострадальный и славный героический город — г. Санкт-Пе-

тербург как логово «русского фашизма» или центр «русского фашизма», а до этого стараниями журналистов его назвали «криминальной столицей». При этом руководство и журналисты ОРТ в указанной программе представили монтаж любительского фильма, зафиксировавшего некое специально искусственно созданное частное экстремистское мероприятие, посвящённое гитлеровскому фашизму, с участием около десяти пьяных и обкуренных молодых людей, которое проходило (!) — в 1995 году, 11 лет назад, — как происходящее в этом 2006 году! Это было со стороны первого телеканала — ОРТ преступное мошенническое манипулирование сознанием миллионов людей в России и за её пределами.

Дело в том, что я лично знаю некоторых из тех обманутых мальчишек, которые теперь уже взрослые, имеют семьи, детей. Но политики, политтехнологи в России и за рубежом, журналисты многих газет и телеканалов вот уже 11 лет используют это провокационное мероприятие и фотографии этих обманутых мальчишек в своих подлых коварных политических целях.

Но мошенникам телеэфира, этим творцам «русского фашизма» на ОРТ этой махинации показалось мало и два «выдающихся» журналиста — с 1-го телеканала Марк Погребняк и с 5-го Илья Стогов (оба по случайному совпадению одной нерусской национальности) нашли славянское святилище Перуна и назвали его центром петербургского фашизма только потому, что на кумире Перуна был изображен меч победителя Хазарии князя Светослава...

И как логическое завершение этой очередной провокационной операции — через несколько дней 7 апреля 2006 г. в С.-Петербурге глубокой ночью убивают из помпового ружья иностранного студента, и, конечно, — на месте убийства нерадивый «патриот» или профессионал из «Моссада», «ЦРУ» или нашего местного «Бейтара» оставил ружьё с наспех нацарапанной свастикой — «естественно» не гитлеровской, а славянской древнерусской рунической...

Ну, после такого (!), — политтехнологической шумихи в СМИ по поводу «русского фашизма» было на целый год, эта шумиха даже многократно затмила ритуальное убийство пятерых российских мальчиков в Красноярске... Конечно, и мне очень понятно — почему во всех вышеперечисленных случаях наши доблестные правоохранительные органы, помогающие еврейским идеологам бороться с мифическим «русским фашизмом», убийц не нашли, как впрочем — ещё никогда не нашли тысячи мифических «вандалов», оскверняющих еврейские кладбища в самый подходящий исторический момент...

Это так довольно долго пришлось объяснять по поводу инициативы еврейского идеолога Т. Голенпольского, как, впрочем, и других совре-

менных еврейских идеологов, В. Познера и В. Соловьёва, по поводу необходимости избегания идеологического противостояния и необходимости консолидации российского общества. А вышепоказанная проблема появилась не в 2006 г., не в 2000 г., не в 1996 г. и не в 1993 г., а намного раньше — это старая историческая проблема российского общества, которую начинаю подробно анализировать в данной книге (второй в этой серии), и продолжу в следующих.

Инструкция

Суровый критик может обвинить меня в использовании большого количества цитат и недостатке прямого авторского текста, как это сделал Геннадий Костырченко («Из-под глыб века»), обвинив А. Солженицына, что книги им написаны в жанре исторической публицистики, что там — «историко-публицистический коллаж цитат», и этим он якобы имитировал исследовательскую объективность. Всю подобную критику можно применить и к моим книгам. Но как достигается и признаётся истина в оценке того или иного исторического факта? Если даже мнения по одному и тому же архивному документу или историческому факту у многих исследователей расходятся.

Даже утверждения, убеждения какого-либо авторитета мировой величины не могут признаваться истинными, а что уж говорить о скромном авторе этих строк, для кого является авторитетом — Роман Ключник? Но когда вместе собраны выводы авторитетных личностей разных стран и народов и они совпадают, то тут уже можно говорить с большой уверенностью о правде, об Истине. Когда оценка многих авторитетных исследователей совпадает и просматривается единственно возможная логическая причинно-следственная цепочка, тогда уже можно говорить об истинности и научности. Это ведь не наука физика — здесь опыты невозможны. Хотя в истории мы часто встречаем жестокие эксперименты над людьми, попытки осуществить в жизни различные гипотезы, и можно увидеть в истории много повторов, которые людей ничему не учат...

И этому дружному совпадению мнений признанных мировых авторитетов в Истине трудно противостоять какому-нибудь одинокому «великому гению» по фамилии Г. Костырченко, М. Дейч или С. Резник, если они даже соберутся вместе.

Читатели без труда могут найти авторитетных авторов, на которых я ссылаюсь, и их произведения, — и проверить информацию, сопоставить её с другой, самим исследовать и проверить Истину. В тех случаях, когда я часто цитирую какого-либо исследователя, тогда для экономии книжного пространства и для краткости мною применяются

сокращения, например, А. Солженицын – (С), советник М. Тэтчер и Т. Блэра Пол Джонсон – (П. Д.), еврейский историк Семён Дубнов – (С. Д.), Эдвард Радзинский – (Э. Р.), Гавриил Державин (Д.), Борис Башилов – (Б.Б.) и т. п. По тексту после очередного повтора имени какого-либо исследователя будет указание на сокращённый вариант.

Имеются свои трудности и в этой теме – есть великий русский мыслитель конца XIX века Владимир Соловьёв и его отец – знаменитый историк Соловьёв С.М., а есть талантливый и коварный современный еврейский идеолог и тележурналист политтехнолог Владимир Соловьёв со своим «Евангелием» и аналитической политической книгой 2006 г. «Русская Рулетка. Заметки на полях новейшей истории», настоящую фамилию которого – от его предков, я не знаю.

Предупреждаю слабонервных читателей о сопутствующих неприятностях при исследовании истории, – ибо, как верно заметил историк из Петергофа и лауреат премии «Национальный бестселлер» Илья Бояшов в интервью журналу «Эксперт» в 2008 году: «Я историк по специальности, а история – это что? Это обширный свод человеческих негодяйств. Я с трудом представляю историка, сохранившего иллюзии о человеческой природе». И при правдивом исследовании истории читатель должен быть готов к этой неприятности.

А когда большинство авторов книг по истории и учебников стараются максимально приукрасить события, личности и народы – припудрить, загримировать, то в результате история получается гладкой, без острых углов и – неузнаваемой, ложной, лживой. А ведь из настоящих исторических событий в прошлом неизбежно идёт причинно-следственная связь-следствие в настоящее и будущее, и когда случается очередное закономерное историческое событие, то пропитанный загримированной ложной историей человек недоуменно удивляется, ничего не понимает и совершает очередную трагическую ошибку.

Сама по себе история нашей планеты и нашего государства – интереснейший предмет; она увлекательна, как детектив. Казалось бы, история человечества – это простая констатация фактов, относящихся к событиям прошедшего времени. Но нет, – почти у каждого исторического факта, как в детективе, есть несколько версий, объясняющих – как это произошло, почему это произошло, кто это подготовил и кто это совершил, почему получилось это так, – а не иначе, чья в этом заслуга или кто в этом виноват. История становится важнейшим механизмом в идеологической борьбе партий, элит, народов, стран, союзов стран. И как в каждом детективе – в истории не хватает информации о фактах, событиях и политических решениях или многие факты искажаются в чудовищных размерах. Например, недавно парламент Великобритании

(Англии) принял решение не рассекречивать по прошествии 50 лет, как положено по закону этой страны, архивные документы предвоенного времени. Эти документы, вероятнее всего, мы не увидим никогда, и сможем только с большей или меньшей вероятностью догадываться о роли этой страны в развязывании самой ужасной и кровавой войны в истории человечества. О роли этой страны в развязывании Первой мировой войны известно больше, а что нам ждать от этой страны в будущем? Это важно или нет?

Все мы являемся участниками этого длинного исторического процесса событий. И каждому гражданину не всё равно — будет ли он участником кровавых войн, узником концлагеря или ссыльным из собственной страны, будет ли он свидетелем захвата своей страны или проживёт долгую благополучную жизнь. Немного спрогнозировать наше будущее можно только на основе внимательного изучения исторического опыта. И в данной книге будет обращено внимание на малоизвестные фрагменты истории России, и будет предпринята попытка осмыслить закономерности событий.

История как наука — это не просто перечисление и констатация фактов. Это, прежде всего, осмысление их, анализ и мудрость в виде выводов, которые могут пригодиться в будущем. Поэтому мы имеем дело не просто с историей, а с философией истории. Наш великий мыслитель Николай Гоголь сравнил отображение истории России Ломоносовым и Державиным: «Тоже самодержавие, государственное величие России слышится у него (Державина), но уже видны не одни только географические очерки государства: выступают люди и жизнь. Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимает».

Вот эта мудрость-философия — «наука жизни» не имеет ничего общего с оторванными от реальной жизни бесполезными схоластическими философскими рассуждениями. Всё это исследование и задумано, чтобы результат его, выводы, полученные знания — кто-то мог конкретно использовать в своей жизни и в жизни российского общества с пользой. Поэтому эту философию я называю — «прагматической философией», «практической философией» или сокращённо — «пра-философией». Поэтому и такой интерес к истории еврейского народа, ибо считаю, что этот великий народ выработал очень эффективную прагматичную философию жизни, благодаря которой закономерно процветает.

Мировоззрение, философия, представленная в этой книге, сильно отличаются от того, что преподают в вузах современной России, тем более от того, что преподавали ранее. В данном случае история, философия и другие науки рассматриваются не разрозненно, в отрыве друг от друга, а наоборот — так как есть в жизни, — как совместно идущие рука об руку, влияющие друг на друга и, таким образом, совместно

развивающиеся. Человек перед тем, как совершить действие-поступок, много размышляет над этим, раздумывает, то есть философствует. А когда, наконец, поступок совершён, то он становится уже достоянием истории. Над этим поступком-событием, в свою очередь, опять размышляет другой человек, чтобы поступить так же или иначе. Третий же анализирует поступки обоих и принимает решение по руководству коллективом или государством. Так философия, история и идеология тесно переплетаются друг с другом.

Большое значение науки истории

В этой книге содержатся многие исторические факты и другая информация, важная для формирования мировоззрения любого человека, которой, к сожалению, вы не найдёте ни в школьных учебниках, ни в вузовских, ни даже в специальных книгах. А для выживания в современном мире и для благополучной жизни необходимо знать реальность. Но главное в этой книге не столько претензии на истинное познание истории, сколько выводы из неё, эта ценная прагматическая мудрость, наука жизни, о которой говорил Н. Гоголь, которую хотел постичь, работая в архивах, А. Пушкин, и которую каждый читатель будет формировать для себя сам.

Попутно строго проверим авторитет многих исследователей истории. Например, Семён Резник из США говорит о Солженицыне: «Его беда — это российская беда. Его творческая деградация — наша общая деградация». Естественно, чтобы жить дальше без сомнений — с этой «бедой» и «деградацией» необходимо разобраться.

Прошлое, история нации — это как биография человека, значение её очень велико. По делам его (её) мы даём оценки, делаем выводы, определяем некий совокупный образ. Мудрый человек, встречая другого человека и оценивая его — исходит не из его внешнего вида, а, тем более, не из его слов о самом себе. Мудрый человек судит по фактическим делам. Дело за делом, факт за фактом — так выстраивается история человека и целых народов и стран, их биография.

«Кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое. Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее», — утверждал знаменитый мыслитель Дж. Оруэлл.

В серии этих книг, в ходе исследований мы попытаемся углубиться в прошлое и многое важное понять, — чтобы перепроверить контролируемое настоящее, создать собственное видение Мира — мировоззрение и увереннее двинуться в будущее.

Первый нарком просвещения РСФСР А. Луначарский в начале 1918 года приехал из Италии в Россию помочь своим единомышленникам и

соплеменникам удержать захваченную в России власть — не оружием, не стрельбой из маузера, а своими знаниями, и прекрасно понимания значение истории в вопросах грамотности и образованности любого человека, выступил в 1918 году перед «неправильными» русскими учителями с лекцией под названием «О преподавании истории в коммунистической школе», в которой пытался убедить русских учителей:

«...надо ли вообще преподавать историю в правильно поставленной школе. На первый взгляд кажется диким самое сомнение относительно необходимости преподавания истории, потому что мы привыкли к тому, что уже издавна этот предмет является включённым в программу школ; в течение столетий считали мы, что знакомиться с прошлым человеческого рода естественно входит в курс образовательных наук.

Однако, тем не менее, весьма авторитетные и талантливые мыслители выступили против этой идеи... Никто больше, чем историки, не старался закреплять это антитворческое представление о непременной медлительности и постепенности общественного развития...

Но помимо этого история в старой школе преследовала и другие определённые цели, из которых можно выделить две главные. Прежде всего, это было обучение любви к родине, любви к отечеству.

И в настоящее время ещё Всероссийский союз учителей на последнем своём съезде, идя по стопам учителей буржуазной Западной Европы, стал говорить о том, что необходимо придать изучению истории национальный характер и воспитывать в учениках «здоровую любовь к родине».

Я не знаю, что разумеется под здоровой любовью к родине...».

Таким образом прибывшие со всех столиц Европы и США террористы-захватчики России пытались формировать убогое, «нужное» им мировоззрение захваченного ими народа, со слепыми умами. Каким-то почти феноменальным образом получается, что полнота знаний истории своего народа и человечества, понимание истории — приводит к роднолюбию, патриотизму, а незнание, неграмотность и необразованность — к интернационализму, к космополитизму. Так снимают важные защитные преграды человека, народа, страны; формируют покорных рабов, спокойную толпу, контролируемое общество и т.д. для достижения своих целей наживы и власти.

И люди, по причине скудности своего ума, из-за недостатка знаний, даже не осознают, что они реально находятся на уровне манипулируемых рабов, только не силой, а с помощью информационных технологий. В этом случае актуально утверждение выдающегося французского мыслителя Дидро:

«Образование придаёт человеку достоинство, и раб начинает сознавать, что он не рождён для рабства». Не все, конечно, — кто-то ради даже нищего спокойствия соглашается с рабством...

В этом случае верен также и тезис: «Человек, разбирающийся в истории и событиях в меру своего понимания действует в своих интересах, в интересах своего народа и своей страны, а в меру своего непонимания действует в чужих интересах».

И в этом смысле я уверен, что данная книга и вся серия книг будет очень полезна для повышения образовательного уровня читателей, для их самообразования и роста интеллекта.

Честные и порядочные люди, в отличие от Луначарского, относились к истории, конечно же, по-другому — «Принимать живое участие в минувших делах праотцев своих, восхищаться их славою и величием, и из опытов, как блистательных, так и горьких, созидать законы для собственной жизни, было всегда разительною чертою характера каждого сколь-нибудь просвещенного народа, перешедшего уже за рубеж политического младенчества...», — объяснял доктор философии Егор Иванович Классен.

А наш великий мыслитель А. С. Пушкин это выразил стихами:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам,
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

«Всё заключается в присущем любому народу, в том числе и евреям, чувстве историзма — той внутренней потребности каждого человека узнать как можно больше о своей истории, о своих корнях и о своём прошлом... Именно исторической памятью, нежеланием предать забвению прошлое, объясняется поразительная выживаемость и неистребимость еврейского народа в истории», — написал в книге в наше время, в XXI веке президент еврейского фонда «Ковчег» Борис Хайт.

Выживаемость... для русского и многих российских народов — это сегодня самая насущная проблема и самая важная задача, несмотря на улыбчивые бесконечные разговоры о демократии и высокие цены на нефть и газ.

И этому должно помочь не самодовольство величием предков, а анализ большого горького исторического опыта и после этого верные собственные поступки и дела. Вопрос стоит даже не о сохранении или о восстановлении исторической памяти, а о создании исторической памяти, так как больших аналитических работ по истории России до сих пор очень мало.

В советский период времени история рассматривалась сугубо под одним «узко-идеологическим» углом зрения, игнорируя огромный объем исторической информации, а после «перестройки», после победы либерал-демократов — они бросились в другую «узкую» и выгодную для себя крайность. Прав С. Кара-Мурза: «Важным свойством разумного человека является способность предвидеть угрозы и риски... Предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык рефлексии — «обращения назад». Общество без рефлексии беззащитно.

Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей ментальности — как будто кто-то сверху щёлкнул выключателем»(«Матрица Россия», 2007 г.).

И это понятно — победители всегда формируют свою историю прошлого, и пропаганда их варианта трактовки становится историей и мировоззрением для побеждённых. В данной книге постараюсь восстановить многие умышленно «утерянные» исторические события.

Читателю, который ищет умную литературу для утверждения в своих взглядах или для своего интеллектуального развития, совершенства — эта книга пригодится.

Желаю читателю интересного и полезного чтения. В добрый путь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРЕМЕНЫ В ЕВРОПЕ

Любое историческое событие есть некий закономерный плод, от которого в одну сторону тянется длинная причинно-следственная цепочка к корню, к началу, а с другой стороны сам этот плод является началом новой причинно-следственной цепочки вперёд. В этом контексте исторический этап развития Европы и всего человечества, к исследованию которого мы приступаем, и является во многом корневым, начальным. Он является таковым для многих событий, в которых мы с вами участвуем сегодня, в начале XXI века, и в которых нам ещё предстоит участвовать.

Многие исследователи это заметили. Например, известный еврейский миллиардер Джо Сорос, пробующий последнее время философствовать, назвал эпоху, начавшуюся в тот период и продолжающуюся по сей день, — эпохой Разума. С одной стороны — это абсолютно не так, и это очень легко опровергнуть. Но с позиции Сороса и всех евреев это верно, ибо для них на самом деле наступила лучшая в их истории эпоха, омрачённая только Гитлером.

В первой половине XIX века можно выделить три очень важных знаковых явления:

1) французские революции и Наполеон;
2) захват Ротшильдом финансов Европы;
3) марксизм.

Всё перечисленное тесно взаимосвязано, имело и имеет огромное влияние на события в России.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ротшильды и захват Европы

В конце второй книги этой серии мы наблюдали очень любопытное событие — королева мощнейшей империи того периода в истории челове-

чества — Великобритании прислала в Россию к Николаю I сэра Мозеса Монтефиоре со своим рекомендательным письмом. Шериф Лондона еврейский банкир и друг Ротшильда в одном лице — барон Моше (Мозес) Монтефиоре и королева Виктория совместно решали интересную задачу — добиться улучшения жизни еврейского населения в России.

Причем речь не шла об освобождении евреев из мифических российских гетто или борьба с нищетой еврейского народа, были две конкретные настоятельные просьбы: первая — чтобы «купцам и ремесленникам дозволить поездки во внутренние губернии», то есть — чтобы увеличить их экономическую территорию, чтобы они могли собрать больше прибыли с россиян; вторая менее важная — «разрешить услужение христиан (евреям)...». Обратите внимание — перемены в Европе к началу 50-х годов 19 века были настолько велики и многозначительны, что (!) английская королева лоббировала интересы евреев даже в деталях — например, чтобы им могли служить христиане, в данном случае русские. Именно этот период истории еврейский миллиардер и политик Дж.Сорос назвал загадочно — началом «Эпохи Разума» и началом «Золотого периода» в истории евреев.

Хотя этот период был относительно стартовым, но был логическим продолжением причинно-следственной цепочки событий, исходящих из возникновения и развития протестантства в Европе, как раскола и упадка христианства в Европе. А протестантизм, в свою очередь, был закономерным результатом процессов эпохи Возрождения, как верно заметил наш выдающийся русский мыслитель первой половины 20-го века Лосский: «Эпохой Возрождения кончается торжество христианства и начинается историческое восхождение Израиля».

Похоже, в Западной Европе к моменту приезда в Россию Монтефиоре у евреев подобных проблем не было — они контролировали всё экономическое пространство и все им служили. К этому времени все проблемы для евреев в Европе решили многочисленные революции и Наполеон, который, как хорошо известно, настороженно относился к гегемонии евреев. Стоит заметить, как мы наблюдали в предыдущей книге из истории масонов, — к этому времени масоны путем «великой» революции захватили власть во Франции и, согласно своему мировоззрению, учредили во Франции республиканскую форму правления. И когда к власти пришел генерал Наполеон, и, преследуя агрессивные цели, двинулся с армией за пределы Франции, то масоны радостно поддержали его, потому что он распространял революционный масонский дух, их мировоззрение по всей Европе, и в этом смысле армия Наполеона была масонской армией.

Негласная «гражданская» армия масонов к этому времени была не меньше военной Наполеона — под властью французской масонской

ложи «Великий Восток» были объединены 826 лож и 337 капитулов, это была большая тайная сила подпольщиков, которая помогала продвигаться армии Наполеона по Европе. Как масоны захватывали власть в Испании довольно подробно описал не кто иной, как сам Франсиско Франко в своей книге «Масонство» (издана в Москве в 2008 г.):

«Вступление французских войск в Мадрид было подготовлено масонским внедрением. Важные агенты Наполеона довели до конца одну из самых ловких и мрачных интриг всех времен. Они распространили известие, будто император намерен посетить двор и встретиться с новым королем и склоняли последнего выехать для встречи с ним. 10 апреля 1808 года в сопровождении своего государственного министра Себальоса и группы аристократов монарх выехал в Бургас, где, разумеется, никакого Наполеона не встретил... Он поехал дальше и прибыл в столицу провинции Алава, где его ожидали 40 000 французских солдат, занявших позиции вокруг города. Король фактически оказался пленником... Поневоле пришлось ехать дальше, к границе, где, как сказали, ждал Наполеон. Но через день после пересечения границы, начальник французской полиции Савари без обиняков объявил (испанскому) королю, что император решил низложить его...

Во всех городах Испании, где проходили наполеоновские войска, возникали ложи офранцуженных. Самой значительной из них была ложа Святой Юлии, названная так в честь святой покровительницы Корсики, малой родины Наполеона».

Стоит заметить, что там, где масоны приходили к власти, они первым делом уравнивали в правах местных евреев. Кто-то скажет — это нормально, ведь их лозунг-девиз: «свобода, равенство, братство», но... — буров, индусов, индейцев Америки и т.д. никто по-братски уравнивать не собирался.

Когда Наполеон захватил Пруссию, то он первым делом уравнял евреев в гражданских правах с немцами. Повторюсь — и это притом, что он, мягко выражаясь, настороженно относился к евреям и неоднократно резко выражался в их адрес, что позволило причислить Наполеона к антисемитам.

Этому феномену есть только одно объяснение — к этому времени главами многих мощных масонских лож и еврейских сообществ, по мнению многих исследователей (Г. Бостунич, А. Дикий, Д. Дюк и пр.) были одни и те же лица, с мнением которых Наполеон не мог не считаться.

И только когда Наполеона «понесло» — он превратился в диктатора — «отца Франции», и фактически стал восстанавливать монархию, то масоны резко повернулись против него. После высылки Наполеона на далекий остров статус масонов и евреев во Франции не изменился, более того, как свидетельствуют исторические факты — сильно возрос, ибо к моменту обращения королевы Виктории к Николаю I в 1846

году — в 1840 году парламент Франции пытался безуспешно решить проблему — что делать с гегемонией евреев в экономике Франции. И для решения этой проблемы французы додумались в этом же году учредить специальную должность в правительстве — генерального комиссара по еврейским делам.

О том, что эта мера не решила проблему, можно судить по названию аналитического труда французского мыслителя Альфонса Туссенеля под многоговорящим названием «Евреи — короли нашего времени» (1845 г.). А в 1848 году министр финансов возникшего во Франции Временного правительства масон еврей Адольф Кремье заявил с предельной прямотой и откровенностью:

«Республика сделает то же, что сделает масонство» (Б. Башилов). О таких гегемонах как в А. Кремье французский мыслитель Флобер Луиз Коле с содроганием говорил: «Республиканцы всех оттенков кажутся мне самыми свирепыми педагогами в мире» (Б.Б.).

После наведения своих порядков в Западной Европе поборники свободы и демократии принялись расширять свою зону влияния и «учить жить» других, и в лице масона Моше (Мойши) Монтефиоре двинулись на Восток в Россию, которая, благодаря небольшой группе выдающихся мыслителей-патриотов, удачно защищалась уже полстолетия от попыток масонов захватить власть (декабристы, Сперанский). Теперь пора заглянуть в Англию, из которой прибыл лоббист Моше Монтефиоре.

Как известно, в начале 19-го века во время правления Наполеона Франция долго воевала за мировое первенство с Англией, в которую специальным решением правительства по инициативе Кромвеля евреи были приглашены из разных стран, и к моменту последней битвы с Наполеоном занимали в экономике и политике Англии важное, но не главенствующее место. Но всё изменилось после феноменальной истории с Ротшильдом.

Мейер Амшель Ротшильд (1743–1812 гг.) — от него началась история, которую можно назвать «началом периода глобализации» еврейских финансов в Европе. Начинал свою финансовую карьеру молодой Ротшильд в еврейской банкирской конторе Оппенгейма. Далее мы его будем называть — «первый Ротшильд». До работы в банкирском доме первый Ротшильд работал в нумизматической лавке своего отца и на почве нумизматики сошёлся со своим ландграфом Фридрихом Вторым (Великим), который активно занимался торговлей с Англией. В том числе поставлял в Англию большое количество солдат-наёмников. Когда Ротшильд стал работать в банкирском доме, то симпатичное знакомство переросло в сотрудничество. Амшель Ротшильд вскоре открыл собственную банкирскую контору, обслуживающую ландграфа, и, благодаря своему покровителю, быстро разбогател.

Ещё больше первый Ротшильд разбогател, благодаря смерти «Старого Фритца» в 1786 году. Всё огромнейшее богатство, нажитое Фридрихом II (56 миллионов талеров золотом) перешло к его малолетнему наследнику — Вильгельму Девятому, которого уже давно опекал Амшель Ротшильд. Таким образом, первый Ротшильд получил в своё оперативное использование огромнейшие деньги, которые стал смело и активно оборачивать. А так как с покойным Вильгельмом Вторым англичане не всегда рассчитывались деньгами, а часто бумагами — долговыми обязательствами, в том числе и государственными, то Ротшильд был вынужден иметь отношения с Англией, с её биржей, чтобы эти бумаги менять на деньги или товар. Таким образом, крупные партии чая, табака, тканей, вин и т. д. пошли через Ротшильда в Германию. И ему пришлось вникнуть в специфику английской экономики и работы Лондонской биржи. К 1801 году он накопил свой первый миллион гульденов, что в те времена было равнозначно нескольким миллиардам современных евро.

Важный исторический момент наступил в 1804 году, когда правительство Дании обратилось персонально к нему с просьбой — одолжить, дать кредит в размере 4 миллионов гульденов. И Ротшильд под хорошие проценты дал этот кредит. Так Ротшильд вышел на мировой уровень, и на иное качество бизнеса. Ибо государства были намного более симпатичными клиентами-должниками, чем частные лица. Они были, во-первых, — более надёжными клиентами, чем частные лица. Во-вторых, — обладали большим политическим преимуществом, — могли в виде исключения способствовать импорту или экспорту, уменьшать пошлины или делать другие послабления или привилегии. Кроме того, немаловажным было то, что государства имели большой минус перед частными заёмщиками, коммерсантами, который был большим плюсом для Ротшильда, ибо большое количество государственных чиновников обладают совсем другим менталитетом по сравнению с частным хозяином бизнеса и весьма склонны к взяточничеству в ущерб своего народа и государства...

К тому же чиновники не могли равняться по уму с бесспорно талантливым Амшелем Ротшильдом. Неудивительно, что к 1812 году Дания уже была должна Ротшильдам 12 миллионов гульденов.

Ротшильд умудрялся зарабатывать большие деньги даже в сложных исторических условиях. Когда в 1806 году Наполеон оккупировал Пруссию, то убежавший прусский король в финансовой системе Ротшильда спрятал всё своё богатство, а вернее — отдал его ему во временное пользование.

А когда Наполеон ввёл для Англии экономическую, континентальную блокаду, то Амшель Ротшильд вообще получил суперприбыли, так как прекрасно организовал контрабанду английских товаров на континент и был, бесспорно, первым в этом ремесле.

Здесь очень важная историческая завязка — Англия с этих пор будет верной спутницей, патроном евреев, особенно когда попадёт в экономическую зависимость от Ротшильдов. Англия будет с этих пор защищать их интересы и продвигать их вплоть до создания в середине XX века независимого еврейского государства и до наших дней.

Ещё большие последствия для истории Европы и всего человечества имела другая необычная инициатива первого Ротшильда. Не желая почивать на достигнутых лаврах и стремясь дальше развиваться и расширять своё влияние по планете, — Ротшильд решил создать самую масштабную в истории человечества разветвлённую международную надгосударственную финансовую организацию. И, благодаря своим сыновьям, он осуществил свой замысел. Но немаловажно и то, что после смерти первого Ротшильда сыновья смогли сохранить организацию в силе и развить её дальше.

Историю успеха Ротшильдов хорошо описал известный современный автор учебников по менеджменту — Питер Друккер, который в своём исследовании утверждает, что Ротшильд в те времена имел в европейских государствах хорошо налаженную эффективную систему связи-информации, благодаря своим агентам, лоббистам и коррумпированным чиновникам различных стран.

Реализуя свою глобальную идею, Амшель Ротшильд самого своего талантливого сына Натана отправил жить и работать на подготовленную площадку в Лондон (1803 г.), Джеймса — таким же образом в Париж, Соломона — в Вену, Карла — в Неаполь. Сам Амшель руководил своей организацией из Германии. Таким образом, — Ротшильды накинули на Европу свою финансовую сеть, охватив все основные столицы и государства.

В этой системе было достаточно одному из сыновей быть талантливым, чтобы вся система богатела, процветала, всё крепче сжимая в долговые тиски правительства европейских стран.

Таким сыном, достойным своего отца, оказался Натан Ротшильд, который и нанёс решающий удар самой богатой стране в то время в Европе и на планете — Великобритании.

Вот краткое описание происшедшего. Франция, хотя и была для евреев самой свободной страной, но после поражения Наполеона в России была для Ротшильдов не интересна. И всю свою основную деятельность они связали с Англией, в том числе и вложив в её ценные бумаги огромные капиталы. В Англии к этому времени сложилась для евреев очень благоприятная ситуация. За 150 лет пребывания в Англии евреи полностью её обжили. После изгнания английскими королями евреев из Англии и строгого запрета «не впущать» — Кромвель в середине XVII века сделал многое, чтобы евреи вернулись. Оливер Кромвель, глядя на

расцвет и растущую мощь Голландии, начал из патриотических соображений убеждать английский парламент и правительство разрешить въезд евреев в Англию по «причинам практическо-экономического характера», так как это будет «полезным для осуществления империалистических экспансионистских планов».

По этому вопросу в английском обществе разгорелись очень бурные, горячие споры и диспуты. В правительстве тоже не было единого мнения, оно колебалось и не решалось предпринять что-либо положительное по отношению к евреям. При этом стоит обратить внимание, что вопрос стоял о легализации въезда евреев в Англию, ибо они и так нелегально переезжали в Англию из протестантской Голландии, столицу которой Амстердам они уже называли «Новый Иерусалим». То же самое можно было сказать ещё до этого диспута о Лондонском Сити. Еврейский историк В. Зомбарт писал: «...в области английских финансов заметно господствует влияние евреев. В Англии денежные нужды Долгого парламента послужили первым толчком к привлечению туда богатых евреев... в 1643 г. их приток был особенно силён».

Не случайно именно в 1643 г. в Англии разгорелась кровопролитная гражданская война против свержения монархии, в которой парламентскую армию Оливера Кромвеля финансировали богатые евреи. Поэтому, когда Кромвель ратовал за легализацию евреев и приглашение их в Англию, он думал не только о развитии Англии, но и о своих долгах перед ними. А евреи были заинтересованы не только в своём географическом распространении и возможности делать бизнес в Англии, но они желали, чтобы Англия пошла по стопам Голландии. Ибо в отсутствии чёткой и понятной национальной монархической власти главенствующую роль во власти начинают играть деньги, то есть богатые купцы, мануфактурщики и банкиры, которые, если приглядеться, почему-то всегда оказываются в своём большинстве одной национальности.

И цель была достигнута — в 1646 г. королевская армия была разбита, а король Карл Первый оказался в плену и без предъявления каких-либо существенных доказательств его вины перед английским народом был казнён 30 января 1649 г. путём отсечения головы. С этого момента началась череда принципиальных ликвидаций монархий, которая закончилась захватом России в 1917 г. и кровавой расправой над русским императором Николаем Вторым и его семьёй. Поэтому О. Платонов в своём исследовании заметил:

«В день убийства Карла Первого Христианский мир перешагнул роковую черту».

А история переезда евреев в Англию закончилась тем, что в 1655 году Кромвель встретился с лидером еврейской общины в Европе — Манассом бен-Израилем. После чего евреи тихо и массово стали въезжать в

Англию, а правительство закрыло на это глаза. Что произошло в Англии дальше, прекрасно описал в своей книге знаменитый изобретатель и бизнесмен — Генри Форд:

«В старой Англии среди сословий купцов господствовало много почтенных обычаев. Так купец, пользующийся уважением, никогда не должен был начинать дело по собственному почину, а лишь тогда, когда ему было предложено. Точно также украшение витрин свечами или красками, равно как и выставка товаров, рассчитанная на приманку публики, считались позорным и нечистым приёмом, имеющим целью отбить клиентов у соседа. Наконец, считалось совершенно неприличным и противным купеческим обычаям торговать более, чем одним товаром. Если, например, кто-нибудь торговал чаем, то, казалось, он мог бы продавать и чайные ложки? Однако, если бы кто-либо сделал такого рода объявление, то он рисковал бы погубить своё дело...

Можно себе представить, что произошло, когда в эту чашу спокойных обычаев ворвался еврейский торговец. Он просто разбил их вдребезги... Еврейские лавки сделались базарами, предшественниками современных универсальных магазинов... Он (еврей) первый ввёл «быстроту оборота при малой прибыли», он же ввёл продажу в рассрочку... Он (еврей) был отцом рекламы в те времена, когда даже простое объявление о том, какой товар имеется в лавке, наводило публику на мысль, что собственник переживает денежные затруднения, и что ему грозит банкротство, почему он и прибег к отчаянному последнему средству...» В общем, картина ясна и знакома.

Ротшильды были крупнооптовыми торговцами и успешно осуществляли торговлю между Англией и Германией, меньше обращая внимания на проигравшую Францию. Но тут вдруг возвращается из ссылки Наполеон, собирает большую армию, и опять в Европе начинается военная заварушка.

Натан Ротшильд в результате этих событий сказочно разбогател, хотя и до этого был очень богат.

Когда в июне 1815 года в Бельгии, при Ватерлоо, происходила решающая битва коалиционных войск с наполеоновскими войсками, Натан Ротшильд наблюдал за сражением, спрятавшись за соседним холмом. Для него очень важным был исход сражения, так как его большие средства были в ценных бумагах Англии, которая могла проиграть битву и Ротшильд понес бы большие убытки.

И когда результат битвы стал ясен, он во всю прыть своего коня помчался к морю. В большой шторм, когда не было никаких мореходных сообщений, один рыбак за большое вознаграждение перевёз его в Англию. И таким образом Натан Ротшильд обогнал самую важную в то время новость на три дня. А наутро вместе со своими агентами разыграл

прекрасный спектакль на Лондонской бирже — обвалил эту биржу и фактически скупил Англию в течение нескольких дней за смешные деньги.

Англия — сильнейшая в тот период страна, морская империя, владычица морей и многочисленных колоний попала в зависимость к еврейским банкирам и с тех пор стала орудием политики еврейского мирового сообщества и местом сказочного обогащения. Чтобы хоть немного осознать масштабы, приведу один любопытный пример, — когда главнокомандующего войсками Ост-Индийской компании сэра Роберта Клайва отдали под суд за то, что он «не честно» поделился награбленным с Англией, то он давал следующие показания по одному(!) случаю:

«Алмазов было не так много, всего несколько корзин. Вот изумрудов мы собрали две или три бочки... Лично себе я взял всего двести тысяч фунтов. Я удивляюсь своей скромности, джентльмены». Вы хотя бы примерно представляете себе — о каких фантастических суммах здесь идёт речь?

Поэтому неудивительно, что когда правительство Англии возглавил еврей Дизраэли-Биконсфильд, то и вице-королём Индии стал еврей Риббинг.

Кроме того, в 1818 году державы победительницы Наполеона после победы под Ватерлоо организовали мирную конференцию, на которой попросили Ротшильдов помочь разобраться с Францией по поводу выплат каждой победительнице репараций и контрибуций. На это предложение Ротшильды согласились, естественно не бесплатно.

Таким образом, еврейская семья Ротшильдов выступила как официальная международная надгосударственная структура, организация — первая финансовая ТНК. Учитывая к тому же долги по кредитам различных европейских государств перед Ротшильдами — можно уверенно сказать, что с этого момента евреи не только были равноправны в Европе, но властвовали в ней. А, например, Австрия даже умудрилась попасть в долговую зависимость от Ротшильдов.

Евреям теперь оставалось добиться, как минимум, равноправия в России. Вот почему легендарная и деспотичная королева Англии — Виктория выполняла, казалось бы, такие мелкие поручения евреев — хлопотала перед русским монархом в 1846 году, чтобы он позволил евреям брать в прислугу русских. За хрупкими плечами английской королевы стояли знаменитые Ротшильды и еврейский политический деятель Дизраэли. Дизраэли происходил от испанских евреев, бежавших в торговую Венецию, а затем приехавших покорять Англию. Дизраэли для карьеры «перекрасился» в англиканскую веру и «не прогадал» — дважды занимал пост премьер-министра Англии, получил от королевы титул «графа Биконсфильда», и попал в палату лордов. Дизраэли занимался

научной деятельностью — разрабатывал расовую теорию превосходства, в которой, конечно, лучшими на планете были две расы — еврейская и английская, и, конечно же, из этих двух лучших лучшей была еврейская, перед которой англичане должны благоговеть за помощь в захвате полмира и создании супердержавы. Удовлетворению от полного господства на планете мешала Россия — мощная и одинокая. Поэтому грядущая Крымская война коалиции западноевропейских стран и Турции против России была закономерной и неизбежной.

В 40-х годах XVIII века произошло ещё одно событие глобального масштаба, настолько важное, что мы для изучения выделим его в отдельную главу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Последствия создания надгосударственной еврейской организации

В предыдущей главе мы наблюдали, как семья Ротшильдов создала еврейскую международную торгово-финансовую сеть, организацию. Зная взаимопомощь и солидарность евреев, не трудно догадаться, что подавляющее большинство сотрудников этой организации были еврейской национальности. Необходимо учесть, что Европу того времени нельзя было сравнивать с другими частями планеты: Африкой, Америкой, Австралией, Азией и т.д. Её лидерство и доминанта были бесспорными, и бесспорным было то, что тот, кто доминировал в то время над Европой — доминировал и над всей планетой. Таким образом, евреи почти достигли своей национальной и религиозной цели — доминанты над всеми народами. После этого следовало логично ожидать появления политической организации евреев планетарного масштаба. И это событие произошло.

«Идея создания Всемирного Еврейского Альянса возникла ещё в 1840-х годах — под влиянием известного Багдадского дела о ритуальном убийстве, когда еврейская община Багдада обратилась за помощью к своим единоверцам в странах Запада. Благодаря вмешательству Адольфа Кремье и других видных деятелей, а под их давлением — правительств Франции, Великобритании, США и других стран, включая Россию, дело было прекращено и обвиняемые освобождены...» — утверждает современный еврейский идеолог из США Семён Резник. Это был важный прецедент, показывающий силу еврейского общества на планете, и он логично толкал евреев к объединению и централизации совместных усилий различных диаспор в различных странах.

«Однако, ввиду слабых связей между еврейскими общинами разных стран, создание Альянса затянулось на два десятилетия», — объясняет Семён Резник. Телефонов и факсов ещё не было.

До этого момента уже существовали «международные» еврейские организации: «Ваад четырёх стран», организованная в 1580 г., а в 1807 г. в Париже была создана международная еврейская организация — «Великий Синедрион», в 1843 г. в США была образована всеамериканская еврейская организация «Бнай Брит». В каждой из них был президент, казначей, секретариат текущих дел и грозный трибунал. Эти организации не охватывали всю планету, не было слова «всемирный».

Повторюсь, — фактически единственным, ещё не взятым евреями форпостом была Россия. Поэтому не удивительно, что столько радости, восторгов и надежд среди евреев в Европе вызвало поражение России в Крымской войне (1854–1855 гг.). Видимо, разделяя подобные настроения, Энгельс с Марксом стали теоретически обосновывать военное вторжение в Россию с Балтики.

Подчеркну — формирование Всемирного Еврейского Альянса было уже просто формальностью, политической легализацией. По сути, эта организация была уже создана Ротшильдами до возникновения этой идеи. Ротшильды, вместе со своими советниками, помощниками, своей бюрократией, офисами и банками во всех основных столицах Европы, фактически представляли собой пресловутое первое еврейское планетарное правительство. Оно выполняло все присущие ему функции — от кредитов различным правительствам, до политического воздействия и вмешательства во внутренние дела различных государств. Поэтому, когда во второй половине XIX века правительство России попросило крупный денежный кредит у Ротшильдов, то те с ним поигрались, обнадёжили, а затем поставили возможность выделения займа в зависимость от полной эмансипации евреев в России.

Главы различных стран и относились к Ротшильдам, как к руководителям правительства богатой страны, то есть как к равному субъекту международных отношений. Когда мы говорим сейчас о еврейском правительстве до создания государства Израиль — это не метафора, и не какая-либо условность, — это реальность. Очень правильно эту реальность раскрывал необразованным людям первой половины XX века российский историк А.В. Карташев:

«Еврейство есть великая мировая нация... Нация, играющая огромную, непропорциональную своему статистическому меньшинству роль в мировом хозяйстве, мировой политике и мировой культуре; нация, превзошедшая всех своим национальным самоутверждением вопреки тысячелетиям рассеяния... Это хотя и не территориальная, но своего рода великая держава. Не объект филантропического сострадания, а равноправный субъект в мировом состязании великих наций» (С).

И здесь стоит отметить, забегая далеко вперёд, — когда в середине XX века с помощью СССР образовалось государство Израиль, то оно

стало составной частью уже существующего еврейского государства, о котором говорил историк Карташов. И, возможно, впервые в исследованиях на эту тему следует назвать дату образования этого государства. Исходя из логики развития событий вокруг семьи Ротшильдов — это конец 20-х — начало 30-х годов XIX века.

Как мы видели из утверждений Семёна Резника на эту тему — идея легализовать еврейство появилась в 1840 году, а была осуществлена в 1860 году. После этого были созданы подразделения Альянса во всех странах, где проживали евреи. В 70-е годы XIX века известный переводчик в России еврейской священной книги — Талмуда на русский язык Яков Брафман объяснял неразумным русским, что еврейское общество — это один большой кагал, «государство в государстве», и на планетарном уровне им управляет созданный «Всемирный Еврейский Союз» («Альянс»), который в 1860 году возглавил Адольф Кремье.

В России в Петербурге в 1863 г. еврейскими миллионерами Е. Гинсбургом и А. Бродским было создано подразделение «Альянса» под милым названием «Общество для распространения просвещения между евреями России». Следующей закономерной идеей, исходящей из достигнутой реальной мощи еврейского общества в этот период, была идея создания национального государства на конкретной территории, на исторической родине — в Палестине. Это так называемая «малая сионистская идея», в отличие от старой большой религиозной сионистской идеи — властвовать над всеми народами на планете.

«С 1860 года мессианская концепция возвращения в Сион стала исподволь превращаться в политическую идею возвращения в Палестину», — отметил в своей книге Я. Рабинович. И пошла теоретическая разработка этого вопроса — впервые эта идея была изложена публично еврейским идеологом Мозесом Гессом (1812—1875 гг.) в 1862 году в его книге «Рим и Иерусалим». Затем эту идею продолжил еврей из России Перец Смоленский(1842—1882 гг.) в его работе «Вечный народ». Затем бывший российский врач Леон Пинскнер (1821—1891 гг.) в брошюре «Автоэмансипация». И, наконец, Теодор Герцль, он же — Беньямин Зеев (1860—1904 гг.). И пошла «практическая» цепочка — в 60-х 19-го столетия поехали первые евреи осваивать Палестину, затем после Первой мировой войны и в результате Первой мировой войны евреи, благодаря Англии, получили в Палестине уже юридический статус, а после Второй мировой войны образовали самостоятельное суверенное государство.

Стоит отметить, что с созданием Ротшильдом своей межгосударственной финансовой системы мощь еврейского общества сильно возросла в результате появления надежной системы сохранения капиталов и их мобильности, ускоренного оборота и ускоренного накопления.

Как известно из истории, когда евреев в различных странах преследовали или выгоняли, то часто в этих случаях отбирали их деньги. Это же часто происходило и во время различных войн. Деньги пропадали и в результате насильственной смерти. Поэтому непрерывность процесса накопления богатств, как отдельной семьи, так и всего сообщества, прерывалась. Теперь же этому был положен конец. Еврейские деньги, оказавшиеся под угрозой в любом государстве, легко прятались в этой международной финансовой системе или легко, благодаря ей, убегали в другой регион планеты. Всевозможные долговые бумаги и безымянные векселя на предъявителя делали еврейские богатства неуязвимыми. И если какой-либо банк оказывался в зоне опасности (репрессии или войны) и был полон денег, то при захвате его недругами оказывалось, что, судя по бумагам, — он весь в долгах, а лежащие в сейфах деньги — не его. Вот что по этому поводу мы можем прочитать в вышедшей в 2000 году в России книге советника Тони Блэра — Пола Джонсона:

«Денег-то там не было! Были только бумаги, гулявшие по миру. Ротшильды завершили процесс, над которым евреи трудились веками, чтобы обезопасить свою законную собственность от насилия. Отныне их богатство оказалось вне досягаемости толпы». Можно добавить — и вне досягаемости монархов и правительств.

Мы можем порадоваться вместе с этим евреем и вместе со всеми евреями их изобретению. Но для тех, у кого были отняты деньги каким-либо несправедливым способом, — надежд на компенсацию, возврат или некую справедливость уже не было. Работу этой системы мы могли наблюдать и прочувствовать на себе, в современной России в конце XX века и начале XXI, когда происходили многочисленные процессы искусственного банкротства банков, инициированные самими владельцами этих банков. С созданием вышеописанной еврейской международной финансовой сети, организации, — мощь еврейского сообщества усилилась многократно ещё по той причине, что резко возрастала эффективность денег. Во-первых, в системе они представляли огромную консолидированную массу, в отличие от где-то спрятанных под полом отдельных даже крупных сумм. И сам по себе этот факт имел огромное значение и эффективность. Во-вторых, резко возросла маневренность денег — в кратчайшие сроки требуемая сумма денег могла оказаться в нужное время и в самом прибыльном для евреев деле и месте. Евреи, благодаря этой системе и своей традиционной консолидации, просто уходили в отрыв, вперёд, от других народов и всего остального разобщенного человечества вместе взятого.

Миллионы людей не осознавали происшедшие перемены на нашей планете, не осознавали этого и многие монархи и правительства, в том числе и российские. И теперь, в XXI веке, большинство людей на на-

шей планете это не осознаёт. И когда мы часто слышим о «всемирном еврейском заговоре», то имеется ввиду именно надгосударственная планетарная организация евреев — «Всемирный Еврейский Альянс (Союз)». Зато Ротшильды и многомиллионные их единоверцы понимали свершившиеся перемены прекрасно. Поэтому возглавивший в 1860 году «Всемирный Еврейский Альянс» бывший министр финансов Франции Адольф Кремье в 1860 году выступил с впечатляющим воззванием, весьма странным для непонимающих произошедших перемен:

«Союз, который мы хотим создать, не есть французский, или английский, швейцарский или немецкий; нет, он иудейский, — он всемирный. Другие народы расколоты по национальностям; мы одни имеем не сограждан, а исключительно единоверцев.

Не раньше станет еврей другом христианина или мусульманина как в тот момент, когда свет иудейской веры, единственной религии разума, засияет повсюду...

Национальность наша есть религия наших отцов, и мы не признаём никакой иной. Мы живём на чужбине и не можем заботиться об изменчивых вожделениях этих чуждых нам стран...

Израильтяне! Сколько бы ни разбрасывала вас судьба по всем концам земли, всегда глядите на себя, как на членов избранного народа.

Если вы понимаете, что вера ваших отцов есть ваш единственный патриотизм; если вы сознаёте, что вопреки вашим показным национальностям, вы повсюду образуете лишь один и тот же народ; если вы веруете, что только иудаизм представляет собой религиозную и политическую истину... то придите, услышьте наш зов и докажите нам своё согласие...

Католицизм, наш исконный враг, лежит ниц, поражённый в голову. Сеть, раскидываемая Израилем поверх земного шара, будет расширяться с каждым днём... Близится время, когда Иерусалим станет домом молитвы для всех народов, и знамя еврейского единобожия взовьётся на отдалённейших берегах. Станем же пользоваться всеми обстоятельствами.

Могущество наше огромно, — поучимся применять его к делу. Что же нам страшиться?.. Уж не далёк тот день, когда все богатства земные перейдут в собственность детей Израиля!»

Можно, конечно, порадоваться за евреев, но у каждого нееврея на нашей планете от этого религиозного фанатизма, религиозного расизма и ксенофобии должны пробежать мурашки по спине. Если бы не суровая реальность и строгая логика событий, то к подобному воззванию можно было бы отнестись, как к паранойе сумасшедшего, но это, увы, не так...

Но многие европейцы так и не поняли, что произошло в Европе и в их государствах, и эту экзальтированную речь Кремье серьёзно не восприняли или решили, что её и не было вовсе, а это были происки —

фальшивка и провокация «злостных антисемитов». Таким глупцам пробовал объяснить реальность знаменитый еврей К. Маркс, знавший правду «изнутри»:

«Судьбы Франции решаются не в кабинетах Тюильри, не под сводами палаты пэров, а на парижской бирже. Подлинные министры — это не г.г. Гизо и Дюшатель, а г.г. Ротшильд, Фульд (Ашиль Фульд 1800–1867 гг.) и прочие крупные парижские банкиры... Они управляют министерством, и министерство заботится о том, чтобы на выборах проходили лишь такие люди, которые преданы существующему режиму и тем, кто извлекает из него выгоду».

Даже многие исследователи истории различных стран и народов не могут до сих пор понять те важные судьбоносные перемены, которые произошли с первой половины до середины XIX века для всего человечества, и поэтому у них больше безответных вопросов и упрощённых ответов. Даже А. Солженицын в своём современном исследовании не придал должного значения этим фактам, совсем не обратил внимания.

Теперь дальнейший трагический ход истории России мы будем рассматривать, понимая, что произошло на планете и как это влияет на события в России. Но к истории России мы ещё не можем вернуться, пока не исследуем одно важное трагическое для России событие, происшедшее в этот период в Европе — порождение евреем Карлом Марксом марксизма.

В Европе для евреев наступили золотые времена. Они стали доминировать в первую очередь в Англии. А затем и в других странах: Франции, Германии, Австрии, Швейцарии и т. д. И ничто не предвещало плохого с их стороны, кроме объявленного А. Кремье... Но к этому времени всё в той же Германии подрос в обеспеченной еврейской семье талантливый мальчик — Карл Маркс и выдумал свою страшилку — теорию разрушения государства и общества путём противопоставления одной части общества другой. Не зря еврейский историк и советник Тони Блэра — Пол Джонсон в своей книге заострил внимание на происхождении Маркса:

«Дед Маркса был трирским раввином до самой смерти в 1789 г., его дядя был раввином... Его мать была родом из семьи, которая в течение многих поколений была знаменита своими раввинами и богословами...». Не случайно изображения Маркса красуются во всех современных еврейских изданиях, посвящённых знаменитым евреям.

До университета воспитанием Карла занимались его родственники, поэтому он не только был пропитан национальной наукой, но и прекрасно, как мы уже убедились, разбирался в специфике своей нации. После установления конституционной монархии в Англии и ликвидации монархии во Франции этот процесс концептуальной смены власти,

развития капитализма неуклонно двигался к России. Ещё до начала деятельности К. Маркса живший в Европе и всё хорошо понимавший Ф.И. Тютчев предупреждал россиян: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества».

И для этого грядущего столкновения К. Маркс разработал коварное оружие — технологию оболванивания низших неграмотных слоёв общества и направление их на своих национальных лидеров с целью их свержения, а сброшенную этими обдуренными агитацией слоями власть должны подобрать мудрые теоретики, направляющие эти якобы «стихийные» народные силы и представляющие якобы их интересы. И всё это закончилось кровавой трагедией России, Катастрофой русского государства и народа, и в частности геноцидом и Холокостом 4 миллионов казаков.

Исследовать историю евреев и обойти вниманием «достижения» Карла Маркса невозможно. Тем более, что сегодня, в 21 веке, существуют у нас в России ещё миллионы его горячих поклонников во главе с Г. Зюгановым, и даже председатель Совета Федераций С. Миронов 3 мая 2008 года по центральному каналу ТВ щедро хвалил достижения «великого» К. Маркса. Поэтому тема марксизма не только важна для понимания истории, но и актуальна сегодня для понимания некоторых наших лидеров, и без этого «ликбеза» никак нельзя разобраться в истории и современной действительности.

Чтобы достаточно хорошо разобраться в марксизме мы пристально рассмотрим личность Маркса и его деятельность только за короткий период — за 9 лет: с 1843 по 1852 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАРКСИЗМ

Личная история еврея Карла Маркса и марксизм являются неотъемлемой частью достижений еврейского народа и неотъемлемой частью его истории. Марксизм Маркса появился не на пустом месте и не с нуля. Идеи свободы и равенства в человечестве имеют давнюю историю. И чтобы понять хорошо Маркса и других евреев, а именно они с середины XIX века и до наших дней чаще других размахивают этими лозунгами — необходимо заглянуть в эту историю.

Чтобы понять актуальность этой темы и сегодня, после крушения марксизма в России, стоит глянуть на современное руководство различных диссидентских, правозащитных организаций и фондов борющихся за свободу граждан. Ситуация доходит до комической и даже подвергается самокритике евреями. Вот, например, что можно прочитать в современной российской еженедельной газете Российского Еврейского Конгресса «Еврейские новости» № 26 (098) (июль 2004 г.):

«В то же время всяческие антифашистские комитеты и организации, состоящие сплошь из Хаймовичей, Рабиновичей и Певзнеров, не вызывают ничего, кроме усмешки. Уж если в таких городах, как Москва, Питер, Саратов не найти десяток интеллигентных людей с фамилиями Иванов, Петров, Сидоров, которые не побоятся громко высказаться против захлестнувшей страну ксенофобии и антисемитизма, это уже диагноз стране и обществу», — с иронией и горечью сетует член президиума Ваада России и главный редактор еврейской газеты «Ами» Яков Цукерман.

В триаде: свобода, братство, равенство с «братьями» — масонами мы немного разобрались в предыдущей книге, осталось разобраться со свободой и равенством. Кроме актуальности, глубокое понимание темы свободы и равенства очень важно для мировоззрения даже мало-мальски думающего человека.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Свобода, неравенство и несправедливость

Можно сказать устами немецкого философа А. Шопенгауэра, что брошенный камень в своём «свободном» полёте чувствует себя потрясающе свободным. И на этом тему закрыть; эта грустная ирония прекрасно передаёт весь смысл темы. Но ведь интересно взглянуть на эксперименты человечества с этой свободой и полученный в результате опыт.

Начнём с грустной фиксации фактов — человек с момента своего рождения и с момента вообще появления человечества был несвободен, — угнетён, угнетён и зависим от внешних погодных условий, и необходимости искать себе убежище или строить свой дом; от своих родителей, от необходимости добывать себе пищу, от необходимости заботиться о своих детях; от других человеков, которые могли ворваться с оружием, забрать все запасы пищи, одежды, сжечь дома и угнать всех в рабство, чтобы быть самим немного свободнее от бытовых дел; от своих же соплеменников, которые могли обидеть, ударить, приказать, заставить, обделить, переманить, забрать любимую женщину и т.д.

Одновременно со всем этим — как протест, как противовес, как некое моральное утешение были созданы мечты. Мечты о свободе вообще и о свободе от конкретных угнетений-зависимостей-несвобод: о манне небесной, о скатерти самобранке, о чудо-оружии и чудо-богатырях, о ковре-самолете, золотой рыбке и т. д. Мечта-утопия-идея восстала, противостала против реальной действительности, против реального положения вещей. И такое положение вещей, и противостояние длилось тысячелетиями. Можно смело сказать, что идея-мечта о некой глобальной всеобъемлющей свободе или о каких-то её меньших разновидностях передавалась не только веками из поколения в поколение в сказаниях, мифах, легендах, сказках, но и в генетике.

В свободные минуты человек мог помечтать о свободе, пофантазировать — эта деятельность его сознания сильно компенсировала осознание суровой реальности и страдания самого сознания-психики. Как бы сознание само себя утешало, находило компенсацию. С развитием человечества точно такую же роль стала играть религия в её самом примитивном виде. Религия говорила — да, есть неравенство, есть сильные и слабые, есть бедные и богатые, но, во-первых, — так задумано Богом — кому-то он дал больше, а кому-то меньше; во-вторых, — все равны перед Богом; в-третьих, — Бог кому больше дал, того и может и наказать больше, а быть праведником может и бедный, поэтому он в загробном или небесном царстве может жить лучше, чем сегодняшние сильные и богатые.

Религия была в этом плане сильным компенсатором угнетения, несвободы, несправедливости, была классной примочкой на сознание и в этом ракурсе, бесспорно, была пресловутым «опиумом для народа». Причём в отличие от просто мечты-утопии, в варианте религии сознание человека также само себя утешало, компенсировало свои страдания, но на этот раз оно не было чистым плодом-выдумкой каждого конкретного сознания, а было создано как идея-модель-схема более умными сородичами и навязана как глобальность, всеобщность. Как бы все многочисленные и различные мечты людей были централизованы, организованы, им придали единое направление.

В двадцатом веке ровно также за людей станут мечтать и подменят религию технологи Голливуда, различные пиарщики и технологи, и по сей день успешно внушающие людям нужное их хозяевам, управляющие людьми, их поведением. Угнетение, несвобода и зависимость между человеком и внешней средой — внешним Миром было из-за потрясающей неравности между ними в объёмах, масштабах, силах и т. д., то есть из-за разности-различия-неравенства.

Разница между людьми, народами и государствами была менее потрясающая в сравнении с предыдущей, но она также являлась единственной причиной взаимного угнетения: войн, порабощения, диктата своих условий, несправедливости и т. д. Это бесспорно и очевидно — достаточно посмотреть, как сейчас ведёт себя страна под названием США: давит, кого хочет, любыми методами — от влияния-давления через международные финансовые организации до прямой самовольной бомбёжки и ракетных ударов. Увы, — то, что США ведёт себя свободно агрессивно, по-хамски и нагло — это объективно, закономерно и бесполезны здесь все международные постановления и законы. Здесь проявляется-действует тот же закон неравенства или сильного, который действует в армейской дедовщине или в коллективах заключённых в местах лишения свободы. Поэтому и методы противодействия должны быть совершенно отличные от пустых словесных осуждений.

Так как нет абсолютной свободы — значит всегда есть некая форма несвободы-зависимости. Весь вопрос упирается в соотношение свободы и несвободы, а также в формы выражения несвободы. Как правило, мы имеем две крайности, как верно заметил Шопенгауэр, — с одной стороны крайний диктат, тирания, насилие, централизация, а с другой — разрушительная демократия, доходящая до анархии, до саморазвала общества и государства. Между двумя этими крайностями и колеблется маятник жизни.

Свобода всегда ассоциировалась со справедливостью, а несвобода с несправедливостью, а справедливость всегда ассоциируется с равенством во всём. В этом последнем пункте и происходит неизбежное нарушение мирового закона «различия-разности-неравности» всего

существующего. Все восстания и революции всегда провозглашали одни и те же лозунги о равенстве и справедливости. Взгляните на восстания Спартака, Пугачёва, Мюнцера и многие другие — вы обнаружите одни и те же основные лозунги. Вот, например, знаменитый лозунг-идея многих французских революций — «Свобода, равенство, братство!». Ещё за пять веков до нашей эры в Греции «справедливые» эфесцы изгнали друга Гераклита — Гермодора говоря: «Да не будет никто среди нас наилучшим, а если есть такой, то пусть будет в другом месте и у других».

Причём рассматриваемый вопрос — не пустая софистика, а суровая реальность. Например, если понимаем «лучший» как более умный и образованный, то здесь поучителен эксперимент марксистов в России, — они не только после захвата власти избавились от лучших в обществе, но и объявили лучшими не самую лучшую в вопросе интеллекта часть общества — пролетариев, придали им функцию гегемона и диктатора. Лучших допускали только до изобретения оружия и спутников, и то в аспекте военном. Остальных же старались придавить своим ногтем посильнее, в то время как в остальных странах лучшие были при деле и стимулировались. В результате пришлось в России покупать все импортное от утюгов до автомашин — и проиграть в мировой конкуренции. Кроме того, оказалось, что многие гражданские разработки являются толчком и для многих военных, в результате опять пришлось проиграть и в этой области.

В большинстве случаев в истории человечества равенство воспринималось как отсутствие иерархии в структуре общества, как социальное равенство, под которым подразумевалось равенство функциональное в обществе, по отношению к власти, и равенство материальное, равное распределение еды и даже женщин. Например, утопический лозунг равенства сторонников Яна Гуса (1369–1415 гг.) звучал так: «Все должны быть друг другу братья и никто не должен быть подданным другого».

Немало внимания этой теме уделил в своих книгах наш прекрасный мыслитель, математик И. Р. Шафаревич. Почерпнём из его книги несколько ярких исторических фактов.

Ириней Лионский и Климент Александрийский описывают гностическую секту карпократиан, возникшую в Александрии во II веке после Р. Х. Идеологом секты был Карпократ и его сын Эпифан. Вот ключевые «мудрости» Эпифана о справедливости и о главных принципах жизни общины.

«Итак, Бог всё сделал для человека общим, на началах общности сводит мужчину и женщину; таким образом связывает все живые существа; в этом он проявил справедливость, требующую общности в сочетании с равенством. А родившиеся таким образом отрицают общность, которая создала их, они говорят «кто уводит одну жену, пусть владеет ею», а ведь

они могут сообща владеть всеми как это видно у прочих животных». И таким образом опустились к животному уровню.

То есть под равенством эти христиане понимали возможность иметь общих жён или — любую которую захотят. Шафаревич:

«Манихейского происхождения было и движение Маздака, распространившееся в конце V в. и начале VI в. в Персии. Маздак учил, что противоречия, гнев и насилие возникают из-за женщин и материальных благ... Движение охватило всю страну, и одно время его сторону принял и царь Кавад Первый. Другой историк, Табари, пишет: «и часто человек не знал своего сына, ни сын — отца, и никто не имел достаточно, чтобы жить обеспеченной жизнью». В возникшей смуте маздакиты были побеждены». Движение христиан — катаров (катары значит по-гречески — чистые) охватило Западную и Центральную Европу в XI–XIII веках нашей эры. Наибольшую популярность это движение приобрело во Франции. Самые знаменитые идеологи — монах и аббат Иохим из Флори и магистр теологии из Парижа — Амальрих де Бена, которые жили в конце XII века. Идеологическая основа этих недоучек была из Нового Завета — «Там, где Дух Господень, там и свобода». Отсюда они себя называли — «свободные духом».

Три основных постулата этих «умников» — «Бог это всё», «Всё едино, ибо всё, что есть, есть Бог», «Кто следует закону любви, тот выше греха». И они стремились через экстаз добиться тождества с Богом. Проповедовали отказ от собственности и семьи — всё общее, включая жён. Шафаревич:

«Так, «свободный дух» — царь и властитель всего сущего. Ему принадлежит всё, и он может всем распоряжаться по своему усмотрению, а кто ему в этом воспрепятствует, того он может убить, будь это хоть сам император. Ничто, совершенное плотью такого человека, не может ни уменьшить, ни увеличить его божественности... Близость с любой женщиной, хотя бы сестрой или матерью, не может загрязнить его и лишь увеличит её святость. Многочисленные источники (Иоганн Герзон из Иль де Франс, 1423; Вильгельм Прокуратор из Кельна, 1325; цистерианский аббат монастыря близ Клагенфурта, 1326; и другие) сообщают о ритуалах секты, включавших беспорядочное соединение полов. В Италии эти «мессы» называли «барилотто», в Германии сообщается о специально для этого предназначенных убежищах «парадизах» (бесплатные публичные дома)».

То же проповедовали и христиане, называвшие себя — «апостольские братья». Тот же социализм: общность имущества и жён. Необходимо отметить, что у этих демократов, сторонников максимальной свободы и справедливости, общности жён и имущества проявлялась необычайна жестокость и свирепость по отношению к другим. То есть обнаружива-

лось стремление максимально лишить свободы других или их убить. И смысловое основание этого понятно — раз всё общее, то нет смысла работать, а на что тогда жить, если нет труда и его плодов? — Разбоем и грабежом.

Самым знаменитым вождём «апостольских братьев» был Дольчино. Шафаревич:

«Наконец, в 1304 г. была сделана попытка претворить эти учения в жизнь. Набрав около 5000 членов секты, Дольчино с этой армией укрепился в гористом районе на севере Италии, грабя окружающие города, деревни и уничтожая церкви и монастыри. Вскоре все окрестные области были охвачены паникой. Вся окрестность на десятки миль была разграблена и сожжена. Три года продолжалась война, пока лагерь Дольчино не был взят приступом, а сам он казнён».

То же наблюдалось и в движении других христиан-таборитов в XV веке в Чехии после сожжения Яна Гуса, опять — всё общее: имущество и жёны. «В Городище или Таборе нет ничего моего или твоего, а все вместе одинаково пользуются: у всех всё должно быть общим, и никто не должен ничего иметь отдельно, тот, кто имеет отдельно, тот грешит».

Все крестьяне, не присоединившиеся к таборитам, «сами вместе со своим имуществом должны быть уничтожены». Тот же свободный дух — «ничего не делать, деревья ломать, а дома, церкви и монастыри разрушать» — «чистый» сатанизм. Наибольшим «божественным духом» отличалась одна из ответвлений таборитов — секта адамитов под предводительством Беггарда (выходец из Бельгии) — «Они убивали всех подряд, по ночам сжигали села, города, и людей, ссылаясь на то, что в Библии сказано: «В полночь раздался крик». Так в городе Прчице они «перебили всех людей — молодых и старых, а городок сожгли». Имущество убиенных, конечно, прихватили с собой.

Император и Папа Римский призвали к крестовому походу против таборитов, но те не только разбили крестоносцев, но и перенесли войну в соседние страны. Их набеги назывались в гуситской традиции «Прекрасные походы». Некоторые страны они опустошали, унося с собой добычу... В одной песне того времени говорится: «Мейсен и Саксония погублены, Силезия и Лужицы в развалинах, Бавария превращена в пустыню, Австрия разорена, Моравия истощена, Богемия перевёрнута вверх дном». То же самое движение Шторха в XVI веке в Германии, пункты учения которого призывают:

«1. Что никакой брачный союз, был ли он тайный или явный, не следует соблюдать...

2. Но наоборот, каждый может брать жён, коль скоро его плоть того требует и подымается его страсть, и жить с ними по своему произволу в телесной близости.

3. Всё должно быть общим, ибо Бог всех людей равно послал нагими в мир. И так же он дал им всем равно то, что есть на земле, в собственность — и птицу в воздухе, и рыбу в воде...».

Томас Мюнцер, провозгласивший: «Нашим главным исповеданием было — все будет общим!», захватил власть в 1525 году в городе Мюльхаузене. «Написанная в то время «История Томаса Мюнцера» (её автором долгое время считали Меланхотона) так описывает положение в городе:

«...Он (Мюнцер) учил также, что вся собственность должна быть общей, как написано в Деяниях Апостолов, что они сделали всё общим. Этим он так настроил народ, что никто не хотел работать, но если кто имел нужду в еде или одежде, то шёл к богатому и требовал это по Христову праву, ибо Христос велел делиться с нуждающимися. А кто не давал охотой, у того отнимали силой...» (И. Ш.).

Вообще, история человечества с понятием «свобода» — это какая-то трагикомедия и издевательство над понятием. Им стараются воспользоваться глупцы или крайние ловкачи.

В 1534–1535 году два авантюриста-апостола из Голландии Маттис и Бокельзон захватили город Мюнстер. Ввели обычный, нам хорошо знакомый социализм и всё повторилось. Вот одна картинка этого исторического факта — Шафаревич:

«Почти каждый день происходили казни: например, 3 июня 1535 года казнили 52 человека, 5-го — 3 человека, 6-го и 7-го по 18 человек и т. д. Казнят то строптивых жён, то женщину, осуждающую новые порядки. Одна женщина не захотела стать женой царя (Бокельзона), несмотря на его неоднократные предложения. Тогда он сам отрубил ей голову на площади, а другие жёны пели «Слава Богу Всевышнему».

А что сделали революционеры в «великую» французскую революцию в начале XIX века? — Они первым делом создали гильотину и общественные склады зерна, и организовали справедливое равное распределение хлеба. После чего начался голод, затем пришлось посылать в деревни за хлебом отряды вооружённых людей — продотряды и т. д., — ситуация до боли нам знакомая...

Однако восстания и революции проходили и закон различия-неравенства этого Мира, Космоса, Вселенной неумолимо срабатывал — быстро воцарялось неравенство, выстраивалась иерархия неравностей. Говоря о равенстве, свободе и справедливости, стоит обратить внимание на очень интересный и закономерный факт — там, где в истории наблюдались славные моменты свободы, демократии и благополучия, там обязательно была и крайняя противоположность — рабство, за счёт которого всё достигалось. Например, возьмите расцвет царств Египта, Шумер или Ассирии, или возьмите знаменитых свободных и «демо-

кратичных» греков. А для самых демократичных стран Европы XVIII и XIX (прошлого) веков — Англии, Голландии и Франции торговля рабами была одним из самых прибыльных дел, в то время как отсталая, нецивилизованная и недемократическая Россия в это время даже такой мысли не допускала.

А Англия ещё в начале прошлого века воевала с Испанией за рынки сбыта рабов. А на чьём труде поднималась пресловутая свободная и демократическая Америка? А за счёт чего сегодня держится благополучие современных демократических стран западной Европы и США? Возьмите любой солидный экономический журнал Лондона или Нью-Йорка — и обратите внимание на характер финансовых потоков. Вы обязательно увидите, что финансовые потоки из неразвитых стран в развитые намного превосходят инвестиционные потоки. То есть благополучие в развитых странах поддерживается во многом за счёт обирания-эксплуатации природных и людских ресурсов третьих стран, а не исключительно из-за высокой производительности труда в этих странах, как это обычно рекламируют. Странам, из которых высасывают капиталы, не дают умышленно набрать экономического запаса, «жира» — для самостоятельного роста, вообще для самостоятельности. Поэтому десяткам таких богатых стран — как Бразилия, Аргентина, Венесуэла и пр. — никогда не светит быть развитыми и жить в благополучии и достатке при существующей мировой системе. Они строили капитализм долгое время и будут дальше строить его ещё дольше. В этих странах развитые страны любыми, даже самыми крайними средствами, будут поддерживать «демократию» — иначе они будут иметь крупные проблемы внутри собственных стран, ибо не смогут выплачивать высокие зарплаты и знаменитые социальные пособия, размеры которых являются не адекватными труду.

Возможно, читатель обратил внимание, что рассматриваемые нами, благодаря Шафаревичу, эксперименты человечества со свободой были представлены в хронологическом порядке. И эта эстафета далее перешла к Франции.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Французские просветители. Заблуждения Руссо

Можно сказать, что история французских революций началась с упадка Франции после блестящего правления кардинала Ришелье Арман Жан дю Плеси (1585–1642 гг.). Ришелье был прекрасный философ жизни, хороший организатор и руководитель. Не он был при короле Людовике Восьмом, а король был при нём. Этот кардинал создал современную по тем временам армию по типу шведской, создал современный сильный флот, выиграл ряд внешних и внутренних войн, в том числе успешно провёл знаменитую тридцатилетнюю войну, организовал военные походы с целью колониальных захватов в интересах Франции, организовал внутреннюю и внешнюю торговлю. В общем, личность была великая, сравнима по своему значению для Франции с нашим Петром I.

В начале правления Ришелье Франция была слаба, король слаб, денег мало, полно долгов, Франция раздроблена на множество мелких княжеств, одни из которых католики, другие протестанты-гугеноты; князья имели свои крепости, свои войска, вели свои войны — в общем демократия среди этого элитного слоя была хорошая и результат её был соответствующим.

У планирующего сделать сильной и богатой Францию кардинала было несколько несложных и понятных истин. Одна из них звучала в его устах так: «Кто силён, тот часто прав с государственной точки зрения...». И придя к власти, он максимально использовал её силу. Во-первых, он строго воспретил все устные и письменные протесты парламента против короля, то есть убрал всю ненужную болтовню и дебаты. После чего разрушил ограждения и укрепления княжеств, графств и герцогств, распустил их армии, запретил под страхом смертной казни дуэли между вельможами. Создал постоянную государственную сухопутную армию и

военный флот. Первая и единственная во Франции газета, выходившая с 1631 года, была полностью подконтрольна кардиналу.

После чего Ришелье создал строгую централизованную службу управления, контроля и собирания налогов, которая называлась интендатура, а её чиновники — интенданты, облечённые судебной, финансовой, административной и контрольной властью осуществляли контроль над страной.

Внутри страны Ришелье дисциплину поддерживал самыми строгими мерами, вопрос восстаний решался однозначно, как констатировал один летописец тех времён после какого-то восстания «Пленных перевешали и весь сброд расстреляли». Ришелье придерживался довольно категоричного мнения по отношению к народу: «Народ — это мул, который, привыкнув к тяжести, портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы». Эту истину, спустя триста лет, поняли американские специалисты по социальной инженерии и, в отличие от Маркса, разработали рабочим не только восемь рабочих часов, но и восемь оставшихся часов перед сном, развлекая различными телешоу, боевиками, эротикой и т. д., чтобы рабочий отдыхал, набирался сил, а не утруждал себя различными ненужными мыслями о политике.

За период правления Ришелье в пять раз увеличились налоговые сборы в казну, Франция могла успешно решать многие задачи на международной арене, в том числе могла успешно конкурировать с экономиками таких бурно развивающихся стран, как Англия и Голландия. Интересно, что этот великий кардинал ставил интересы государства выше религиозных или церковных. В эпоху его правления Франция была богата, а народ при деле и обеспечен.

Эпоха расцвета Франции длилась ещё несколько десятков лет при преемнике и последователе Ришелье — Мазарини, который переборщил: задавил Францию налогами, чем вызвал многочисленные восстания и противостояние парламента.

Но Францию разорила классическая болезнь от успехов и богатства: непомерная, головокружительная роскошь жизни элиты, строительство великолепных дворцов, бесконечные и бесчисленные балы, жизнь только для удовольствия, многочисленные любовницы и подарки им в виде замков и огромных пожизненных пенсий. Естественно, что такой образ жизни пожирал огромное количество денег, которые скоро закончились

Чтобы выровнять положение власти, выпустили огромное количество необеспеченных ценных «бумаг» — ГКО, коррупция приняла потрясающие размеры, а ещё большие размеры приняло обворовывание казны. Министр финансов не отчитывался ни перед кем, и никто не знал истинное финансовое положение в стране и долг казны. Время от времени

кого-то снимали с должностей, даже казнили или высылали за пределы страны, конфисковывали деньги и имущество, приходил на его место другой — и весь процесс обворовывания страны начинался заново.

Положение страны и народа к концу XVIII века было катастрофическим, нищенским, государственный долг достиг астрономических размеров. Соответственно налоговое бремя на население было огромным, что вызывало понятное недовольство народа и парламента. Парламент встал в резкую оппозицию к королю, и к 1788 году это противостояние достигло максимума. В этой всей критической ситуации король вынужден был в мае 1789 года созвать Генеральные Штаты, которые уже не созывались 175 лет. Генеральные Штаты — это сословно представительное учреждение, некий совет старейшин или мудрых, который, по идее, должен был представлять весь народ и якобы выражать его мнение; в него входили представители дворянства, духовенства и горожан (третье сословие). Впервые этот орган создал в 1302 году король Филипп Красивый для поддержки своих инициатив. Во время таких созывов сословия пользовались моментом и выторговывали себе различные законы или льготы. Ко времени очередного созыва в 1789 году Франция подошла в кризисном состоянии. И к этому времени во французском обществе здорово поработали масоны, которые взрастили идею создания республики. К тому же к этому времени во Франции появилось несколько ярких мыслителей философского склада, достижениями одного из них воспользовался К. Маркс.

Просветители Франции

В один и тот же период во Франции жили: Вольтер — Мари-Франсуа Аруэ (1694–1778 гг.), Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.), Дени Дидро (1713–1784 гг.) и Гельвеций Клод Адриан (1715–1771 гг.). Все они были философами, писателями, поэтами, драматургами, а Руссо был ещё и композитором. За продвигаемые в общество взгляды их назвали просветителями.

Все они были не из богатых сословий — Гельвеций был сыном врача, Руссо был сыном часовщика, Дидро — ремесленника, Вольтер — нотариуса. Но благодаря собственному таланту, относительному достатку родителей и некоторой удаче — все они достигли больших высот, например, Дидро получил звание магистра искусств, а Вольтер был членом Французской Академии.

Просветители в своих взглядах стояли на грани революционности, например: «Образование придаёт человеку достоинство, и раб начинает сознавать, что он не рождён для рабства», — декларировал Дидро. Пожалуй, лишь один Гельвеций говорил больше о бесконечном, вечном,

материальном Мире. Остальные трое высказывались в духе приведённой фразы Дидро.

Закономерным образом получилось противостояние между ними и церковью, хотя они не отвергали полностью церковь и считали её необходимой для сохранения общественного порядка и частной собственности. По этой же причине было противостояние между просветителями и властями. В результате чего трактат Гельвеция «Об уме» официально сожгли; Вольтер в 1717 году был заключён в Бастилию, в 1726 г. был выслан из Франции, а в 1734 г. был осуждён парламентом на сожжение, но казни избежал. Дидро отсидел почти два года в тюрьме, а Руссо вообще всю жизнь приходилось скрываться от властей, и находится постоянно в бегах — как от властей, так и от католиков и от протестантов.

Во Франции с начала XVII века, глядя на соседнюю Голландию, шушукались о республике. В 1762 году Вольтер в своей работе «Республиканские идеи» начинал основательно разрабатывать идею республиканского устройства страны, хотя его устраивала и просвещенная монархия, то есть некий просвещённый справедливый король. Дидро также симпатизировал этим идеям, хотя сомневался, — подходит ли республиканское устройство к такой большой стране как Франция. При этом Дидро также устраивала просвещённая монархия. Руссо же в отличие от предыдущих сотоварищей был самым радикальным, категоричным и революционным — он был не только против существования короля, но и вообще — против существования неравенства, существования господствующих, эксплуататорских классов, которые пользуются плодами-достижениями всего общества. Это были уже характерные взгляды будущего марксизма, и половину своей философии талантливый сын еврейского народа Карл Маркс, не афишируя, взял у Руссо. Поэтому, чтобы понять Карла Маркса необходимо знать Руссо.

Истины и заблуждения Руссо

Среди вышеназванных мыслителей-просветителей Гельвеций почти не касался вопросов переустройства общества, философии государства; Дидро же после тюрьмы оставил эту тему и полностью посвятил себя созданию первой Энциклопедии(1751–1765 гг). А Вольтер и Руссо, хотя оба симпатизировали идеям республиканского устройства, однако сильно отличались во взгляде на фундаментальный вопрос изначального равенства или неравенства, и отсюда происходило всё множество других разительно различных взглядов.

Руссо исходил из интересной аксиомы — все люди рождаются равными, ибо все они были равными в первобытном диком состоянии. По разумению Руссо — достаточно всех поставить опять в равные условия,

дать равное образование и воспитание — и все опять будут равными. А Вольтер, как и Дидро, считал, что все люди рождаются изначально с разными способностями, поэтому все люди изначально неравны. Уважаемые читатели, будьте внимательны — данный вопрос и поныне является для многих очень актуальным и нерешенным, на нём здорово «поскользнулись», вернее — его коварно использовали относительно недавно Маркс и Ленин. Вольтер: «На нашей несчастной планете невозможно, чтобы люди, живущие в обществе, не были бы разделены на два класса — один из угнетателей, другой — из угнетённых. Человеческий род, такой, каков он есть...».

Ранее мы уже приводили цитату об образовании Дидро, который, как и Вольтер, считал образование важным, но не решающим всё, поэтому оба эти философа считали очень важным выявление в человеке изначальных, природных задатков-способностей. Руссо к решению этого вопроса подошёл максимально серьёзно и посвятил этому исследование под названием «Рассуждение о начале и основании неравенства между людьми» (1775 г.). В этой работе он проследил эволюцию человечества в названном вопросе. Эта работа Руссо очень интересна ещё и тем, что её будет в своей основе повторять, дублировать К. Маркс. Ж.-Ж. Руссо долго изучал жизнь «диких», первобытных людей, живущих свободно в лесных чащобах, и пришёл к следующим выводам:

— «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это моё!» и нашёл людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества»;

— «Неизбежным следствием обработки земли был её раздел, а как только была признана собственность, должны были появиться первые уставы правосудия»;

— «Равенство могло бы сохраниться, если бы люди обладали одинаковыми дарованиями»; «Самый сильный производил своим трудом больше, чем другие; самый искусный извлекал больше выгоды из своей работы; самый изобретательный находил способы сократить затраты труда; землепашец мог больше нуждаться в железе, или купец — в хлебе; при одинаковой затрате труда один зарабатывал много, а другой едва существовал»;

— «Вот каким образом люди могли незаметно для самих себя приобрести некоторое грубое понятие о взаимных обязательствах и о том, сколь выгодно их выполнять»;

— «Повсюду — скрытое желание выгадать за счёт других. Все эти бедствия — первое действие собственности и неотделимая свита нарождающегося неравенства»;

— «С течением времени изменяются предметы наших потребностей и удовольствий; вот почему изначальное в человеке постепенно исчеза-

ет...», «Душа и страсти человеческие незаметно подвергаясь порче, изменяют, так сказать, и свою природу», «Дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаянье»;

— «Каждому должно быть ясно, что узы рабства образуются лишь из взаимной зависимости людей и объединяющих их потребностей друг в друге».

Добавлю слова Руссо из его пьесы «Нарцисс»: «...слово Собственность, которое стоит столько преступлений нашим так называемым почтенным людям, не имеет среди дикарей почти никакого смысла; ничто не толкает их к тому, чтобы обманывать друг друга». Добавлю ещё мнение Руссо из его назидательного письма польскому королю С. Лещинскому:

«Первый источник зла — неравенство; из-за неравенства возникли богатства, они породили роскошь и праздность, роскошь породила искусства, а праздность — науки». Вот так Руссо перевернул Аристотеля!

Итак, Руссо верно отразил истину положения и затем сделал ошибочный вывод, что эволюция человечества несколько тысяч лет шла «ошибочным» путём. Глупости Руссо очевидны — и это был кумир французских масонов-революционеров и К. Маркса...

Руссо решил исправить эволюционную «ошибку», решил ликвидировать все эти тысячелетние неправильные эволюционно-исторические накопления и всё вернуть на уровень равенства дикарей.

Этой «гениальностью» Руссо закономерно возмущался Вольтер: «Как, тот, кто обработал, засеял и огородил, не имеет право на плоды своих трудов? ...Вот философия нищего, который желал бы, чтобы бедняки обокрали богатого». Последнее Вольтер заметил очень метко, ибо Руссо, особенно в молодости, жил в большой нужде, был слугой, лакеем и секретарём людей намного глупее его, но богатых. И Руссо, глубоко переживая эту несправедливость, создал эту свою теорию. Хорошо ещё, что на его пути не попалась старушка-процентщица...

Руссо неоднократно возмущался, что люди не имеют одинаковых стартовых имущественных условий, и поэтому бедняк не имеет возможности стать богатым. Но из этого ведь не следует опровергать вообще всю эволюцию, труд, необходимость экономического человеческого общения и факт неравенства. Проследим с интересом далее логику Руссо, ибо дальше точно этим же «гениальным» логическим путём будет идти Карл Маркс.

Рассматривая необходимость взаимных обязательств-договор в результате вынужденного, необходимого общежития, Руссо делает «фундаментальный» вывод: «из природы договора мы увидим, что он не может быть нерасторжимым». — А почему бы и нет?

Сложившиеся тысячелетиями связи Руссо желает полностью разрушить и на их месте создать новые, договорные, якобы подлинные, истинные и справедливые: «...буду здесь рассматривать создание Политического организма как подлинный договор между народами и правителями, которых он себе выбирает, договор, по которому обе стороны обязуются соблюдать законы, в нём обусловленные и образующие связи их союза». Тысячелетние, вечные законы Руссо решил заменить новыми, он решил поменять «правила игры» Жизни.

В этой работе о неравенстве Руссо выкладывает основу своей философии, все свои взгляды: от формирования конституции до формирования республиканских органов власти — «один из этих законов определяет порядок избрания и власть магистратов, уполномоченных наблюдать за исполнением остальных статей договора». Во всех последующих своих работах Руссо пытается подробнее развить названные темы, исходя из опыта республиканского строительства в древней Греции и в Римской Империи.

В следующей своей работе «О Политической экономии» Руссо упреждает Гегеля, говоря: «Политический организм — это, следовательно, условное существо, обладающее волей...». Можно к этому добавить, что политический организм есть некая целостность, есть живой организм, объединённый и соединённый живыми человеческими мыслями, решениями.

В этой же работе интересно понаблюдать, как Руссо ищет дальнейший путь, осуществляя поиск в борьбе между собственными убеждениями и логической необходимостью: «если отчисления добровольны, они(граждане) не дают ничего; если они вынужденны, они незаконны; и в этой жестокой альтернативе: дать погибнуть Государству или посягнуть на священное право собственности, которое есть опора Государства, состоит трудность справедливой и мудрой экономии».

Руссо, в отличие от Маркса, не уничтожает частной собственности, он её сохраняет, и интересно выяснить для чего: «Несомненно, что право собственности — это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода: потому ли, что ...собственность — это истинное основание гражданского общества и истинная наука в обязательствах граждан, ибо если бы имущество не было бы залогом для людей, то не было бы ничего легче, как уклониться от своих обязанностей, насмеяться над законами».

Эта коварная идея залога не случайна, ибо Руссо этим решает следующую задачу:

«Первое, что должен сделать после установления законов основатель учреждений Республики, это найти фонды, достаточные для содержания магистратов и прочих чиновников и для покрытия общественных расходов. Эти фонды называются эрариум или фиск, если они в деньгах».

И здесь следует сделать важное замечание — Руссо в отличие от К. Маркса поступил как порядочный, он не только призвал разрушить старый порядок, старое государство, но и попытался помочь осуществившим в скором будущем на практике его идеи теоретически выстроить новый. Маркс же призвал к вооружённому восстанию, к разрушению государства и ничего не сказал о дальнейших действиях после разрушения. Марксу не хотелось думать на эту «никчемную» тему, или он думал, но ничего придумать не мог.

Восставшие во Франции в 1789–1795 годах имели хотя бы советы или некий проект Руссо. А знаменитая Парижская коммуна 1871 года, восставшая в результате призывов и агитации Маркса, придя к власти и разрушив всё — осталась ни с чем. Восставшие шарахались в неведении, обвиняли друг друга и уничтожали друг друга. Да и Ленин-Бланк проклинал за это Маркса, ибо когда в России произошла революция 1905 года, то Ленин, глядя на наследие своего кумира, абсолютно не знал, что делать. А когда произошла без Ленина Февральская революция, то Ленину и сотоварищам пришлось на ходу в поезде из Швеции и Финляндии в Россию спешно что-то придумывать, «на коленках» составлять минимальный план-проект строительства нового государства в случае захвата власти.

Итак, Руссо наметил два способа сбора денежных средств для нужд нового республиканского государства: первый — это добровольные сборы с граждан, а второй — сборы с частной собственности, с имущества. Посмотрим — как эти два способа он пояснил в своей работе «О политической экономии»:

«Правда, по тому же договору каждый, хотя бы и молчаливо, обязуется вносить свою долю на общие нужды; складчина, для того чтобы она была законною, должна быть добровольною. Добровольной не в соответствии с частной волей, но в соответствии с общей волей, с большинством голосов... Эта истина, что налоги не могут быть установлены законным образом иначе, как с согласия народа и его представителей, была признана всеми без исключения философами... Обложения, которым подвергается народ, бывают двух видов: одно — вещественное, которое взимается с имущества, другое — личное, которое вносится с головы».

Как видим, по поводу понятия «добровольности» Руссо изобрел своё оригинальное «ноу-хау»: «добровольной не в соответствии с частной волей, но в соответствии с общей волей...».

Обложение налогом собственности, по мнению Руссо, происходит по следующему принципу — «тот, у кого в десять раз больше имущества, чем у другого, должен платить в десять раз больше...И пусть не страшатся того, что подобный доход носил бы произвольный характер, поскольку он относится к предметам не первой необходимости».

С имущества, полученного по наследству, следует платить разовый налог или постоянный? — этого Руссо не уточнил. А будут ли хорошо работающие и соответственно хорошо зарабатывающие после инициатив Руссо иметь и далее желание хорошо работать? — на эту тему Руссо также не удосужился подумать. Кстати, об этом не подумал ни Маркс, ни Ленин, и только Сталин с этой целью ввёл «социалистическое соревнование» как замещающий стимул.

На примере Руссо мы видим, как человек в мучительных поисках справедливости... ошибается. Далее, в следующей своей работе, самой знаменитой — «Об общественном договоре» (1762 г.) Руссо пытается ещё немного продвинуться вперёд: «Как может слепая толпа, которая часто не знает чего она хочет, ибо она редко знает, что ей на пользу, сама совершить столь великое и столь трудное дело, как создание системы законов? ...Частные лица видят благо, которое отвергают; народ хочет блага, но не ведает в чём оно. Все в равной мере нуждаются в поводырях».

В середине 19-го века в России некоторые умники — первые революционеры, придут к такому же выводу: народ туп и ленив, — поэтому его необходимо насильственно (или с помощью обмана) вести к счастью. К. Маркс объявит себя поводырём неграмотной части народа — пролетариата, а сам пролетариат — объявит поводырём всего общества, а Ленин объявит поводырём свою партию.

Дальше в логике Руссо начинается полная утопия: «Надо обязать первых согласовать свою волю с их разумом; надо научить второй(народ) знать, то чего он хочет... Тогда в результате просвещения народа явится союз разума и воли в Общественном организме...».

Научить народ нужному хотению... И это несмотря на то, что Руссо к этому моменту совсем отчаялся воспитывать и просвещать (с 1755 г.) свою жену Терезу, абсолютно безнадёжную в этом плане. Кроме того, Руссо даже не пытался воспитывать своих детей — он их делал и сразу после рождения отдавал в монастырский воспитательный дом, мотивируя это тем, что у него не хватает средств на их содержание.

Как «специалиста» по законам и республиканскому устройству государства взбунтовавшиеся жители острова Корсика попросили Руссо помочь им в законотворчестве. И Руссо помог им — по этому поводу вышла его работа «Проект Конституции для Корсики». В виде этой работы корсиканцы получили «колоссальную» помощь и, вероятно, более-менее думающие из них, прочитав сборник этих советов, подумали: «Не издевается ли этот умник над нами? Не насмехается ли он над нами? Или, может, он лишился рассудка?» Ибо в этой работе Руссо дал волю своей фантазии сполна, вот, например, несколько его советов-законов:

«Корсиканцы, тише! Я буду говорить от имени всех. Пусть те, кто не согласны, удалятся, а те кто согласны, поднимут руку». Согласитесь —

Руссо «гений»! При такой системе всегда будет подавляющее большинство и беспрепятственное принятие любого закона. И в 90-х годах 20-го столетия к нам в Россию приезжало западное «светило мысли» — Юрген Хабермас и упрекал нас в том, что мы не знаем Руссо, и чтобы выстроить по новому жизнь после развала СССР — нам необходимо внимательно изучить Руссо...

Глянем на другие «перлы» ума Руссо: «Все законы наследования должны быть направлены к тому, чтобы приводить всё к равенству таким образом, чтобы каждый имел кое-что и чтобы никто не имел ничего лишнего». — Каково? — «гениально». Руссо: «И корсиканцы должны были платить дань за то, чтобы получить, как милость, право не носить оружие».

В общем, эта конституция Руссо вещь весьма забавная, и желающие поупражняться в придумывании законов получат от её чтения немало весёлых впечатлений. Повторюсь — важно понять Руссо, его ошибки и заблуждения, чтобы хорошо понять ущербность масонов и марксистов и их «случайную» одинаковость, похожесть.

«Руссо... понимает свободу как автономию народа, как равное участие всех в практике законодательства, при котором народ даёт законы самому себе», — вешал русским марксистскую «лапшу» приезжавший недавно в Россию либеральный «авторитет» Юрген Хабермас. Можно было бы развесить уши и слушать подобных “умников” и попросить знакомого сантехника, чтобы он дал несколько законов самому себе и заодно нам, а дворник — себе, бомж — себе, наркоман — себе, а потенциальный преступник — себе. Напомню яркий пример-факт, когда, осуществляя этот принцип равенства и свободы по Руссо-Марксу-Хабермасу, — в 1929 году лучших оставшихся в стране академиков и профессоров нашей Академии наук тестировали уборщицы, дворники и вахтёры...

На этом расстанемся с Жан-Жаком Руссо с большим удивлением — как этот, мягко выражаясь, не очень умный человек умудрился стать в истории человечества знаменитым и уважаемым до наших дней? В этом же ракурсе можно процитировать и Вольтера:

«Народ всегда несдержан и груб, — это быки, которым нужны ярмо, погонщик и корм». И вышеперечисленные умники решили одно ярмо заменить другим, своим.

Руссо ушёл из жизни в 1778 году, а его уродливые идеи только начинали жить и охватывать воспаленные умы. Нужно было только время, чтобы идеи Руссо о равенстве и республике, благодаря талантливой подаче масонов, попали в головы сограждан, завладели ими и приступили к реальному действию. Прибавьте к Руссо всё, что я писал о масонах в предыдущей книге, и вы получите картину предреволюционной Франции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Французские масонские революции

Во Франции в конце XVIII века группу молодых людей, тайно собиравшихся в доминиканском монастыре святого Якоба, называли якобинцами. В эту группу входили сыновья адвоката по фамилии Робеспьер, Мирабо и другая золотая молодёжь тех времён, имена которых станут известны в связи с «великой» Французской революцией. Якобинцы в монастыре усердно усваивали идеи Ж.-Ж. Руссо и когда-то должны были перейти от слов к делу. Девиз: «Хватит философствовать — пора творить историю!» — это не К. Маркса пионерское изобретение, этим руководствовались задолго до него, в том числе и масоны. Н. А. Бердяев объяснял: «В основе концепции масонства, изобличающей его зловещую мировую роль, лежит философия истории, до крайности переоценивающая значение организованных и централизованных сил в мировой истории. В действительности в мировой истории огромную роль играют силы стихийно-иррациональные».

Масоны первые поставили задачу: «Не история должна манипулировать нами, а мы должны целенаправленно творить историю». Потом их девиз повторил К. Маркс. Фактически этот девиз можно перефразировать следующим образом: «Не Бог будет править нами, мы сами будем себе хозяевами, хозяевами своей судьбы, своей истории». С тех пор и до наших дней среди мыслителей идут споры — можно ли полностью поставить под контроль стихийно-иррациональные силы в обществе и их полностью контролировать и направлять в «нужную» сторону или нет?..

И когда, казалось бы, всё уже под контролем, но происходит неконтролируемая случайность или — непознанная закономерность, — и история, Бог выдает свои «коленца». Яркий пример этому — события после 1917 года в России, когда приезжие из различных европейских

столиц кучерявые террористы-политтехнологи всё разыграли как по нотам — одурманили обещаниями неграмотные «низы» русского общества и с их помощью свергли национальные «верхи», и сами заняли их место, а затем до 1922 года подавили всякое сопротивление, включая прозревшие «низы», и на верхушке власти в захваченной стране Ленин-Бланк, Бронштейн, Каменев-Розенфельд и Зиновьев-Апфельбаум чувствовали себя спокойно, уверенно и незыблемо, но... вдруг десятый человек в иерархии захватчиков И. Сталин «сыграл в свою игру», совершил перехват управления страной, и история России и всей планеты пошла по другому пути.

Вернемся к началу этой идеи управляемости историей, к масонам-якобинцам. Как якобинцы могли свергнуть старую власть и создать некую новую? Путём дворцовых интриг и дворцовых заговоров они не могли воспользоваться, это им было недоступно. Остался единственный революционный путь — народного восстания. Далее мы будем наблюдать опыт «оранжевых революций» во Франции.

Необходимо было поднять массы на вооружённую борьбу против существующей власти. А как разозлить и поднять на борьбу массы? Этим умникам необходимо было покончить со своим тайным существованием и «выйти в народ», войти в контакт с массами и им что-то объяснить, их как-то «разогреть» до революционной свирепости и лихости. То есть — необходимо было организовывать «промывку мозгов» массам — заняться агитацией и пропагандой. Это можно сделать через прессу и различные листовки, и путём «живого слова» — выступая на собраниях и митингах перед французскими массами. Для этого, чтобы иметь легальное место для агитации, якобинцы догадались открыть «клубы по интересам». Как свидетельствовал масон Брюнельер: «После 1789 г. ... некоторые ложи прямо обратились в клубы (то есть легализовались), даже не изменяя своего названия... Время «споров» и «науки» миновало — надо было действовать».

Цель у масонов и капиталистов была одна — свергнуть монархию, чтобы самим властвовать. А для этого необходимо было объяснить массам, что существующая власть очень плохая, что её носители недостойны властвовать. Один из членов масонского клуба Гольбаха объяснял решение этой задачи:

«Большая часть книг того времени, направленных против религии, нравственности и против правительства, была нашего производства... масса памфлетов самого непристойного содержания, направленных главным образом против королевы и сочинявшихся в Англии, ходили по Парижу».

Перед французской революцией масоны выдумали технологию, которая затем будет повторяться при многих свержениях власти. Через сто

лет в 1915—1916 гг. точно такие же издевательские памфлеты и анекдоты против Николая Второго, его жены и Распутина самого непристойного содержания распространялись в Петербурге, Москве и других российских городах. Таким методом обесценивался авторитет конкурента у власти, «ронялся» его имидж, и одновременно готовили народ к противостоянию и свержению недостойной, презренной и смешной власти. В этом отношении все «диссиденты»: и во Франции в конце 18-го века, и перед революцией 1917 года и перед «перестройкой» — совершенно одинаковы и одинаково действуют.

«К началу «революции» во Франции было уже двести восемьдесят две масонские ложи. Члены всех лож приняли деятельное участие в раздувании «революционных» событий. Народ подстрекали к беспорядкам с помощью всяких лживых слухов, фальшивых объявлений... В Бургундии масонами, например, было расклеено следующее «королевское» приказание: «По распоряжению короля с 1 августа по 1 ноября разрешается поджигать все замки и вешать всякого, кто против этого что-нибудь скажет», — отметил в своём исследовании Б. Башилов.

А вот рецепт Мирабо для захвата власти: «происки, интриги, мужество великих граждан и дерзость злодеев», и при этом, по его убеждению, необходимо обладать глобальным государственным мышлением, правда он «забыл» сказать про массовый кровавый террор.

Тогда во Франции цель масонов и капиталистов была одна, как в Англии, — создать в обществе тревожную, «предгрозовую» ситуацию, серьёзно испугать монарха и заставить его передать власть Парламенту — Генеральным Штатам Франции. Французский исследователь Л. Де Понсен в своей работе «Тайные силы революции» писал:

«Революция 1789 года не была ни самопроизвольным движением против «тирании» старого порядка, ни искренним порывом к новым идеям свободы, равенства и братства, как это хотят нас заставить верить. Масонство было тайным вдохновителем и в известной степени руководителем движения».

То есть первая или «великая» Французская революция была сугубо технологичным делом масонских организаций, масонским делом. Для необразованных обычно говорят, что это была, бесспорно, народная революция, народный массовый бунт; является бесспорным фактом, что народ массово, дружно восстал против проклятой монархии. — Но при этом усердно умалчивают — кто и зачем довёл до точки кипения народ своей колкой критикой монархии с одной стороны, и обещаниями некой сладострастной, упоительной свободы — с другой.

Стоит заметить, что буржуа, капиталисты того периода во Франции уже имели свою национальную специфику. Евреи в конце 18-го века во Франции, как всегда и везде, успешно занимались торговлей и успешно

накапливали капиталы, но не имели равноправия с местным населением — французами. Это был дополнительный повод поучаствовать в свержении власти. И евреи во многих масонских организациях стали «делать карьеру», выбиваться в лидеры, в «тайные мудрецы».

О. А. Платонов в своём исследовании отмечает, что «еврейский историк Г. Грец приводит сведения о крупных суммах денег, пожертвованных евреями на революцию». Ситуация для них резко улучшилась, когда в начале первой французской революции в 1791 году евреев эмансипировали, — уравняли в правах с коренным населением. Судя по высказыванию исследователя еврейской темы, проживавшего в США и Испании, Андрея Дикого в его книге (изд. в 1967 г., Нью-Йорк) — евреи сыграли большую роль во всех французских революциях — А. Дикий: «Пять поколений видело Французскую революцию в том ложном освещении, которое сумели ей придать. Теперь, однако, все уже знают, что она не была делом французского народа, но преступным деянием меньшинства, которое хотело навязать французскому народу тот самый план, который мы сейчас изучаем...» (меньшинством автор называл евреев. — Р. К.).

«Это они на масонском конгрессе в Вильгельмсбаде в 1785 году выработали план так называемой Великой французской революции... От этой «великой» революции в выигрыше остались одни только евреи. Все без исключения позднейшие после Наполеона перевороты во Франции произведены ими и только ими», — убеждал в своём исследовании истории Г. В. Бостунич.

Когда король Франции в 1791 году созвал Генеральные Штаты для решения кризисной ситуации, то «неожиданно» эти Генеральные объявили себя Национальным собранием, самостоятельным органом власти. Начался перехват власти, началась «великая» Французская революция. Национальное собрание резко противопоставило себя королю, воззвало народ к оружию, и этот вооружённый народ уже 14 июня взял штурмом Бастилию. Король бежал из Парижа и стал собирать вокруг себя войска.

Кажущаяся лёгкость манипуляцией Генеральных Штатов и свержение короля объясняется не только достаточной пропиткой сознания населения антимонархической пропагандой, но самой возросшей силой масонства. «Можно сказать, что Париж накануне революции 1789 года буквально кишел масонами. Колыбелью масонской жизни здесь была в это время парижская ложа «Девяти сестер», или Ложа энциклопедистов или наук. Основал её в 1769 году астроном Лаланд. Среди членов её были такие известные просветители, как Кондорсе, живописец Грёз, скульптор Гудон, братья Монгольфье, Б. Франклин, Дантон, Демулен и другие... Согласно последним подсчётам историков, масоны располагали во Франции накануне революции 600 ложами с 30 тысячью братьев», — писал в своём исследовании В. Брачев.

С прагматичной или с военно-стратегической точки зрения — штурмовать и захватывать Бастилию не было смысла, это было сугубо символическим действием. В подробностях это выглядело так.

13 июля 1789 года, в 11 часов утра заговорщики собрались в церкви При-Сен-Антуан. Председательствовал масон Дюфур из ложи «Великий Восток». На повестке дня были дежурные вопросы: организация милиции и т.д., а на следующий день планировалось взятие тюрьмы Бастилии. Как уже указывалось выше, Г. В. Бостунич в своей работе «Масонство и русская революция» (1921 г.) утверждал, что масоны действовали по давно подготовленному плану, который был ими разработан во время их конгресса в Вильгельмсбадене в 1785 году.

14 июля штурмом Бастилии руководил Моретон де Шабрильян из ложи «Невинность». Когда взяли Бастилию и убили охрану, то оказалось — в её казематах было всего 7 уголовников, которых необходимо было представить жертвами «кровавого деспотизма короля». Пиарщики в те времена были не хуже сегодняшних, и взятие Бастилии «восставшим» французским народом превратилось в праздник, который и сейчас празднуется во Франции очень пышно и с большим торжеством. Французский историк Ш.-Л. Каде Гасинкур объяснял:

«Революция (1789 г.) началась взятием Бастилии, потому что Бастилия была тюрьмой Якова Молэ».

Говорят — это очень символично. В любом случае — это более чем странно с учётом всего того, что произошло во Франции после взятия Бастилии. А произошло следующее.

«Фрейд» того времени — Дантон после ареста короля Франции Людовика Шестнадцатого в августе 1792 года посчитал необходимым дать выход народному гневу и устроить кровавый террор. По распоряжению этого министра юстиции новой республики в тюрьмы загнали аристократов, священников и вообще подозрительных лиц, не поддавшихся пропаганде масонов. После чего 2 сентября 1792 года остервенелые и пьяные сторонники Дантона ворвались в эти тюрьмы, и началось трёхдневное (до 4 сентября) садистское издевательство над пленниками и оргии. Французский историк Ш.-Л. Каде Гасинкур объяснял: «Авиньон был центром революционных зверств, потому что он принадлежал папе и там хранился пепел великого магистра».

Такой вышеописанный оригинальный способ убийства, кроме гильотины, под названием — «народ расправился» придумали только масоны, которые долгими годами говорили о нравственности, о человечности, гуманизме и общечеловеческих ценностях. Доктор Гильотен был также из братства вольных каменщиков, тоже долгими годами убеждал студентов в высокой нравственности, и когда для скорейшего умерщвления людей изобрёл гильотину, то убеждал членов Конвента в гуманности

своего нового убийственного орудия, что оно совсем не болезненно, очень гуманно — рраз! — и «как лёгкий ветерок по шее прошёлся».

Даже Великого Мастера ложи «Великий Восток» герцога Орлеанского Филиппа Эгалите, 20 лет честно «проработавшего» в масонстве, казнили отрублением головы за то, что тот решил — раз масоны захватили власть во Франции, то теперь можно раскрыться и рассказать кое-какую правду. Как рассказывал в своей книге «Тайны франкмасонства» Макс Думик, заговорщики-победители изгалялись над побеждёнными французами с изуверской фантазией — в знаменитом соборе Парижской Богоматери устраивали праздники «богини разума», частенько кончавшиеся разнузданными оргиями. Главным сатанистом на этих «праздниках» был Робеспьер, который объяснял:

«Революционное правление есть деспотизм свободы против тирании». То есть мы наблюдаем замену одной тирании — монархической, на ещё более ужасную — масоно-республиканскую. В то время во Франции, как и позже у нас в 1917 г., с «врагами народа» не церемонились — гильотина в Париже работала в режиме конвейера, в Лионе и Тулоне просто расстреливали картечью или, экономя — топили массами в реках Арраса и Ораже, об этом «почему-то» упорно молчат во время ежегодного празднования «взятия Бастилии».

Марат высчитал математически необходимое количество трупов «врагов народа», чтобы обезопасить судьбу революции (речь Марата против Роланда) — это 270 000 человек. Но, как утверждает французский исследователь Тэн, — план был намного перевыполнен, только в 11 восточных провинциях Франции в результате террора было убито около 500 000 человек.

В 1904 году в декларации ордена Великого Востока было заявлено без всякой конспиративной скромности: «Франк-масоны подготовили великую революцию... На их долю выпала честь дать этому незабвенному событию формулу, в которой воплотились её принципы: свобода, равенство и братство». Любопытно, что либералы, демократы, масоны-гуманисты, в том числе и демократы (РСДРП) Ленина и современные США подразумевают под «свободой», «максимальной свободой» — свободу лишить огромное количество людей всякой свободы — лишить права на жизнь, лишить жизни; свобода убивать была продемонстрирована очень убедительно.

Заглянем в Конституцию Великой ложи Франции:

«Масонство есть всемирный союз, покоящийся на солидарности. Цель масонства — нравственное совершенствование человечества. Его девиз — Свобода, Равенство и Братство. В глазах масонов все последователи равноправны, невзирая на различия национальные, расовые, религиозные, на различия состояния, звания и положения... Конечное стремление масонов — объединение на основе свободы, равенства и

братства всех людей, без различия рас, племен, наций, религий и культур, царства всеобщей справедливости и земного Эдема».

Тогда этот текст звучал «высоко» и чертовски красиво. Это теперь мы понимаем, что эти слова говорились задолго до произношения неясного утопического Коммунизма, только вместо коммунизма звучали такие же лживые обещания Эдема, как «Царства Небесного», как «Рая» на земле. Нам теперь это легче понять — потому что мы видели воочию на собственном трагическом эксперименте — как с 1917 г. реализовывалась эта опасная утопическая идея в России, и сколько её носители пролили русской крови, и сколько миллионов русских людей они погубили. Вернёмся к истории Франции

«Оторвавшись от души» в расправах над старой элитой, масоны-«гуманисты» задумались — как себя защитить, как сохранить за собой захваченную власть, и организовали национальную гвардию. Затем стали осуществлять часть своих идеологических постулатов — объявили декларацию прав человека и гражданина, освободили крестьян от феодальных повинностей и т. д. Всё осуществлялось по теоретическим наброскам «великого» Руссо, прах которого восставшие перевезли в Париж и поместили в Пантеоне. А лидер якобинцев Робеспьер перед депутатами Национального собрания констатировал: «Могущественный и добродетельный гений Руссо подготовил наши труды».

Глянем на результаты теоретических изысканий этого «гения» и его последователей. Якобинцы стали создавать органы управления новым государством в соответствии с указаниями Руссо, который завещал, что вся власть должна подразделяться на две ветви: выборную «законодательную власть» и «исполнительную власть» — правительство. Парижский магистрат переименовали в Коммуну, что означало самоуправление народа, и ей подчинили созданную гвардию. Впоследствии этот орган — Парижская коммуна с подчинённым ей войском была орудием в руках победившей в Законодательном собрании фракции и снимала с помощью гильотины головы проигравших фракционеров с потрясающей решительностью. При этом масоны старались держать своих «братьев» в идеологической строгости — в бюллетене Великого Востока Франции за ноябрь 1893 г. (с. 372) настоятельно рекомендовано:

«Ни один масон не может быть членом Совета Ордена, если он предварительно письменно не обязуется за себя и за своих несовершеннолетних детей не исполнять христианских обрядов». Так что «воинственный атеизм» — это также не изобретение Маркса или Ленина-Бланка.

Революционеры организовали, согласно наставлениям Руссо, общественные склады продовольствия, которые не были по примеру Женевы страховочными, а олицетворяли собой символ равенства, справедливого и равного распределения конфискованного продовольствия — какое из

этого вышло посмешище-трагедия рассмотрим чуть позже. Якобинцы в начале революции легализовали своё тайное общество в виде клуба под названием «Общество друзей Конституции», а через некоторое время переименовали его в «Общество якобинцев, друзей свободы и равенства», это был идеологический центр «фронды».

Когда к «свободолюбивым» и «справедливым» масонам-революционерам попал в плен король Франции Людовик Шестнадцатый, то они его 27 января 1793 г. казнили на гильотине, не предъявив ему существенных обвинений. Королеву Марию Антуанетту казнили 16 октября 1793 г. обвинив её в половой связи с её собственным сыном, которого между этими двумя убийствами масоны усиленно «воспитывали» сами, чтобы предъявить лжеобвинение.

Следуя «теоретическим разработкам» Руссо, революционеры не уничтожали господствующие классы, а облагали их огромными налогами, изымали имущество только у прямых врагов революции и делили между собой. При этом они стремились «сделать бедность уважаемой». Иногда революционеры секвестировали-изымали появившиеся путем грабежа богатства у друг друга, когда друг друга в чём-то «разоблачали». А когда идеи Руссо на практике не срабатывали, и у революционеров ничего не получалось, то взаимные «разоблачения» увеличивались. Иногда конфискованное у своих и у чужих имущество пускалось с молотка, а деньги шли на потребу революционеров. В таких случаях здорово наживались спекулянты, перекупщики, самые шустрые денежные дельцы становились баснословно богатыми.

Главная трагедия революционеров разыгралась в законодательном собрании, возглавляемом масонами Кондорсэ, Бриссо и Мирабо, которое вначале назвали Конституантой, затем Легислативой и, наконец, — Конвентом, под этим названием оно и вошло в историю. При Конвенте было создано 12 комиссий, которые во многом играли роль правительства. В 1793 году эти комиссии перешли в подчинение созданного нового органа Комитета общественного спасения.

Конвент являлся выборным органом, в котором были представители из 749 департаментов Франции. Революционеры утопически предполагали, что в нём будут в основном представители от народа, то есть бедных слоёв населения. Но в реальности было почти всё наоборот, представлены были не только не все слои населения, но бедные меньше всего. Таким образом, Конвент был разделён на три фракции-партии и представлял собой знаменитую картинку из басни нашего Крылова. Впрочем, читатель сам видел из многочисленных кинофильмов, какой кавардак творился в Конвенте. Понятно, что в этой смеси разных, порой противоположных взглядов, трудно было эффективно работать. И последствия были соответствующие.

В 1791 году революционеры освободили от всех повинностей крестьян и утопически думали, что те сами повезут хлеб в столицу. Хлеб крестьяне не повезли, зато расцвела хлебная спекуляция. С октября 1793 года возникла необходимость ввести хлебные карточки, и карточки на мясо, мыло, сахар и т. д. В общем, для русских картина знакомая. Революционеры объявили весь урожай национальным достоянием и приказали его свозить в общественные зернохранилища.

Затем они сформировали национальную армию, которая не только защищала революцию, но проводила конфискацию хлеба у крестьян, но, заметьте, не у посредников-спекулянтов. При этом крестьяне должны были ещё и бесплатно возить хлеб и выполнять бесплатно другие перевозки. Эти меры глобальных результатов не дали, только обострили ситуацию и усилили противостояние в гражданской войне. Голодные смерти в этот период во Франции стали обычным делом.

Далее революционеры объявили о принудительной мобилизации городского населения для уборки урожая и его обмолота. В общем, «свобода» была полной, «процветала» в лице конкретной диктатуры.

Также была введена суровая дисциплина на мануфактурах, ещё суровее, чем до революции.

Закономерно стали искать причины своих неудач — и стали чаще звучать обвинения в преднамеренном вредительстве и предательстве. И революционеры создали чрезвычайный уголовный трибунал — свою ЧК. Начались чистки в Конвенте и Коммуне. Здесь стоит заметить, что события в России после 1917 года с потрясающей точностью повторяли рассматриваемые события во Франции. Клуб якобинцев раскололся, левое крыло Конвента обвинило в ошибках правое и, обеспечив себе большинство, физически его уничтожило, 41 человек был обезглавлен, остальные разбежались и попрятались. Таким образом, революционеры под пение «Марсельезы» стали уничтожать друг друга. Партия Робеспьера победила партию жирондистов, представителей департамента Жиронды — Гюаде, Жансонне и др. Имущество осуждённых было конфисковано и поделено. Для улучшения управления ситуацией были созданы два новых органа: Комитет общественного спасения и Комитет общественной безопасности, которые, однако, положение в стране не улучшили.

А в 1794 году вернувшиеся сторонники жирондистов обеспечили себе большинство в законодательном собрании — Конвенте и взяли реванш, лишили голов братьев Робеспьеров — Максимилиана Мари Исидора и Огюста Бон Жозефа, и их сторонников. Но ситуация во Франции не улучшалась. Террор и голод вызвал многочисленные мелкие восстания бедноты, которая уже мечтала о возвращении старых порядков — монархии, мира и хлеба. Эти восстания человеколюбивыми масонами жестоко подавлялись.

Неизвестность — чего строить, куда идти и как организовать жизнь, окончательно парализовала и разложила демократов-революционеров. Коррупция и спекуляция достигли небывалого расцвета. Специальная комиссия Директории, правительства, созданного в 1795 году, констатировала: «нет ни одного административного ведомства, куда не проникли бы безнравственность и продажность». Вот она — реальная картина «великой» революции. Когда-то должен был наступить конец этому демократическому безобразию. К счастью Франции он пришёл не извне, а появился изнутри. Весь этот демократический бардак и полное незнание — что делать, гражданская война, голод продолжались до прихода к власти диктатора Наполеона, который быстро навёл порядок.

Бонапарт

Молодой человек по имени Бонапарт получил неплохое военное образование и жил на острове Корсика. Жилось ему трудно, ибо после смерти отца он вынужден был содержать всю семью. В 1793 году его положение осложнилось, ибо в результате смены власти на острове он с семьёй вынужден был бежать во Францию. Осенью 1793 года он, безработный, шатался по улицам Парижа в поисках заработков. И в это время фортуна ему улыбнулась — праздно шатающемуся капитану Бонапарту предложили возглавить отражение очередной атаки отрядов монархистов (роялистов). С чем он прекрасно справился и был зачислен в национальные войска.

В декабре того же года возглавляемые им отряды успешно разгромили войска монархистов под Тулоном и взяли город, — в результате с 14 января 1794 года Бонапарт уже генерал. А в конце 1796 года его назначают уже Главнокомандующим всей национальной армии. Бонапарт — гениальный полководец, хитрый, коварный, отвергающий все правила и стереотипы ведения войны того времени. В 1797 году его войска громят австрийскую армию, которая почти в два раза превосходила количественно армию Бонапарта. В результате чего Наполеон к Франции присоединяет Бельгию, Ломбардию и получает немалую контрибуцию. Контрибуцию в размере 30 миллионов франков пришлось заплатить и Папе римскому.

Таким образом, к концу 1797 года Бонапарт вернулся в Париж славным и богатым, к тому же сверхуверенным в себе, в своих умственных возможностях. Вероятно, видя творившийся революционный бардак во Франции, у него уже тогда витали в голове шальные мысли о взятии власти в свои руки, но не для того чтобы вернуть монархию, а чтобы самому провести революционные реформы. Настроение Бонапарта прочувствовали новые лидеры страны и спешно отправили Бонапарта

с небольшим войском для захвата Египта. С этой задачей он справился. Бонапарт был уже полностью внутренне готов взять власть во Франции в свои руки. И в 1799 году он возвращается во Францию в роли спасителя отечества и устанавливает военную диктатуру.

Бонапарт повторил судьбу Юлия Цезаря, или это история-эволюция закономерно повторилась. Правда демократическому окружению Бонапарта не пришла в голову демократическая мысль — во имя свободы и демократических идей убить этого военачальника, как это произошло с Юлием Цезарем. Военная диктатура Бонапарта была своеобразной, ибо он поклялся «уважать равенство в правах, политическую и гражданскую свободу...». Это была очень прогрессивная и в самом деле спасительная для Франции военная диктатура. Хотя это звучит странно и несуразно, но это было именно так. На этом примере история показывает, что бывают необходимы и прогрессивные военные диктатуры. Вскоре проявился большой талант Бонапарта как государственного строителя. При нём был создан Главный совет торговли, государственный национальный банк, изменены коммерческий и уголовный кодексы, запрещены всякие стачки, забастовки и введены учётные книжки рабочим. Он закрыл более шестидесяти газет и оставил всего четыре, полностью преданные себе, чем и обеспечил своим реформам информационную поддержку.

В своих реформах Наполеон был сильно похож на кардинала Ришелье. Он также создал мощное государство благодаря созданию сильной центральной власти, которая обеспечивалась созданным эффективным полицейско-бюрократическим аппаратом. Бонапарт также создал мощную регулярную армию, начал строить могучий флот и усердно развивал внешнюю торговлю.

Следует отметить удачный ход Бонапарта. Тайные масонские общества признавали своего Бога и были против церкви. Противостояние получилось серьёзным, Папа римский неоднократно выпускал документы против масонов, осуждающие их. Наполеон же прекрасно понимал социальное управленческое значение церкви и религии в обществе и мудро утверждал:

«Общество не может существовать без неравенства и богатства, а неравенство и богатство не могут существовать без религии». В этой истине он оказался намного реалистичнее и умнее Руссо, Маркса и Ленина. Следуя своим убеждениям, в 1801 году Бонапарт подписал соглашение о сотрудничестве с Папой римским и этим решил массу ненужных проблем.

Конституция, составленная сторонниками Руссо, была явно нелепая, поэтому Бонапарт сам принял активное участие в создании новой Конституции, которая была принята в 1804 году. Таким образом, один единственный человек — совсем не демократическими методами решил

почти все проблемы страны и народа, навёл порядок и создал новое мощное государство, империю.

После известных событий и ссылки Наполеона Францию опять начало «штормить» масонскими революционными волнами.

Ещё две революции

После того как победители Наполеона реанимировали монархию Бурбонов, во Франции все-таки остались некоторые результаты революции. Но в 1830 году король, потеряв чувство новой реальности, возжелал достичь максимальной власти, для чего решил ликвидировать оставшиеся признаки реформ. Он решил ограничить избирательное право, заявил о роспуске только что избранной новой Палаты, ужесточил получение лицензий для газет и т. д.

В ответ в Париже тут же возникли баррикады и начались уличные стычки с полицией и армейскими частями, в результате которых начались массовые братания сторон, как это происходило и раньше. Таким образом, повстанцы в течение дня захватили власть, король бежал. Революция победила необычайно быстро и мирно. Были восстановлены все буржуазные демократические нормы. Буржуазия, благодаря подкупу, полностью контролировала парламент, поэтому в нём не было губительного раздрая, он работал эффективно и слаженно, продвигая интересы своих спонсоров. Франция вступила в эпоху очередного экономического расцвета.

Как видим из этого исторического примера — опять же совсем немного надо для экономического расцвета государства. А полностью купленные депутаты, примкнувшие только к одному слою общества — тоже могут быть полезными в деле эффективной работы парламента. Такую модель в России в начале XXI века планировал выстроить еврейский олигарх Ходорковский.

Но во Франции не исчезли полностью любители лозунгов о свободе и равенстве. В 1835 году братья Бланки и Барбес организовали тайную масонскую ложу под названием «Общество семей». На этот раз мы имеем дело с другого рода масонской ложей. Во-первых, это была еврейская масонская ложа. Во-вторых, именно её организаторы попытались обобщить опыт всех французских революций и построить на этом целую науку. Именно эта наука была успешно применена через восемьдесят лет в России. Именно в этой организации через несколько лет проходил обучение молодой Маркс.

Тогда, в 1835 году, полиция довольно быстро среагировала — разогнала это тайное сборище, а инициаторов поместила в тюрьму. В 1837 году заключённых освободили по амнистии, и они тут же создали опять

точно такую же тайную организацию под новым названием «Времена года», в которой опять поставили те же цели — «уничтожить денежную аристократию», «война капиталистам, банкирам, поставщикам, монополистам...». Как видим, — это были призывы не против монархии, а против новых господствующих классов, это было уже сильно похоже на грядущий марксизм.

На 12 мая 1839 года заговорщики Бланки (однофамильцы или родственники матери Ленина) опять наметили восстание. В намеченные сроки небольшая кучка вооружённых людей захватила Ратушу и один полицейский участок. Революционеры рассчитывали, что, как и раньше в Париже городские безмозглые «массы» радостно бросятся строить баррикады. Но вышел ляпсус, конфуз. Умудрённый предыдущими революциями народ, парижане теперь смотрели на Бланков как на маниакальных авантюристов, как на умственно больных людей. Их никто не поддержал. На этот раз инициаторов осудили на смертную казнь, но затем милостиво заменили смертную казнь на пожизненное заключение. И до 1848 года во Франции революции не было.

Присутствие евреев во Франции было настолько ярким, влияние настолько сильным, а революционный настрой некоторых из них настолько непонятным, что в 1840 году во Франции еврейский вопрос официально стал решать парламент и правительство, и была введена должность генерального комиссара по еврейским делам. Завязалась жаркая дискуссия на эту тему, в которой приняли участие даже учёные. Эта дискуссия вышла за границы Франции и охватила умы многих европейцев. «Почему у евреев не было ни искусства, ни науки, как у греков?» — загадочно вопрошал Людвиг Фейербах. Всезнающий Артур Шопенгауэр объяснял всё просто — «всё иудейство заимствовано из «Зенд-Авесты».

Но эта дискуссия так ничем и не закончилась, ибо требуемое логическое решение никак не согласовывалось с декларированными демократическими свободами. Неравенство в Европе по отношению к евреям проявлялось часто негласно в том, что их не ставили на высшие государственные должности. И евреям, чтобы сделать служебную карьеру, приходилось «перекрашиваться» — переходить в христианство фиктивно. Евреи активизировались по принципу: «лучшая оборона — это наступление», и обвинили европейцев в несправедливости и потребовали себе равноправия. Так как, кроме отдельных прусских княжеств, евреи и так являлись равноправными, то европейцы не могли понять — чего евреям надо.

«Мы сами не свободны... Почему немец должен интересоваться освобождением еврея, если еврей не интересуется освобождением немца... До тех пор, пока государство остаётся христианским, а еврей остаётся

евреем, оба так же мало способны давать эмансипацию другим, как и получить её от других ...Еврей, который, например, в Вене только терпим, определяет своей денежной властью судьбы всей империи... решает судьбы Европы», — вопрошал Бруно Бауэр, который дискутировал с молодым Марксом. Карл Маркс ему ответил: «Еврей находится в религиозной противоположности к государству, признающему христианство своей основой». Итак, — Маркс признал, что евреи сознательно на идеологической, религиозной основе противостоят христианам.

Далее Маркс поступает ещё честнее: «Постараемся вглядеться в действительного еврея-мирянина, не в еврея субботы, как это делает Бауэр, а в еврея будней. Поищем тайны еврея не в его религии... Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской Бог? Деньги... Итак, мы обнаруживаем в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента... Эмансипация евреев в её конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства».

Маркс здесь признаёт, что евреи являются носителем антисоциального элемента, однако при этом встал на защиту своей нации, отметив, что и христиане стали не лучше — оевреелись: «Христианство возникло из еврейства. Оно снова (благодаря деньгам) превратилось в еврейство». Та идея эллинистов и фарисеев, которая победила в ожесточённой борьбе в пору жизни Иисуса Христа, спустя 19 веков победила и во всех христианских странах — идея конкретной земной практической жизни и её главного принципа «выгоды-корысти». Таким образом, хитроумный Маркс показал, что европейцы также плохи и развращены деньгами, как и евреи — и, следовательно, нечего на евреев пенять. И этим погасил поднявшееся в Европе возмущение евреями. Это произошло в 1843–1844 годах.

В этот период Маркс, как известно, придал новую функцию прессе — боевую зомбирующую роль, и посетил лекции своих сородичей во Франции, первых профессиональных революционеров, поставивших дело производства революций на поток, — братьев Бланк, которые готовили очередную революцию. Пример таких типов, как братья Бланк, наводит на мысль, что существуют такие люди, которые, вероятно, имеют такую врождённую натуру, что не могут не критиковать внешнюю человеческую среду, не могут не противостоять ей, не могут не бороться с ней пока не победят и не возглавят. Не важно — какая это внешняя среда, они всегда будут против неё бороться, такая у них внутри заложена схема — идеология. И самым ярким примером этому были братья Бланк.

Чтобы разобраться в этой теме необходимо верно ответить на вопрос — почему диссиденты в своём подавляющем большинстве еврейской национальности? На этот вопрос пытался ответить даже легендарный создатель сионистского движения евреев Теодор Герцль:

«Если мы падаем, мы превращаемся в революционный пролетариат, в унтер-офицеров революционных партий; если наоборот идём в гору, то с этим вместе растёт и страшное могущество наших капиталов». А. Дикий в своём исследовании приводит признание одного еврея в еврейском журнале «Янус» (№ 2 за 1912 г.) — «Подобно тому, как мы, евреи, про каждого нееврея знаем, что он где-то, в каком-то уголке своего сердца, является антисемитом, да и не может им не быть, так и каждый еврей является в сокровенной глубине своего сердца ненавистником всего нееврейского... Ничто во мне так не живо, как убеждение, что, если существует что-то объединяющее всех евреев мира, то это именно эта великая ненависть».

Эта ненависть и взгляд «сверху вниз» является составной частью этой характерной революционности. На основе своей неприязни, ненависти и презрения они склонны игнорировать законы государства, в котором живут. Благодаря этой форме революционности — они больше других граждан входят в противоречие с законом, но при этом, по сравнению с другими гражданами — приобретают большую свободу действий и соответственно больше преимуществ с этим связанных. Причём еврейские учёные пытались трактовать это явление как аксиому — профессор Соломон Лурье в своей книге (1922 г.) утверждал: «Местный закон необходимо строго соблюдать, но лишь постольку, поскольку он не противоречит ещё живущим в народном правосознании положениям еврейского закона и поскольку его соблюдение не связано с вредом для еврейского народа. Таким образом, законов, прямо или косвенно направленных против евреев, во всяком случае соблюдать не следует».

Поскольку в Германии часто наблюдалось религиозное перекрашивание евреев, то по этому поводу немецкий философ Евгений Дюринг, которого так любили пинать марксисты, утверждал, что от этого у евреев их специфические качества не менялись:

«Еврейский вопрос существовал бы и тогда, если бы все евреи повернулись спиной к своей религии и перешли бы в какую-нибудь из господствующих у нас церквей, или если бы даже человечество покончило с всякими религиями. Я утверждаю даже, что в таких случаях объяснение наше с евреями чувствовалось бы как ещё более понудительная потребность, чем оно чувствуется и без того.

Крещёные-то евреи и были теми, которые без всякой помехи проникали во все каналы общества и политического сожительства. Они снабжали себя как бы паспортом, и с этим паспортом протискивались даже туда, куда правоверные иудеи следовать за ними не могли».

И Е. Дюринг приходит к выводу, что в этом случае еврейский вопрос становится «только ещё более жгучим». До этого мы знали революционность обиженных или угнетённых классов, революционность

убеждённых реформаторов, революционность как национально-освободительные движения порабощённых народов против своих поработителей, — теперь мы столкнулись с тотальной революционностью ко всему окружающему. Приятель Карла Маркса поэт Генрих Гейне после очередной беседы с ним грустно заметил: «Не могу без страха думать о том времени, когда к власти придут эти тёмные иконоборцы», «будущее пахнет кнутом, кровью, безбожием и обильными побоями». Гейне поняли только после 1917 г.

В 1847 году в Европе разразился крупный торгово-промышленный и финансовый кризис, который больно ударил по Франции, как результат его — массовая безработица, обнищание населения. В этих условиях, пока правительство и парламент искали пути выхода, начали вновь появляться горячие головы с идеями Руссо, предлагающие радикальные решения. На этот раз формой собрания они избрали полулегальные клубы, где под видом банкетов проповедовали свои идеи равенства и братства. В некоторых из них принимал участие молодой К. Маркс.

Начало очередной революции было крайне банальным. «Любители клубов и банкетов», то есть радикальная по отношению к правительству оппозиция, назначила на 12 февраля 1848 года митинг с лозунгами, призывающими к новым радикальным реформам. А правительство проводить митинг запретило. Но в назначенных для сбора на митинг местах стали собираться демонстранты. Когда их собралось уже довольно много, то полиция решила их разогнать дубинками. Завязалась драка, образовалась стычка, началось... Париж опять в баррикадах. Правительство и король посылают против восставших части национальной гвардии. И происходит то, что происходило и раньше — после первой же схватки происходит братание, и части национальной гвардии полностью переходят на сторону восставших.

На этот раз король реагирует довольно быстро и поступает по-новому — отправляет правительство в отставку, а сам легко отрекается от престола в пользу своего внука. Но восставшие, несмотря на это, врываются с оружием в депутатскую Палату и требуют объявления республики. Опять звучат лозунги — «Свобода, равенство, братство». Опять звучат призывы к созданию органов самоуправления — Коммун. Создаётся временное правительство. Возглавляют восставших-коммунистов опять те же «братья» Бланки. 24 февраля самораспустилась Палата депутатов, законодательный орган Франции. Выборы новой назначили на 23 апреля.

На этот раз консервативные силы также сделали вывод из всех революций, поняли значение прессы, агитации и лозунгов на умы не могущих самостоятельно мыслить граждан, и заняли активную позицию — и мощнейшее орудие — прессу обратили против масонов-революционеров.

В результате на выборах для революционеров случился конфуз, они опять здорово опозорились — во всей Франции ни одного коммуниста не выбрали в депутаты Палаты.

Тот факт, что народ абсолютно не поддерживает коммунистов, не смутил братьев Бланк и Барбеса. Они рвались в бой, но пока не знали под каким предлогом. Это хорошо понимали и члены нового правительства, которые организовали так называемую «партию порядка» и провели необходимую реформаторскую и разъяснительную работу с национальной гвардией. Наконец, коммунисты нашли повод и 15 мая ворвались с оружием в новое законодательное собрание с требованием немедленной помощи полякам, немедленного вывода войск из Парижа и оправки их в Польшу. Тут же законодательное собрание самораспустилось. А путчисты двинулись по улицам Парижа к вечно страдающей Ратуше с выкриками — призывами к гражданам: «К оружию, к оружию!»

Опять их никто не поддержал, и они в течение нескольких минут были рассеяны батальонами национальной гвардии. Но неугомонные сторонники демократии и Коммун в июне опять организовали восстание. На этот раз они подготовились лучше; в течение пяти дней бунтовщики сражались на баррикадах в Париже.

Пример таких революционеров, как братья Бланк и Барбес, показывает, что имеются в истории довольно обеспеченные люди определённой национальности — мелкие и средние буржуа, которые, вероятно, имеют такую врождённую натуру, что не могут не критиковать любой строй, не могут не противостоять ему, не могут не бороться с ним пока сами не достигнут власти.

После описанных событий «партия порядка» во Франции устроила серьёзные репрессии, — было изъято у парижан свыше 100 тысяч единиц оружия, 25 тысяч было арестовано, а много людей было расстреляно. Сейчас бы это назвали антидемократическими репрессиями. Тогда же после проведённых мероприятий Франция опять вступила в эпоху экономического расцвета. И это исторический факт.

Можно задаться вопросом — на чьи средства готовились такие очень затратные мероприятия, как революции? Ведь, например, только 100 тысяч единиц оружия стоит колоссальных денег. А за чьи средства существовали безработные, вернее — постоянные революционеры братья Бланки и им подобные?

Карл Маркс был свидетелем трёх французских революций из четырёх, учился у знаменитых французских Бланков и в результате создал свою — более совершенную, как ему казалось, революционную науку. Пора присмотреться к этому еврею и его выдумке внимательнее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Маркс. Юношество. Проявление основ

Многим кажется, что Маркс очень сложен для исследования — нет, это не так. Чтобы не затронуть чувства оставшихся верующих в истинность марксизма сегодняшних коммунистов и одновременно, чтобы читатель сам мог проверить — мы возьмём самую священную книгу марксистов-ленинцев: всем известное и ещё лежащее в любой библиотеке любого уголка нашей страны — многотомное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. И том за томом проведём анализ.

Дело в том, что этих томов очень много на вид, на самом деле, когда начинаешь разбираться, то большая часть их заполнена различными неинтересными и ненужными письмами и статьями журналистов-газетчиков Маркса и Энгельса. В конце каждого тома есть очень ценная глава и хорошее нам подспорье под названием «Даты жизни и деятельности». Так как мы будем изучать возникновение марксизма неразрывно с изучением личности Маркса, то этот раздел в конце каждого тома окажет нам хорошую услугу. А там, где будут неясности или большие неосвещённые периоды, будем пользоваться различными работами и книгами, изданными Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, желательно изданными после 1986 года.

Таким образом, мы будем сравнивать информацию о К. Марксе и его деятельности, и одновременно будем вникать в суть его произведений, в результате чего мы получим довольно интересную картину — как рос и созревал Маркс как мыслитель, как созревали и «эволюционировали» его идеи, как он их осуществлял и осуществлял ли их вообще, и вообще — хотел ли их осуществлять. Из этого всего получится немало интересных логических выводов.

Кому-то может показаться, что это огромный кропотливый труд — да, это так и есть, с одной стороны. А с другой, — это так кажется, пока

не возьмёшься за конкретную работу. Когда много раз пробегаешь по этому огромному количеству больших синих томов, то в один прекрасный момент окидываешь всё это единым взором и понимаешь, что всю суть философии Маркса можно уместить всего на двух страницах...

Далее прошу читателей очень внимательно следить за ходом моего исследования, особенно всех специалистов по марксизму: профессоров, докторов марксизма и просто сторонников, фанатиков Маркса и красных партийцев — чтобы, во-первых, понять логику и суть выводов, а во-вторых, — чтобы попробовать опровергнуть мои выводы и уличить в ошибочности.

Известный философ Карл Ясперс, изучив достижения Маркса и его как личность — был резок и категоричен в оценке: «Маркс — как эмигрант, безработный мыслитель-любитель, живущий на содержании у приятеля, оторванный от всякой почвы мелкий буржуа». Так это или нет — мы и постараемся выяснить.

То, что Карл Маркс из древнего рода раввинов по обеим родительским линиям, мы узнали уже ранее от П. Джонсона. Маркс родился в еврейской семье в немецком городе Трире в 1818 году. И в детстве его Карлушей не звали, полное его имя по матери — Моисей Мордыхай Леви. Его отец Генрих Маркс (1777–1838 гг.) был адвокатом высшего апелляционного суда. И здесь мы делаем первый вывод — по происхождению Карл Маркс был мелкий или средний буржуа еврейской национальности.

Евреи уже давно имеют в Пруссии одинаковые гражданские права с немцами, и ничто не мешает молодому Марксу в 1835 году успешно поступить в Боннский университет на юридический факультет. В этом же году ещё до поступления в университет он пророчески по отношению к себе писал в гимназическом сочинении: «Мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться ещё до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие». Это было написано от обиды и беспомощности, ибо отец заставлял его заняться тем, что ему было не по душе.

Из этого факта и этих впечатлений Маркс позже сделает глобальный вывод о полной обусловленности человека общественными связями. До него Руссо утверждал, что человек рождается свободным, но и уже повсюду он в оковах, поэтому, например, рабочему трудно выбиться в интеллигенты или буржуа.

Маркс повторит слова своего духовного учителя об общественной обусловленности, но не сошлётся на Руссо. Обратите внимание — это очень интересный момент в биографии Маркса; — Маркс приходит к выводу, что человек уже от рождения оказывается внутри уже суще-

ствующих систем, от которых он зависим, которые довлеют над ним, воздействуют на него, воспитывают и формируют его, ограничивают его. Отсюда знаменитый пессимистический вывод К. Маркса:

«Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет сознание». В ошибочности этого утверждения мы убедились — знакомясь с биографиями знаменитых французских просветителей XVIII века, — все они были из бедных семей и благодаря своему самосовершенствованию стали знаменитыми интеллигентами, вошли в историю.

В 1837 году Карл переходит учиться в престижный Берлинский университет, в котором ещё недавно преподавал сам Гегель. Германия бурлит философией, знаменитыми философами и философскими спорами. И в этом же году Карл принимает волевое решение, которое излагает в письме отцу: «Я должен был изучать юриспруденцию и прежде всего почувствовал желание испытать свои силы в философии... Я полюбил предмет и приобрёл способность обозревать его в целом.., для меня стало ясно, что без философии мне не пробиться вперёд...»

Маркс меняет юриспруденцию на философию. Основой этого объяснения является мотив — «пробиться вперёд», что может означать карьеру, богатство или славу учёного. В связи с выбранным направлением — философией: карьера и богатство маловероятны, остаётся последнее — слава. Эта амбициозная цель хорошо сочетается у него с другими личными качествами: крепкой волей и бунтарством. Ведь пойти против воли родителей, это первый шаг против окружающей среды, обстоятельств, общества. Наши выводы подкрепляют и другие факты — в 1836 году студент Маркс пишет стихи:

Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури в полусне.

Это у него выговаривается его внутренняя схема-идея, предназначение. Ещё Маркс:

Под ярмом постыдной лени
Не влачить нам жалкий век,
В дерзновенье и в стремленье
Полновластен человек.

Конечно, это можно было бы приписать к обычной восторженности и пламенности всех молодых людей, студентов. Но у Карла это совсем

серьёзно, об этом говорит другой факт, в котором также проглядывается большая энергетика, решительность и активность Маркса. В этом же, 1836 году, Карл тайно обручился с первой красавицей Трира, одной из самых богатых невест этого городка — с Женни фон Вестфален, против воли её родителей. В 1841 году он льстиво посвящает свою дипломную работу будущему тестю Людвигу фон Вестфалену, тайному советнику в Трире. В посвящении Маркс называет его уже отцом.

Кстати о дипломной работе, Маркс долго выбирал тему для неё и выбрал ту, которая была ему по душе — он сделал анализ философии Декарта и Эпикура, двух самых знаменитых материалистов. Таким образом, Карл Маркс нашёл себя, а мы получили достоверный первоначальный образ Маркса. К этому следует ещё добавить, что Карл был горячим поклонником и сторонником Гегеля, принадлежал к группе студентов, называемых почётно младогегельянцами, а его близкими студенческими друзьями были такие единомышленники, младогегельянцы, как Арнольд Руге и Бруно Бауэр. Этих своих университетских друзей через 2–3 года Маркс максимально обольёт грязью.

Нам осталось дать ответ на следующий важный вопрос — как Маркс пришёл к мысли о разрушении государства и как он нашёл орудие этого — пролетариат (?).

После окончания университета (30.03.1841 г.) Карл Маркс вместе со своим другом Бруно Бауэром собирались преподавать философию в Боннском университете, где их ждали. То есть они решили поступить, как это делали все знаменитые немецкие философы. Бруно поехал, а Маркс нет, — что-то преподавание студентам было ему не по душе, не его. Это было нудно и скучно, а ему хотелось участвовать в бурном потоке жизни.

Почти весь 1841 год Маркс, как и полагается буржуа, отдыхал после университета на родине, то же самое он делает и большую часть 1842 года. Нам остаётся догадываться, что Карл и его отец искали в этот довольно большой период подходящую работу, и Маркс в это время много читал и уделял внимание прекрасной Женни. Маркс ещё не знает, где и как себя применить. Он еще не осознаёт, что есть такой класс — пролетариат, и не возмущается его тяжелым положением.

Маркс в поисках своего применения встревает в теологический спор о чуде между известными философами: «Штраус или Фейербах! Кто из них прав в недавно поднятом вопросе о понятии чуда? Штраус, который рассматривает вопрос как теолог, а следовательно предвзято, или же Фейербах, который рассматривает его как не-теолог, следовательно свободно?»

Это во многом показательный отрывок — мы видим у Маркса интересный, живой и агрессивный стиль, присущий позже Марксу-журна-

листу и ставший характерным стилем журналистики двадцатого века. Здесь мы видим и другое знаковое проявление — отец Маркса верующий, однако Карл явно настроен против религии, он идёт в ногу с той частью своего поколения, которое было настроено максимально агрессивно, демократически и атеистически, он почти атеист и материалист.

Для него герой — атеист и материалист Фейербах, утверждавший, что единственная божественная любовь — это половая любовь между мужчиной и женщиной, и быть неверующим — это свобода. Маркс здесь допускает серьёзную ошибку односторонности — ибо понятно, что Штраус рассматривает вопрос предвзято как теолог, а Фейербах рассматривает вопрос также предвзято, но как не-теолог. Сам этот теологический спор был знаковый для того времени, происходил перелом мировоззрения. Друга Маркса — Бруно Бауэра за очень резкую критику религии и церкви даже лишили доцентуры в Боннском университете.

К концу лета 1842 года Маркс находит себе работу по душе. Он начинает писать газетные статьи и посылать их в различные газеты. Ему это нравится, и вскоре он решил стать профессиональным журналистом и в сентябре уезжает в Кёльн, чтобы приступить к работе в газете под названием «Рейнская газета». О чём пишет молодой журналист Маркс? О проблемах незаконной вырубки леса, о проблемах крестьян-виноделов или вот один из заголовков его статьи — «Проект закона о разводе».

Эта работа его, Маркс точно угадал, он так резво, рьяно и увлечённо работает, у него столько идей, что уже в октябре учредители газеты снимают с должности редактора, и назначают редактором Маркса. Блестящее начало. Марксу 24 года — он уже редактор ведущей газеты в Кёльне. При этом идея писать о рабочих к нему ещё не приходила.

В ноябре этого же года редакцию газеты посещает сын текстильного магната Пруссии — Фридрих Энгельс. Происходит «историческое» знакомство. Энгельс был образованным молодым человеком, и хотя его судьбу на этом этапе полностью определял отец, но молодой Фридрих также маялся — искал как себя интереснее применить в свой бурный век. Рядом во Франции революции и восстания стали обычным делом, а в соседней Пруссии многие с завистью только обсуждали эти события и чувствовали себя отставшими от прогресса и цивилизованности. О внутреннем настрое Энгельса говорят следующие его слова: «...я должен стать младогегельянцем... По ночам я не могу спать от всех этих идей века».

В этот момент зададим вопрос: «Как в этот период относились два молодых буржуа — Маркс и Энгельс к рабочему классу, пролетариям? — Пока они его вообще не замечали. Они относились к пролетариату так же, как все представители их сословия, их круга. Например, Шеллинг по этому поводу цитировал Горация: «ненавижу толпу невежд», а близ-

кий друг Маркса Бруно Бауэр вообще «тёмной массе» объявил войну. Хорошо известно презрение Шопенгауэра и высокомерие Фейербаха, а второй близкий друг Маркса — Генрих Гейне так писал по поводу восстания силезских ткачей:

Они духовно нищи; тело их требует пищи,
И в поисках пищи влача свои дни,
К бессмертью души равнодушны они.

(«Ткачи»)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Изменение Марксом журналистики

Глянем в одну газетную передовицу, написанную Марксом в этом же 1842 году (т. 1):

«Тот же самый дух, который строит дороги руками рабочих, строит философские системы в мозгу философов. Философия не витает вне мира, как мозг не находится вне человека, хотя он и не лежит в желудке». Во-первых, вот и всё о рабочих, которые в лучшем случае через дух приравниваются ко всем остальным. А во-вторых, мы видим интерпретацию Гегеля.

Далее в этой передовице Маркс успешно пробует продолжить Гегеля и конкретно связать философию с жизнью, пробует опустить её в жизнь, показывая неразлучную связь обеих. Маркс при этом проявляет, показывает одно из своих фундаментальных убеждений, мировоззренческих взглядов:

«Так как всякая истинная философия есть духовная квинтэссенция своего времени, то с необходимостью наступает такое время, когда философия не только внутренне, по своему содержанию, но и внешне, по своему проявлению, вступает в соприкосновение и во взаимодействие с действительным миром своего времени... Внешнее проявление, свидетельствующее о том, что философия приобрела такое значение, что она представляет собой живую душу культуры, что философия стала мирской, а мир философским... Любой учебник истории покажет нам, как стереотипно повторяются простейшие внешние формы».

Что мы здесь видим? Мы видим блестящий образец зрелого философского мышления, мы видим продолжение немецкой классической философии и одновременно её переломный момент — выход из сухой абстрактной философии Гегеля и переход к философии действия, к философии жизни; это классическая, рациональная трактовка еврейских священников — фарисеев.

Да, если мы заглянем в учебники истории и сопоставим повторяющиеся события, факты, то обнаружим то, что обнаружил Гегель. — Когда возникает какой-то закономерный эволюционный кризис в обществе, философы это улавливают раньше и дают новую философию, — общество некоторое время усваивает, впитывает новые идеи и затем начинает действовать по-новому. Но промежуток между возникновением новых философских идей и их внедрением в жизнь, оживлением, часто бывает довольно длительным, и Маркс в этой же передовице предлагает ускоренный вариант, ускоренный метод:

«Философия, в особенности немецкая философия, имеет склонности к уединению, к тому, чтобы замыкаться в свои системы и предаваться бесстрастному созерцанию; всё это с самого начала противопоставляет философию, как чему-то для неё чуждому, общему характеру газет — их постоянной боевой готовности, их жадному интересу к шумной злобе дня, о котором они спешат сообщать. Философия, взятая в её систематическом развитии, не популярна; её таинственное самоуглубление является в глазах непосвящённых в такой же мере чудаческим, как и не практическим занятием...».

Итак, Маркс хочет сорвать с философии покрывало таинственности, сакральности, избранности, элитности и сделать её общедоступной, популярной, а главное — практической. Но как это сделать? — Маркс даёт ответ: с помощью газет, с помощью журналистики. Поэтому выбор Марксом профессии журналиста не случаен, а очень осмысленный, осознанный, имеющий собственную философскую основу. Мы обнаружили момент — когда зародился знаменитый тезис марксизма: «теория (философия) должна проникнуть в массы и овладеть ими».

Осталось выяснить — какая теория, по мнению Маркса, должна овладеть умами масс? Ведь — не популяризировать же классиков философии собирался Маркс, которых умные и так знают, а для глупых это не интересно, потому что скучно, не актуально и не злободневно. Стало быть — необходимо найти злободневность, злободневную тему и при этом, чтобы это была не какая-то банальная кратковременная вещь, а, как и положено философу и философии — это должна быть упреждающая философская концепция.

Маркс пока ещё не пришёл к «гениальной» мысли о полном разрушении государства, к диктатуре пролетариата и даже ещё не обращает внимания на рабочий класс. Здесь сделаем важное замечание — Маркс включил в газету назидательность философии. От чего газета приобрела сильное значение — учителя, наставника, значение интеллектуального оружия. До этого момента газета была в основном информатором — информировала о событиях, занималась констатацией фактов, а при Марксе стала оракулом истин, стала учителем, истиной в первой инстанции,

орудием. Возникла самая неприглядная сторона газет и газетчиков — они стали активно влиять на сознание-мышление читателей, втюхивать своё мнение как единственную истину и тем самым формировать «нужное» сознание людей.

Особенно это противно и грязно выглядит, когда кто-то заказывает и оплачивает втюхивание в сознание тысяч людей выгодной мысли, а журналисты соответственно прилагают все старания убедить общественность, или кого-то рьяно критикуя, а кого-то дружно пропагандируя. Во второй половине двадцатого века телевидение довело эту негативную линию до высшего мастерства — фактически до внушения, до зомбирования.

Собратья по перу, представители интеллигенции и властей сразу заметили функциональное преображение газеты в руках редактора Маркса. И поскольку это были люди порядочные, то в начале 1843 года его публично обвинили в том, что он не выражает мыслей и интересов народа, а фабрикует их полностью из своих убеждений, подсовывает читателям свои мысли, навязывает всем свои убеждения. Маркс оправдывается и защищает своё великое ноу-хау:

«Прежде всего, народ с только что пробудившимся политическим сознанием меньше интересуется фактической достоверностью того или другого события, чем его моральной сущностью, посредством которой оно оказывает своё действие. Факт это или вымысел, — событие остаётся воплощением мыслей, опасений, надежд народа... Народ видит эту свою сущность отражённой в сущности прессы, и если бы он этого не видел, то признавал бы прессу чем-то несущественным и не заслуживающим никакого внимания, ибо народ не даёт себя обманывать... Народ знает, что его пресса приняла на себя его грехи, что она готова перенести унижение во имя народа и его славы...».

Сразу обратите внимание на последнее предложение этой цитаты и вспомните изобретение ещё одного еврея Савла-Павла, основателя христианской религии — «Иисус Христос принял на себя ваши грехи, грешники, и терпел унижения из-за вас...». Маркс решил изменить функцию прессы (тогда единственного средства массовой информации) и подменить прессой не только философию, но и религию. И пресса, а затем и другие средства массовой информации, с удовольствием сделают это и станут влиять на миллионы человеческих умов намного эффективнее, чем священники. А последние, потеряв своё былое влияние на умы народов и (!) умы власть держащих, в этот исторический период вынуждены удалиться на обочину исторического пути.

Стоит обратить внимание и на непорядочный популизм Маркса — «Народ знает, что его пресса приняла на себя его грехи...». Читать это, конечно, противно, только бессовестный и непорядочный человек может

использовать выражения — «народ не даёт себя обманывать», «народ знает» и т. п. Но мы являемся свидетелями появления в истории человечества большой негативной тенденции.

До этого момента священники тысячелетиями имели монополию влияния на сознание людей, теперь эту функцию у них стали отбирать журналисты, и к XX веку почти полностью отберут. А в России после 1917 марксисты и физически уничтожат священников в кровавой борьбе за контроль над сознанием-мышлением русских «масс».

По поводу знаний и образованности народа приведу яркий пример из современной истории — в 1996 году российский народ бедствовал в нищете и ненавидел Ельцина, рейтинг которого был с натяжкой — 2%, но 2–3 месяца над сознанием граждан поработали журналисты и... — рейтинг этого дегенерата и пьяницы взлетел до 50%, и его избрали президентом нашей многострадальной страны. Вернёмся к зачинателю этого всего — к Карлу Марксу.

И чтобы ещё раз убедиться в непорядочности и коварности этого человека, обратим внимание на начало приведённой цитаты: вещая через прессу к миллионам граждан Маркс не видит разницы между фактом и вымыслом, то есть между правдой и ложью, и об этом говорит откровенно и убеждённо. Ему главное добиться цели, — а какими средствами не важно. И пресса, и другие СМИ во всех странах возьмут это на вооружение. Позже это ещё назовут пиар-технологиями, чёрными технологиями. Понятно, что все эти «Искры» и многочисленные листовки способного ученика Маркса и внучка Израиля Бланка Ленина — это не просветительская работа, а технология создания враждебности против существующей власти с целью захвата власти в стране руками оболваненных дураков. А поскольку интеллигенцию оболванить трудно (всё таки она интеллигенция), поэтому выбор необразованного в своей основной массе пролетариата был закономерен. (Хотя в этот период Маркс до использования пролетариата ещё не додумался).

То, что мы с вами сейчас рассматриваем в марксизме — к великому сожалению является грандиозным чёрным переломным моментом в истории человечества. И почему-то никто до сих пор из многочисленных историков или философов (в том числе СССР и современной России) этого не отметил. Первые, конечно же, это поняли евреи ещё при жизни Маркса, в середине XIX века, с тех пор и поныне основные средства массовой информации в их руках, как рычаги влияния, как часть власти над умами миллионов людей.

Этот свой сверхагрессивный, наглый и лживый метод Маркс будет применять осознанно до конца жизни. Со временем газета стала таковой везде: в Европе, Америке, в том числе и в России. По Марксу — народ должен читать высказывания какого-то журналиста и должен думать,

что это его собственные мысли. Благодаря Марксу пресса стала Мессией, подменила собой религию, журналисты стали то ли священниками, то ли даже богами. СМИ становится орудием, властью и средством удержания власти или её свержения. Один малоутешительный аспект — СМИ обладает властью не над всеми людьми, а только над теми, кто не способен самостоятельно думать. Но таковых, к сожалению много... Самое странное и самое страшное то, что эта технологичная революция в обществе произошла 160 лет назад, а в 90-х годах руководство России не могло осознать всю архиважность средств массовой информации. Не могли понять тот факт, что когда убивают генерального директора центрального телевизионного канала В. Листьева и этим захватывают канал вещания на всю страну, то этим захватывают в государстве большую долю власти. То же самое происходит, когда на деньги других государств создаётся новый канал вещания, который захватывает значительную долю информационного пространства государства.

Порядочные люди в Германии в 1843 году обратили внимание, что вышеуказанный стиль стал нормой их газеты, которая стала в оппозицию к властям, — и решили разобраться, почему Карл Маркс отсебятину выдаёт за народное мнение. Власти провели проверку, и вот отчёт проверяющего:

«Доктор Маркс бесспорно является здесь теоретическим центром газеты, животворным источником её теорий». Понятно и логично, что после этого власти под угрозой закрытия газеты попросили владельцев убрать этого теоретика из газеты, то есть уволить с работы. Что те и сделали в марте 1843 года. Поскольку это была первая «демократическая» газета, а другие на этот лад ещё не перестроились, то в связи с увольнением главного редактора газеты не произошло никакого демократического шума.

Стоит заметить, что К. Маркс не был первооткрывателем «технологии СМИ», как я уже отмечал в главе о масонах, основатель ордена Иллюминатов, баварский профессор права Адам Вейсгаупт намного раньше К. Маркса обратил внимание на то, что журналисты и пресса должны быть орудием и заменить религию и Бога. Он ратовал с одной стороны — «чтобы журналисты не возбуждали сомнений насчёт наших писателей», а с другой стороны — «Необходимо также сделать наши принципы модными, дабы молодые писатели распространяли их в обществе и таким образом помимо своей воли служили нашему делу».

В России умные люди поняли замысел масонов — автор «Истории Государства Российского» Карамзин 18 апреля 1819 года писал Дмитриеву по поводу революционного брожения в Европе:

«Хотят уронить троны, чтобы на их места навалить журналов, думая, что журналисты могут править светом». Основную технологию

продвижения к власти масонов и марксистов очень точно определил наш великий Николай Гоголь:

«Поразительно: в то время, когда уже люди начали было думать, что образованием выгнали злобу из мира, злоба другою дорогою, с другого конца входит в мир — дорогой ума, и на крыльях журнальных листов, как всепогубляющая саранча, нападает на сердца людей повсюду... Что значит, что уже правят миром швеи, портные и ремесленники всякого рода, а Божии Помазанники в стороне. Люди темные, никому не известные («Швондеры». — Р.К.), не имеющие мыслей и чистосердечных убеждений, правят мнениями и мыслями умных людей, и газетный листок, признаваемый лживым всеми, становится нечувствительным законодателем его не уважающего человека. Что значат все незаконные эти законы, которые видимо, на виду всех чертит исходящая с низу нечистая сила — и мир видит весь, и, как очарованный, не смеет шевельнуться. Что за страшная насмешка над человечеством... Диавол выступил уже без маски в мир». Но это были единицы, «массы» в незнании, в необразованности и в своей глупости ждали своей участи.

После того, как выгнали из газеты, у Маркса опять оказалось очень много свободного времени. Он уезжает из Кёльна и возвращается в родной городок. Маркс решает покончить с холостяцкой жизнью и жениться. Родители Карла не против, ведь Женни из уважаемой аристократической и богатой семьи; возможно, что неустроенность Карла, его неудачи, его горячность и идеи считали данью молодости, и надеялись, что их сын после свадьбы станет более серьёзным, остепенится. Да и красавица Женни уже ждала семь лет и ещё ждать, вероятно, не намеревалась. В мае 1843 г. сыграли свадьбу, и молодожёны уехали в свадебное путешествие по Европе.

Марксу 25 лет, он уже женат, живёт в родительском доме и за родительские деньги. Летом 1843 года он серьёзно задумывается над вопросом — что делать дальше? Чем заняться? Он уже вошёл в издательскую сферу, хорошо в ней ориентируется, но быть наёмным журналистом или редактором ему уже не хочется. Было бы идеально быть самому владельцем или в крайнем случае — совладельцем собственной газеты или журнала. Но для этого бизнеса у него нет стартового капитала, а родители, видимо, эту идею поддержать финансово отказались, памятуя недавний, опасный опыт Карла. В этой ситуации Карл Маркс находит выход. Он связывается со своим старым знакомым, младогегельянцем — Арнольдом Руге. У Руге к этому времени был уже большой жизненный опыт и хороший опыт в организации издательского бизнеса. Арнольд Руге (1802–1880 гг.) пять лет (1825–1830 гг.) просидел в тюрьме за свои революционные взгляды, затем немного остепенился и в 1838 году основал и сам редактировал умеренное по своим взглядам издание «Галльский ежегодник», а с 1840 года — «Немецкий ежегодник».

По замыслу Маркса, новая газета должна быть прогрессивной, то есть соответствовать всем его новаторским идеям и, конечно, вещать против прусского правительства. Поэтому газета, по замыслу Маркса (памятуя опыт — чтобы не закрыли), должна издаваться за рубежом и контрабандой ввозиться в Пруссию. По этому же замыслу Руге должен был помочь связями для организации новой газеты, сбытом её через свою налаженную систему и финансами, а Маркс обеспечивал бы текущую организаторскую и редакторскую работу, а также переправку газеты в Пруссию.

Руге долго не соглашался, по каким-то причинам сильно колебался и не принимал положительного решения. Маркс уговаривал Руге, напирая на его революционные настроения и на необходимость иметь собственную газету — «Я стал задыхаться в этой атмосфере, противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами».

Как видим, Маркс рвётся в бой, где дубина у него — пресса. Пока Руге размышлял: быть или не быть новой газете, Маркс коротал время за философией, задумался над своим первым философским произведением «К критике Гегелевской философии права», и к концу 1843 года закончил его писать. Стоит заглянуть в это произведение, ибо оно важное, знаковое в становлении Маркса.

В этой работе Маркс рассматривает философию государства. Это направление было очень перспективно. Его начали развивать ещё греческие философы. Фрагментарно её затронули английские философы Гоббс, Локк и Юм; что-то об этом говорили «утописты»; с позиции идеи и становления её затронул Гегель, но дальше не пошёл; — никто не обобщил, не систематизировал и не сделал целостной философию государства. Маркс это обнаружил, и его взгляды по поводу государства составят основу понятия «марксизм».

Гегель приходит к тому, что для государства конечная цель — это семья и гражданское общество, как объединение семей. Государство как бы является семейным — организатором жизни семей; продолжением структурного построения общества после возникновения-построения семейного уклада. Отсюда у Гегеля политический строй — это закономерный эволюционный результат-процесс. Логика Гегеля понятна. Маркс же в своей работе обращает внимание на заложенное противоречие в самой идее — государство создано людьми для себя, для своей организации, для своего коллективного развития и развития каждого индивида, но государство своей организацией и фактом своего создания якобы ограничивает развитие индивида и семьи, вводя различные ограничения и правила. В принципе, согласно диалектике Гегеля — это нормально, когда снимается-ликвидируется одно противоречие, то

возникает сразу другое на другом уровне; а сами противоречия как таковые — вечны и бесконечны как этот Мир, ибо они являются его неотъемлемым атрибутом.

По словам Маркса: «Гегель выдвигает здесь неразрешённую антиномию». Это звучит как упрёк Гегелю, как его недоработка. Философ Маркс констатирует и понимает этот факт антиномии, противоречия, а философ — романтик и демократ-революционер Маркс, похоже, собирается решить человечеству этот парадокс, и убрать противоречие. Какое здесь может быть естественное и простейшее решение? Конечно, — разрушить государство! Освободив этим человека и человечество. Для Маркса почему-то нет сомнений, есть только один верный вариант.

Как Маркс пришёл к такому примитивному решению? Вот логика Маркса: посмотрите на это старое германское государство, которое забыло для чего создано, потеряло свои истинные цели, живёт не для человека и семьи, а для чиновника-бюрократа. Маркс приходит к выводу, что бюрократия есть «государственный формализм», а чиновники, бюрократия есть теперь по Марксу — «сознание государства», его «воля», его «могущество». Чиновники создали свою корпорацию и подчинили ей цели государства, сделав их ложными. Более того, чиновники для своих целей используют все накопленные человечеством знания. И Маркс делает вывод:

«Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Её иерархия есть иерархия знания». Обратите внимание, как интересна история-эволюция в своём кругообразном движении, в своих витках — ведь почти то же самое столетие до Маркса говорил Руссо. А столетие после Маркса — точно так же мог сказать о бюрократии и государстве любой наш современник, как в конце СССР, так и теперь, — и был бы также полностью прав. Но это не повод разрушить государство как таковое и вернуться к первобытному строю.

И если в современной России вы обратите внимание — кто шумно выступает против бюрократии, то к своему удивлению обнаружите, что современными марксистами являются — Явлинский, Немцов, Хакамада, Боровой и весь их еврейский Союз ПС.

Рассмотренная нами работа Маркса — первая и единственная, в которой Маркс попытался решить проблему построения нового общества после разрушения старого государства. В «К критике Гегелевской...» он логично понимает, что участвовать в работе государства должны, помимо бюрократии, другие члены общества. Их участие и нейтрализует действие бюрократии, вернёт государству истинные цели. Как это должно выглядеть — он не знает. Он, как и Руссо, против господствующих сословий, которые Гегель трактует нормально, как части общества, народа, как естественные «виды общности». О периоде формирования

сословий Маркс говорит: «Средние века — это животный период в истории человечества, человеческая зоология».

По Марксу широкое участие населения в работе государства — это, прежде всего, политизация масс. Поэтому бюрократическое государство должно превратиться в политическое путём политизации общества. «Стремление гражданского общества превратиться в политическое общество проявляется как его стремление к возможно более всеобщему участию в законодательной власти», — отмечает Маркс, приближаясь к выводу об участии уборщицы в управлении государством. А законодательная власть, по Марксу, есть главная, ибо должна «организовать всеобщее».

Заканчивая анализ «К критике Гегелевской философии» следует ещё отметить, что именно в этой работе прозвучало его знаменитое: «Религия — это вздох угнетённой твари... Религия есть опиум народа». Фактически именно эту мысль позже раскрыл Ницше, объясняя возникновение христианства. А с другой стороны, новая религия Маркса — пресса — стала ещё большим опиумом для народа. В дальнейшем мы не раз встретим в действии характерное — остервенелое выражение Маркса, озвученное в этой его работе: «Критика... есть критика врукопашную... важно нанести удар». Мы знаем уже — чем он будет бить, пресса у него не только является религией, но и дубиной, а между вымыслом (ложью) и фактом он не делает различия. Это значит, что Маркс во многих случаях будет «брать горлом», как самый наглый и беспринципный журналист, и в спорах вместо доказательства истины, как мы увидим далее — будет очернять оппонентов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Маркс, от эмансипации евреев — до классовой эмансипации

Ранее мы уже отмечали, что в период своего безделья, в 1843 г., Маркс активно ввязывается в дискуссию в защиту своего народа — евреев. Суть дискуссии — евреи в европейских странах имели в этот период равные права со всеми гражданами, но фактически господствовали экономически со своими капиталами, они владели большими землями, доминировали в торговле, Ротшильды обрушили английскую биржу и доминировали в банковском бизнесе во всей Европе. Уже возникла идея создания Всемирного Еврейского Альянса. Всё это не могло остаться не замеченным другими народами, общественность начала недовольно роптать и возмущаться засильем. В 1840 году французский парламент пытался официально решить эту проблему. В Германии растущая национальная буржуазия также роптала, проигрывая в конкуренции с евреями. С другой стороны, наблюдался парадокс — евреи, имея такую реальную большую мощь во всех отношениях и явное преимущество, господство в финансовой сфере — формально были пришельцы, без своей родной земли и без своего суверенного государства — что естественно вызывало возмущение евреев в несправедливости судьбы.

Ситуация создалась странная и уникальная — с одной стороны, в воздухе грозило еврейскими погромами и шло обсуждение проблемы на самом высоком государственном уровне — что делать с евреями и как ограничить их мощь, влияние и присутствие. А с другой стороны, евреи, защищаясь, на выпады в свою сторону — сделали контрвыпад, вменили в вину европейским народам, что они (европейцы), мол, считаются цивилизованными и ратуют за демократию, а живут рядом с несчастным гонимым, бездомным, страдающим народом. Эти немцы, французы и другие довольно бессердечны и несострадательны, имеют свою родину, свою землю и уже поэтому обладают гнетущим преимуществом перед

евреями. И на основании этой логики евреи потребовали эмансипации — освобождения. Как это освобождение должно было выглядеть — конкретно ни одна сторона не знала. Выделить кусок некой земли за счёт некого государства? Или дать во всех государствах им исключительные гражданские права и свободы, компенсирующие их страдания из-за отсутствия своей родины, своего суверенного государства? Так как этого никто не знал, а сами евреи ничего конкретного не предлагали, то можно предположить, что это был довольно эффективный защитный тактический ход против антиеврейских настроений, контробвинение на обвинение в гегемонии.

Понятия семитизма и антисемитизма в 40-х годах XIX века ещё не было. Эти понятия появятся примерно через 20–30 лет. Посмотрим — как эта дискуссия проходила в Пруссии с участием Маркса. В мае 1843 года лучший друг Маркса немец Бруно Бауэр (1809–1882 гг.) написал брошюру «Еврейский вопрос», которая произвела много шума и споров, потому что этот немец додумался высказать кое-что неудобное евреям. Бруно выразил мнение, что абсолютная эмансипация евреев в Европе возможна только при условии перехода их в христианство.

Произносил Бруно и более резкие высказывания: «Мы сами не свободны... Почему немец должен интересоваться освобождением еврея, если еврей не интересуется освобождением немца... До тех пор, пока государство остаётся христианским, а еврей остаётся евреем, оба так же мало способны давать эмансипацию другим, как и получить её от других ... Еврей, который, например, в Вене только терпим, определяет своей денежной властью судьбы всей империи... решает судьбы Европы».

Бауэр указывал евреям на самое больное — отказаться от своей религии, это значит отказаться от концепции своей исключительности и превосходства над другими, что заложено в самой еврейской религии, отказаться от всего этого — это стать равным со всеми, что приравнивается евреями к самоликвидации. Маркс в защиту евреев написал работу «К Еврейскому вопросу» (1 и 2 тома). При этом Маркс признал существование проблемы:

«Еврей находится в религиозной противоположности к государству, признающему христианство своей основой». Понятно, что противостояние имеет религиозный характер, и в отличие от Бауэра, Маркс предлагает решение в стиле Александра Македонского — вообще уничтожить, ликвидировать всякую религию. Решение оригинальное и точно решает спор, ликвидируя сам предмет разногласий. Но Маркс понял, что подобное радикальное решение является нереальным, поэтому он решил схитрить и ловко перевести дискуссию из области национальной и политической — в область социальную, этим сглаживая суть конфликта и примиряя обе стороны, и ему это удалось.

Посмотрим, как Карл Маркс это проделал: «Постараемся вглядеться в действительного еврея-мирянина, не в еврея субботы, как это делает Бауэр, а в еврея будней. Поищем тайны еврея не в его религии... Какова мирская основа еврейства? Практическая потребность, своекорыстие. Каков мирской культ еврея? Торгашество. Кто его мирской Бог? Деньги... Итак, мы обнаруживаем в еврействе проявление общего современного антисоциального элемента... Эмансипация евреев в её конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства».

Таким образом, Маркс предложил европейцам, в случае претензий к евреям, — отказаться от своих денег, и он точно знал, что они этого уже не сделают. «Христианство возникло из еврейства. Оно снова (благодаря деньгам) превратилось в еврейство», заключил Маркс. Эта статья Маркса по еврейскому вопросу явилась важным эволюционным этапом этого мыслителя:

«Утопической мечтой Германии является не радикальная революция, не общечеловеческая эмансипация, а, скорее, частичная, только политическая революция; революция, оставляющая нетронутыми самые устои здания». Это продолжение «К критике Гегелевской философии права», в которой Маркс уже соединил свои старые размышления о необходимости ликвидации бюрократического государства и новую тему об эмансипации.

Вот важное продолжение предыдущей цитаты:

«На чём основана частичная, только политическая революция? На том, что часть гражданского общества эмансипирует себя и достигает всеобщего господства, на том, что определённый класс, исходя из своего особого положения, предпринимает эмансипацию всего общества. Это класс освобождает всё общество, но лишь в том случае, если предположить, что всё общество находится в положении этого класса, то есть обладает, например, деньгами и образованием или может по желанию приобрести их». Это очень интересный этап развития Маркса — он впервые употребляет слово «класс», как определение. Маркс не делит, как предыдущие мыслители, общество на сословия, а пытается разделить на классы.

Если вы внимательно читали приведённую цитату, то обратили внимание, что Маркс в ней говорит о буржуазной революции (!). И на этом этапе для него классом-освободителем, эмансипирующим себя и всё общество, является не пролетариат, а класс, обладающий образованием и деньгами, то есть — буржуазия. Итак, мы наблюдаем этап, когда Маркс, решая свои национальную проблему, нашёл новый класс — буржуазию, который по многим параметрам, в том числе по благополучию, схож с благополучными евреями. Фактически Маркс пытается сместить ненавистный ему класс бюрократии другим классом — зародившейся

буржуазией, которая освобождая себя — свергнет старую бюрократию. И он подталкивает к этому буржуазию.

Здесь стоит заметить, что идея о том, что один какой-то класс может выразить полностью интересы всех остальных, является полнейшей утопией.

Стоит ещё раз обратить внимание на вывод Маркса: «Деньги — это отчуждённая от человека сущность его труда и его бытия; и эта чуждая сущность повелевает человеком, и человек поклоняется ей... Бог евреев сделался мирским... Только после этого смогло еврейство достигнуть всеобщего господства и превратить отчуждённого человека, отчуждённую природу в отчуждаемые предметы, в предметы купли-продажи...».

В этом отрывке много интересных тем для раздумий, но фактом является то, что Маркс признал то, что мы увидели в предыдущих главах этой книги — евреи «достигли всеобщего господства». Сам Маркс в создании Всемирного Еврейского Альянса участие не принимал.

Осенью 1843 года Руге наконец-то даёт согласие на участие в издании новой газеты, вернее — уже журнала. Местом издания выбирают самый революционный и демократический город Европы — Париж. И в октябре Маркс уезжает в Париж для организации издания газеты. Но работа продвигается медленно и тяжело. Маркс меж делом попадает в масонские клубы известных нам уже братьев Бланков, читает Руссо, якобинцев и даже собирается написать историю Конвента. А его журнал под названием «Немецко-французский ежегодник» выходит только в конце февраля 1844 года.

Журнал издали, но, похоже, как организатор и менеджер Маркс оказался никудышным, ибо перевозка была организована бездарно, и весь тираж был конфискован немецкими властями. Из-за этого Руге терпит большие финансовые убытки, предъявляет закономерные претензии к Марксу и разрывает с ним сотрудничество.

У Маркса опять появляется масса свободного времени и отсутствие собственных денег, и более того — пропадает возможность их заработать. Ибо репутация и влияние Руге в кругах издателей велики, а репутация Маркса после его работы в Кёльне — также всем уже известна, поэтому сотрудничать с ним в дальнейшем издательском бизнесе вряд ли кто захочет. Мечта быть владельцем или совладельцем собственной газеты, быть обеспеченным буржуа и одновременно политизировать массы — становится нереальной. Маркс опять долго живёт на деньги родителей.

В то же время и не в пример Марксу в Париже издавалась прогрессивная немецкая газета под революционным названием «Вперёд!», которая успешно распространялась в Пруссии. Именно такую идею, такой аналог, и такой противовес, конкуренцию газете «Вперёд!» хотел

осуществить Маркс. К лету 1844 года праздношатающийся молодой 26-летний Маркс сближается с издателями этой газеты, и летом ему разрешают в качестве журналиста работать в этой газете. Но появившуюся возможность Маркс не использует для продвижения своих революционных идей, для политизирования масс, для ускорения реформ в родной Пруссии, а использует эту возможность, чтобы отомстить, сорвать свою злость за пропавшую мечту — его единственная статья в газете «Вперёд!» максимально обливает грязью Арнольда Руге за то, что тот отказался дальше сотрудничать, отказался дальше финансировать Маркса.

Больше публиковаться в этой газете немцы Марксу не дали. Обращаю внимание на этот яркий биографический факт, ибо он характерен для Маркса и подобное Маркс будет вытворять ещё не раз.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Подсказка и помощь Энгельса

Итак, Карл Маркс опять «приплыл» — без работы, без друзей и спонсоров, долгое время живёт на деньги отца и тестя. Такое впечатление, что Маркс сидел в абсолютном тупике и ждал чуда, ждал появление спасителя — Мессии. И это произошло — он появился в лице Энгельса, владеющего не только деньгами, но и ценной для Маркса информацией.

В это время 24-летний Фридрих Энгельс работал в отцовском концерне и успешно продавал через свою торговую фирму в Манчестере собственный текстиль. Но видимо, это занятие для него, по причине молодости, было довольно нудное и он по-прежнему «не мог спать от всех этих идей века».

Англия в это время является самой передовой страной с бурно развивающейся промышленностью. Энгельс это наблюдает и делает философские выводы: «Живя в Манчестере, я, что называется, носом натолкнулся на то, что экономические факторы, которые до сих пор в исторических сочинениях не играют никакой роли или играют жалкую роль, представляют по крайней мере для современного мира, решающую историческую силу...». Это, прежде всего, камень критики в сторону уже известной нам работы по политэкономии Руссо. И Фридрих решает написать свою работу по политэкономии под названием «Наброски к критике политической экономии».

Здесь стоит также заметить, что молодой Энгельс пытался каким-то образом участвовать в общественной жизни Манчестера, как-то занять свой досуг. И по этой причине посещал легальные воскресные собрания сторонников Роберта Оуэна, этого «утописта», который реально создавал социальную инфраструктуру рабочему классу — строил общежития для рабочих, их детям организовывал детские сады и т. п.

Фридрих Энгельс два года работал в торговой фирме отца и уже прекрасно ориентировался в характере её работы и вообще в торговом бизнесе. И если мы заглянем в эту первую работу Энгельса, то обнаружим, что он искренне, по молодости, пишет об обнаруженных истинах и одновременно критикует их с позиции сторонника Роберта Оуэна за то, что «на место простого ненаучного торгашества выступила развитая система дозволенного обмана, целая наука обогащения», «что торговля подобно грабежу покоится на кулачном праве», «Каждый — должен стараться как можно дороже продать и как можно дешевле купить. Следовательно, при всякой купле и продаже выступают друг против друга два человека с абсолютно противоположными интересами...».

То есть молодой Фридрих по молодости и наивности возмущается обычными, естественными истинами. В этой же работе из высказываний Фридриха можно сделать интересный косвенный вывод, что в торговле нет национальностей, что она интернациональна. Это интересный момент в становлении интернационализма в марксизме. Вот такой Фридрих Энгельс — очень богатый молодой человек приехал в августе 1844 г. в Париж, то ли по делам, то ли просто отдохнуть и развлечься. И случайно встречает старого знакомого по Кёльну — Карла Маркса, который, излив на Руге немало грязи, пребывал в безысходной праздности и полнейшем незнании — что дальше делать, как подбить буржуазию на желанную эмансипацию.

В первой же их беседе оказалось важное совпадение многих взглядов, обоюдное возмущение действительностью. Эту встречу все сторонники марксизма дружно назовут «исторической». Мало того, Энгельс спас Маркса не только материально, но помог неимоверно Марксу и в другом. Он беседовал с Фридрихом десять дней подряд и тот ему выложил всё, что знал и что думал. Энгельс рассказал Марксу о впечатляющем организованном рабочем движении в Англии под руководством чартистов Оуэна, который фактически организовал профсоюзы для защиты прав рабочих. Энгельс рассказал об интернациональности торговли и механизме прибыли в торговле и на производстве. Теперь Маркс, оставаясь наедине, мог вполне воскликнуть — «Есть!!! Эврика!». Это было логическое завершение многих его воззрений, идеологических недоработок, схематическое формирование всего марксизма.

Рассказ Энгельса оставалось только правильно и красиво оформить, взяв у него же безвозвратно денег. Главное — обнаружен другой, лучший класс для эмансипации, чем благостная и пассивная буржуазия, — голодный, злой, недовольный своим положением пролетариат. Образованную буржуазию трудно пропитать своей идеологией и куда-то направить, а этих... — только правильно «научить» — настроить, метод уже известен. Маркс уже не хочет издавать ни газеты, ни журналы. Он

загорелся написать глобальный философский научный труд на основе новых своих знаний.

На этой «исторической» душевной встрече Маркс и Энгельс поклялись быть друзьями и договорились, что Энгельс будет полностью финансировать семью Маркса, финансировать издание книги и примет посильное участие в создании её теоретической части. Теперь Маркс, благодаря финансовой помощи нового друга, полностью погружает свой «умище» в науку. И независимо от научного вклада Энгельса — имя спонсора будет красоваться на обложке будущего научного труда и этим оно будет навечно прославленно.

И в начале 1845 г. рождается книга под названием «Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно и компании». Уже из самого названия мы видим, что работа очень агрессивная, что Маркс сводит старые счёты с Бруно Бауэром и компанией, и отмежевывается от них. Заглянем в эту книгу (т. 2), ибо в ней мы впервые услышим от Маркса о пролетариате, о его новой «исторической роли» — К. Маркс:

«Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно также как он приводит в исполнение приговор, который наёмный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и чужую нищету». Итак, нашёлся у Маркса искомый класс, Мессия, который разрушит паразитирующую бюрократию, разрушит всё старое, «умирающее государство» и этим спасёт всё общество.

Само это высказывание звучит уже как классический марксизм. Если внимательно посмотреть на приведённую цитату, то можно смело сказать, что мы видим полностью взгляд Руссо на частную собственность с добавлением к нему спасительной роли пролетариата. Маркс и до Энгельса думал о пролетариате, ибо знал, что масонская организация «Иллюминатов», существовавшая в Баварии с 1776 по 1784 гг., использовала рабочих для достижения своих политических целей (Маркс, т. 4, с. 281). Но, вероятно, он вначале недооценил рабочих — в их неграмотности, тёмности увидел одни минусы, но затем, поразмыслив, увидел в этом и плюсы...

В «Святом семействе» мы не найдём у Маркса логического продолжения его прежних тем и их увязки с новым для Маркса «открытием». Здесь мы найдём ещё довольно сырую переработку привезённой Энгельсом информации о пролетариате. Далее заглянем в «Тезисы о Фейербахе».

Хотя эта работа опубликована Энгельсом после смерти Маркса на основе его отрывочных заметок из его записной книжки, но эти заметки, наброски касаются этого периода жизни Маркса и осмысления, становления его концепции. В этой работе привлекают внимание две его мысли:

«Сущность человека... есть совокупность всех общественных отношений». Здесь Маркс совершает свою фундаментальную классическую ошибку — он видит только одну сторону и делает на неё полностью упор, а личность, индивидуальность для него не существует. Истина здесь лежит на середине и является смесью, сочетанием обоих факторов.

Далее процитируем знаменитую амбициозную фразу Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Но как мы отметили раньше — это было повторение уже старой масонской идеи о руководстве общественными процессами и историей. В этом же духе звучит продолжение этой мысли Марксом:

«Совпадение изменений обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика». Здесь явно звучит эхо французских революций. Можно процитировать и совсем лозунговое высказывание Маркса: «В практике должен доказать человек истинность, то есть действительность и мощь своего мышления». Маркс человеческую деятельность связывает с эволюцией, а эволюция, по его мнению, — это развитие способов производства — экономика, и принципы распределения результатов этого производства — как идеология. И поэтому Маркс приходит к выводу, что на первом месте находится экономика-производство, а на втором все результаты умничанья — религия, философия, мораль, искусство, наука. Они по Марксу как бы плетутся за первой, тянутся и полностью обуславливаются. Это как бесплатное, но необходимое приложение. Не случайно в этот период начинают мелькать у Маркса мысли о коммунизме и появляется характерная для него терминология — «производительные силы», «разделение труда» и т. д.

На эту тему говорил ещё Аристотель, который, как и Платон, всетаки на первое место ставил мышление, ибо если бездумно работать, то можно проработать всю жизнь и быть голодным, не иметь даже свободного времени, чтобы подумать. Понятно, что то и другое — процесс одновременный и неразрывный. Это как два альпиниста в связке, поочерёдно подтаскивающие друг друга. В принципе Маркс пытается продолжить мысль Гегеля, что люди должны наконец-то научиться управлять объективными законами общественного развития, этими «хитростями истории Гегеля»; то есть, — история человечества из хаотичной стадии должна перейти в управляемую и обуздать «хитрость истории». Перед этим Гоббс выдвинул понятие общественного договора, его поддержал Ж.-Ж. Руссо; Локк предложил, во избежание бесконечных споров и для скорейшего принятия решений, считать решающим мнение большинства. Это позволяло выйти из тупиковой невозможности договора каждого с каждым. Это, в свою очередь, не устраивало патологического утописта Руссо, который иллюзорно устремлялся к абсолютной свободе.

Маркс же поставил перед собой очень трудную задачу, — для обуздания «хитрости истории» он пытался разобраться во всех закономерностях общества и его динамических процессов. В этот период интеллектуальной работы Маркса случился форс-мажор. По просьбе Прусского правительства французские власти высылают всех немецких эмигрантов, деятельность которых направлена против существующей в Пруссии власти, из Парижа. Маркс попадает под эту зачистку и вынужден уехать в Бельгию, в Брюссель. Пока он там обустраивался, вышла его книга «Святое семейство». Можно отметить, что совместный проект Маркса и Энгельса был осуществлен.

Маркс хочет развить своё открытие — тему пролетариата и философски завершить её. И замышляет создать более глобальный и фундаментальный философский труд под солидным названием — «Немецкая идеология», где должна быть продолжена новаторская линия Маркса о грядущей роли пролетариата. Но об этом пролетариате Маркс знает только понаслышке. Теперь для него важно собрать максимум информации о пролетариате из разных стран, обобщить её и сделать глобальные выводы. И Маркс в Брюсселе пытается организовать некий пресс-центр под названием «Коммунистический корреспондентский комитет», в который, по его замыслу, должна стекаться от корреспондентов из разных стран информация о рабочем классе. Идея была неплохой — если дело заладиться, то будет информация не только для научного труда, но и для издания собственной газеты, которая будет отражать положение рабочих, их интересы, и газета будет иметь международный характер. При этом корреспондентский комитет Маркса при хорошем дальнейшем укладе может автоматически стать идеологическим, руководящим центром всего рабочего движения в Европе.

Верный Энгельс в помощь Марксу готовит обзорный труд о положении пролетариата в Англии под названием «Положение рабочего класса в Англии» и в марте 1845 г. заканчивает его, подчеркивая в нём интернациональный характер пролетариата: «...Пролетарии во всех странах имеют одни и те же интересы, одного и того же врага». Эта мысль станет одним из основных тезисов марксизма, основой знаменитых лозунгов и послужит основой для создания интеллигенцией и мелкой буржуазией международных организаций якобы отражающих интересы рабочих. Пусть кто-то из многочисленных живущих ныне профессоров марксизма попробует доказать, что первые профсоюзы или организации типа Интернационала и другие — были инициированы и созданы непосредственно рабочими...

К августу 1845 года информации о пролетариате было собрано достаточно, и Маркс уезжает в Англию, где посещает Лондон и Манчестер, чтобы лично ознакомиться, изучить опыт деятельности чартистских (профсоюзных) организаций «утописта» Оуэна.

С сентября Маркс начинает усердно работать над «Немецкой идеологией». Нет почти никакой общественной работы со стороны Маркса, и комитет существует лишь формально. Заканчивая эту главу об открытии Марксом пролетариата, можно с полной уверенностью сделать важный вывод — Маркс не ставил перед собой цель сделать счастливой жизнь пролетариата или даже облегчить её, у него были совсем другие личные цели, а пролетариат, который он так долго искал, нужен был ему как средство достижения этих целей.

В апреле 1846 года Маркс заканчивает работу над этой второй «совместной» книгой, над «Немецкой идеологией». После чего у Маркса и Энгельса, несмотря на деньги Энгельса, возникает огромная проблема издания этой книги — все отказываются. Эту проблему Маркс и Энгельс не решили до конца своей жизни. В чём же причина? — Причина находится в самой работе, — Маркс:

«Как для массового порождения этого коммунистического сознания, так и для достижения самой цели необходимо массовое изменение людей, которое возможно только в практическом движении, в революции; следовательно, революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества». Понятно, что буржуа: издатели, владельцы типографий не могли печатать агитацию против себя, поучения пролетариям против себя, и из чувства собственного самосохранения не нашлось ни одного дурака, согласившегося печатать эту книгу даже за приличные деньги. Впервые эта книга была издана в СССР в 1932 г. В эту книгу нам стоит заглянуть (т. 3) не столько, чтобы познакомится с мыслями, достижениями Маркса на этом этапе, сколько — чтобы разобраться в одной из самых фундаментальных ошибок Карла Маркса и его марксизма.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Грубейшая ошибка Маркса и «баранье сознание людей»

Проследим логику Карла Маркса, который начинает рассуждать с элементарного: «Пашню (воду т. д.) можно рассматривать как естественно возникшее орудие производства... Таким образом, здесь выступает различие между естественно возникшими орудиями производства и орудиями производства, созданными цивилизацией». Ну что ж — подмечена нормальная вещь, но Маркс в этом видит уже ненормальность и начало большой беды, несправедливости, — Маркс:

«В первом случае, при естественно возникших орудиях производства, индивиды подчиняются природе, во втором же случае они подчиняются продукту труда. Поэтому и собственность в первом случае (земельная собственность) выступает как непосредственное, естественно возникшее господство, а во втором — как господство труда, в особенности накопленного труда, капитала. Первый случай предполагает, что индивиды объединены какой-нибудь связью — семейной, племенной или хотя бы территориальной и т. д.; второй же случай предполагает, что они не зависимы друг от друга и связаны только посредством обмена»;

«Во втором случае должно уже практически произойти разделение между умственным и физическим трудом; ... во втором случае промышленность покоится на разделении труда и существует лишь благодаря ему...». Понятно, что с разделением труда и благодаря этому — образовались города. «Вместе с городом появляется и необходимость администрации, полиции, налогов и т. д. — словом общинного политического устройства, а значит и политики вообще», — констатирует К. Маркс. Получается логично — если уничтожить разделение труда, то всё рухнет по цепочке — и города, и промышленность, и полиция, и государство.

Тему разделения труда затрагивал ещё Гегель: «Всеобщий труд есть, таким образом, разделение труда». Но Гегелю не приходило в голову этим возмутиться и это изменить. У него это было естественным этапом и элементом эволюции, ведь у Гегеля сама история человечества — это «прогресс духа в созерцании свободы». В том числе это и свобода выбора, в том числе и труда. Маркс допускает в вопросе разделения труда глобальную философскую, мировоззренческую ошибку, которую «почему-то» более полтора столетия «не замечали» его горячие поклонники и упорно «не замечают» его современные поклонники, при этом я не думаю, что они настолько глупы.

Разделение труда — это в природе, в жизни есть специализация. А специализация есть уже у деревьев в лесу. Специализация обуславливается прежде всего генетикой, врождёнными наклонностями, а затем внешней средой, когда любой органический индивид пробует приспособиться к реальным жизненным условиям, к окружающему его миру. Идеальным является, конечно, совпадение — востребованность окружающей средой чего-то и наличие этого в индивиде, природные склонности индивида к этому. Специализация есть основа разнообразия этого мира, вида, рода и т. д. Именно специализация обеспечивает качественный разброс особей одного вида или рода, что обеспечивает многовариантность приспособления и, следовательно, — выживаемость всего рода. Одни птицы, приспосабливаясь к окружающей среде, отказываются от крыльев и от полёта (например — страус), у других в результате приспособления-специализации крылья превратились в ласты, и они не летают, а плавают. Специализация существует уже в любом стаде и коллективе животных.

В племенах людей у одних лучше получается с земледелием, а у других на охоте, а только третьи способны так хорошо выделывать шкуры и шить одежду. Маркс полностью игнорирует специализацию как закономерность и обязательную составную часть этого мира. Маркс продолжает любопытную логику: «Впрочем, совершенно безразлично, что предпримет само по себе сознание; из всей этой дряни мы получаем лишь один вывод, а именно, что три указанных момента — производительная сила, общественное состояние и сознание — могут и должны вступить в противоречие друг с другом...». И далее Маркс делает глупейший в истории человечества вывод:

«Разделение труда делает возможным — более того: действительным, — что духовная и материальная деятельность, наслаждение и труд, производство и потребление выпадают на долю различных индивидов; добиться того, чтобы они не вступали друг с другом в противоречия, возможно только путём устранения разделения труда». Это самый яркий пример человеческой глупости, тупости, «интеллигентского»

заблуждения. И этот совершенно ошибочный постулат лежит в основе всего марксизма. Извините, поклонники Маркса и Ленина — или Вы разберетёсь самостоятельно в ошибках своих кумиров и прозреете, сделаете эволюционный для Вас шаг, или — отношение к Вам будет соответствующим, и тогда не стоит обижаться.

Решив убрать разделение труда, Макс решил отменить многовековой результат эволюции, он решил убрать сразу два самых фундаментальных закона этого мира — закон разнообразия и закон развития. Если бы это была только безобидная теория, то можно было бы искренне посмеяться над Марксом и марксистами, но! — в СССР на основе этого постулата Маркса решили устранить противоречия между интеллигенцией и рабочими — уравняв интеллигенцию с рабочими, и даже опустив её по оплате труда ниже. Результаты прекрасно известны.

Меня поражает живучесть этой элементарной ошибки Маркса. Приведу пример, который приводил в предыдущей книге. После выхода книги мне говорили — ну и здорово ты придумал пример на площади. Утверждаю — реальный живой пример, описал как было на самом деле. А было вот что:

Будучи в 1998 году на праздничном митинге на Дворцовой площади, ко мне подошла группа из 6–8 человек — коммунистов. Уверенные в своём теоретическом превосходстве и правоте своего марксизма, они ходили в толпе, затевая умышленно споры со сторонниками различных партий, громя при этом демократию, нынешнее правительство и президента. В общем, картина на таких мероприятиях знакомая. Среди этой группы по внешнему виду были и рабочие и интеллигенты. Довольно долго я за ними наблюдал — они кружили вокруг меня, приставая к людям, кто-то не хотел вступать в дискуссию, кто-то полностью с ними соглашался и клеймил подлых демократов. И они, неудовлетворённые отсутствием достойного сопротивления и хорошей классовой борьбы, усиленно искали достойную антагонистическую жертву. И нашли — меня. Мой внешне интеллигентный вид и насмешка в глазах давали им надежду наконец-то получить полную сатисфакцию в достойной идеологической борьбе и полной победе с достойными противником. Состоялся следующий диалог:

— Вы, наверно, поддерживаете демократов? — спросили они меня.

— Нет.

— Значит — вы за коммунистов?

— Нет.

— А почему — нет? Разве вы не видите, что сделали со страной демократы?

— Вы, надеюсь, читали Маркса. Ведь это его лозунги — Свобода! Равенство! Ведь это он был не только самый большой демократ, но даже

отец всей европейской демократии. Поэтому, какие могут быть претензии к демократии. Коммунисты — это самые первые в мире демократы, красные демократы, а теперь у власти синие демократы. Получили, что проповедовали.

— А вы что предлагаете? Вы против равенства людей?

— А скажите — на чём основывал идею равенства Маркс, знаете?

— Да, — ответил один грамотный рабочий, очень пламенный марксист, — на устранении разделения труда, чтобы все были равны, чтобы каждый мог заниматься любым трудом, чтобы не было разницы между физическим и умственным трудом, чтобы...

— Спасибо, хватит, — всё точно и верно. А теперь вы — сочините мне симфонию, а вы — её сыграйте, а вы — выучите пять основных мировых языков и преподавайте их в вузе, а этому пекарю скажите — пусть сделает операцию на сердце или глаз. Попробуйте заняться любым делом или освоить любое дело.

Наступила неуклюжая тишина. Затем один из них сказал неуверенно: «Если бы была возможность — почему бы и нет».

— Знаете, уважаемые, одно — теория молодого 27-летнего Маркса, другое — истины жизни. Все вы, мы, — имели идеальные условия бесплатно учиться в СССР, — однако... Даже, если я сейчас дам вам много денег на учёбу — вот этот молодой человек может и не сделать операцию на глаз или сердце, — ибо ещё нужно призвание, нужен ещё талант. Вы сами понимаете, что это невозможно, что это абсурд. А самое страшное, что это не мелочь. Это имело и имеет потрясающие последствия. Мне при коммунистах в СССР жилось неплохо — не скрою, и сейчас не жалуюсь. Однако в СССР, когда я ещё учился в вузе и получал 50 рублей стипендию, вы не хотели учиться или у вас не было способностей, и уже работали и получали около 180 рублей. А когда я окончил и приступил к работе, получая 120 рублей — вы получали уже 250 рублей, а то и больше и уже, возможно, получили квартиру. Мне, чтобы нормально жить, приходилось не только инженерить, а ещё подрабатывать сторожем в детском саду и грузчиком на грузовой станции. А другие мои коллеги просто играли на работе в шашки, шахматы или мастерили какой-то левак. Ведь так было. И что в результате? — Наша страна проиграла в экономической конкуренции и рухнула. Вы теперь покупаете не мною изобретённый телевизор, а японским интеллигентом, не мною изобретённую микроволновую печь — а шведского интеллигента, автомобиль — немецкого и т. д. И работать сейчас будете под руководством иностранных интеллигентов, со всей их пресловутой эксплуатацией. Вот так. Спасибо. До свидания.

С вами приятно было поговорить.

Но никто из них не уходил. Они, как бы ждали, что я продолжу и укажу выход из этой ситуации.

— Да, было так, — сказал один из них, с виду интеллигент.

— Да, были, конечно, перекосы, — сказал задумчиво рабочий, и добавил, — это специально вредили, чтобы разрушить СССР.

— Нет, — сказал я, — это фундамент идеологии.

Мы стояли молча; я смотрел на них растерявшихся, а они о чём-то думали. Чувствовалось, что между нами появилась какая-то симпатия и общность, мы находились в одном демократическом красно-синем дерьме, в одной беде. Я ещё раз попрощался и пошёл. Двое из них меня догнали, и спросили очень дружелюбно — в какой я состою партии? Я ответил им — в никакой, и опять пошёл.

Вернёмся к Марксу и убедимся ещё раз, что Маркс твёрдо стоял на своей ошибке, послушаем несколько его маразмов — Маркс: «Дело в том, что как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определённый, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти... тогда как в коммунистическом обществе... общество регулирует всё производство и именно поэтому создаёт для меня возможность делать сегодня одно, а завтра другое...». Большую часть книги «Немецкая идеология» Маркс полемизирует почти со всеми современными ему философами, «врукопашную» кромсая их всех своей повальной критикой, показывая этим, что он один только прав. В этой книге Маркс вписал свою находку — пролетариат в свою философскую концепцию, и саму эту концепцию уже почти закончил.

Далее Маркс развивает со школы знакомые нам темы: о диктатуре пролетариата, о разрушении старой государственной машины, о «стоимости труда»... Стоит процитировать одно интересное высказывание Маркса в этой книге: «Это баранье, или племенное, сознание получает своё дальнейшее развитие, благодаря росту производительности, росту потребностей...». Здесь у Маркса всё точно как у Руссо — эти растущие коварные потребности есть само зло, они портят человека, развращают и изменяют в худшую сторону.

До конца своей жизни Маркс уже ничего нового не придумает, заменит лишь выражение «стоимость труда» на «стоимость рабочей силы», а «цена труда» — на «цена рабочей силы».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Коммунизм из сионизма

Стоит обратить внимание на один очень существенный момент — Маркс сотни раз будет повторять о диктатуре пролетариата, но ни разу с этого момента, ему 27 лет, и до конца жизни так и не пояснит важнейшую вещь — что должен делать конкретно пролетариат, когда придёт к власти, — что пролетариат должен делать, когда он разрушит государство. Ленин за это будет потом крепко проклинать Маркса, когда наступит решающий момент — разрушать Россию.

С одной стороны, по логике Маркса о новом государстве и речи не могло быть — ведь оно «исторически отмирает»... Но, с другой, — ведь должно же как-то выглядеть будущее? Ведь как-то будет организовано общество? А ведь организация жизни общества — это государство...

С уверенностью можно утверждать, что долго и мучительно два «великих» теоретика ломали головы над этим важнейшим вопросом — трагедией «отсутствия будущего» в результате разрушения государства. И все-таки что-то придумали. В октябре 1847 года выходит их «труд» под многообещающим названием «Принципы коммунизма» за авторством Энгельса. В нём наши умники попытались описать принципы будущего коммунистического общества. Серьёзно эту попытку невозможно воспринимать. Например, в этой работе мы можем обнаружить такого рода тезисы — «Образование промышленных армий, в особенности для сельского хозяйства» (этим советом воспользовались в Китае) или «Одинаковое право наследования для брачных и внебрачных детей», или — «противоположность между городом и деревней исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом».

С одной стороны — мы видим характерный для марксизма маразм. А с другой — возникает несколько закономерных вопросов — мы впервые в этом исследовании встретили слово «коммунизм», и после этого

Маркс вставил это слово в название своего знаменитого «Манифеста коммунистической партии», — откуда молодые люди в 40-х годах взяли это слово без конкретного понятия? Как пришли к этому понятию коллективной жизни людей?

В изданной в 2001 году в России книге американский исследователь Давид Дюк писал: «Я искал информацию о Карле Марксе в еврейских энциклопедиях, и к своему изумлению обнаружил, что человеком, который научил его многим принципам коммунизма, был Моисей Хэсс. Может показаться невероятным, но современные лидеры сионизма чтят Моисея Хэсса (1812–1875 гг.) как предтечу современного сионизма. В «Энциклопедии сионизма в Израиле», под библиографической сноской на Моисея Хэсса можно найти следующую информацию:

«Пионер современной теории социализма, социальный философ и предтеча сионизма... Хэсс был, таким образом, предтечей политического и культурного сионизма и социалистического сионизма в особенности. Карл Маркс и Фридрих Энгельс признавали, что они многое почерпнули у него в течение созидательных лет коммунистического движения...».

Нет оснований сомневаться в информации еврейских учёных, работавших над таким важным произведением. Теперь мы получаем ответы на возникшие вопросы. Мы наблюдаем очень важный факт — один источник двух идей: старой сионистской и новой коммунистической.

Чтобы понять образ старшего товарища — помощника молодых теоретиков коммунизма, послушаем его высказывание — Моисей Хэсс:

«Мы, евреи, всегда должны оставаться чужестранцами среди гоев (неевреев)... Факт остаётся фактом, что еврейская религия — выше всякого еврейского национализма. Каждый и всякий еврей, независимо от того хочет он этого или нет, автоматически, в силу своего рождения, связан узами солидарности со всей своей нацией... Человек должен быть сначала евреем, и только во-вторых человеком».

Слово и понятие «коммунизм» произошло от «коммуна», которое обозначает некий коллектив людей, живущих совместно на основе определённых принципов. А, бесспорно, — из всей богатой человеческой истории самый успешный и живучий подобный коллектив — это еврейский кагал. Теперь понятна осторожность авторов — почему под «Принципами коммунизма» не подписался Маркс, а это сделал немец Энгельс — чтобы не подавать поводов к подозрению об источниках их новой идеи. Теперь и более понятными становятся такие удивительные марксистские слова-понятия как — «гегемония» и «диктатура». Молодые люди не без подсказки просто сняли копию, и в старой еврейской парадигме гегемонии старые слова заменили на новые. И старая еврейская религиозная парадигма об избранности и гегемонии еврейского народа над другими народами чудным образом превратилась в избранность и

гегемонию пролетариата над другими слоями общества. Но ведь коварный Маркс понимал, что над стоящим над всем пролетариатом кто-то ещё должен стоять... и рулить этим пролетариатом, как катком.

Маркс из иудаизма родил свой марксизм, из иудаизма родилось и христианство, а последователи Маркса взяли за основу и марксизм и иудаизм и христианство — В. В. Можаровский:

«Несмотря на то, что советская идеология никогда реально не выходила за пределы православного пространства, она, как и западная информационная экспансия, характеризовалась установками на абсолютность и «вселенскость» своих положений, непременно должных со временем охватить и переустроить все человечество. Средоточием подобной идеологии выступала, во-первых, «абсолютная троица», символически выражаемая тремя рядом поставленными головами или тремя лицами: Марксом, Энгельсом и Лениным. Все те писания, которые исходят непосредственно от самой троицы, полагались священными, точнее, полагалось, что если придерживаться безотносительной и обязательной для всех истины, заключённой в писаниях, то это приведёт к исполнению определённых обетований. Ссылки на них были необходимы, они предписывались для любой гуманитарной работы, диссертации или исследования.

Причём два из лиц троицы (Карл Маркс и Фридрих Энгельс — «отец» и «дух»...) оставались трансцендентными или потусторонними для советской действительности, а третье лицо, во-вторых, воплотившись, принесло себя в жертву за всех обездоленных, обделённых и страждущих людей, оно создало реальное государство, стержнем которого всегда должна выступать священная партия (красная «церковь»)... Таким образом, три основных догмата — о «троице», о «боговоплощении», и о «церкви» — по-прежнему выступали необходимым психологическим содержанием советской идеологии. Впоследствии активно развивался культ мучеников за советскую веру и культ страстотерпцев. Партийные съезды, как Церковные Соборы, собирались каждые 4-5 лет. Они изрекали непреложную истину, которую всем мирянам следовало исповедовать, а также периодически осуждали еретиков...» (В. В. Можаровский «Догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики» (СПб, 2002 г.).

Старую еврейскую идею терпения-страдания, ставшую атрибутом христианства, марксисты обыграли многогранно. Если раньше люди страдали, терпели, боролись и умирали с надеждой на дальнейшую счастливую жизнь в неком царстве небесном, то теперь они должны будут страдать, терпеть, отчаянно бороться и героически умирать и плюс — самозабвенно работать за гроши (!) в надежде, что скоро они будут жить в раю на земле под названием «Коммунизм».

И теперь каждый оболваненный марксистом рабочий лелеял надежду — если при нашей жизни эта сладкая фантастическая цель не будет достигнута, то пусть хотя бы наши внуки поживут в этой сказочной стране. И если даже ничего не получится... — зато какая красивая мечта...

А авторы также задумчиво и мечтательно могли сказать — цель, конечно, — ерунда... — зато каков будет сам процесс — красота мировой революции: много революций, многие тысячи и многие миллионы трупов, всё в огне, разрушены глупым пролетариатом все государства и свергнуты все национальные правительства и монархии — последние обязательно с целью безвозвратности расстреляны... Кстати, а в конце этого процесса — кто этими обезглавленными народами будет руководить?

Итак, «заслуги» молодого еврейского мудреца Маркса понятны, осталось для полноты картины посмотреть — что он совершил на практике, как пытался что-то реализовать из своих выдумок.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Революционная практика и предательство Маркса

Теоретические изыски Маркса не остались в Европе незамеченными — Прудон написал критическую книгу под названием «Философия нищеты». Маркс не мог не ответить и написал — «Нищета философии», которую издал в июле 1847 года. Ничего нового в ней не было. После чего Маркс решил перейти от теории к практике. Вначале Маркс попытался из своего пресс-центра в Брюсселе под названием «Коммунистический корреспондентский комитет» создать некую революционную организацию. Но сотрудники не поняли его замысла, и у Маркса ничего не получилось. Тогда Маркс решил воспользоваться чужой готовой организацией и использовать метод «кукушки». Для этого в 1847 году Маркс и Энгельс едут в Англию и вступают в лондонскую организацию под характерным масонским названием «Братские демократы», лозунг которых был — «Все люди братья».

Вначале под влиянием новичков эта организация меняет название на «Союз справедливых». Но для Маркса этого мало — он настаивает, чтобы это была организация сугубо рабочих, типа партии, и чтобы со слов Маркса — это была «особая партия, отдельная от всех других и противостоящая им». Понятно, что после этого о всеобщем братстве говорить уже сложно. Старый лозунг теоретики марксизма поменяли на новый: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», который уже имел идеологическую основу, данную Энгельсом в «Принципах коммунизма»: «Может ли эта революция произойти в какой-нибудь стране? Нет... Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену». Нам теперь, конечно, смешно и горько это слушать, но тогда молодые люди типа Маркса и Энгельса вполне серьёзно подобное утверждали, а через полвека Ленин-Бланк и Бронштейн решили вполне серьёзно это реализовать.

В конце концов Маркс и Энгельс в короткий срок видоизменили эту мирную масонскую организацию до неузнаваемости — в декабре 1847 г. на своём очередном заседании эта лондонская организация была уже переименована в «Союз коммунистов», устав, которого звучал уже предельно агрессивно: «Целью союза является свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности».

Понятно, что организация, провозглашающая подобное, должна быть тайной, террористической, а существующие власти обязательно должны с ней бороться. Программу новой организации рьяно взялся писать Маркс — и в начале 1848 года Европа увидела «Манифест коммунистической партии» — программу международной революционной партии рабочего класса.

По-прежнему агрессивное революционное настроение Маркса не понимает и не поддерживает большинство его соратников по корреспондентскому комитету в Брюсселе. Поэтому Маркс выходит из него и объявляет о создании организации под названием «Демократическая ассоциация». После создания тайной международной революционной партии по замыслу Маркса — во всех странах Европы и в Америке должны быть созданы открытые, легальные общества рабочих, которые будут легальными ячейками и представителями партии, и в которых партия будет вести просветительскую и агитационно-революционную работу.

Почти одновременно с выходом «Манифеста...» и без всякой связи с Марксом в начале 1848 года происходит очередное революционное восстание в Париже, где восставшие захватывают власть. Маркс как «выдающийся» революционер должен был бы ехать в Париж и возглавить восставших — для полного разрушения государства Франция, но он этого не делает, считает, вероятно, что там дело уже почти сделано и без него братьями Бланками, и решает разрушить Бельгию — для чего начинает интенсивно собирать деньги на оружие для своей новой организации. В этих условиях бельгийские власти начинают принимать страховочные меры и объявляют о высылке из страны Маркса и других заговорщиков-террористов, собирающихся свергать власть вооружённым путём. Маркс уезжает в Париж. А немного позже приезжает в Париж и Энгельс.

Но вместо того, чтобы принять участие в очередной французской революции и помочь восставшим построить новое общество, — Маркс в Париже развёртывает активную деятельность против революционной организации немецких эмигрантов под названием «Немецкое демократическое общество», которая существовала в Париже уже давно. Он создаёт альтернативную организацию под названием «Клуб немецких

рабочих», и чтобы перетянуть к себе немецких эмигрантов, просит известного революционного французского деятеля Кабэ, чтобы тот опубликовал в своей газете информацию о том, что единственным представителем немецких рабочих в Париже является его — Маркса организация.

Таким образом, Маркс пытался изолировать, уничтожить конкурентов и добиться полной своей доминанты в эмигрантской среде. Но ничего из этого у него не получилось. Этим он только ухудшил себе репутацию и поссорился с немецкими революционерами, которые предлагали сформировать во Франции несколько вооружённых легионов из немецких революционеров-эмигрантов и переправить их в Пруссию, таким образом экспортируя, перенося в Пруссию революцию. Маркс был против этой идеи, он предлагал просочиться немецким революционерам-эмигрантам в Пруссию поодиночке и начать будоражить массы, поднимать их на вооружённое восстание.

Пока шёл этот спор и борьба Маркса против других революционных организаций, в Германии 18 марта 1848 года произошли революционные события и без парижских теоретиков, типа Маркса.

И Маркс уезжает в Германию. На этом этапе необходимо кратко описать ситуацию в Германии.

Экономический кризис в Европе отразился на Германии, состоявшей в то время из 36 княжеств, особенно болезненно. Безработица, голод, голодные бунты, немцы в больших количествах эмигрируют в Америку. На фоне этого происходят беспорядки в Берлине, в котором действовала революционная организация «Союз справедливых», созданная Вейтлингом, аналог одноимённой лондонской организации. В этой ситуации 5 марта собрались во Франкфурте-на-Майне 50 самых известных и активных парламентариев, пользующихся популярностью и доверием в обществе, чтобы создать общенемецкий парламент — Национальное собрание, и провести необходимые реформы. Во многих городах Германии произошли многотысячные митинги в их поддержку. 18 марта перед королевским дворцом собралась внушительная толпа, требующая у короля поддержки нового парламента и проведения реформ. Король дал приказ разогнать митингующих, в результате чего произошёл большой бой, длившийся до самого утра.

После этого во многих местах Германии вспыхнули восстания. Восставшие сжигали усадьбы помещиков, захватывали власть в городках и даже в целых регионах. Но создание нового общенационального парламента, которое должно было провести реформы и принять Конституцию, шло очень медленно. В этих условиях в апреле 1848 года в Германию приезжают с целью принять участие в революции Маркс и Энгельс, которые выбирают для обоснования один из самых промышленных городов южной Германии — Кёльн, знакомый Марксу по прежней работе.

Участие Маркса и Энгельса в революции по их замыслу должно выглядеть в виде создания в Кёльне собственной газеты и выражения с её страниц своих взглядов и мнений — проповедей для пролетариата, эта газета должна была быть учителем пролетариата. Это выглядело не столько как помощь революции, но как реванш — когда Маркса выгнали из газеты в 1844 году.

И в начале июня выходит первый номер газеты Маркса «Новая рейнская газета», название которой очень напоминает ту, с которой Маркса выгнали. Но это уже совсем другая газета.

И. Р. Шафаревич в своём исследовании постарался и нашёл в архивах эту газету, заглянем в парочку её номеров: «...существует только одно средство для того, чтобы сократить, упростить и локализовать кровожадную агонию старого общества и кровавые родовые муки родов нового общества, только одно средство — революционный террор» (Маркс, «Новая Рейнская газета» от 7 ноября 1848 года), «Мы беспощадны и не ждём никакой пощады. Когда придёт наш черед, мы не будем прикрашивать террор» (Маркс, та же газета от 8 мая 1849 года).

Когда пришёл черёд марксистов-террористов в России, они террор не прикрашивали — они им упивались. По-моему, даже Бен Ладен или Басаев подобного не говорили. Как видим — это газета террористов, пропагандирующая самый кровавый терроризм, и Маркс, бесспорно, является террористом.

Во Франции летом 1848 власти легко расправляются с восставшими. И как отголосок прекращения революции во Франции, — в Германии в сентябре король стягивает к Берлину войска и меняет правительство. А уже в ноябре недавно избранное Национальное собрание выражает этому правительству недоверие. Как ответ этому — правительство объявляет Берлин на осадном положении, распускают Национальное собрание, закрывают газеты и многочисленные клубы. Но (!) — консервативные силы одновременно с этим вводят в действие Конституцию, выработанную распущенным Национальным собранием, и на 8 декабря назначают созыв нового парламента. После беспорядков в Кёльне 25 сентября этот город также был объявлен на осадном положении, а издание газеты Маркса и Энгельса было приостановлено.

Однако скоро осада была снята, и Маркс стал опять издавать газету. После указанных ноябрьских событий в Берлине Маркс 17 ноября через свою газету взывал к народу: «...С сегодняшнего дня налоги отменяются!!! Уплата налогов является государственной изменой, отказ от уплаты налогов — первый долг гражданина!» Запомните этот случай, ибо в России подготовка к революции также начнётся с таких же точно призывов к российским крестьянам еврейского интеллигента Натансона и его ходоков в народ.

На следующий день Маркс призвал народ создавать комитеты безопасности и народное ополчение для борьбы против контрреволюции. Понятно, что после этого власти сразу возбудили судебное следствие против него. Но в феврале 1849 года суд присяжных вынес Марксу оправдательный приговор (а говорили, что не было в то время демократии). После того как 8 февраля прозвучал оправдательный приговор, — 11 февраля Маркс устраивает по этому поводу роскошный банкет, который называет демократическим. А 19 марта он уже устраивает банкет в честь годовщины баррикадных боёв в Берлине.

Национальное собрание в апреле 1849 года приняло решение о введении в жизнь Конституции, и назначило на 15 июля выборы. Правительство Германии было категорически против этого. В результате этого конфликта в мае по всей Германии опять стали воспламеняться восстания в защиту Конституции. В Дрездене отряд из трёх тысяч повстанцев во главе с нашим Михаилом Бакуниным четыре дня удерживал город, сражаясь на баррикадах с 15-тысячной армией. Кстати, интересно сравнить двух революционеров: Бакунина и Маркса.

Михаил Бакунин (1814–1876 гг.) приехал пытливым юношей в Германию из России за знаниями, но бурные события в Европе захватили его, и он стал их активным участником. Бакунин, как и Маркс, был другом Руге и младогегельянцем. В июне 1848 года Михаил Бакунин был руководителем восстания в Праге, а в мае 1849 года уже необыкновенно мастерски руководил восстанием в Дрездене. Карл Маркс в это время пишет в своей «Новой Рейнской газете» о позорном предательстве Михаила Бакунина. Тут же вспыхнуло огромное возмущение всех революционеров в Европе против Маркса. Опозоренный Карл Маркс вынужден был через свою газетёнку стыдливо писать опровержение и извиняться перед Михаилом Бакуниным.

В Германии провинции Пфальц и Баден полностью оказались в руках восставших, на сторону которых перешли местные армейские части. Восставшими в этих провинциях руководили Мирославский и Виллих. Маркс в ходе этих событий 6 мая объявляет о создании организации «Конгресс рабочих союзов». А 8 мая Маркс от лица ещё только формально существующего «Конгресса...» потребовал от Национального собрания вооружённого сопротивления властям, но депутаты на это не отреагировали. Тогда Маркс отправляет Энгельса к восставшим в Эльберфельде, чтобы те двинулись с оружием на Франкфурт, где располагалось Национальное собрание.

10 мая Энгельс прибывает в город Золинген, откуда с отрядом повстанцев отправляется в Эльберфельд. 11 мая руководство восстания поручает Энгельсу руководить возведением баррикад в городе. Но Энгельс меньше всего этим занимается, а, выполняя задание Маркса, пристаёт

со своими советами к руководству революционеров. Революционеры такого помощника, советчика и подстрекателя долго не потерпели и 14 мая Энгельса выдворяют (выгоняют) из города. Начинается полоса неприятностей для обоих авантюристов.

16 мая Марксу вручается приказ о его высылке из Германии. А 17 мая выходит приказ властей об аресте Энгельса. 19 мая выходит последний номер их газеты. После чего Маркс и Энгельс покидают Кёльн и 19–20 мая приезжают во Франкфурт, где пытаются уговорить депутатов Национального собрания, в числе которых и оплёванный Марксом Арнольд Руге, чтобы те пригласили во Франкфурт войска повстанцев из Пфальца и Бадена и организовали во Франкфурте вооружённое сопротивление. Эта «гениальная» идея парламентариев не впечатляет. И Маркс с Энгельсом едут в Баден, где 20–21 мая пытаются на этот раз уговорить руководство восстания, чтобы те направили свои вооружённые батальоны во Франкфурт. Но их серьёзно никто не воспринимает. Тогда отчаявшиеся Маркс и Энгельс направляются в Пфальц и 23–24 мая повторяют безуспешно ту же попытку.

Захватившие власть в Бадене и Пфальце революционеры не знают, что дальше предпринимать, расширять дальше гражданскую войну они не хотят, а думают создать в своих провинциях республику или коммуну. Как это сделать, они не знают. Войска повстанцев бездействуют, разлагаются. На настырные советы Маркса и Энгельса руководство восстания в ответ предлагает им присоединиться к революционерам и принять участие в руководстве восстания. Но одно дело советовать, а другое... И оказывается, что революционер «революционеру» — рознь. Маркс отказывается возглавить восставших, фактически предаёт восставших и уезжает в Париж. На этом попытка Маркса оказать помощь немецким рабочим закончилась.

Маркс отверг протянутую дружески руку Фердинантом Лассалем (1825–1864 гг.) о совместной деятельности в деле улучшения социального положения немецких рабочих. А ведь только благодаря действиям и стараниям этого активиста революционного немецкого движения, и благодаря мудрости и воле выдающегося государственного деятеля Германии — Отто Бисмарка (1815–1898 гг.), положение пролетариата в Германии сильно улучшилось, рабочие получили многочисленные социальные гарантии и страховки. А как улучшил положение хотя бы одного рабочего Маркс?..

У Энгельса обнаруживается немного больше революционности и совести, он отказывается от руководства восстанием, но вместе с Марксом в Париж не удирает. Он предложил руководству восстания свой любимый конёк — написать в газету повстанцев парочку умных и горячих статей. Он пишет первую статью, но она не нравится революционерам,

и они эту статью не публикуют. Измученный совестью и предательством друга, Энгельс принимает волевое решение — возвращается в Пфальц и присоединяется к восстанию. Он входит в руководство восстания — его назначают адъютантом Августа Виллиха и в этой должности он служил до конца восстания.

21 июня состоялось сражение войск повстанцев с правительственными войсками, в котором революционеры потерпели сокрушительное поражение. К середине июля повстанцев окончательно разгромили. Оставшиеся в живых революционеры бежали в Швейцарию, вместе с ними и Энгельс. Михаила Бакунина арестовали и приговорили к смертной казни через повешение, но затем заменили смертную казнь на пожизненное заключение. Михаил Бакунин сидел в камере прикованный цепью к стене. Маркс за всем этим наблюдал из Парижа.

В Париже после поражения последней революции власти навели порядок, и бал полностью правили консервативные силы. Кроме того, у населения уже не было мыслей о революции, — Франция переживала мощный экономический подъём, промышленность и транспорт переоборудуются в паровые машины. Невостребованный Маркс 23 августа покинул Францию и вместе с беременной женой и тремя детьми на следующий день прибыл в Англию, в которой уже останется жить до конца своих дней.

С первых дней жизни в Лондоне Маркс собирается возобновить издание своей газеты «Новая рейнская газета», и безуспешно пытается найти для этого средства. В начале сентября он задумал опять применить метод «кукушки» и вступает в легальную лондонскую организацию «Просветительское общество немецких рабочих», которая организовала активный сбор денежных средств для нужд немецких эмигрантов, которыми были, в основном, уцелевшие после восстания революционеры. В октябре в Лондон приезжает из Швейцарии Виллих, а 10 ноября и Энгельс.

На этот раз у Маркса не получилось захватить лидерство в эмигрантской организации, он не может влиять на распределение денежных средств. Пока он был один — он ничего не предпринимал. Но после приезда Энгельса, который простил уже к этому времени Маркса, 18 ноября Маркс осуществляет новую авантюру внутри революционного сообщества в борьбе за деньги — он вместе с Энгельсом раскалывает «Просветительское общество...», объявляя о создании ещё одной эмигрантской организации под названием «Социал-демократический эмигрантский комитет». И через эту организацию раскольники пытаются сами собирать деньги. Но у них ничего не получается, полное фиаско и позор.

Лидеры «Просветительского общества...» (!) милосердно прощают раскольников и приглашают их 25 декабря на рождественский банкет.

Маркс и Энгельс принимают приглашение, закрывают свою контору по сбору денег и возвращаются в «Просветительское общество...».

Деятелям «Просветительского общества...» всё меньше и меньше удаётся собрать денег с работающих. Бездельники и паразиты попадают в тяжелейшее положение. И 21 марта многие газеты Германии публикуют призыв «главного революционера Германии» — Маркса, в котором он просит: «не оставлять эмигрантов в тяжёлом материальном положении», Маркс умоляет усилить сбор денег с немецких рабочих на жизнь революционерам, находящимся в Лондоне. Маркс повторяет эти призывы и в апреле и в мае. Но ощутимого результата они не дают. По лондонским пабам приходится ходить всё реже. Денег в общей кассе «Просветительского общества...» всё меньше — делить их всё труднее.

Маркс и Энгельс не оставили свою идею полностью взять под свой контроль организацию, и Маркс упорно стремится к лидерству и гегемонии над организацией. Из-за этого угрожающе назревает конфликт между Марксом и Виллихом. Кроме того, Виллих и другие руководители обвиняют Маркса в злоупотреблении общей кассой. В этих условиях Маркс предпринимает «гениальный» манёвр — учитывая сложившуюся ситуацию, он предлагает, а затем и самовольно 15 сентября принимает решение и объявляет о переносе руководящего органа организации — ЦК в свой любимый Кёльн, где у него осталось немало его сторонников, бывших сотрудников его газеты (Рёзер, Дронке, Вольф и др.). Одновременно Маркс пишет об этом в Кёльн, где о решении Маркса сделать их революционным центром ещё не знают.

В это время в Кёльне активисты и сторонники революционной политики заняты обсуждением совсем других вопросов — они пишут письмо Марксу с предложением изменить устав и программу всего движения, то есть просят изменить знаменитый «Манифест...» (см. 7-й том). То есть в Кёльне начали осознавать истинное положение дел, начали воспринимать более реально действительность и, следовательно, — изменилось отношение к агрессивным утопическим идеям Маркса.

Маркс получил это предложение 17 сентября. В этот же день Маркса и Энгельса изгоняют из лондонской организации, так как в результате конфликта подавляющее число её членов приняло сторону Виллиха. 25 сентября Маркс получает ответ из Кёльна о согласии организовать там его ЦК.

«Просветительское общество...» было общепризнанным общенемецким центром революционного движения, и даже воспринималось как международный центр. Виллих и другие руководители этой организации понимали размеры ущерба в случае раскола организации, и пытались всячески этого избежать. С этой целью они уже второй

раз пошли на мировую и предложили Марксу и Энгельсу собраться 9 октября, чтобы обсудить конфликт и найти пути выхода из него, этим избежав раскола всего движения. Но Маркс амбициозно отвергнул их миролюбивое предложение, приняв его за проявление слабости, и перешел к нападению, стремясь взять реванш — 11 ноября Маркс предложил руководству организации «Союз коммунистов», которая существовала в этот период сугубо формально на фоне деятельности «Просветительского общества...», исключить из её рядов Виллиха и его сторонников. Но подавляющее большинство «Союза коммунистов» не поддержало предложение Маркса, и оно не прошло.

Для Маркса и Энгельса наступили самые тяжёлые и позорные времена — их отвергли почти все, их отвергли свои — революционеры. Кроме того, их отогнали от общей кассы, лишили денег — средств к существованию. Маркс не поехал в Кёльн и тем более — он не переделал «Манифест коммунистической партии», который уже тогда отвергло подавляющее большинство революционеров (а в России революционеры преклонялись перед ним большую часть XX века).

В этой ситуации Энгельс оставляет Маркса и уезжает в Манчестер работать в фирме отца, чтобы заработать на себя и на Маркса. Наступил 1851 год. Энгельс работает — торгует, оставил игры в революцию. А что делает Маркс на деньги Энгельса? — Маркс борется против революционеров, он объявил им войну и усердно плетёт против них козни. Революционеры организовали международное совещание и митинг под названием «Банкет равных», на который пригласили всех руководителей рабочих организаций и прогрессивных общественных деятелей. Маркс туда не пошёл, но послал своих шпионов «с целью получения информации». Уже известно — Маркс организатор никудышный, — эту его шпионскую затею довольно легко и быстро разоблачили, а шпионов побили и выбросили на улицу. Маркс очередной раз опозорился, причём перед лицом многочисленных уважаемых деятелей революционного движения, перед международной общественностью.

После всего этого, разочарованный этими горе-революционерами и этой мутной суетой, Август Виллих (1810–1878 гг.), единственный настоящий лидер, которого, в отличие от Маркса, всегда поддерживали соратники, уплыл в США, где принял участие в гражданской войне на стороне северян, получил чин генерала, много наград и до конца жизни занимал высокие военные посты в США.

В Кёльне осудили несколько сторонников Маркса. Причём по российским меркам приговор был очень мягким: четырёх оправдали, одному дали 6 лет, а остальным по 2–3 года. Маркс 14 ноября узнаёт об этом приговоре суда, — неожиданно его охватывает панический страх, и уже 17 ноября он объявляет о закрытии «Союза коммунистов».

Энгельс в своей книге о Марксе (1877 г.), ещё при жизни Маркса, писал об этом периоде: «После осуждения членов Союза коммунистов в Кёльне Маркс отошёл от политической агитации...». Фридрих не может объяснить — почему отошёл. И здесь можно задать вопрос — Маркс струсил? По его действиям и раньше можно было заподозрить его в трусости. Маркс, вероятно, понял что вся ситуация стала угрожать и его свободе. Он также понял, что эксперименты, в которые он ударился, это не эксперименты с реактивами или семенами, это эксперименты с живыми людьми — огромная ответственность перед ними. И от осознания всего этого Маркса охватил страх и ужас. К тому же, к этому моменту он устал продвигать мировую революцию и разочаровался в собственной идее. Этот период был крайне тяжёлым для Маркса, он часто болел, трагедия в семье, трагедия в его деятельности — всё это обусловило его надлом. И Маркс оставил революционную деятельность.

Специалисты института марксизма-ленинизма отмечали скромно, что Маркс стал изучать языки и читать новую литературу. Энгельс в биографической книге о Марксе очень мало описывает последующий период с 1853 по 1864 г., а период с 1864 по 1871 гг. и вовсе молчаливо пропускает. Что же делали наши «герои» в течение 18 последующих лет?

Они работали журналистами на буржуазную американскую газету «Нью-Йоркская ежедневная трибуна». Более 500 статей за десять лет работы в этой газете настрочил Маркс. Никому не интересные — они занимают огромную часть томов «произведений» Маркса... О чём и как писали в прессе основоположники марксизма мы можем увидеть, заглянув нескромно в их дружескую переписку, — Маркс Энгельсу:

«Дорогой Фред! Ты, по-моему, напрасно опасаешься подносить английскому филистеру, читателю журнала, такие простые формулы, как Д-Т-Д и т. д. Напротив... Весь фокус состоит в том, чтобы мистифицировать читателя...». И добавляет к этому: «...ты на самом деле слишком стесняешься».

Или ещё — Маркс Энгельсу: «Я рискнул на свою ответственность предсказать это, так как вынужден был заменять тебя в «Трибуне» в качестве нашего корреспондента... Возможно, что я оскандалюсь. Но тогда всё же можно будет как-нибудь выпутаться при помощи небольшой диалектики. Разумеется, свои предсказания я изложил таким образом, чтобы быть правым и в противоположном случае». Энгельс Марксу — «Теперь хорошо бы ещё в будущем году иметь плохой урожай на зерно, и тогда начнётся настоящая музыка» (цитаты из исследования И. Шафаревича).

В этот период журналисты Маркс и Энгельс сыграли роль европейских демократов — сделали врагом номер один всей Европы Россию, изливали на неё всю свою желчную журналистскую критику. Энгельс

внимательно изучал оборонительные возможности Кронштадта, так как считал это направление лучшим для нападения на Россию. К тому же оба усердно подстрекали поляков к освободительной борьбе против России. Им это удавалось, вспыхивали восстания поляков — погибли сотни тысяч людей, толку никакого не было.

Когда Маркс и Энгельс собрали очередной раз в Лондоне (28 сентября 1864 год) собрание своих демократов в знак солидарности с поляками, то по ходу этого собрания по чьей-то идее решили проводить подобные собрания регулярно — объявили о создании Международного Товарищества Рабочих — Интернационала, который неожиданно стал бурно развиваться. А Маркс и Энгельс стали в нём только помехой и тормозом, — опять начались конфликты, пошла острая критика в их сторону. Свои же соратники по демократии и революционной деятельности увидели в действии истинное лицо обоих. Интернационал трещал по швам из-за раздоров. Маркса обвиняли в наглых диктаторских замашках. Видя полную беспомощность в работе своих лидеров — Маркса и Энгельса, внутри организации создавались альянсы, группировки, которые выходили для осуществления самостоятельной деятельности, — таким образом, отделились, ушли из Интернационала за нашим Михаилом Бакуниным национальные отделения США, Англии, Испании, Бельгии, Голландии, Италии. А что осталось за Марксом?

Маркс и Энгельс суетились, не знали, что делать. И в этой ситуации беспомощности лучшим выходом для них было прибегнуть к старому излюбленному и проверенному надёжному способу, выходу — вообще закрыть эту беспокойную контору и перестать играть в революционные игры. Что и было сделано. Неудачи продолжали преследовать Маркса.

В войне с Пруссией (1870–1872 гг.) одна французская армия была легко разбита, а другая сдалась в плен. Прусские войска окружили Париж. Французский король и правительство были беспомощны. В этой ситуации воспламенённые патриотическими чувствами парижане захватили власть, опять создали Коммуну и осуществили проект Маркса — установили свою диктатуру. На этот раз французские революционеры были уверены — ведь у них была на этот раз «верная» «научная» революционная теория Маркса(!!?). В результате трагедия получилась потрясающей. Установлена диктатура народа, большинство которого — пролетарии, разрушена старая бюрократическая государственная машины, разрушено само государство, рабочие у власти — и что дальше? А дальше — полнейший вакуум, пустота, полнейшая неизвестность — тупость, незнание и недоработка Маркса, потому что Маркс и Энгельс не верили в осуществление своих идей, они занимались чистой болтологией, схоластикой. Они думали поиграть в модные демокра-

тические игры интеллигентов — и сделать на этом имя общественных деятелей и учёных, получить славу. Но всё оказалось на много серьёзнее и трагичнее.

Для Маркса и Энгельса события в Париже были большой неожиданностью. Они теоретически предполагали, что если что-то и может произойти, то только именно в Англии, где имеется мощный, сплочённый и сознательный пролетариат.

Итак, французские рабочие пришли к власти и не знают — как жить и что делать дальше. Вы думаете — Маркс им что-то подсказал? Или может — он всё бросил и поехал возглавить своё ожившее теоретическое детище, как это сделали многие революционеры? В Париже творился кошмар — полное неведение, хаос, сумятица, революционеры метались, не знали что делать, на ходу экспериментировали, как и раньше — спорили, обвиняли друг друга, казнили друг друга.

В это время Маркс как журналист -«специалист» по этой проблематике объяснял европейской и американской общественности происходящее в Париже... Это восстание было потоплено в крови в прямом смысле. Бессмысленно погибли сотни тысяч французов.

Кощунственными выглядят комментарии наших «героев» после гибели Парижской Коммуны, — происшедшее следует оценивать «как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества» — объяснял «авторитетно» Маркс.

Энгельс после парижских событий (1871 г.) дал оценку себе и другу Карлу: «Гениальная прозорливость основоположников научного коммунизма»...

Конечно, после всех этих событий, эти два «научных» деятеля окончательно опозорились и потеряли весь свой авторитет в Интернационале, в котором требовали смены руководства. Энгельс в 1872 году, защищая свой авторитет, в статье «Об авторитете» так объяснял неразумным революционерам необходимость оставить его и Маркса во главе Интернационала:

«Что стало бы с первым же отправленным поездом, если бы был уничтожен авторитет железнодорожных служащих по отношению к господам пассажирам?»

Погибло около полумиллиона реальных пассажиров поезда под названием «Маркс — Парижская Коммуна», а Энгельс... — даже не может предположить, что два машиниста этого поезда — сумасшедшие кровожадные маньяки. Причём кровожадное сумасшествие Энгельса никак не могло закончиться — вот к чему он красиво патетически призывал после Парижской Коммуны поляков в 1875 году: «политическое положение, в которое поставлена Польша, насквозь революционно, что оно не оставляет Польше иного выбора, как быть революционной

или погибнуть». Энгельсу было мало полумиллиона бессмысленных смертей коммунаров и ещё большего количества (!) погибших поляков в восстании в России 1862–1863 гг.

Когда мы будем исследовать события в России, инициированные марксистами после 1917 года и вопросительно с ужасом смотреть на миллионы трупов российских граждан, то стоит помнить «отцов» марксизма. Маркс в отличие от Энгельса, вероятно, осознавал в какой-то мере всю произошедшую трагедию и чувствовал свою ответственность за эти многие сотни тысяч погубленных жизней. Вероятно, мучился не столько совестью — сколько сомнениями, и в результате сильно подорвал своё здоровье — у него стали часто происходить нервные припадки. Вот что он пишет 8 марта 1881 года (том 19) в своём ответном письме российской террористке В. И. Засулич: «Дорогая гражданка! Болезнь нервов, периодически возвращающаяся в течение последних десяти лет, помешала мне раньше ответить на Ваше письмо...».

Об этих сомнениях говорит и закрытие Марксом Интернационала с интересной формулировкой, — Энгельс: «многие элементы, пытались использовать так быстро выросшую славу Товарищества... Надо было принять героическое решение, и опять-таки именно Маркс принял и провёл его на Гаагском конгрессе... как правильно было это решение, был положен конец всяким попыткам устраивать от имени Интернационала бесполезные путчи...», — вот так и не иначе теперь основатели марксизма называли революции и национал-освободительные восстания.

Понятно, что закрытием одной организации нельзя положить конец различным революциям и тем более национальным освободительным восстаниям, — ведь это процесс объективный исторический, космический — по словам Н. Бердяева. И здесь важный и тонкий момент в понимании истории, ибо еврейские исследователи часто в неком оправдании кровавых деяний в России после 1917 года цитируют это высказывание Н. Бердяева, якобы это процесс объективный Космический, — воля Бога.

Здесь необходимо внимательно различать две разные вещи касательно революций, которые являются сложными в определении и понимании. Одно дело, когда люди недовольны своим положением и это недовольство накапливается и через какое- то время происходит качественное изменение этого накопления — преодоление порога страха, взрыв негодования, агрессивные действия с целью изменения положения. Это относится ко всем национально-освободительным движениям и к народным восстаниям — как во главе С. Разина или Е. Пугачева. Эти события можно назвать естественными или космическими по Бердяеву. Показательный признак этих революций — желание улучшить жизнь народа и ещё больший — итоги, то есть реальное улучшение жизни людей после успешного завершения революции.

Другое дело — это совершение революций с алчной целью захвата власти ради власти, славы и обогащения. Эти революции следует называть искусственными. В данном случае улучшается положение только новой верхушки, а положение народа остаётся прежним или даже хуже. И «по делам» захватчиков власти всё видно — так было в России в 1917 г. К искусственным революциям можно отнести многие дворцовые и государственные перевороты.

Но в истории были также случаи, когда личность или группа людей преследовала одновременно две цели — стать у власти, остаться славным в истории и одновременно осуществить благородную цель — улучшить жизнь своего народа, пример этого — Наполеон. Искусственными следует считать и те революции, когда в них участвуют большие массы народа, недовольство которого искусственно подогревается различными средствами воздействия на сознание, мышление людей, например, — пропагандистскими листовками, речами, телепередачами, обещаниями, «оранжевыми заквасками». Недовольство народа также можно поднять до критической точки провокационными действиями, вызывающими всплеск возмущения — это умышленные действия, компрометирующие власть: убийства, поджоги и искусственное создание ситуаций, за которое несёт ответственность существующая власть: искусственное создание голода, дестабилизация жизни террором, обвалом стоимости — денег, сильным подорожанием продуктов питания и т.п. Пример этих революций — это революции инициированные братьями Бланк во Франции, в России 1905 и 1917 гг. В России положение народа после революции 1917 года стало катастрофически плохим, не считая миллионов убиенных.

Понятно, что чаще всего создатели искусственных революций пытаются их выдать за естественные, истинно народные, а себя изображают добровольными помощниками народа; ну... — некому было возглавить, так получилось — не было грамотных, попросили — возглавили... Так ведь миллионы были убиты... — Ну да, было... — так ведь времена тогда были такие неспокойные... — все друг в друга стреляли... Вот и всё, — и тема исчерпана.

Вернёмся к нервным припадкам Маркса и его озарению — «бесполезности путчей». Маркс и Энгельс, ликвидировав Интернационал и сделав заявление на эту тему, — как бы сняли с себя ответственность за всё революционное, происходящее отныне в мире, и более того — осудили это, и они теперь чисты перед интеллигентной Европой. Но если бы Маркс осознал и признал полностью всю ошибочность и опасность своего марксизма, то не только бы ликвидировал свою международную террористическую организацию, но и публично объявил бы об ошибочности своего марксизма — диктатуры пролетариата, уничтожения

разделения труда, уничтожения государства и т. д. Однако он этого не сделал и более того — в своём нервно-припадочном состоянии решил свести свои выдумки в едином глобальном научном труде под названием «Капитал», чтобы все-таки осчастливить будущее человечества. Как раз в это время уже подрастал в российском городке Ульяновске лобастый хитренький мальчик, для которого это всё и писалось, и который умудрился весь маразм Маркса претворить в жизнь.

Вспомнив высказывание Ясперса о Марксе — это «эмигрант, безработный мыслитель-любитель, живущий на содержании у приятеля, оторванный от всякой почвы мелкий буржуа», — можно сказать, что об этом журналисте и основателе терроризма он сказал верно, но не полно. Карл Маркс — это лохматый булгаковский «Швондер» — наглый, лживый и рвущийся к власти, пытающийся вначале забросить всем в почтовый ящик свои газетенки и агитки, а затем и войти в вашу квартиру вместе с «интернационалом» на языке и с вооружёнными одурманенными рабочими и солдатами за плечами.

Был прав и известный немецкий историк Л. Шварцшильд в своей книге о Марксе (1965 г.), сделавший вывод, что Марксом двигали личные гипертрофированные амбиции к славе. Но выводы нашего исследователя истории О. А. Платонова являются наиболее верными:

«Почти все самые значительные основоположники и вожди социализма были евреями по происхождению (К. Маркс, Ф. Лассаль, М. Гесс) или масонами... Даже К. Маркс, открыто презиравший иудаизм и его последователей за «реакционный национализм», в своих социалистических теориях сохранил все антихристианские, богоборческие принципы иудаизма, только перефразировав их. Его идеи создания справедливого коммунистического общества во всём мире представляли собой модификацию мессианских ожиданий. Хотя в теории Маркса ничего не говорилось о руководящей роли евреев в этом процессе, сам характер предполагаемой «работы» неминуемо требовал для её исполнения людей определённого, талмудического склада мысли (как потом и подтвердила история)...

Талмудическую доктрину о неизбежности мирового господства «избранного народа» и построения всемирного иудейского царства Маркс трансформировал в теорию всемирной революции... Как и талмудический иудаизм, социализм Маркса предполагал широкие меры насилия и террора против всех противников господствующего класса».

Итак, не зря мы выглянули из России в Европу в своём исследовании. Теперь знаем, что финансовая гегемония еврейских финансистов Ротшильдов над Европой превратилась в политическую — в создание мощной национальной политической надгосударственной организации — Всемирного Еврейского Альянса. Плюс к этому еврейским журна-

листом Карлом Марксом была создана теория, технология разрушения государств и свержения власти. И при этом евреи в европейских странах имели равные права с другими гражданами.

Россия оказалась единственной страной, где проживало огромное количество евреев, и они имели ограничения. Россия являлась единственной страной, на которую не распространялась ни финансовая гегемония еврейских банкиров, ни влияние «Альянса» на власть. И важно то, что евреи, живущие в России, понимали серьёзность, глобальность происшедших в Европе перемен и свой новый статус в Европе и несоответствующий ему статус в России... А российский монарх и чиновники правительства, не говоря уже о простых гражданах, — и не подозревали масштабы происшедшего. Не подозревали они и то, что на границе уже стоит марксизм и скоро начнёт овладевать умами простаков в России...

Посмотрим в следующей части — как далее развивались события в России под влиянием новых европейских тенденций.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РОССИЯ В СЕРЕДИНЕ 19-ГО ВЕКА

В предыдущей книге мы наблюдали развитие в России одновременно несколько процессов:

1. Развитие масонства, осуществление ими в России несколько крупных заговоров и неудачнуюпопытку захвата власти в 1825 году — восстание «декабристов».
2. После захвата Польши российские императоры постоянно решали две проблемы: борьба с освободительным движением поляков, с их восстаниями, и пытались решить «еврейский вопрос», «еврейскую проблему». Мы наблюдали, как императоры Екатерина II, Александр I и Николай I боролись с гегемонией евреев в сельском хозяйстве в западных и южных губерниях России, с осуществляемой ими контрабандой, с торговой экспансией, с уклонением от уплаты налогов и от воинской повинности. С этой целью российские императоры вводили ограничения в передвижении евреев, их расселении, двойные налоги, различные штрафные санкции и даже пытались их перевоспитывать: выделяли земли, чтобы приобщить их к производительному сельскому труду и открывали для них школы. И как мы убедились — все принятые меры не дали желаемого результата.
3. Евреи продолжали контролировать сельское хозяйство в западных и южных губерниях и в торговле, упорно продвигались в глубь России, осваивали российские столичные, портовые и даже уральские города, упорно старались избегать воинской повинности и посещения российских школ.
4. Мы наблюдали после катастрофических реформ Петра «великого» и трагического по своим последствиям правления Екатерины

«великой» возрождение русского языка, литературы и культуры трудами Ломоносова, Фонвизина, Карамзина, Державина, Шишкова; затем возрождение и создание русского языка, литературы и культуры Жуковским, Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Тютчевым.

5. Мы наблюдали после появления великих творцов появление вторичностей — критиков, и прозападно настроенной интеллигенции, оголтело и тотально критикующей Отечество.

Далее мы будем наблюдать развитие в России всех перечисленных процессов с учётом влияния на них событий, перемен, происшедших в Европе, которые мы рассматривали в предыдущих главах этой книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало геополитического противостояния. Крымская война. Убийство Николая I

После поражения Наполеона на планете явно выразился один лидер — Англия. Это была не только огромная морская империя со многими колониями, но и самая развитая промышленная держава. Российский император Николай I прекрасно понимал эту ситуацию, этот «расклад» и в 1835 году предложил руководству Англии план раздела сфер влияния на южных рубежах России. Но предложения Николая Первого были отвергнуты. В 1844 году российский император повторил свои предложения и даже сам приехал в Лондон на переговоры, но на фоне улыбок, различных приятностей и любезностей никаких результатов не было достигнуто, Англия считала нужным играть свою игру лидера на планете, и ни о чём ни с кем не собиралась договариваться, хотя Николая I руководство Англии обнадежило.

Точкой наивысшего раздражения главной империи планеты Россией были 1848-1849 годы, когда было подавлено очередное восстание поляков, и более того — когда Николай I, руководствуясь договорённостями «Тройственного союза» послал 100-тысячную армию за пределы России в Австрию, чтобы подавить вспыхнувшую революцию в Венгрии. Понятно, что масоны всех стран были после этого в бешенстве. После Франции происходила «перестройка» очередной империи, а тут Россия влезла в чужие планы и чужие дела. У масонов всех стран и лидеров Англии пульсировала одна мысль, насущная проблема — «что-то необходимо предпринять с этой Россией...».

В это время были трения между Россией и Турцией по поводу паломников из России, посещавших в больших количествах «гроб Господень» в Иерусалиме, который находился в то время на территории Турции. И Николай I в довольно резкой форме потребовал у турецкого султана

прекратить притеснения православных паломников. И в этот момент за головой султана стали маячить «плечи» не только руководства Англии, но и Франции. Запах войны уже висел в воздухе, дело было за малым — за поводом. Современные российские учебники по истории объясняют нашим школьникам и студентам, что Крымская война началась именно из-за паломников и «забывают» сказать, что в июне 1853 года российская армия без объявления войны перешла реку Прут и оккупировала Дунайские княжества и Южную Бессарабию, которые были подвластны Османской империи.

Какая связь между паломниками и оккупацией Дунайских княжеств? В этой истории дурно пахнет, вернее — пахнет имперскими замашками Нессельроде и Николая I в самом негативном смысле слова «имперский». «Прежде всего надо устранить мысль, что эта война (то есть 53-54 и 55 годов) — священная; правительство старалось уверить народ, что оно идет на защиту прав единоверцев и христианской церкви. Защитники православия и славянской народности с радостью подняли это знамя и проповедовали крестовый поход против мусульман. Но век крестовых походов прошел; в наше время никто не подвинется на защиту гроба господня (и на защиту славян тоже?), никто не смотрит на магометан как на вечных врагов христианства; ключи Вифлеемского храма служат только предлогом для достижения целей политических» — отметил современник тех событий профессор Тимофей Николаевич Грановский.

Это была большая ошибка Нессельроде и Николая I, — по их вине погибло много тысяч русских солдат и офицеров, а Россия была поставлена на опасном краю.

Это был прекрасный случай начать войну против России, которая, по единодушному мнению в Европе, хищнически покусилась на целостность Турции. Из-за этой оккупации взбодрённый мощными европейскими друзьями турецкий султан 27 сентября 1853 года объявил войну России. А пойти на этот необдуманный и рискованный «имперский» шаг подбил Николая I всё тот же бессменный десятилетиями министр иностранных дел Карл фон Нессельроде, который прекрасно знал, что Англия только и ждет такого случая.

При этом стоит учитывать, что Россия ещё вовсю расхлебывала последствия оккупации Польши, и вынуждена была держать в Польше на случай очередного восстания поляков большое количество войска, и продолжалась кровопролитная Кавказская война. В этих условиях было просто опаснейшим безумием начинать ещё одну войну, и, причем с кем(?) — с Англией, Францией и Турцией в их совместном союзе. Это был апогей безумия имперской политики России, грозивший России полным крахом и потерей суверенитета.

Началось, теперь у Англии стояла задача максимально вооружить турецкую армию, чтобы нанести максимальный урон России. При этом пресса «цивилизованной» Европы дружно приняла сторону Турции против деспотической и тиранической России, нарушающей права человека и народов, монарх которой ничего не хочет слышать по поводу демократии и либерализма, хотя в этом отношении ситуация в Турции была намного хуже, чем в России.

Однако решить геополитическую задачу — наказать Россию чужими руками и её «поставить на место» не удалось, потому что русская армия довольно быстро нанесла ряд существенных поражений турецкой армии, а её флот был почти полностью уничтожен российской эскадрой во главе с адмиралом П. С. Нахимовым. И ничего не оставалось, как самим выходить «из-за кулисы» и самим сражаться с Россией. И в апреле 1854 году большая англо-французская эскадра блокировала русский флот в Севастополе. Нашим ничего не оставалось, как собственными руками погубить свой победоносный флот — затопить его в севастопольской бухте, чтобы создать какие-то трудности для английских и французских кораблей. Хотя это не мешало им в течение длительного времени атаковать Севастополь артиллерией и поддерживать огнем свой сухопутный десант.

Более того, пошла атака западных союзников на Россию далеко от Турции, — вторая большая совместная англо-французская эскадра (52 линейных корабля) двинулась к Кронштадту, третья эскадра с десантом — к Архангельску, четвертая — к Петропавловску-Камчатскому. Турецко-русская война превратилась в англо-русскую и одновременно в французско-русскую.

Такое смелое нападение на Россию сразу на нескольких фронтах объяснялось существенным технологичным превосходством английской армии над российской в стрелковом оружии, в артиллерии, в военных кораблях; технологическое превосходство в оружии было очень серьёзным. Дальность и меткость стрельбы английского огнестрельного оружия и артиллерии существенно превосходила российское оружие.

В Архангельске и Петропавловске-Камчатском русским гарнизонам довольно легко удалось отразить нападения. Под Петербургом ситуация сложилась очень тревожной. Когда неожиданно к Петербургу подошел огромный военный флот западных союзников, то столица России фактически оказалась беззащитной, — все войска были далеко: на Кавказе, на Черноморском побережье и в Польше.

Российский флот на Балтике не мог состязаться с технологически на голову превосходящим английским флотом, не мог ему эффективно противостоять, не мог защищать столицу и беспомощно спрятался от разгрома в «Маркизовой луже», так иронично называли петербуржцы часть Финского залива между устьем Невы и островом Котлин. И вре-

менно от захвата российской столицы спасали минные заграждения на Балтике. И Николай I, находясь в Петергофе, с тревогой наблюдал в подзорную трубу, — как враги занимаются разминированием, и с ужасом представлял, — что будет, когда они уберут это препятствие. А мы помним — как К. Маркс и Ф. Энгельс тщательно разрабатывали план нападения на Кронштадт, преграждавший путь западной флотилии к российской столице, о чем стыдливо умалчивают современные коммунисты.

В этот тревожный исторический период явно не обошлось без помощи Бога, ибо трудно объяснить, почему в этот опасный критический момент российский император обратился за помощью и с просьбой спасти Россию к малоизвестному российскому морскому инженеру, мичману Николаю Ивановичу Путилову, с которым, как с неординарным человеком, познакомил императора его сын Александр (будущий Александр II). После разговора с Николаем I Н. И. Путилов взялся спасать столицу и Россию. Это звучит весьма странно и нелепо, но очень верно.

Учитывая, что паровые двигатели в России не производились, а закупались в Европе, и во время этой войны необходимо было срочно сконструировать и наладить их производство в петербургских мастерских; что необходимо было сконструировать новый военный эффективный конкурентный корабль и наладить сверхскоростное его производство, и, учитывая, что особенно для решения первой проблемы нет в городе, в стране специалистов, — то выполнение всех этих задач казалось совершенно невозможным делом. Но этот случай показывает потенциал и загадочность русского человека, и даже некоторую не очень хорошую историческую традицию — попасть в крайне тяжелое положение, и иногда по своей вине, и после этого каким-то сверхусилием и сверхгениальностью из этой тяжелейшей ситуации невероятным образом выйти.

На этот раз сотворил чудо Николай Иванович Путилов, — на основе устного договора с российским императором в конце ноября 1854 года и, получив от него его личные деньги, он в течение нескольких недель спроектировал паровой двигатель для нового корабля, спроектировал новую модель боевого корабля специально для балтийского мелководья — паровую бронированную канонерскую лодку с новым видом артиллерийского вооружения; организовал обучение огромного количества инженеров и рабочих новому ремеслу и на 20 петербургских предприятиях наладил серийное производство комплектующих ко всему спроектированному и сборочное производство, и — в течение всего 4 месяцев построил целую флотилию: 32 корабля этого типа, которые показали потрясающую эффективность в борьбе с вражеским флотом в условиях Финского залива. Всего за год под руководством Н. А. Путилова было построено 81 военный корабль различного вида.

Благодаря всему этому вражеская союзническая эскадра была остановлена, понесла существенный урон и отказалась от дальнейшего выполнения задачи по захвату Кронштадта и Петербурга, и ушла.

Гениальному русскому человеку, гениальному инженеру и организатору, Спасителю России Николаю Ивановичу Путилову должен стоять памятник в каждом русском городе и бюст в каждой школе и институте (университете). Но Вы видели хотя бы один памятник или бюст этому выдающемуся русскому человеку, исключая технические вузы? Зато вы видели огромное количество памятников таким «выдающимся» говорунам и откровенным врагам России как В. Белинский и А. Герцен, и сотни мемориальных табличек В. И. Ленину-Бланку во всех местах, куда он зашел попить чайку и обмануть очередную группу крестьян и рабочих, и который уничтожил одних русских казаков только четыре миллиона... Надеюсь, если не при В. Путине и Д. Медведеве, то при очередных правителях России справедливость наконец-то восторжествует. Вернемся к Крымской войне.

Наиболее трагической сложилась ситуация на Черном море в Севастополе. При обороне Севастополя русские солдаты и офицеры продемонстрировали чудеса храбрости, отваги и жертвенности ради спасения Отечества. Но Крымскую войну именно в этой части фронта, в смысле ведения этой войны российским генералитетом, как минимум можно назвать весьма странным и очень трагичным. Представлю вам несколько фактов, — а вы судите сами.

Свидетель тех событий и военный российский историк М. И. Богданович описал подробно военные события вокруг Севастополя довольно дотошно, подробно в своей книге «Восточная война», которую Вы легко найдете в интернете. Вот что писал М. И. Богданович о командующем войсками 4-го и 5-го пехотных корпусов генерале князе М. Д. Горчакове:

«Благородный, прямодушный, он был доверчив к людям... Так, например, он, по занятии нашими войсками Дунайских Княжеств, допустил пребывание в своей главной квартире (штабе — Р. К.) австрийского военного агента, майора Тома, который сообщал в Вену подробные сведения о всем, что происходило в русской армии»... При этом стоит ответить, что в этой войне Австрия была врагом России и не вступила в войну на стороне западной коалиции только «чудом», — только благодаря стараниям совсем другого Горчакова — гениального русского дипломата Александра Михайловича Горчакова, который также в свою очередь на своём посту оказался Спасителем России.

«“Что ты, продать меня, что ли, хочешь?” — кричал он (Николай I) вне себя, примчавшись в Михайловский замок, когда узнал стороной, что комендант фон Фельдман, лично царем назначенный на этот пост,

допустил каких-то никому не известных двух людей к подробному осмотру секретной модели Севастополя», — отметил знаменитый историк Е. В. Тарле в своем исследовании «Крымская война». Это как такое было возможно?

Объяснение здесь только одно — мы прекрасно помним, как всего 30 лет до этих событий огромное количество офицеров и генералов русской армии после победы над Наполеоном и победного марша по Европе бросились в масонство, и вся эта история закончилась весьма трагически и кроваво — попыткой государственного переворота, восстанием масонов-декабристов. Но после этого восстания казнили 5 человек, а тысячи российских масонов так и остались масонами, в том числе и в армии, только более тихими и более законспирированными. А ведь в Крымской войне против России пошли войной масоны, масонские страны. Вначале этой книги я приводил пример из книги генерала-диктатора Ф. Франко «Масонство», в которой он рассказывал, как испанские масоны сдали, предали испанского монарха и Испанию наполеоновской армии. Г. Бостунич (Шварц) в своём исследовании убеждал, что французские масоны в свою очередь в 1871 году сдали Францию во время войны с Германией.

Генерал Ф. Франко четверть века руководил Испанией и знал о масонах, пожалуй, больше обычного обывателя, и в своей книге привёл много примеров предательства испанскими масонами интересов Испании и пришел к следующему важному выводу:

«Как видим, масонство служит своим целям, не только ставя их выше отечественных традиций, но прямо работает против национальных интересов. Поэтому мы считаем, что нарушает присягу, данную своей стране, тот военный, который вступает в масонскую ложу. Он лишает себя свободы воли и подчиняет выполнение своего долга и соблюдение клятвы, данной Родине требованиям масонства».

Что уж говорить о тех масонах, для которых Россия или другая страна не является Родиной, им ещё легче соблюсти масонскую клятву и легче нарушить клятву стране, которой они служат в какой-то должности военной или чиновничьей. А для тех историков, кто внимательно изучал Крымскую войну, уверен, бросилось в глаза обилие иностранных фамилий генералов российской армии, участвовавших в Севастопольской компании: Гриббе, Веймарн, Гротенфельд, Реад, Бельгард, Лидерс, Липранди, Данненберг, Нирод, Энгельгардт, Тойлебен, Моллер, Сакен, Бухмейстер, Фишбах; а генералов с русскими фамилиями единицы. Конечно, я не утверждаю, что все они были масонами и предателями России, и многие из них героически погибли в этой войне, однако... Мы опять наблюдаем последствия порочной политики Петра «великого» — преклонение перед Западом и вследствие этого формирование кадров из иностранцев.

В развитие этой мысли представлю фрагмент сражения из вышеупомянутой книги-исследования военного историка М. И. Богдановича, причем возьму фрагмент войны не при императоре Николае I и «его прогнившем строе», а уже при императоре-реформаторе Александре II и, уверен, что даже читатель совсем далекий от военной тематики и военного искусства отчетливо поймёт, что творилось в российской армии во время Крымской войны. Ниже представленный отрывок повествует о событиях при осаде Севастополя 4(16) августа 1855 года, когда российские генералы решили предпринять контрнаступление, чтобы отбросить врага подальше от города и занять важные стратегические высоты, и в описанном случае решили атаковать снизу вверх Федихины (Уральские) высоты, на которых хорошо окопались и построили оборонительные сооружения французские войска с артиллерией, — М. И. Богданович:

«Начальник 7-й пехотной дивизии генерал Ушаков, получив от генерала Реада (который тогда находился при 12-й дивизии), чрез его адъютанта приказание: начинать и, зная дислокацию, был приведен в недоумение — что начинать? Огонь был уже открыт, и идти в атаку было несвоевременно...

Прибывший вслед за тем к 7-й дивизии обер-квартирмейстер 3-го корпуса генерал-майор Гронфельд объявил, что «Главнокомандующий приказал начинать, но что именно — ему также неизвестно»... Командующий 5-го пехотной дивизии генерал-майор Вранкен... просил у генерала Реада позволения атаковать неприятеля целою дивизией, ручаясь за успех. Но Реад приказал ему, построив дивизию в боевой порядок штурмовать горы одним полком...

Но когда Костромской полк с барабанным боем (строем колоннами. — Р. К.) двинулся вперед под сильнейшим ружейным и картечным огнем, генерал Реад приказал остановить его и вести в атаку Галицкий полк... По отступлении Галицкого полка, он (Реад) приказал вести в атаку Костромской полк, долго стоявший(!) на месте под неприятельским выстрелами(!) и ослабленный потерею многих офицеров и нижних чинов... Потеряв почти половину своих людей, Костромской полк был вынужден отступать. Тогда генерал Реад приказал снова направить на штурм Галицкий полк, в котором уже выбыли из строя командир полка, три батальонных командира, много офицеров и огромное количество нижних чинов. Единственный оставшийся при полку штаб-офицер майор Чертов, контуженный в ногу и сброшенный с убитой под ним лошади, повел вперед батальон» на окончательное уничтожение последних оставшихся в живых солдат.

Мы наблюдали ужасную картину бойни — бессмысленного (высоты не были взяты) и целенаправленного уничтожения русских солдат, русской армии; и даже уже неважно — это по причине бездарности,

тупости этого генерала Реада или его предательства. И мне уже неудивительно, что каким-то загадочным образом для нашей артиллерии катастрофически не хватало пороха, который или опаздывали поставлять или загадочным образом он куда-то пропадал по дороге; и наша артиллерия молчала — когда рядом пробегали англичане, французы, турки и сардинцы...

В этот кошмарный день — 4(16) августа 1855 года наблюдаемым нами образом было убито 4000 русских солдат и 4000 было тяжело ранено, а французов — 328 убито и 1163 ранено. Понятно, что при таком «военном искусстве» российских генералов со странными фамилиями гибель многих тысяч русских солдат, гибель всей русской армии, проигрыш в войне и захват западными войсками России были просто неизбежными.

Через две недели после описанной гибели русских солдат — 30 августа 1855 г. Севастополь был захвачен вражескими войсками. И причем здесь язвительный вывод Ленина-Бланка: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России»? Разве в описанной выше бойне русских солдат было виновато крепостное право, крепостные порядки? — Конечно, нет. И сегодня, в 21 веке, например, в учебнике для старшеклассников (М. «Просвещение», 2005) некто В. И. Коровин с одобрения Министерства образования, вторя Ленину-Бланку, «просвещает» наших детей:

«Позорное поражение России в Крымской войне обнаружило несостоятельность крепостнической системы, нуждающейся в незамедлительной реформации». Конечно, — какая-то доля той несовершенной и отсталой формы организации общества была в поражении, но разве это единственная и решающая причина в поражении России в Крымской войне?

Во-первых, было объективное суммарное силовое преимущество вражеских союзных войск. В Крымской войне против России участвовало несколько ведущих европейских государств, которые в коалиции удачно координировали свои действия; это было похоже на преддверие будущей более масштабной войны — мировой.

Во-вторых, важную роль сыграло технологическое преимущество в оружии, что следовало из более раннего развития промышленности в Англии. Почивая на лаврах победы над Наполеоном и радуясь победам над более слабыми народами, российское руководство не придавало большого значения прогрессу военной науки и промышленности, что незаметно привело Россию к значительной технологической отсталости в оружии от бывших союзников по борьбе с Наполеоном. Дружба дружбой, но... — и это очень поучительный пример любому будущему руководству России.

И, в-третьих, — важной причиной поражения была морально-нравственная гнилость части российской элиты, пораженной масонским мировоззрением, которая осуществляла, исходя из масонской солидарности и клятвы, помощь врагам России. И в этом смысле, в отличие от Ленина-Бланка, более верно высказывание выдающегося русского мыслителя Ю. Ф. Самарина (1819–1876 гг.): «Мы сдались не перед внешними силами Западного Союза, а перед нашим внутренним бессилием».

Откуда взялось и как развилось это «внутреннее бессилие» после славных побед Суворова и Кутузова? В этом вопросе важно разобраться. В войне с Наполеоном мы впервые увидели как знаменитый Сперанский агитировал за врага России Наполеона и готовился к встрече, за что и был сослан в ссылку, а масон Новиков исходя из масонской солидарности выкупал у крестьян пленных французов. Теперь же, в Крымской войне мы наблюдаем влияние «пятой колонны» уже на другом уровне и в другом масштабе.

В этой же войне отразилось и возникшее в конце 18-го века в России противостояние еврейского сообщества и российской власти. «Весьма важный и почти не затронутый в антисионистской литературе аспект: враждебность еврейской аристократии к России. Он отражён в ряде замечаний классиков марксизма (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 9 с. 327): о предоставлении еврейскими общинами Константинополя и Смирны огромных денежных средств Турции в ходе её подготовки к войне против России, о враждебном отношении евреев в самой России к русской армии в случае войны» — отметил в своем исследовании известный советский историк А. З. Романенко.

И это несмотря на то, что во время Крымской войны евреи получили немалые экономические выгоды, — как признаёт еврейский историк И. Оршанский: во время «Крымской войны, когда подрядчики, благодаря гибкой совести и своеобразному взгляду на казну в известных сферах, наживали миллионы», «тысячи евреев жили и наживались под благодатным крылышком откупов (военных заказов)». На откуп частным коммерсантам тогда отдавалось снабжение армии. Здесь стоит отметить оригинальные мягкие выражения — «гибкая совесть» и «своеобразный взгляд на казну» — которые помогли «нажить миллионы» «тысячам евреев», — это ещё повторится через 20 лет в войне с Турцией и в Первую мировую. Стоит отметить, что за это ещё и награждали медалями, — так медалью за образцовое обслуживание армии вином был награждён Евзель Гинцбург, который благодаря заработанным на торговле спиртным миллионах в 1859 году открыл банкирский дом.

Любопытное мнение о Крымской войне высказал Ф. М. Достоевский: «Я убежден, что самая страшная беда сразила бы Россию, если б мы победили, например, в Крымскую кампанию и вообще одержали бы

тогда верх над союзниками! Увидав, что мы так сильны, все в Европе восстали бы на нас тотчас же, с фанатичной ненавистью» («Дневник писателя»).

Лиссабонский «мудрец» Нессельроде и Николай I заварили опасную кашу, и уверен, что Николай осознал свою ошибку и горько каялся, а расхлебывать эту кашу, как уже часто бывало в истории России, пришлось тысячам русским людей своими жизнями и здоровьем.

«Иная крепость, например, может получить характер неприступной твердыни (не будучи таковою) потому только, что она, по тем или другим обстоятельствам, может слишком долго задержать перед собою главные силы неприятеля, истощить эти силы и таким образом сослужить службу, больше которой и нельзя требовать, — объяснял смысл героической защиты Севастополя Ф.М. Достоевский. — Тотлебен, например, наверно знал, что Севастополь все-таки возьмут наконец, и не могут не взять, как бы он ни защищал его. Но союзники уже наверно не знали и не предполагали, начиная осаду, что Севастополь потребует от их таких напряжений силы.

Напротив, вероятно, полагали, что Севастополь займет их месяца на два и войдет лишь как мимоходный эпизод в обширный план тех бесчисленных ударов, которые они готовились нанести России и кроме взятия Севастополя. И вот именно Севастополь-то и сослужил службу неприступной твердыни, хотя и был взят под конец.

Долгой, неожиданной для них гениальной защитой Тотлебена силы союзников, военные и финансовые, были истощены и потрясены до того, что по взятии Севастополя о дальнейших ударах нечего было и думать, и враги наши желали мира по крайней мере не менее нашего! А такие ли условия мира предложили бы они нам, если бы удалось им взять Севастополь через два месяца!».

В Крымской войне Россия понесла большие людские и материальные потери, но могло быть намного хуже и трагичнее, если бы не лицейский друг А.С. Пушкина и талантливый дипломат Александр Михайлович Горчаков (1798-1883 гг.), которому великий поэт посвятил такие строки: «Тебе рукой Фортуны своенравной указан путь счастливый, славный».

Была большая вероятность, что в войне против России к Англии, Франции, Турции и Сардинии могли присоединиться Австрия и Пруссия. Австрия фактически уже приняла решение выступить против России, но для надежности ожидала такого же решения от Пруссии; открыть новый фронт против России всяк было «веселее» вдвоем, легче и с меньшими потерями. При этом все стороны прекрасно понимали, что если австрияки и прусаки откроют новый дополнительный фронт против России, то тут же взорвется восстаниями Польша и присоединится к «освободителям». В этом случае Россию ожидали не просто мрачные

перспективы, а полная катастрофа, потеря суверенитета, оккупация и раздел на сферы влияния, как некогда Польши.

Служивший чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пруссии в Вюртемберге, а затем и в Штутгарте А. М. Горчаков в полной мере понимал нависшую над Россией угрозу и талантливо, филигранно, ловко сделал на своём дипломатическом поприще всё, чтобы рассорить Пруссию с Австрией, и не допустить вступление Пруссии в войну. В результате, — тишина на австрийской и прусской границах, и в Польше не превратилась в войну, в дополнительный фронт. Это было спасение России, а А. М. Горчаков был реальным Спасителем, которому в наших городах я также не видел почему-то памятников и бюстов в школах и вузах.

Это была первая великая заслуга А. М. Горчакова, ибо против одновременно Англии, Франции, Турции, Сардинии, Пруссии, Австрии и Польши России трудно было совладать, невозможно.

Дальше стояла задача прекратить войну и достойно из неё выйти. Во время Крымской войны в июне 1854 года А. М. Горчакова отправили посланником в Вену, и именно в Вене в конце 1854 года начались переговоры воюющих сторон, так необходимые для России; и в этом также была большая заслуга А. М. Горчакова. Далее в ходе войны и переговоров А. М. Горчаков стал вбивать клин между союзниками — между Англией и Францией, войдя в тайные переговоры с графом Морни, который был доверенным лицом Наполеона III, чтобы вызвать его недоверие к Англии и опасения перед имперскими глобалистскими замашками Англии. И перенос переговоров из Вены не в Лондон, а в Париж также был важен, и был заслугой Горчакова. Искусную дипломатическую игру Горчакова сильно осложнила смерть российского императора, вернее — его убийство.

По поводу смерти Николая I среди историков нет споров по поводу того, что он умер не естественным образом, что умер в результате отравления сильным ядом. Но существуют споры по поводу — его отравили враги или он сам покончил жизнь самоубийством с помощью яда. Обе эти версии не имеют достаточных доказательств и в этом отношении эти версии как минимум равные, но парадоксально, что наши современные историки, советские и даже до 1917 года озвучивают только одну версию, основываясь всего лишь на показаниях одного единственного человека и одновременно самого вероятного убийцы Николая I. А во всех современных учебниках для школьников и студентов авторы вообще не фиксируют внимание на этом важном моменте российской истории, они быстро проходят этот момент, просто фиксируя факт смерти российского императора, например: «18 февраля 1855 года умер Николай I» и всё, и пошли дальше.

Самое большое внимание уделил внезапной и загадочной смерти Николая I наш соотечественник из Аргентины Б. Башилов, который обратил внимание, что: «Николай I, вместе со своим отцом Императором Павлом I, является одним из наиболее оклеветанных русских царей. Царем, наиболее ненавидимым Орденом Русской Интеллигенции...

Раз и навсегда необходимо положить конец масонской клевете о том, что в убийстве Пушкина Дантесом был заинтересован Николай I и что он будто бы жил с женой Пушкина. Клевета эта до сих пор усиленно распространяется находящимися в эмиграции членами Ордена. 13 ноября 1955 года в издающейся в Нью-Йорке еврейской газете “Новое Русское Слово” была помещена статья, автор которой снова утверждал клеветнические вымыслы о том, что Николай I будто бы жил с Пушкиной, и что, узнав о смерти Лермонтова, он сказал будто бы: “Собаке — собачья смерть”.

В чем причина столь неукротимой ненависти и столь яростной клеветы, не стихающей до нашего времени?». И Б. Башилов насчитал 8 веских причин ненавидеть и убить Николая I, одна из которых, по его мнению: «За то, что Николай I преследовал революцию “всегда и во всех видах” на него и клеветали при жизни, клевещут и до сих пор. Только за последнее время за границей на русском языке вышли четыре книги, наполненных сознательной клеветой по адресу Николая I. Чеховским издательством перепечатана книга Мережковского “Александр I и декабристы”, в Берлине вышла объемистая книга Лясковского “Мартиролог русских писателей”, в США — книга Р. Гуля “Скиф в Европе” (Бакунин и Николай I) и в Аргентине книга проф. М. Зызыкина “Император Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 года”.

Все эти книги являются шедеврами клеветы и трудно из них выделить какую-либо в этом отношении. Будущим историкам национального направления придется много и упорно поработать, чтобы разоблачить огромное количество клеветнических мифов, связанных с именем Николая I».

И один из искусственных и ловких коварных мифов — что Николай I в разгар Крымской войны покончил жизнь самоубийством, то есть — якобы не выдержал напряжения и трагизма ситуации, сломался, опозорился, оказался слабаком, и ушел таким образом от проблем, бросив в разгар войны Россию в тяжелом положении, фактически этим слабовольным поступком предал Россию.

«Он (Николай I) очнулся только под гром орудий Севастополя и Евпатория. Гибель его армии — опоры трона раскрыла царю глаза, обнаружив всю пагубность, ошибочность его политики. Но для одержимого непомерным тщеславием, самомнением деспота легче оказалось умереть, наложить на себя руки, чем признать свою вину», — дал волю

своей фантазии либеральный историк И. Ф. Савицкий, примерно это же писали все советские историки.

Западники, «прогрессивные» и «цивилизованные», революционеры всех мастей включая большевиков, анархисты и все антимонархисты, включая масонов, и современные демократ-либералы выстроили удобную для своей идеологии и забавную картинку российской истории: монархия в России упорно агонизировала — Павел I был кретин, опасный идиот и даже сумасшедший, поэтому его необходимо было задушить, после него Александр I выиграл войну с Наполеоном и пережил сожжение Москвы, но не выдержал интриг масонов — тяжела стала корона и он соскочил с императорского трона и подался в бродячие странники, а теперь вот этот якобы крепкий солдафон, прапорщик на троне, Николай Палкин оказался слабаком и предал Россию своим самоубийством в разгар тяжелейшей войны. Уверен, при внимательном взгляде на российскую историю мало кто поверит этим тщательно продуманным басням.

В начале 1855 года ничего не указывало, что Николай I собирался покончить жизнь самоубийством. Да, — он не был так весел и самоуверен как до войны, он был мрачен, удручен и озадачен, и это было в такой ситуации нормальным, но российский император не был подавлен, в отчаянии, павшим духом, и мы прекрасно помним стойкое и мужественное поведение Николая I, его полное самообладание собой и ситуацией в тяжелейшие моменты — во время чумы и перед бунтовщиками на Сенатской площади. А теперь ситуация не была более трагичной, тем более, что обстоятельства были сносными и даже позитивными: император принимал активное участие в планировании военных операций под Севастополем, который успешно оборонялся, Австрия и Пруссия так и не вступили в войну, в Вене начались переговоры по поводу заключения мира, Путилов уже построил около 20 канонерок и опасность нападения вражеского флота и десанта на столицу снималась, успешно шла мобилизация и пополнение армии.

«Еще в первых числах февраля 1855 г. царь выражал М. Д. Горчакову свое удовольствие по поводу усиления Крымской армии и предвидел борьбу у Евпатории в случае высадки там ожидаемых двух французских дивизий, — фиксировал историк Е. В. Тарле («Крымская война»). — За две недели до смерти Николай писал главнокомандующему Южной армии: “Сегодня в обед получил твое письмо, любезный Горчаков, от 27 января. Отправив еще 12 батальонов к князю Меншикову... Это значительное усиление весьма кстати пополнит часть 6-го корпуса в самую решительную минуту, которой весьма скоро должно ожидать». При этом Николай I без паники, вполне разумно оценивал обстановку и командующему российскими войсками под Севастополем генералу

Меншикову, в связи с планируемым нападением генерала Хрулёва на занятую противником Евпаторию, писал:

«Кажется, в Евпатории собрались точно довольно значительные силы. Опасаюсь, чтобы Хрулев при своей горячности не предпринял того, что нам дорого стоить будет без ощутительной пользы, ибо продолжаю думать, что мы в городе, ежели и удастся взять, не удержимся от огня с моря. Потеря наша будет наверно большая, а пользы не много. Казалось бы, вернее ждать, чтоб Омер-паша высунулся, и тогда его атаковать во фланг или тыл...».

Но Меншиков и Хрулев не послушали советов императора и в 6 часов утра 5 февраля 1855 г. начали атаку на Евпаторию, — результат оказался плачевным: противник при поддержке корабельной артиллерии удачно отбился, а русская армия понесла большие потери и операция по освобождению города провалилась, Николай в своих предупреждениях оказался полностью прав. Соответственно 15 февраля император своим приказом отправил Меншикова в отставку, а на его место поставил генерала М. Д. Горчакова.

В начале февраля Николай I простудился, вследствие чего снизил свою активность и лечился. Здесь стоит отметить одну проблему: несмотря на свою Военно-медицинскую академию, российского императора окружали исключительно иностранные врачи: Карелль, Раух, Маркус, Мандт, повторялась та же рискованная история, что и с генералами в русской армии.

10 февраля 1855 г. император был ещё простужен, но решил пойти проститься с уходившими на войну батальонами Семеновского и Преображенского полков. Николай I побывал на сильном морозе, вследствие чего его состояние на следующий день ухудшилось, однако через несколько дней — 16 февраля он был уже почти совсем здоров. «Это изумление (о смерти. — Р. К.) еще значительно усилилось, когда из показаний некоторых свидетелей выяснилось, что первоначальная болезнь, возникшая 4 февраля и усилившаяся 11-го, совсем почти прошла уже к 16 февраля и что никаких бюллетеней о царской болезни не выпускали именно потому, что считали больного вне всякой опасности», — отметил в своем исследовании советский историк Е. В. Тарле.

Но в три часа ночи 18 февраля доктора Карелля на дежурстве в комнатах российского императора сменил доктор Мандт, а утром 18 февраля у Николая I началась предсмертная агония, после которой он скончался. И мы столкнулись с очередным «делом врачей».

«Путаницу усилил сам доктор Мандт, — отметил в своём исследовании Е. В. Тарле. — Он говорил (17-го же числа) в успокоительном тоне, что “совершенно не считает положение больного безнадежным”, а затем, в начале четвертого часа ночи, выслушав больного, сообщил будто

бы ему о близкой и совсем неотвратимой смерти, которая непременно наступит через несколько часов».

Стало быть — заступив на дежурство доктор Мандт сразу дал российскому императору сильнодействующий яд и цинично злорадно сообщил ему о неотвратимой смерти. Далее идут две версии, озвученные публично исключительно Мандтом в первые дни после смерти и за границей, ибо он быстро удрал из России и больше не возвращался. По первой версии Мандт, как политик, пространно «исторически» объяснял, что якобы Николай I ему говорил:

«Ход войны раскрыл ошибочность всей моей внешней политики... Исправить дела к лучшему я не в состоянии и должен сойти со сцены... Дай мне яд, который позволил бы расстаться с жизнью без лишних страданий достаточно быстро, но не внезапно, чтобы не вызвать кривотолки». И якобы Мандт о яде должен был молчать, но не выдержал и сказал правду. По второй версии, дополнительной, озвученной тем же Мандтом — после того как Николай I принял яд, и он начал действовать, российский император начал паниковать и требовать у Мандта противоядие, но Мандт молча поклонился и развел отрицательно руками, мол — противоядия он не предусмотрел.

В общем, масоны нафантазировали много, чтобы максимумально дискредитировать, унизить и опозорить российского императора и после убийства. Подчеркну — советский историк Е. В. Тарле ещё до Второй мировой войны писал в своём исследовании, несмотря на оголтелую антимонархическую пропаганду в СССР в это время, рискуя многим, правду: «Так как мы заняты вовсе не биографией Николая I, то рассмотрение по существу вопроса об обстоятельствах его кончины оставляем совершенно в стороне. Нам тут важно лишь отметить, что слухи о самоубийстве, даже если они были совсем неверны, не только были широко распространены в России и Европе (и оказывали свое воздействие на умы), но что верили этим слухам иной раз люди, отнюдь не грешившие легковерием и легкомыслием, — вроде, например, публициста Н. В. Шелгунова или историка Н. К. Шильдера».

После смерти Николая I продолжали происходить «загадочные» маневры — во-первых, был срочно вызван анатом — специалист по бальзамированию Венцель Грубер для бальзамирования умершего императора, который быстро приехал, потому что оказался рядом. Но этот «специалист» что-то сделал такое, после чего в первый же час лицо умершего Николая I резко изменилось, поменяло цвет и раздулось, так что его прикрыли плотной материей в первые же часы после смерти. Сразу вспоминается аналогия — после убийства масонами Павла I масонский врач и гример так поработали ночью с лицом задушенного императора, что наутро пришлось лицо погибшего закрывать треугольной шляпой.

Хотя уродливое бальзамирование списали на неудачу специалиста, но Венцел Грубер покинул Россию и в Германии без разрешения российских властей опубликовал как забавную вещь протокол вскрытия российского императора, также во многом порочащий Николая I, за что и был арестован российскими властями и посажен в Петропавловскую крепость, когда Грубер самонадеянно вернулся через некоторое время в Россию.

Во-вторых, «почему-то» новый управляющий делами Имперской Главной квартирой граф Адлерберг утром после смерти императора вызвал старого масона-литератора В. И. Панаева, на которого А. С. Пушкин в 1820 году написал эпиграмму, подкалывая его масонством:

Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Где ты нашел их: в шустер-клубе
Или на красном кабачке.

(«Русскому Гесснеру»)

Адлерберг поручил члену шустер-клуба «в овчинной шкуре» В. И. Панаеву срочно написать статью о последних минутах царя и при этом привел его к доктору Мандту в Зимний дворец, чтобы тот подробно рассказал о болезни императора и о последних минутах его жизни. В. И. Панаев утверждал, что: «Мы проработали с ним часа три, не вставая с мест, и успели в том, так что статья Мандта появилась вслед за моею статьею». Это срочно готовили официальную версию чтобы успокоить народ и дать объяснение во избежание кривотолков, по которой Николай I умер в результате простуды естественной христианской смертью.

В-третьих, несмотря на это публичное заявление и «секретность» правды, вся пресса в Западной Европе дружно стала муссировать и смаковать самоубийство российского императора. В ответ российские власти в лице нового императора решили побороться на информационном поле и заказали издать в Европе соответствующую брошюру у некоего своего человека по имени Поггенполь. Этот «свой» Поггенполь написал брошюру, но почему-то решал задачи противоположного характера:

«Следует заметить, что одна из брошюр, изданных по желанию русского двора за границей с целью борьбы против слухов о самоубийстве, не рассеяла, но, напротив, способствовала дальнейшему их распространению, — писал в своём исследовании Тарле. — Это была брошюра Поггенполя, изданная в Брюсселе в марте 1855 года. Поггенполь в этой брошюре допустил фразу, явно намекающую на добровольный уход

Николая из жизни... — “Все были поражены этой вестью, зная крепкое телосложение императора. Встречая еще недавно его, мужественного, молодца в полном смысле этого слова, никто не верил, чтобы он мог умереть так рано... Он бы и прожил еще много лет, да Пальмерстон и Наполеон III его сгубили”, — читаем у М. М. Попова в его интереснейших заметках о Николае, писанных под свежим впечатлением событий. Конечно, даже, может быть, и не веря слухам о самоубийстве, дипломаты и в Париже и в Лондоне спешили использовать этот слух как доказательство признания покойным царем непоправимого и окончательного проигрыша войны».

Картина, по-моему, довольно ясная и понятная, и косвенных улик убийства путем отравления масонами Николая I предостаточно, и точно больше чем в версии, что он якобы сам покончил жизнь самоубийством. Можно ещё сделать «контрольный взор» в историю и обратить внимание на мало кому известного, мелькнувшего выше в нашей истории, нового управляющего делами Имперской Главной квартиры графа Адлерберга (1791-1884), так активно суетившегося на следующий день после гибели российского императора. Когда я стал искать о нем информацию, то нашел в интернете любопытный наградной список, выставленный его потомками, сплошь состоящий из нескольких десятков масонских орденов, например, — в 1840 году Адлерберг был награжден прусским орденом св. Иоанна Иерусалимского, что указывает с большой вероятностью, что он принадлежал к самой агрессивной масонской ложе розенкрейцеров. В этом же 1840 году его наградили орденом «Гражданского достоинства», затем нидерландским орденом Льва, и, похоже, Адлерберг совершал в масонской иерархии стремительную карьеру, потому что в 1847 году его наградили уже орденом Командор гессенского ордена Людовика 1-й степени. Особенно густо посыпались на него ордена после рокового для Николая I 1855 года — гессенский орден Филиппа Великого 1-й степени, французский орден Почетного легиона большого креста, и даже враги России в Крымской войне турки дали ему за особые «заслуги» орден Меджидия 1-й степени и орден Османия 1-й степени...

Вот что стоит за короткой и ёмкой оценкой Г. В. Бостунича: «Масоны втянули Россию в Крымскую войну 1853—1855 гг. и умертвили императора Николая I при помощи врача масона».

Стоит заметить, что о Николае I и его смерти ложь писали социал-демократы-большевики (красные демократы) после захвата власти в России, в СССР, и точно так же пишут о нем сегодня, в 21 веке синие демократ-либералы во всех учебниках для наших школьников и студентов, например, в уже упомянутом выше учебнике для старшеклассников (М. «Просвещение», 2005) некто В. И. Коровин пишет в старом «добром» идеологическом духе:

«В 1855 году умирает Николай I. И хотя ещё не закончилась война, но вся Россия чувствовала, что со смертью Николая завершилась большая и страшная эпоха...». Понятно, что такой маразм, такую одностороннюю ложную версию мог написать для наших детей только убежденный западник без зазрения совести, нигилист-террорист или террорист-большевик или «продвинутый» масон; а что чувствовала далеко не вся Россия, — мы будем наблюдать в следующих главах этой книги.

Итак, — российский император Николай I ликвидирован, Россия Крымскую войну проиграла, и на переговорах в Вене и затем в Париже победители поставили России жесткие условия, — Россия возвращала все оккупированные земли Турции, России запрещалось иметь военный флот и вооруженные контингенты на Черном море, крепость Карс возвращалась Турции, Россия лишилась устья Дуная и южной части Бессарабии. Англия настаивала на предоставления суверенитета кавказским народам, и на лишении России всего Черноморского побережья. И только благодаря таланту и уму нашего дипломата А. М. Горчакова, благодаря которому Франция охладела в отношениях с Англией и изменила свою позицию, — два последних пункта не были внесены в итоговые документы Парижского трактата 18 (30) марта 1856 года. Интересно, что эта «разводка» союзников, этот большой, очень важный успех дипломатии А. М. Горчакова сильно разозлил его начальника, главу внешнеполитического ведомства России Карла Нессельроде, этот соучастник убийства А. Пушкина осудил А. М. Горчакова за его успех...

Получилось, что в Крымской войне «цивилизованная Европа» преподнесла монархической России серьёзный урок, дала России хорошую взбучку. Трагедия России повлекла негативные последствия на ситуацию внутри России.

И некоторые выводы из Крымской войны были далеко идущими и отразились на дальнейшей истории России. Тот же Ленин-Бланк и ему подобные нашли связь между проигрышем русской армии в Крымской войне и наступившими после этого либеральными реформами Александра II, и связали эти два факта как один из другого вытекающий. Логика была такова: если бы русские выиграли войну, то им было хорошо — и реформы были бы им не нужны, а так им плохо и в поисках улучшения положения они идут на перемены, на реформы. Через 60 лет после этих событий лидеры различных еврейских организаций соберутся на закрытой Циммерфальдской конференции и, зная опыт Крымской войны, — примут решение активно способствовать поражению России в Первой мировой войне.

Еврейский идеолог и историк М. С. Дубнов, живший в России до 1923 г., открыто утверждал, что, основываясь на опыте крымского пора-

жения, — еврейская община желала поражения русских войск в Японской войне и в Первой мировой, и всё возможное для этого делала.

Были и другие неожиданные последствия Крымской войны. Княжество Сардиния приняло участие в той войне, скорее всего, по причине поиска приключений своего тогдашнего князька. Одно единственное боевое судёнышко этого княжества и несколько тысяч солдат приняли участие в войне. Но когда после победы государства-участники собрали мирную послевоенную конференцию, то в эйфории победы приняли благородное решение — как соучастнику победы было решено на основе Сардинии возродить самостоятельное государство Италия, которая до этого момента отсутствовала на карте планеты. Таким образом, в результате войны и мирной конференции образовалось новое государство, вернее, возродилось великое старое.

На этот исторический момент, как на прецедент, обратил внимание мудрейший еврейский идеолог XIX века — Макс Нордау, логика которого была такова: данный факт очень поучительный и обнадёживающий — в результате войны у итальянцев, у этой древней нации, появилось своё суверенное государство, и может стоит повторить... — и сделать так, чтобы после очередной коалиционной войны у древних евреев также появилось своё суверенное государство. После этого эту идею еврейские лидеры пытались использовать при реализации цели — создания собственного государства, приняв активнейшее участие в организации Первой мировой войны. И добились своей цели, — после Первой мировой войны после крушения трех империй: Российской, Османской и Германской правительством единственно оставшейся империи Великобритании в 1919 году было принято решение активно способствовать созданию еврейского государства в Палестине. Но анализ этих событий нас ждёт ещё впереди, а пока вернёмся в Россию.

В России также были сделаны некоторые выводы — во-первых, наконец-то новый император Александр II под давлением общественного мнения убрал с должности виновника многих бед России «вечного» Карла-Роберта фон Нессельроде-Эресго. Чтобы это произошло, к императору на прием прорвался известный славянофил, историк Михаил Петрович Погодин (1800-1875) со своими «Историческими письмами», в которых резко критиковал внешнюю политику Нессельроде, кабинет которого после отставки занял выдающийся русский дипломат А. М. Горчаков. Соответственно кардинально изменилась и внешняя политика России, по оценке историка С. Татищева произошел «крутой поворот во внешней политике России». А. М. Горчаков осудил безумную размашистую имперскую политику предшественника и высказал важный принцип: «Не втягивать Россию в осложнения, которые могут помешать нашей внутренней работе».

Этот принцип многочисленным сторонникам имперской политики России необходимо написать несмываемой краской на лбу, ибо, например, преддверием крушения Российской Империи и гибели более 25 миллионов русских людей было участие, движимое имперскими замашками, в Первой мировой войне; а преддверием развала СССР и трагедией многих десятков миллионов людей было истощение экономики в результате очередной имперской замашки — бессмысленной войны в Афганистане, и спасительного аналога А. М. Горчакова в обоих случаях не нашлось. А когда после распада СССР в 90-х годах Россия была на краю гибели и развала, и своих дел внутри страны было «выше крыши» — некоторые сторонники имперской политики как искренние глупцы, так и откровенные провокаторы, призывали «помыть сапоги» русских солдат в Индийском океане...

И как никогда сегодня, в 21 веке, актуально звучит призыв великого А. М. Горчакова, что Россия должна в первую очередь «сосредоточиться» в себе, сконцентрироваться на решении своих внутренних проблем, а когда Россия станет сильной, мощной, ядреной, развитой — тогда и не надо будет фонтанировать имперскость во внешней политике, — она сама будет притягиваться к России со всех сторон, и объективно, ненавязчиво, полезно «фонить» на огромные территории, страны и народы.

Поражение России в Крымской войне усилило негативные тенденции и процессы с стране, начатые ещё Петром Первым, — их мы рассмотрим отдельно в следующей главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Александр II, А. Герцен, «новые люди» и древние евреи

Верховный пост в государстве после смерти Николая Первого занял его старший сын — Александр (1818–1881 гг.). С уверенностью можно утверждать, что Александру Второму сильно не повезло с моментом принятия власти. Его отца убили в разгар Крымской войны, ход которой складывался для России очень плохо. К тому же не лучшим образом шла и Кавказская война. И все нерешённые проблемы, связанные с еврейским народом, в полной мере перешли к Александру II.

Обычно авторы книг по истории и особенно учебников для наших детей пишут об этом периоде примерно такую фразу: «В этот период наблюдался рост недовольства в российском обществе», но при этом не делают важных уточнений. А ведь фактически Россия с 1848 по 1855 годы по причине очередных восстаний поляков в 1848 году, участия российской армии в подавлении Венгерской революции в 1849 году и из-за Крымской войны 1853-1855 гг. — объективно находилась в состоянии войны, причем тяжелой и очень опасной войны, и понятно, легко объяснимо и закономерно, что внутри России было введено полувоенное положение. И это положение, конечно же, не нашло патриотического отклика у «прогрессивной» прозападной интеллигенции, демократ-либералов того периода, а наоборот...

И какие только ярлыки не вешали «прогрессивные» люди того периода и современные на тот период российской истории: «мрачное семилетие», «чугунный период», «царство мрака в России» и даже чахотку В. Белинского вменяли в вину Николаю I, порой совершенно забывая, что в этот период «царства мрака» прекрасно и успешно работали многие выдающиеся русские мыслители мирового уровня, писались шедевры русской и мировой литературы, — обо всём этом можете прочитать в любом хорошем учебнике по русской литературе.

Александру II пришлось подписывать позорный Парижский договор и терпеть дальнейшее презрение и пренебрежение Запада. Кроме этого, некоторые «свои» в России продолжали клеймить монархию и откровенно ликовать по поводу поражения своей Родины, Отчизны в войне, желая ей дальнейших поражений. Обычно авторы многих современных лживых учебников для наших школьников и студентов «забывают» об этом сказать и показать эту важную действительно мрачную и позорную тенденцию. Например, возьмём самого знаменитого и самого «прогрессивного» интеллигента того периода, кумира многих российских западников, именем которого названы и сегодня улицы и российские университеты — А. И. Герцена (1812—1870 г.), который по поводу смерти Николая I в своей мемуарной откровенной книге “Былое и думы” писал:

«Не помня себя, бросился я с “Таймсом” в руке в столовую; я искал детей, домашних, чтоб сообщить им великую новость, и со слезами истинной радости на глазах подал им газету... Несколько лет свалилось у меня с плеч долой, я это чувствовал. Оставаться в доме было невозможно. Тогда в Ричмонде жил Энгельсон; я наскоро оделся и хотел идти к нему, но он предупредил меня и был уже в передней. Мы бросились друг другу на шею и не могли ничего сказать, кроме слов: “Ну, наконец-то он умер”. Энгельсон, по своему обыкновению, прыгал, перецеловал всех в доме, пел, плясал, и мы еще не успели прийти в себя, как вдруг карета остановилась у моего подъезда и кто-то неистово дернул колокольчик: трое поляков прискакали из Лондона в Твикнэм, не дожидаясь поезда железной дороги, меня поздравить. Я велел подать шампанского — никто не думал о том, что все это было часов в одиннадцать или ранее. Потом без всякой нужды мы поехали все в Лондон.

На улицах, на бирже, в трактирах только и речи было о смерти Николая, я не видел ни одного человека который бы не легче дышал, узнавши, что это бельмо снято с глаз человечества, и не радовался бы, что этот тяжелый тиран в ботфортах, наконец, зачислен по химии (?! — Р. К.).

В воскресенье дом мой был полон с утра: французские, польские рефюжье, немцы, итальянцы, даже английские знакомые приходили, уходили с сияющими лицами...».

А. Герцен и над живым российским императором издевался вволю, например, возьмите любой портрет Николая I, посмотрите на него и сравните с описанием А. Герцена: «Лоб, быстро бегущий назад, нижняя челюсть, развитая за счет черепа, выражали непреклонную волю и слабую мысль, больше жестокости, чем чувственности, но главное — глаза без теплоты, без всякого милосердия, зимние глаза». Благодаря бурной фантазии и лютой ненависти Герцен выдумал какого-то жестокого тупого неандертальца. И теперь после убийства Николая I Герцен дал

волю своим эмоциям. Это был ликующий восторг «новых людей» — так Герцен и ему подобные себя называли, это были последователи масонов-декабристов, «предбольшевики» или «первые большевики».

Наблюдая за этой вакханалией «бесов» Ф. М. Достоевский в задумчивости рассуждал:

«Да, действительно есть и всегда были такие русские (имена многих из них известны), которые не только не отрицали европейской цивилизации, но, напротив, до того преклонялись перед нею, что уже теряли последнее русское чутье свое, теряли русскую личность свою, теряли язык свой, меняли родину и если не переходили в иностранные подданства, то, по крайней мере, оставались в Европе целыми поколениями. Но факт тот, что все этакие, в противоположность либеральным русским, в противоположность их атеизму и коммунарству, немедленно примыкали к правой, и крайней правой, и становились страшными и уже европейскими консерваторами...

Но позвольте: консерваторы в Европе и, напротив, совершенные отрицатели России. Они становились разрушителями России, врагами России! Итак, вот что значило перемолоться из русского в настоящего европейца, сделаться уже настоящим сыном цивилизации, — замечательный факт, полученный за двести лет опыта. Вывод тот, что русскому, ставшему действительным европейцем, нельзя не сделаться в то же время естественным врагом России. Того ли желали те, кто прорубал окно?»...

«Мы мечтали о том, как начать новый союз по образцу декабристов», — писал о своей молодости А. Герцен (псевдоним — Искандер), и в его новой идеологии звучал воинственный нигилизм тотального уничтожения и ничего созидательного, — Герцен: «разрушить все верования, разрушить все предрассудки, поднять руку на прежние идолы, без снисхождения и жалости».

А ведь Николай I непосредственно к А. Герцену за его революционно-подрывную деятельность относился весьма лояльно и гуманно, о чем А. Герцен сам признает в своём “Былое и думы”:

«Государь, рассмотрев доклад Комиссии и взяв в особенное внимание молодые годы преступников, постановил нас под суд не отдавать, а объявил нам, что, по закону, следовало бы нас, как людей уличенных в оскорблении Его Величества пением возмутительных песен, лишить живота, а в силу других законов сослать на вечную каторжную работу, вместо чего Государь, в беспредельном милосердии своем, большую часть виновных прощает, оставляя их на месте жительства под надзором полиции, более же виноватых повелевает подвергнуть исправительным мерам, состоящим в отправлении их на бессрочное время в дальние губернии на гражданскую службу и под надзор местного начальства». На

долю Герцена выпала «ужасающая кара» — он был назначен чиновником в Пермь: служил в Вятке и затем во Владимире. Из Владимира Герцен вместе со своей невестой без разрешения переехал в Москву, и за это ему ничего не было. Затем по протекции своего отца он стал работать чиновником в Петербурге. И одновременно Герцен весьма свободно писал свои критические статейки в журналах «Современник», «Москвитянин», «Русская беседа», «Отечественные записки».

А вот господствующий в былом СССР и сегодня «альтернативный» взгляд автора современных учебников(с 2005 г.) для наших детей В. И. Коровина: «А. И. Герцен пережил немало душевных кризисов и поистине драматических событий. Были долгие годы ссылки и полицейского надзора, эмиграции...».

А ведь никто А. Герцена из России не выгонял. «Находившийся за границей в конце 40-х годов, он (Герцен) видел безысходность политической борьбы в России и, не желая «в колодках» служить Отечеству, принял горькое и исключительно мужественное по тем временам решение: не возвращаться на родину», — изгаляется группа ученых во главе с В. И. Коровиным, «просвещая» наших детей в 21 веке... Да-а, много надо «мужества», чтобы не вернуться на Родину, но ненависти к России нужно иметь огромное количество — это точно. Знаток человеческих душ Ф. М. Достоевский объяснял:

«Герцен был совсем другое: то был продукт нашего барства, gentilhomme russe et citoyen du monde прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом.

Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России. В полтораста лет предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, расшатались последние связи его с русской почвой и с русской правдой. Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога.

Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, — каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал народа. Разумеется, Гер-

цен должен был стать социалистом, и именно как русский барич, то есть безо всякой нужды и цели, а из одного только "логического течения идей" и от сердечной пустоты на родине» («Дневник писателя», 1873 г.).

Это надо же такое божье наказание — родиться на своей родине эмигрантом. Но куда там великому Ф. Достоевскому до наших современных «великих» В. И. Коровина, его сотрудников, их прозападных единомышленников и всех синих демократ-либералов...

Стоит отметить, что А. Герцен остался за границей не спонтанно, он готовился, и как настоящий свободолюбивый либерал, больше всех кричавший о крепостном праве, — А. Герцен своих крестьян не освободил, как это было предусмотрено указом императора, по закону, а, уезжая в Лондон, их продал. Также поступил и его друг, такой же демократ и либерал Огарев.

«Я жид по натуре, — писал в письме В. Белинскому ловкий коммерсант А. Герцен, — с филистимлянами за одним столом есть не могу». На всякий случай — Герцен не был по крови еврей, но по духу уже точно не был русским. Иногда попадается такая степень западника в России, что он уже сам признаётся, что он по духу не русский, а нечто совсем другое.

Покинув Россию, «русский жид» А. Герцен с друзьями, как и немецкий жид К. Маркс, переехал в революционную столицу — в Париж. «Герцен на средства, полученные от своих многочисленных крепостных, создал в Париже политический салон, в котором встречались самые блестящие представители европейской революционной швали, как Бакунин, Карл Маркс, Энгельс, итальянский масон Гарибальди, один из главных организаторов Французской революции в 1848 году масон Луи Бланк», — писал в своём исследовании Б. Башилов.

«Парижский салон Герцена, — писал Р. Гуль в своей книге «Скиф в Европе», — в эту революцию (1848 г.) был самым блестящим. Сборище всесветных богемьенов, бродяг, вагабундов, революционеров, весельчаков, страдальцев, съехавшихся со всего света в Париж. Это было — «дионисиево ухо» Парижа...». Подчеркну — не «аполлоново», а «дионисиево»...

Интересные замечания сделал Ф. М. Достоевский:

«Еще Герцен сказал про русских за границей, что они никак не умеют держать себя в публике: говорят громко, когда все молчат, и не умеют слова сказать прилично и натурально, когда надобно говорить.

И это истина: сейчас же выверт, ложь, мучительная конвульсия; сейчас же потребность устыдиться всего, что есть в самом деле, спрятать и прибрать свое, данное богом русскому человеку лицо и явиться другим, как можно более чужим и нерусским лицом. Всё это из самого полного внутреннего убеждения, что собственное лицо у каждого русского — непременно ничтожное и комическое до стыда лицо; а что если он возьмет

французское лицо, английское, одним словом, не свое лицо, то выйдет нечто гораздо почтеннее, и что под этим видом его никак не узнают.

Отмечу при этом нечто весьма характерное: весь этот дрянной стыдишка за себя и всё это подлое самоотрицание себя в большинстве случаев бессознательны; это нечто конвульсивное и непреоборимое; но, в сознании, русские — хотя бы и самые полные самоотрицатели из них — все-таки с ничтожностию своею не так скоро соглашаются в таком случае и непременно требуют уважения: "Я ведь совсем как англичанин, — рассуждает русский, — стало быть, надо уважать и меня, потому что всех англичан уважают".

Двести лет вырабатывался этот главный тип нашего общества под непременным, еще двести лет тому указанным принципом: ни за что и никогда не быть самим собою, взять другое лицо, а свое навсегда оплевать, всегда стыдиться себя и никогда не походить на себя — и результаты вышли самые полные. Нет ни немца, ни француза, нет в целом мире такого англичанина, который, сойдясь с другими, стыдился бы своего лица, если по совести уверен, что ничего не сделал дурного».

Когда французский народ не поддержал, а, наоборот, подавил очередную масонскую заварушку-революцию братьев Бланк в 1848 году, то вся эта «прогрессивная» тусовка вместе с Марксом и Герценом перебралась в изначальную столицу масонства — в Лондон. «Если когда-то все пути вели в Рим, то в 19 столетии все пути ведут в Лондон — тогдашний центр мирового масонства... — отметил признанный авторитет в масонской теме Б. Башилов.

В теме этих «несчастных» скитальцев по Европе внимательно разбирался Ф. М. Достоевский:

«То-то вот и есть, что "скитальцы" ненавидели крепостное право "по-своему, по-европейски", в том-то и вся суть. То-то вот и есть, что ненавидели они крепостное право не ради русского мужика, на них работавшего, их питавшего, а стало быть, ими же в числе других и угнетенного.

Кто мешал им, если уж до того их одолевала гражданская скорбь, что к цыганам приходилось бежать али на баррикады в Париж, — кто мешал им просто-запросто освободить хоть своих крестьян с землей и снять таким образам гражданскую скорбь, по крайней мере, хотя с своей-то личной ответственности? Но о таких освобождениях что-то мало у нас было слышно, а гражданских воплей раздавалось довольно. "Среда, дескать, заедала, и как же де ему своего капиталу лишиться?"

Да почему же не лишиться, когда уж до такой степени дело доходило от скорби по крестьянам, что на баррикады бежать приходилось? То-то вот и есть, что в "местечке Париже-с" все-таки надобны деньги, хотя бы и на баррикадах участвуя, так вот крепостные-то и присылали

оброк. Делали и еще проще: закладывали, продавали или обменивали (не всё ли равно?) крестьян и, осуществив денежки, уезжали в Париж способствовать изданию французских радикальных газет и журналов для спасения уже всего человечества, не только русского мужика.

Вы уверяете, что их всех заедала скорбь об крепостном мужике? Не то чтоб о крепостном мужике, а вообще отвлеченная скорбь о рабстве в человечестве: "Не надо-де ему быть, это непросвещенно, liberte, дескать, egalite et fraternite". Что же до русского мужика лично, то, может быть, скорбь по нем даже и вовсе не томила этих великих сердец так ужасно. Я знаю и запомнил множество интимных изречений даже весьма и весьма "просвещенных" людей прежнего доброго старого времени. —

"Рабство, без сомнения, ужасное зло, — соглашались они интимно между собой, — но если уже всё взять, то наш народ — разве это народ? Ну, похож он на парижский народ девяносто третьего года? Да он уж свыкся с рабством, его лицо, его фигура уже изображает собою раба, и, если хотите, розга, например, конечно, ужасная мерзость, говоря вообще, но для русского человека, ей-богу, розочка еще необходима: "Русского мужичка надо посечь, русский мужичок стоскуется, если его не посечь, уж такая-де нация"", — вот что я слыхивал в свое время, клянусь, от весьма даже просвещенных людей».

На утверждение либералов — «Кто ж, как не они, подготовили общество наше к упразднению крепостного права?" — Ф. М. Достоевский отвечал: «Отвлеченной болтовней разве послужили, источая гражданскую скорбь по всем правилам, — о, конечно, всё в общую экономию пошло и к делу пригодилось. Но способствовали освобождению крестьян и помогали трудящимся по освобождению скорее такого склада люди, как, например, Самарин, а не ваши скитальцы».

В Лондоне А. Герцен и Н. Огарев основали Вольную русскую типографию, и стали издавать журнал под старым масонским названием «Полярная Звезда» (с 1855 г.), а затем «Колокол»(с 1857 г.). И даже после поражения России в Крымской войне и гибели Николая I, когда по общему признанию в России наступила политическая оттепель, они помогали врагам России — вели информационную войну против России. Ненависть этой категории интеллигентов каким-то чудным образом переносилась на всю Россию, и они неистово желали ей беды, зла, поражения — «Для меня, как для русского, дела идут хорошо, и уже (предвижу) падение этого зверя Николая. Если бы взять Крым, ему пришёл бы конец, а я со своей типографией переехал бы в английский город Одессу...», — писал 19 июня 1854 года А. Герцен итальянцу А. Саффи. «Высадка союзников в Крыму в 1854 году, последовавшие затем поражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили; ибо мы были убеждены, что даже поражение России сноснее

и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время» — писал «духовный брат» А. Герцена масон А. И. Кошелев.

Ближайший друг и помощник в Англии А. Герцена богатый барин Николай Огарев (1813—1877), который даже не обиделся на Герцена за то, что тот отобрал у него «по-дружески» любимую жену, писал вдохновенно в стихах:

Да будет проклят этот край,
Где я родился невзначай.
Уйду, чтоб в каждое мгновенье
В стране чужой я мог казнить
Мою страну, где больно жить...,

И, может дальний голос мой...
Накличет бунт под русским небосклоном

Ещё один эмигрант, «изгнанник» добровольный, член «О. Р. И.» и, конечно же, — «духовный брат», покинувший Россию задолго до «мрачного семилетия» в 1835 году, доцент Московского университета Печорин также вдохновенно писал стихами:

Как сладостно отчизну ненавидеть,
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницы пробужденья.

Наблюдая эту тревожную картину, сильно переживал Ф. М. Достоевский:

«Неужели и тут не дадут и не позволят русскому организму развиться национально, своей органической силой, а непременно обезличенно, лакейски подражая Европе? Да куда же девать тогда русский-то организм? Понимают ли эти господа, что такое организм? А еще толкуют о естественных науках! "Этого народ не позволит", — сказал по одному поводу, года два назад, один собеседник одному ярому западнику. "Так уничтожить народ!", — ответил западник спокойно и величаво. И был он не кто-нибудь, а один из представителей нашей интеллигенции» («Дневник писателя»).

По поводу этих морально-нравственных уродов и ненавистников Отечества стоит заметить, — ну не нравится вам монархия как форма организации общества — это ваше право и понятная идеологическая позиция, мировоззрение, или не нравится именно император Николай I — тоже ваше право, понятная позиция, дело вкуса и мировоззрения,

но господа-товарищи(!) — матушку Россию, Родину, Отечество за что клясть, ненавидеть, желать её уничтожения и погибели?!! И способствовать этому?!! Ведь Герцен и Огарев дали немалые по тем временам финансы знаменитому террористу Нечаеву на его подрывную деятельность и теракты в России.

Мы наблюдаем — когда кислотная огульная критика определённой категории интеллигенции, их болезненное тотальное критиканство всего отечественного на какой-то стадии перерастает во враждебность к России, во вражескость, в «высокое» уродство и предательство.

Повторюсь, — не только в СССР при красных демократах-большевиках, но и сегодня, в 21 веке, при синих демократ-либералах эти морально-нравственные уроды и откровенные враги России представлены во всех учебниках для наших школьников и студентов как страдальцы, герои и выдающиеся умы, и их именами названы улицы и университеты...Современные идеологи полностью поменяли понятие «добра» и «зла», смешали, всё перепутали, закамуфлировали наоборот и дурят нашу молодёжь, да и взрослых тоже. Обратите внимание — ни в одном современном учебнике вы не обнаружите множество фактов и цитат, приведенных в этой главе, — их «забыли», их «почему-то» «не заметили», идёт целенаправленная подтасовка и гримировка до неузнаваемости российской истории.

Причем тема сегодня актуальна как никогда — все телеканалы заполнены новыми «Герценами», «Огаревыми» и «Белинскими», которые фанатично преклоняются перед Западом и хулят всё отечественное, например, — послушайте Новодворскую; интересно, — назовут когда-нибудь и её именем российский университет?

Рассматривая историю середины 19 века, мы наблюдаем важный трагический исторический момент — зарождение большевизма, в его самом худшем кровавом проявлении. В предыдущей главе мы наблюдали появление в этот период на основе масонского мировоззрения марксизма и призывы К. Маркса к терроризму. А в этот период в России мы наблюдаем тенденцию — когда российская прозападная интеллигенция дошла до края, после которого начинается терроризм и революция. А вскоре наступит момент, — когда эта интеллигенция сольётся с марксизмом и весь этот процесс возглавят еврейские агрессивные лидеры; и это всё произойдёт при правлении Александра II.

От этих теоретиков до конкретных террористов-бомбистов, до покушений даже на императора-реформатора оставался всего лишь короткий шажок. Об этом уже конкретно и откровенно писал друг А. Герцена В. Белинский, которого Герцен называл: «самая революционная натура николаевской России». Этот автор «Левиафана» писал: «Я понял и Французскую революцию и её римскую помпу... Понял и кровавую

любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством...» (в письме к Боткину). А что делать с той частью человечества, с теми миллионами людей, которые имеют другое мнение и не поддерживают идеи масонского братства?

Ответ на этот вопрос и соответственно следующий «прогресс» Белинского выглядел так: «Я начинаю любить человечество по-маратовски, чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечом истребил бы остальную». А это уже теория геноцида и фашизма в худшем его понимании. Это убеждение Белинского более известно в другом его знаменитом высказывании: «Люди так глупы, что их насильственно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

Поэтому Н. Бердяев в 20-м веке с полным правом сказал: «В Белинском был уже потенциальный марксист..», «Белинский предшественник большевистской морали...», «Он уже утверждал большевистскую мораль», «У Белинского в последний его период можно найти оправдание “чекизма”». Да, — это было обоснование грядущего кровавого большевизма.

Можно образно отметить, что вышеназванные либеральные радикалы, ненавистники России были в центре этой негативной тенденции — как косточка в сливе, а вокруг было много либеральной мякоти — много сочувствующих, и это была не только либеральная молодежь или «прогрессивная» часть интеллигенции, на другую часть общества обратил внимание Ф. М. Достоевский:

«В детстве моем я видел раз на большой дороге фельдъегеря, в мундире с фалдочками, в трехуголке с пером, страшно тузившего в загорбок ямщика кулаком на всем лету, а тот исступленно стегал свою запаренную, скачущую во весь опор тройку. Этот фельдъегерь был, разумеется, по рождению русский, но до того ослепший и оторвавшийся от народа, что не мог иначе и объясняться с русским человеком, как своим огромным кулачищем вместо всякого разговора.

А, между тем, ведь он всю жизнь свою провел с ямщиками и с разным русским народом. Но фалдочки его мундира, шляпа с пером, его офицерский чин, его вычищенные петербургские сапоги ему были дороже, душевно и духовно, не только русского мужика, но, может быть, и всей России, которую он искрестил всю взад и вперед и в которой он, по всей вероятности, ровно ничего не нашел примечательного и достойного чего-нибудь иного, кроме как его кулака или пинка вычищенным его сапогом. Ему вся Россия представлялась лишь в его начальстве, а всё, что кроме начальства, почти недостойно было существовать. Как такой может понимать суть народа и душу его!

Это был хоть и русский, но уже и "европейский" русский, только начавший свой европеизм не с просвещения, а с разврата, как и многие,

чрезвычайно многие начинали. Да-с, этот разврат не раз принимался у нас за самый верный способ переделать русских людей в европейцев. Ведь сын такого фельдъегеря будет, может быть, профессором, то есть патентованным уж европейцем. Итак, не говорите о понимании ими сути народной».

Закончить тему «новых русских людей», с остервенением бросившихся перегрызать национальные корни и культуру себе, и которые, по утверждению Ф. М. Достоевского, почти все были из барского, господского общества, можно меткой басней И. А. Крылова:

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досыта, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
"Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может". —
"Пусть сохнет, — говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит:
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б желуди: ведь я от них жирею". —
"Неблагодарная! — примолвил Дуб ей тут:
Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти желуди на мне растут".

Вот в этих сложных условиях Александр II принял власть над Россией; — не позавидуешь. К тому же в России продолжали тайно существовать масонские организации, члены которых занимали высокие посты — «Великим наместным мастером Великой провинциальной ложи шведского обряда был не кто иной, как сам министр внутренних дел (1855—1861), старый масон С. С. Ланской», — отметил в своём исследовании специалист по истории масонства В. Брачев.

Александр II получил прекрасное всестороннее образование, знал несколько языков, объехал почти всю Россию и европейские страны, и даже Римский папа Григорий 16-й после знакомства с ним в его честь иллюминировал купол собора Святого Петра. Правда Александр почему-то не мог найти в России достойную девушку и женился на Гессен-Дармштадтской принцессе.

В России упорно витала ошибочная идея, что если отменить крепостное право, то чудным образом решатся все проблемы и главное — снизится уровень недовольства в обществе, снизится уровень революционности. Весь ход российской истории после отмены крепостного права показал ошибочность, ложность этой идеи, этой надежды. Конечно, крепостное право необходимо было отменить, но ещё важнее было создать другую, новую эффективную форму организации жизни и сельскохозяйственного производства. А эту задачу взялся решать лишь в начале 20-го века Столыпин.

С воцарением на российский престол Александр II довольно быстро приступил к либеральным реформам. И уже в 1856 году он дал евреям много прав и снял много ограничений для них, подписал указ об отмене закона о еврейских кантонистах, и сам институт кантонистов упразднил. Более того, — Александр II благородно и щедро простил евреям накопившуюся огромную недоплату налогов. К этому вопросу императору приходилось возвращаться ещё не раз, ибо, как утверждает еврейский историк Ю. Гессен — в течение последующих пяти лет задолженность по налогам опять серьёзно возросла (на 22%). В этом же 1856 г. был образован очередной правительственный комитет по еврейским вопросам (седьмой по счету), потому проблем, связанных с еврейской общиной, в стране было ещё много. Например, как отметил в своей книге священник Ипполит Лютостанский: «В 1855 г. 10 мая рассматривалось в петербургском сенате дело о Шапирах — Зусе Альперовиче и Давиде; оба еврея были осуждены на каторжные работы и наказаны шпицрутенами за умерщвление крестившегося еврея». Этот же И. Лютостанский фиксировал очередной факт экономической эспансии:

«Вследствие огромного наплыва евреев в последние годы в Петербурге усилилось естественным образом и барышничество... Евреи сразу оттерли петербургских местных барышников. Так, на аукционах в ссудной казне покупателями драгоценностей в настоящее время являются почти исключительно евреи, действуя нередко сообща, целым кагалом...

Что касается нового Александровского рынка в Петербурге, то здесь евреи завоевали себе положительно первое место, и туземные торгаши совсем его уступили евреям. Теперь ряды этого рынка названы еврейскими. Следовательно Петербург и Москва уже евреями забраны; биржи этих столиц открыто уже настраиваются по еврейскому камертону...».

Хотя кагалы были российским правительством запрещены ещё в начале 40-х, однако евреи продолжали жить и действовать обособленной диаспорой, организовано и по своим законам.

С целью проведения большой реформы в деревне, отмены крепостного права в 1857 году Александр II образовал Секретный комитет по

крестьянскому вопросу, а в 1858 — аналогичные комитеты в регионах: Губернские комитеты. К этому времени вышла интересная работа Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885 гг.) под названием «Записки об освобождении крестьян России», которая, несмотря на различные перипетии судьбы автора и его работы, легла в конечном итоге в основу Крестьянской реформы. Не стоит забывать, что большую предварительную работу для этого провёл его предшественник Николай I, о чём «почему-то» в большинстве случаев умалчивают; мы это подробно рассматривали в предыдущей главе.

Известный историк Ключевский по этому поводу отмечал: «Крепостной вопрос не был разрешен, но благодаря законам Николая I разрешить его стало возможным юридически. Во-первых, из вопроса о частной собственности землевладельца он превратился в вопрос о выкупе земли для вольных крестьян; с почвы гражданского права вопрос перешел на почву права государственного; благодаря законодательству Николая следующее царствование могло дать крепостным личную свободу без выкупа. В этом законодательстве явлена мысль, что крепостной человек —не простая собственность частного лица, а прежде всего — подданный государства... Царствование Николая не достигло своих целей, но подготовило законодательством почву для их достижений».

В 1857 году император Александр II делает большой милостивый жест — существенно смягчает наказание самому знаменитому в мире революционеру — Михаилу Бакунину, который в России семь лет сидел в камере-одиночке, — из тюрьмы отправил М. Бакунина в ссылку в Сибирь. В Россию арестованного и осуждённого пожизненно Бакунина прислали ещё при Николае I немецкие власти в виду нежелания его содержать до конца его жизни. Это именно про М. Бакунина префект парижской полиции во время революции 1848 года Косидьер сказал знаменитую фразу: «В первый день революции это — клад, а на другой день его надо расстрелять». Если Маркс был первым террористом в Европе — как теоретик и журналист-подстрекатель, то на практике в то время первым был, бесспорно, М. Бакунин с его террористическим окультуренным лозунгом: «Страсть к разрушению есть в тоже время — творческая страсть». В главе, посвящённой Марксу, уже упоминалось о подвигах Бакунина в Чехии и Германии, а теперь после милости Александра II он в 1860 году сбежал из ссылки из Иркутска и через Японию и Америку в 1861 году приехал в Лондон к Марксу и Герцену, где вошёл в руководство местной революционной организации, а в 1862 году он уже вернулся в Россию, чтобы принять участие в восстании в Белоруссии и Польше.

После подавления восстания Бакунин в 1864–1867 гг. залечивает свои раны в Италии, где работает над своими революционными тео-

риями. В 1867 он уже в Швейцарии, в масонский ЦК «Лиги Мира», а в 1868 входит в руководство Интернационала и фактически отбирает его у надувающего щёки Маркса. После закрытия Интернационала Михаил Бакунин входит в руководство восстания в Испании в 1873 г., а в 1874 г. он уже руководит восстанием в Италии. И в 1876 в Берне его бунтарский дух от полученных телесных ран покидает нашу планету. Вот такого джинна выпустил на свободу на волне оттепели Александр II, и чем это обернулось для многих народов и стран.

В 1859 г. российский император отменил евреям запрет 1835 года брать в аренду или в управление населённые помещичьи земли, — «чтобы несколько расширить перед евреями ограниченное поле экономической деятельности». На самом деле это было очень рискованное, не просчитанное мероприятие, которое уже здорово аукнется через 20 лет защитными крестьянскими погромами в глубинке России. Кроме того, Александр разрешил евреям покупать земли в черте оседлости и в этом же 1859 г. отменил черту оседлости для некоторой категории евреев — для купцов первой гильдии, а с 1861 г. — и для второй гильдии и для евреев, окончивших университеты.

В этот период происходило бурное развитие еврейского сообщества в России и накопление ими крупных капиталов, Литман Фейгин и Евзель Гинцбург основали в 1859 г. крупнейший в России банкирский дом, процветали еврейские сахарозаводчики, торговцы и «факторы» — еврейские посредники-спекулянты. Крупнейшие еврейские бизнесмены строили железные дороги, например, Самуил Поляков построил шесть железнодорожных веток. А с развитием железных дорог намного активнее пошла торговля сахаром, зерном и особенно лесом.

В связи с этим возросла роль и портов. И в этот момент стоит напомнить историческое явление, отмеченное израильским историком Я. Рабиновичем: «С основанием Одессы многие корчмари оставили своё дело и переселились в новый город, где занялись мелочной торговлей. Заселение Одессы шло путём довольно необычным. Жажда наживы и свободной разгульной жизни привлекла сюда тысячи авантюристов». В 1859 г. евреи устроили в Одессе очередной греческий погром — бой с греками за доминирование в контрабанде и оптовой торговле, и здорово потеснили греков в этом деле. Забегая немного вперёд, следует добавить, что в 1871 году в Одессе евреи очередной раз напали на греков, и в результате кровавого трехдневного уличного боя окончательно вытеснили греков и захватили город, фактически ставший их столицей в России. Памятуя историю, можно с иронией заметить, что если евреи захватили самый знаменитый порт в самой Греции — Александрию в период расцвета Греции, то имели ли шансы греки в борьбе против евреев в России?..

В 1861 г. Александр II отменил запрет евреям брать на откуп отдельные доходы с имений и был отменён запрет занимать в армии должности унтер-офицеров и писарей. Но, вероятно, Александр II не успевал так быстро отменять запреты и давать вольности, как этого хотели евреи и другая прогрессивная общественность, потому что в этом же году произошли серьёзные студенческие волнения в Петербурге, в которых своим бунтарством выделились евреи Михаэлис, Утин и Ген. Этим пытались ещё более ускорить проведение либеральных реформ Александром II, по иронии судьбы считая, что эти реформы являются результатом проигрыша России в Крымской войне, и проявлением трусости и слабости российского монарха.

И Александр II спешит со своими либеральными реформами-послаблениями и в результате не дорабатывает как следует, крестьянскую реформу и — своим знаменитым «Манифестом» от 19 февраля 1861 года отменил крепостное право. Всё... — теперь казалось бы в России всё должно быть хорошо, и все должны быть довольны.

Но оказалось, что великий реформатор «забыл» о поляках, которые на протяжении 70 лет пытаются вернуть себе свободу. И поляки ему об этом напомнили крупнейшим в XIX веке восстанием в 1862–1863 гг. В этом восстании на стороне поляков приняли участие различным образом революционеры многих стран от Маркса и Энгельса до Бакунина. Но еврейское общество в России, как мы уже ранее отмечали признание Менделя, выступило на стороне российских властей.

Александр II решает не давать свободу полякам и восстание пытается потопить в крови. Российские войска долго не могут справиться с восставшими, так как восстание возглавляет профессиональный русский офицер, по национальности поляк — Ярослав Домбровский (1836–1871 гг.), который после окончания кадетского корпуса в Санкт-Петербурге 4 года воевал на Кавказе с горцами и был награждён за это боевыми наградами. Его друг и второй лидер восстания по национальности белорус Валерий Врублевский(1836–1908 гг.) также получил высшее образование в Санкт-Петербурге. Руководителей этого восстания российские власти так и не арестовали, они после поражения восстания были генералами Парижской коммуны 1871 года.

После этого восстания, несмотря на все либеральные реформы, Александр II получил стойкое прозвище «кровопийца» и уже свои новоиспечённые революционеры-террористы стали готовиться к его убийству. Кстати, такое прозвище не получал даже Николай II. Александр II к тому же после восстания отменил ряд уже дарованных им льгот.

Произошла довольно назидательная история: можно уверенно утверждать — лучше бы Александр II не начинал свои реформы и послабления, чем частично дал свободы и затем опять забрал. Теперь

же началась целая череда покушений на жизнь российского монарха. Середину 60-х годов XIX века, после польского восстания, можно назвать началом террористического, практического революционного движения в России. Кроме того, следует заметить, что, хотя реформу крестьянства император не отменил, но нажил в связи с этим больше врагов, чем благодарностей. Сработал известный девиз — «хотели как лучше, а получилось...».

Положительное в реформах того периода подчеркнул в своём исследовании М. Назаров: «Активность земств (земское самоуправление было введено с 1864 г.) дала поразительные плоды в области строительства и организации начальных школ, ремесленных училищ, гимназий, курсов сельских знаний, библиотек, больниц. Именно земства (задолго до большевиков) «создали в царской России такую грандиозную систему социальной медицины, подобной которой не существует нигде, — писал в эмиграции в 1926 г. бывший революционер П. Б. Струве» («Вождю Третьего Рима»).

А негативные последствия пояснил в своей книге («Над бездной») современный исследователь истории профессор И. Я. Фроянов: «Так называемая Великая реформа 19 февраля 1861 года обобрала крестьян. Осуществившаяся посредством насилия, она привела к сокращению количества земли, находящейся в руках крестьян. Надельная земля сократилась на 20% ... Стало быть, крестьяне потеряли пятую часть земли, бывшую прежде в их хозяйственном обороте. Вследствие роста сельского населения, произошедшего в послереформенный период, земельная теснота ещё больше увеличилась. Если в 1860 г. (по П. Н. Зырянову) численность сельского населения в 50 губерниях Европейской России равнялась 50,3 млн. человек, то к 1900 она достигла 86,1 млн. Соответственно изменилась и средняя величина душевного надела: с 4,8 дес. в 1860 г. до 2,6 дес. в 1900 г.

В этих условиях сохранение привилегированного помещичьего землевладения могло породить лишь одно: лютую ненависть крестьянской массы к дворянству... Резко возросли профессиональное нищенство и бродяжничество... Крестьяне хотя и наделялись землёй, но вынуждены были выкупать её в рассрочку». А условия выкупа для неграмотных крестьян чаще всего были настолько кабальные, что они фактически не могли расплатиться за неё до конца жизни, всю жизнь работали на оплату процентов. Реформа проводилась по принципу «чтобы и крестьян освободить и прибыль помещиков сохранить», поэтому стоимость выкупаемой земли была сильно завышена, чтобы деньги, вырученные помещиком от продажи крестьянину земельного надела и положенные им в банк, давали ему ежегодную прибыль по процентам, которая компенсировала бы ему утраченный с крестьянской семьи оброк. Реформа

не была скорректирована после внедрения её в жизнь. Это кабальное условие было отменено российскими властями только в 1906 г., только когда «клюнули» больно.

В некоторых местах в знак протеста против реформ и отмены крепостного права даже вспыхнули крестьянские восстания, например — Булыгинское, в Кондеевке, в Бездне, которые обнадёжили молодую поросль будущих революционеров, что если хорошенько поработать с крестьянством, то можно и совершить в России революцию. С этой надеждой и началось так называемое «хождение в народ» с бунтарской агитацией.

Введённые Александром II 20 ноября 1864 года новые судебные уставы законом «О губернских и уездных земских учреждениях», задуманные для того, чтобы крестьянские проблемы решались в судах более справедливо, не изменили кардинально положение крестьян. Более того, — реформа по либерализации судопроизводства, введение суда присяжных привело к тяжелым последствиям для России, и как это отчетливо показала абсурдная, нелепая и опасная по своим последствиям история суда над В. Засулич — способствовало разрастанию терроризма в России.

Оказалось, что и для евреев земельная реформа принесла немало неприятностей. Открепощение крестьян от земли и сделало их более свободными и динамичными, что осложняло для евреев задачу закабаления этого класса, по этому поводу историк Ю. Гессен отмечает:

«Общие социально-экономические перемены, происшедшие в связи с отменой крепостной зависимости крестьян... значительно ухудшили в тот переходный период материальное положение широких еврейских масс»; помещики «были вынуждены лично заняться своим хозяйством, в котором ранее видная роль принадлежала евреям как арендаторам и посредникам в многообразных торгово-промышленных делах» (С). Солженицын, опираясь на исследования другого еврейского исследователя И. Оршанского, отмечает: «...положение евреев в России «в настоящее время печальное», евреи «не без основания сожалеют» о «добром старом времени»... Ибо при крепостном праве имело место «необыкновенное развитие посредничества», ленивый помещик без еврея торгаша и фактора не мог сделать и шагу, и забитый крестьянин уже не мог обойтись без него: только через него продавал урожай, у него брал в займы».

Но это была первая реакция, вскоре евреи приладились к новым условиям и даже открылись определённые плюсы, которые особо отмечает Еврейская Энциклопедия:

«Лесная торговля представляет собой... одну из крупнейших отраслей еврейской торговли и одну из наиболее выдающихся по степени концентрации капитала... Начало усиленного роста еврейской торговли

относится к 60–70-м гг., когда в связи с ликвидацией крепостного права помещики выбросили на рынок массу имений и лесов». Но радостные для либералов фразы: «расширение товарооборота между...» или увеличение экспорта древесины» имеет иногда и другую — черную сторону, о которой в 1873 году с болью в сердце в журнале «Гражданин» отмечал Ф. М. Достоевский:

«Вот Россию безлесят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. Положительно можно сказать, что он идет за десятую долю цены, ибо — долго ли протянется предложение? Дети наши не успеют подрасти, как на рынке будет уже в десять раз меньше леса. Что же выйдет, — может быть гибель. А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса и что услышите? С одной стороны, государственная и национальная необходимость, а с другой — нарушение прав собственности, две идеи противоположные. Тотчас же явятся два лагеря, и неизвестно еще, к чему примкнет либеральное, всё решающее мнение... (О, — как это нам всё знакомо... — Р. К.)

Вон жиды становятся помещиками, — и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая же тут равноправность, если тут явный и талмудный Status in Statu прежде всего и на первом плане, если тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освободясь от помещиков, несомненно и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство и к гораздо худшим помещикам — к тем самым новым помещикам, которые уже высосали соки из западнорусского мужика, к тем самым, которые не только поместья и мужиков теперь закупают, но и мнение либеральное начали уже закупать и продолжают это весьма успешно. Почему это всё у нас?

Почему такая нерешимость и несогласие на всякое решение, на какое бы ни было даже решение (и заметьте: ведь это правда)? По-моему, вовсе не от бездарности нашей и не от неспособности нашей к делу, а от продолжающегося нашего незнания России, ее сути и особи, ее смысла и духа, несмотря на то, что, сравнительно, со времен Белинского и славянофилов у нас уже прошло теперь двадцать лет школы».

Славянофил Ф. М. Достоевский в этом и других вопросах противостоял не только западникам, либералам, и алчному еврейскому сообществу, но и бездарному Александру II, необоснованно спешившему со своими «спасительными», как он думал, реформами и попутавшему

приоритеты; и примеры этого противостояния мы ещё будем наблюдать далее.

Наблюдалось также и резкое усиление и другой тенденции — в 60-х годах 19-го века экспорт зерна из России был на 60% в руках евреев, но уже к началу 80-х годов, к моменту вспышки массовых погромов евреев русскими крестьянами, — в руках евреев было уже 100 % экспорта зерна. Откройте современный журнал «Эксперт» и гляньте на экспортеров зерна из России — удивительное повторение истории...

Несмотря на весь предыдущий горький исторический опыт Александр II в 1863 г. разрешил евреям производить водку и другие спиртные напитки (винокурение) на всей территории России. Вот это он сделал не из либеральных побуждений или сильной любви к евреям, а потому что как экономист, хозяйственник Александр II был никудышный, вследствие чего — до конца его правления бюджет России был сильно дефицитным, и внешние долги России опасно росли, поэтому он любыми, даже скользкими и вредными для общества способами пытался пополнить казну.

Если предыдущим императорам все опасные водочные «прелести» пытался объяснить Г. Державин, то Александру II пытался объяснить Ф. М. Достоевский: «"Гражданин"(журнал) уже сообщал раз, в особой статье, подробный бюджет теперешнего нашего кабака: возможности нет предположить, чтобы кабаки могли существовать лишь одним вином. Чем же, стало быть, они окупаются? Народным развратом, воровством, укрывательством, ростовщичеством, разбоем, разрушением семейства и стыдом народным — вот чем они окупаются!

Матери пьют, дети пьют, церкви пустеют, отцы разбойничают; бронзовую руку у Ивана Сусанина отпилили и в кабак снесли; а в кабак приняли! (как нам с 90-х 20-го века до боли знакомы эти охотники за металлом ради выпивки. — Р. К.) Спросите лишь одну медицину: какое может родиться поколение от таких пьяниц?

...Вот нам необходим бюджет великой державы, а потому очень, очень нужны деньги; спрашивается: кто же их будет выплачивать через эти пятнадцать лет, если настоящий порядок продолжится? Труд, промышленность? Ибо правильный бюджет окупается лишь трудом и промышленностью. Но какой же образуется труд при таких кабаках? Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе как основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии ее, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет, если дело продолжится, если сам народ не опомнится; а интеллигенция не поможет ему.

Если не опомнится, то весь, целиком, в самое малое время очутится в руках у всевозможных жидов, и уж тут никакая община его не спасет: будут лишь общесолидарные нищие, заложившиеся и закабалившиеся

всею общиной, а жиды и кулаки будут выплачивать за них бюджет. Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных им нищих рабов — вот картина! Жидки будут пить народную кровь и питаться развратом и унижением народным, но так как они будут платить в бюджет, то, стало быть, их же надо будет поддерживать...».

Либералы-западники ликовали, говорили об освобождении угнетенных евреев, что российский императора наконец-то берет пример с цивилизованной Европы. Славянофилы же не были в восторге и с февраля 1862 года со статьи «Следует ли дать евреям в России законодательные и административные права?» в газете «День» указывали на опасность несовместимости религиозных нравоучений. «Если же еврей не решается на это отречение (от Талмуда. — Р. К.)... — писал И. С. Аксаков. — Признавая истинным учение своего Талмуда, он должен действовать, он не может иначе действовать, как в духе своего учения, противоположного всем началам, которые легли в основу частного и общественного, и государственного быта в христианской земле».

После этой статьи, конечно же, был взрыв негодования прозападной либеральной прессы об отсутствия сочувствия к несчастным и угнетенным, и рассуждения о веротерпимости, тогда слово «толерантность» не употребляли.

В 1863 году Александр разрешил евреям открыть свои общественные организации в столице. И богатейшими евреями, лидерами еврейского сообщества Самуилом Поляковым, Горацием Гинцбургом и Ипполитом Вавельбергом были образованы «Общество распространения просвещения между евреями России» и «Общество ремесленного и земледельческого труда», которые, кроме социальной помощи евреям, были негласными представительствами «Всемирного Еврейского Альянса» в России. Эти же влиятельные в столице лица объявили сбор денежных средств для строительства Хоральной синагоги. А славянофилы продолжали заниматься просвещением в статье «Что такое «Еврей» относительно христианской цивилизации?» (8 августа 1864 г.). Александр II к ним не прислушивался и в 1865 г. снял запрет евреям нанимать в услугу русских, христиан — тот запрет, отмену которого безуспешно пыталась добиться от его отца еврейская община через английскую королеву Викторию.

Выше мы наблюдали длинную череду отмены запретов и льгот со стороны российского императора Александра II для евреев, однако интересно комментирует эти либеральные реформы современная Еврейская Энциклопедия: «При раскрепощении России был забыт еврейский народ, ограниченный в элементарных правах». Без комментариев...

Мы наблюдаем, как много сделал Александр II для евреев, хотя после восстания поляков и белорусов в 1863 году он в стране стал «затягивать

гайки» и даже в 1866 году закрыл знаменитый литературный журнал «Современник».

На фоне восстания в Польше и в западных губерниях империи в российском обществе поднялась симпатичная волна патриотизма: «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!» — панически и истерически комментировал в Лондоне в «Колоколе» желчный Герцен.

Фактически последним формальным ограничением для евреев оставалась черта оседлости для некоторых категорий еврейского населения, которую евреи давно не соблюдали.

В 1865 году Александр разрешил селиться по всей России евреям-ремесленникам (это касалось и типографских рабочих). Это давало возможность и другим евреям беспрепятственно пересекать черту оседлости, поскольку они с лёгкостью называли себя ремесленниками. При этом стоит учесть, как замечает Солженицын: «купцы переселялись с приказчиками, конторщиками, разными подручными (их семьями) и еврейской обслугой, ремесленники вместе с подмастерьями и учениками».

Александр II в своих реформах для еврейского народа шёл дальше и с 1865 г. разрешил приём евреев на должности военных врачей и занимать должности в министерствах просвещения и внутренних дел.

В 1867 году известный славянофил Иван Аксаков уже утверждал: «Не об эмансипации евреев следует толковать, а об эмансипации русских от евреев», фактически повторив в точности утверждение 20-летней давности Бруно Бауэра о необходимости эмансипации немцев. И. С. Аксаков обратил внимание на новую тенденцию — западники начали утверждать, «что евреи не только русские подданные, но просто русские, такие же, как и все мы русские, только «Моисеева закона». Эту тему в этот период отразил М. Е. Салтыков-Щедрин в своём произведении «Пропала совесть». То есть знакомая нам по дискуссиям в 21 веке идея, что евреи — это коренной народ России, стала внедряться в сознание русских уже тогда.

Кстати, в 1867 году Александр II принял ещё одно радикальное и спорное решение — продал США Аляску за 7 200 000 долларов.

«Военная реформа в том виде, в котором её взялся осуществлять масон Милютин, чуть вообще не развалила армию. Покатилась судебная, земская, просветительская реформы, сопровождающиеся разгулом хищничества и «приватизации». Обратите внимание и на продажу Аляски – это была самая «первая ласточка» добровольной отдачи своих территорий. Все последующие российские «реформаторы» будут делать тоже самое. Произошли первые попытки «расказачивания», прокатилась волна фактических гонений на Церковь с урезанием и ужиманием её прав, отторжением под разными предлогами собственности, повсе-

местное закрытие церковно-приходских школ», — отметил в своём исследовании Валерий Шамбаров («Нашествие чужих: заговор против империи», М., 2008 г.).

В 1868 году Александр II сделал подарок евреям, живущим в Польше, — аннулировал закон, запрещавший евреям Царства Польского селиться в России, то есть фактически черта оседлости была снята. И поехали тысячи евреев в Россию. Государство в государстве бурно развивалось не только экономически, но и культурно — в это время издавалось уже много еврейских газет и журналов: «ХаШахар», «Кол-мевассер», «ХаМаггид», Гакармель», «Гомелиц», «Рассвет», «Сион».

Теперь можно задать два любопытных логических и взаимосвязанных вопроса: «Теперь евреям в России жилось хорошо? Теперь-то евреи перестали сторониться других граждан и держаться особняком — «государством в государстве»? Ведь теперь евреям сняли так много запретов, у них есть свои банки, железные дороги и общественные организации, доминанта в торговле зерном, сахаром, лесом, и теперь русские могли быть у них в прислуге.

Да, жилось евреям в России (в этом гетто) — хорошо; даже такой озлобленный к российской власти ярый террорист, как Лев Дейч, вспоминая о своей жизни в 60-х XIX века, скромно отмечал: «В шестидесятых годах евреям в общем жилось в России не дурно... ни в ком из моих сверстников-евреев я не замечал выражения угнетённого состояния придавленности и отчуждённости», власть по отношению к евреям «не проводила строго некоторых существенных... ограничений в... правах» и «сквозь пальцы смотрела на... нарушения» (С).

После этого закономерно можно было надеяться на ответную реакцию евреев, на изменение их отношения к российскому обществу и государственной власти. «Хорошо помню то время, когда мои соплеменники считали грехом учиться русскому языку», — вспоминал свою жизнь в 60-х всё тот же Лев Дейч, после чего с бомбами он взялся «спасать русский народ от гнёта царизма»... Вот так. Всё оставалось по-прежнему. Почему? Есть два ответа на этот важный вопрос.

Исследуя этот период, Солженицын с удивлением обнаружил, что евреям в этот период жилось очень хорошо, что Александр II много хорошего сделал для евреев, но они его не хвалят и по-прежнему недовольны. А я, забегая немного вперёд, добавлю — мы в своём дальнейшем историческом исследовании столкнёмся с удивительным фактом из воспоминаний С. М. Дубнова — с радостным празднованием евреями в начале XX века дня гибели Александра Второго...

Солженицын в своём исследовании сравнивает положение евреев в Польше и затем в России: «Евреи не имели в Польше ни гражданства, ни права на недвижимое имущество, и вынужденно ограничивали свою

деятельность мелочной торговлей и шинкарством; а при переходе в Россию расширены границы оседлости евреев, они получили и гражданские права, и вступление в городское торговое состояние, право недвижимой собственности, право вступать в земледельческое состояние и право образования, включая университеты и академии». После этого Солженицын искренне удивляется, ставит закономерный вопрос и не даёт ответа...

Первый ответ прост — Солженицын сравнивает нынешнее положение евреев и прошлое (в Польше), а евреи сравнивали своё положение в России и своё настоящее положение в Европе, а там у них не было уже никаких ограничений и даже экономическая и политическая гегемония над другими. И они ожидали так же от Александра II — полного равноправия, и имели к нему претензии за неполноту освобождения.

Второй ответ неожиданно дал в то время один грамотный белорусский еврей по фамилии Я. Брафман (1825—1879), который не только пошёл на страшный грех и выучил русский язык, но рискнул по полной — отказался от религии своего народа и принял православие (в 1849 г.), как говорят евреи — стал выкрестом. И нет сомнений в том, что этот переход в православие был ложным, притворным перекрашиванием, преследующим какие-то цели, ибо Яков Брафман пошёл дальше, почти до невероятного — он додумался перевести на русский язык достаточно «секретный» для других народов Талмуд, вернее отрывки из него, и издать в этом варианте. В той мирной и благополучной жизни евреев в России это была весомая ложка дегтя.

Когда Александр II в 1858 году проезжал через Минск, то Я. Брафман умудрился передать ему записку по поводу евреев, после чего его пригласили в Петербург как специалиста по «еврейскому вопросу» для разъяснений.

Яков Брафман, знавший жизнь евреев «изнутри», написал две разоблачительные книги «Еврейские братства» и «Книга кагала», в которых утверждал, что упраздненные российскими властями в 1844 году еврейские кагалы продолжали существовать тайно, эффективно функционировали, продолжали по-прежнему руководить жизнью евреев; что еврейское общество — это один большой кагал — «государство в государстве», и на планетарном уровне им управляет «Всемирный Еврейский Альянс», подразделения которого созданы недавно в России.

Современный израильский историк Я. Рабинович в сердцах писал в 2006 году: «Яков Брафман — известный российский антисемит (еврей-выкрест). Неплохо осведомлённый в еврейской религии, культуре и традициях, Брафман использовал эти знания для клеветы на породивший его народ... Его многочисленные «Записки», «Комментарии»

и в особенности клеветническая книга «Книга кагала» служили много лет основным источником, откуда антисемитские идеологи черпали свои представления о евреях». Книги Я. Брафмана, озвученная им информация, произвели своеобразный взрыв в информационном поле, шок, переосмысление действительности, связанной с евреями. «Книга Кагала» во второй половине 19-го века издавалась четыре раза: 1869, 1875, 1882, 1888 гг.

Благодаря Брафману многие русские познакомились с Талмудом, и крепко задумались... Ибо оказалось, что Талмуд не просто религиозная книга, а как утверждает еврейский историк Ю. Гессен: «гражданско-политический кодекс, направляющий евреев против течения политического и нравственного развития христианских стран». Об этом часто говорили выдающиеся мыслители Европы, но никто особо на это не обращал внимания, или обращали — но не верили. А в этом случае россияне могли прочитать сами.

И что там есть? В 2001 году в России была издана книга американского исследователя еврейского феномена Дэвида Дюка «Еврейский вопрос глазами американца». Вот некоторые фрагменты еврейского Талмуда, выделенные Д. Дюком:

— «Если еврей испытывает искушение совершить зло, то он должен пойти в тот город, где его никто не знает, и совершить зло там» (Моэд Каттан 17а).

— «Евреи могут использовать ложь (увёртки) для того, чтобы перехитрить нееврея» (Баба Ками 113а).

— «То, что еврей получает воровством от кьютина (нееврея), он может сохранить» (Санхедрин 57а).

— «Если еврей найдёт вещь, потерянную язычником (нееврeем), её нет необходимости возвращать»

(Баба Мециа 24а и Баба Ками 113).

— «Неевреи находятся вне защиты закона, и Бог отдаёт их деньги Израилю» (Баба Ками 37а).

— «Все дети неевреев — животные» (Йевамот 98а).

— «Только евреи являются людьми, неевреи — это животные» (Баба Мециа 114а–114в).

— «Независимо от того, является ли это убийство кьютина (нееврея) кьютином, или израильтянина кьютином, они подвергаются суровому наказанию, но за убийство кьютина(нееврея) израильтянином, не предусмотрено никакого наказания» (Санхендрин 57а).

— «Если язычник (нееврей) ударит еврея, то нееврей должен быть убит. Убить еврея — это ударить Бога» (Санхедрин 58в).

— «Она, (Дева Мария) которая была потомком принцев и правителей, разыграла из себя шлюху с плотником» (Санхедрин 10а).

— «Даже лучшие из неевреев должны быть убиты» (Вавилонский Талмуд).

Священник Ипполит Лютостанский (1835—1915 гг.) в своей книге «Талмуд и евреи»), изданной в 1879 году (переиздана в 1902-1907гг.), объяснял: «В случае войны с гоями Талмуд повелевает:«Израильтяне должны мириться с язычниками на двух условиях: 1) чтобы гои сделались оборочниками и данниками евреев; 2) и чтобы по отречению от идолопоклонства, приняли семь Ноевых заповедей». Далее Талмуд объясняет: «Если гоимы не примут мир или же семи заповедей, то нужно продолжать с ними войну и убивать всех взрослых мужчин, отнять у них все деньги, детей, но не убивать ни детей, ни женщин, ибо сказано: «... кроме жен и детей» (Втор.20,14; «Гилхот Мелахим», л.10,гл.9). Также и учитель наш раввин Моисей заповедал нам принуждать всех из всего мира к принятию семи Ноевых заповедей, и убивать тех, которые не примут их» (Гихот Мелахим», 84)».

Можно только догадываться о состоянии русского человека, христианина, прочитавшего эти религиозные тезисы, которыми руководствовались живущие рядом евреи. Всё-таки религия — это основа основ. Этих цитат достаточно для понимания многого. Талмуд действует и сегодня, в XXI веке. Им пропитывают еврейских детей с малых лет. Талмуд даёт много объяснений событиям в России — и потрясающей нечеловеческой жестокости после 1917 г., и удивительным событиям после 1991 года. Для «смущённых» читателей стоит отметить, что приведены ещё не самые обидные для неевреев цитаты.

Перевод Талмуда и разъяснительная деятельность Брафмана имели сильное влияние на дальнейший ход событий, ибо российские власти уже иначе трактовали события и по-другому реагировали, и иллюзий уже почти не было. Тем более, что с 1869 г. генерал-губернаторы южных областей стали сигнализировать, что евреи в огромном количестве скупают земли и это необходимо им запретить. Понятно, что вырисовывалась очередная проблема, ибо было понятно, что евреи скупали земли не для того, чтобы их лично обрабатывать. «Туземцы» этих областей впервые столкнулись с евреями и приняли их радушно. Как утверждает Еврейская Энциклопедия: «Вообще на Юге России над евреями не тяготело общественное презрение, усердно культивировавшееся некогда в Польше». Поляки же, по утверждению В.С. Манделя, относились к евреям «всегда как к низшей расе» (весьма оригинально, — учитывая отношение евреев к другим нациям).

Князь Дондуков-Корсаков призвал императора наложить запрет евреям на аренду земли — и Александр II согласился, но затем и согласился с министром внутренних дел, который «не признал возможным провести немедленно законодательным путём меры, предлагаемые кн.

Дондуковым-Корсаковым». Тот же был ответ, когда с этой сигнальной инициативой вышел в 1869 году генерал-губернатор новороссийский Коцебу. А когда евреи дошли до благополучных казацких станиц, а казаки являлись основой российской армии, то управление области Войска Донского запретило евреям покупать и арендовать земли «в виду исключительного положения Донской области, казачье население которой обязано поголовно воинской повинностью. Это единственный и верный способ спасти хозяйство казаков и только что начинающие водворяться в области промыслы и торговлю от разорения» (С). Тогда казаки вырвались из когтей. Но через несколько десятков лет к ним приедет очень грамотный русскоговорящий кучерявый либеральный интеллигент в очках — Яков Свердлов (вспомните прекрасный портрет художника Е. А. Кацмана) и припомнит им их привилегированное положение, в живых останется немного. У Свердлова было всего два вышестоящих начальника — точно такой же еврейский интеллигент в очках — Лейба Бронштейн (Троцкий) и головастый внучек Израиля Бланка — В. Ленин.

Многие умные люди в России с тревогой наблюдали за развитием процессов, указанных в этой главе, и пытались в меру своих сил и возможностей им препятствовать, вели разъяснительную и просветительскую работу. С этими интересными выдающимися русскими людьми мы познакомимся в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Запад против Востока. Западники против славян. Славянофилы против западников

Давно существует ошибочное мнение, что противостояние славянофилов и западников возникло в России в 30-40-х годах 19-го века и это спор интеллектуалов, интеллигентов по поводу оценки прошлого и настоящего: кто виноват, что делать, о будущем России, российского общества и путях развития, кто друзья, а кто — враги и т.д. На самом деле это явление противостояния значительно более глубокое, более давнее и более масштабное, и просматривается по различным векторам. Один вектор выглядит так: выдающийся русский мыслитель Ф. Тютчев долго жил в Европе и внимательно наблюдал за умами европейцев, их элиты и пришел к таким выводам:

«Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противостоят одна другой, и может быть, завтра они вступят в борьбу». Ф. Тютчев фактически предсказал неизбежность войны между Западом и Россией, в частности Крымской войны, и для Запада нужен был только повод — и война могла начаться на любой окраине России, не обязательно в Крыму. Для Западной Европы, шире — для Запада, Западной цивилизации, мировоззрения, менталитета Россия — это всегда Восток и Славяне, и «давно» Ф. Тютчева просматривается глубоко: от противостояния дохристианской Руси с коварной Византией, от первых нападений крестоносцев на Россию, от нападения на Россию шведов, французов, немцев и даже итальянцев (сардинцев), и даже прозападных славян — поляков.

Ответьте на вопрос — когда Россия первая нападала на Запад: на Францию, на Швецию, Германию, на Италию, на Англию? Можно припомнить нападение России на своих славянских соседей — поляков

и на своих дальних родичей — венгров, в новой истории — на чехов, но это Запада не касается, это «разборки» в своём родственном кругу. Но давняя агрессивность и враждебность Запада против России как центра славянского мира, славянской цивилизации и мировоззрения очевидна и бесспорна, продолжается сегодня и ещё будет продолжаться очень долго — пока будет существовать суверенная Россия. На эту загадочную неприязнь обратил внимание Ф. М. Достоевский:

«Всё это намекает на долгую еще, может быть, и печальную нашу уединенность в европейской семье народов; на долгие еще в будущем ошибки европейцев в суждениях о России; на их видимую наклонность судить нас всегда к худшему и, может быть, объясняет и ту постоянную, всеобщую, основанную на каком-то сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении враждебность к нам Европы; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами и — вечный, известный, давнишний приговор ее о нас: что мы вовсе не европейцы... Мы, разумеется, обижаемся и изо всех сил таращимся доказать, что мы европейцы...»

Второй вектор: а кто боролся со славянской ведической религией, со славянскими обрядами и священниками: волхвами и кудесниками, со славянскими праздниками и даже со славянской одеждой, символикой и орнаментом? — Христианство, как сугубо западное явление. Казалось бы, сегодня этот вектор не очень актуален, поскольку пришедшее в Россию «огнем и мечом» христианство за многие века обрусилось, ославянилось и стало православным, стало нашим. Но христианский Запад в лице якобы «братьев» по христианству, в лице католиков и протестантов не демонстрирует почему-то братских чувств к России и её народам, а совсем обратные агрессивные, — чему опять же свидетельствуют, бесспорно, многочисленные нападения-войны.

Третий вектор внутри России: а кто насильственно срывал национальные славянские одежды, прически, запрещал народные обряды и т.п. — Петр Первый, который якобы для некоторых «великий». Именно с этого преклоняющегося фанатично перед Западом царя начался третий вектор и тенденция к большой трагедии России 1917 г., и засилье иностранцев в России, приведшее, как мы наблюдали в предыдущей, второй книге, к многим трагедиям в истории России.

А в этом векторе боровшийся упорно с иностранцами и отчаянно возрождавший (в России!) русский язык и русскую словесность М. Ломоносов не был разве славянофилом? — Бесспорно, — и ещё каким! А великая тройка выдающихся русских мыслителей и сподвижников: Шишков, Державин и Карамзин, вернувших в отчаянной борьбе и трудах русский язык и словесность в начале 19 века в высшие и средние слои российского общества — разве не были славянофилами? — Конечно

были, и ещё какими! А наводнившие при Екатерине «великой» Россию масоны были славянофилы или западники?

Это вопрос не может не вызвать улыбку, потому что, конечно, и бесспорно, масонство — это западное явление и масоны являются по своему мировоззрению западниками, причем очень агрессивными западниками, что мы и наблюдали в истории. А борцы с масонами: Ростопчин, Аракчеев, тот же Шишков, Карамзин, митрополит Серафим и Фотий и много других, включая императоров Александра I и Николая I — разве они не были славянофилами? — Конечно, были.

А. С. Пушкин был уникальным явлением в русской истории, подарком Бога России, явлением и появлением дополнительного национального мощного русского, славянского центра, фактора, дополнительного плацдарма. Трудно так точно высказаться о А. Пушкине, как это сделал Ф. М. Достоевский: «Бесспорных гениев, с бесспорным "новым словом" во всей литературе нашей было всего только три: Ломоносов, Пушкин и частию Гоголь. Вся же плеяда эта (и автор "Анны Карениной" в том числе) вышла прямо из Пушкина, одного из величайших русских людей, но далеко еще не понятого и не растолкованного.

В Пушкине две главные мысли — и обе заключают в себе прообраз всего будущего назначения и всей будущей цели России, а стало быть, и всей будущей судьбы нашей. Первая мысль — всемирность России, ее отзывчивость и действительное, бесспорное и глубочайшее родство ее гения с гениями всех времен и народов мира. Мысль эта выражена Пушкиным не как одно только указание, учение или теория, не как мечтание или пророчество, но исполнена им на деле, заключена вековечно в гениальных созданиях его и доказана ими...

Другая мысль Пушкина — это поворот его к народу и упование единственно на силу его, завет того, что лишь в народе и в одном только народе обретем мы всецело весь наш русский гений и сознание назначения его. И это, опять-таки, Пушкин не только указал, но и совершил первый, на деле. С него только начался у нас настоящий сознательный поворот к народу, немыслимый еще до него с самой реформы Петра. Вся теперешняя плеяда наша работала лишь по его указаниям, нового после Пушкина ничего не сказала. Все зачатки ее были в нем, указаны им. Да к тому же она разработала лишь самую малую часть им указанного. Но зато то, что они сделали, разработано ими с таким богатством сил, с такою глубиною и отчетливостью, что Пушкин, конечно, признал бы их...

Он первый (именно первый, а до него никто) дал нам художественные типы красоты русской, вышедшей прямо из духа русского, обретавшейся в народной правде, в почве нашей, и им в ней отысканные. Свидетельствуют о том типы Татьяны, женщины совершенно русской, уберегшей себя от наносной лжи, типы исторические, как, например,

Инок и другие в "Борисе Годунове", типы бытовые, как в "Капитанской дочке" и во множестве других образов, мелькающих в его стихотворениях, в рассказах, в записках, даже в "Истории Пугачевского бунта".

Главное же, что надо особенно подчеркнуть, — это то, что все эти типы положительной красоты человека русского и души его взяты всецело из народного духа. Тут уже надобно говорить всю правду: не в нынешней нашей цивилизации, не в "европейском" так называемом образовании (которого у нас, к слову сказать, никогда и не было), не в уродливостях внешне усвоенных европейских идей и форм указал Пушкин эту красоту, а единственно в народном духе нашел ее, и только в нем. Таким образом, повторяю, обозначив болезнь, дал и великую надежду: "Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены". Вникнув в Пушкина, не сделать такого вывода невозможно».

Это первыми прекрасно поняли внимательные масоны и поэтому так упорно всеми силами старались его уничтожить, и поэтому погубили этого великого русского человека. Не мог западник писать такие сказки и создавать такие образы. Разве А. С. Пушкин не был славянофилом? — Дай Бог каждому русскому человеку хотя бы наполовину быть таким славянофилом — каковым был Александр Сергеевич Пушкин. А убийцы А. Пушкина: Нессельроде, Бенкендорф и оба Геккерны — были славянофилами? — И только горькая улыбка...

После 1917 г. Н. Бердяев, оглядываясь на историю России, отметил: «Славянофильскому самосознанию предшествовало явление Пушкина — русского национального гения... Через Пушкина, после Пушкина могло лишь начаться идеологическое самосознание. Это хорошо понял Достоевский».

А разве великий Николай Гоголь не был славянофилом? Не вникая в его творчество, могу отметить — только фанатичный западник-либерал и писатель-неудачник В. Белинский мог о своём идеологическом сопернике славянофиле Н. Гоголе написать совершенно по-хамски: «проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов». И о православии: «Положим, Вы не знаете, что католическое духовенство было чем-то, между тем как православное духовенство никогда, ничем и нигде не было...», или — Белинский: «Страшно подумать о Гоголе: ведь во всем, что он писал — одна натура, как в животном. Невежество абсолютное. Что наблевал о Париже-то».

Несмотря на это, мы в 21 веке читаем: «Фигура В. Г. Белинского, прожившего недолгую жизнь и в самом деле замечательна как для того периода, так и для русской культуры вообще. Белинский верил в буржуазное будущее Отечества», — написала группа «ученых» во главе с В. И. Коровиным в 2005 году в учебнике по литературе для наших

старшеклассников, как видим — удачно приобщив Белинского к новым капиталистическим российским реалиям, и ни одного слова критики в адрес «безгрешного» «героя», которого его современники называли — «неистовым». Как будто — не появись Белинский, — и после Пушкина, Лермонтова и Гоголя не было бы в России — Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Лескова, Достоевского, Толстого, Чехова...

«Белинский указал путь, по которому должна идти литература», — внушает нашим школьникам и студентам западник В. И. Коровин и огромное количество его единомышленников составляющих учебники, и получается кошмарный абсурд — Белинский указал Тургеневу, Лескову, Толстому, Достоевскому, Чехову, что писать и в каком направлении... Когда-нибудь возобладает здравомыслие в России? Хотя бы к середине 21 века? Надеюсь, — Ложь всё-таки имеет какие-то пределы и своё время жизни и смерти.

Противостояние западников и славянофилов в 19-ом веке — это только локальный случай, фрагмент в большой картине давнего противостояния. И выдающиеся русские мыслители Хомяков, Аксаков, братья Киреевские и многие другие их современники были точно не первыми в истории России славянофилами и не последними. А сегодня, в 21 веке, в России нет настоящих славянофилов? И нет жесткого противостояния западников и славянофилов? — Есть, и ещё какое!

Разве Немцов, Гозман, Хакамада, Гайдар, Чубайс, Новодворская, Ерофеев, Аксёнов, Швыдкой, Соловьёв, Сванидзе и много им подобных по мировоззрению и идеологии являются славянофилами? Ведь даже сам этот вопрос — смешной... А 90% русского народа — славянофилы!

Раз мы уж разбираемся в вопросе: кто является славянофилом и кто — западником, то должны хотя бы формально поставить ещё один юморной вопрос — а евреи являются славянофилами, или — западниками? Мы видим — против славянофилов собралась огромная силища, но это ещё не является гарантией окончательной победы западников...

Славянофил, патриот, роднолюб — это неразрывные понятия. Были и есть, конечно же, и среди западников патриоты России, в основном из заблудшего среднего слоя общества и из полуобразованных или совершенно неграмотных и обманутых. Даже А. Герцен, говоря о славянофилах, пытался приписать себя к патриотам России: «И мы, как Янус (двуликий) или двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как сердце билось одно». Это можно было предположить, — если бы его голова и сознание сидели в теле России, а не далеко от неё в теле вражеской Англии, где его и похоронили в 1870 году.

В конце своей жизни большой либерал А. Герцен после долгих умственных скитаний и мытарств пришел к очень интересной мысли-выводу, который он заповедал своим последователям-либералам-по-

томкам: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» (письмо М. Бакунину, 1869 г.). Учитывая интеллектуальную и нравственную структуру любого общества и пропорциональное соотношение в нем дураков и умных, полуумных и полудураков, неграмотных и образованных, сознательных и несознательных, праведников и преступников — то из этого вытекают глубокие и важные выводы. Дело в том, что внутренняя свобода возникает только в результате совершенства человека, его интеллекта и сознания, в результате упорной внутренней поисковой работы, работы над собой, а это совсем небольшая группа граждан в любом обществе.

Далее подробнее рассмотрим противостояние славянофилов западникам в середине 19 века в России. Эта история интересна и поучительна. Историки считают, что появление славянофилов в России в лице Хомякова и его соратников было ответом на вызывающее, невежественное и хамское поведение В. Белинского и на главную идею западника П. Чаадаева в его «Философском письме» (1836 г.) о русском народе: «Ни одна великая истина не вышла из нашей среды... В крови у нас есть что-то такое, что отвергает всякий настоящий прогресс».

Мы наблюдаем опять старую схему: западники нападают, оскорбляют, издеваются, а славянофилам приходится защищаться. В данном случае было бы великой трагедией, если бы в России никто Белинскому и Чаадаеву не ответил, не возмутился бы аргументировано, не защитил бы от поругания свой народ; — это и в самом деле говорило бы о деградации, невежестве и недоразвитии, об отсутствии интеллектуального иммунитета в обществе, о его гнилости.

Поэт и один из первых в России философов А. С. Хомяков ответил западникам статьёй «О старом и новом», в которой «новым людям» напомнил о ценности народных традиций и традиций православия, о соборном сознании, свободном от «барыша» и «своекорыстия» и т.п.

После этого в «окопе» А. Хомякова появилась целая плеяда выдающихся русских мыслителей: братья И. В. и П. В. Киреевские, браться К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин и много других, с которыми познакомимся в этой главе. Даже западник А. Герцен признал их ценность и заслуги:

«Киреевские, Хомяков, Аксаков сделали своё дело... Они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром, и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб скакал по нивам и давил, то они остановили увлечённое общественное мнение и заставили задуматься всех серьёзных людей. С них начался перелом русской мысли».

Это признание особенно ценно, ибо сам А. Герцен и его друзья — Белинский и Огарев сидели рядом с Бироном и продолжали давить русские нивы.

Выдающийся русский мыслитель Ю. Самарин вопреки пропаганде либералов стал объяснять по-своему итоговый вывод А. Герцена, — Ю. Самарин: «Если нет свободы духовной, не может быть и речи ни о свободе гражданской, ни о свободе политической, ибо и та и другая предполагают первую: сам человек не в силах выйти из-под гнёта вещественной необходимости».

Интересно, что многие славянофилы 19 века пришли к славянофильскому мировоззрению после того, как внимательно изучили большие интеллектуальные наработки Западной Европы, их достижения; они пришли в славянофильство с Запада, вернее — вернулись домой с Запада. Это был иной вид философов-мудрецов в отличие от предыдущих — Посошкова, «русского Сократа» — Г. Сковороды или Сергия Радонежского и Серафима Саровского.

Стоит отметить особенность этого периода истории России, — если в области литературы русские мыслители в начале 19-го века в короткий срок в лице Пушкина, Гоголя, Лермонтова и Тютчева догнали Европу, достигли мирового уровня, то в философии дела были намного хуже — в России к этому периоду и в этот период просто не было своей национальной философии и своих русских философов такого уровня как на Западе: Спиноза, Юм, Декарт, Фихте, Гете, Шеллинг, Гегель и т.п.

В то время, когда в Европе за 18 столетий от рождества Христова фактически завершился определённый процесс развития философии, зародилась наука психология, а Оуэн, Фурье, Сен-Симон, Лист, Огюст Конт и Карл Маркс начали разрабатывать социологию и политэкономию — в России только стартовала национальная философия как таковая.

Далее кратко познакомлю только с некоторыми выдающимися славянофилами, чтобы у читателя было хотя бы базовое понимание.

А. Хомяков и И. Киреевский

Уровень мышления русского общества к 30-м годам 19-го века достиг уже такого развития, таких высот, в том числе и благодаря выдающимся мыслителям-литераторам, что было уже многое «по плечу». Поэтому многие молодые люди в России стали жадно, быстро постигать глубины философии методом коллективного мышления-анализа-обсуждения в созданных специально для этой цели кружках и обществах — в «Обществе любомудров» (1822—1825 г.), кружке Станкевича(1832—1839 г.), кружке Герцена (1842—1847 г.), в кружке Петрашевского(1844—1849 г.).

И. Киреевский рассказывал: «нет юноши, который не рассуждал бы о Гегеле, нет почти книги, нет журнальной статьи, где незаметно было бы влияние немецкого мышления».

Фактически за очень краткий период — примерно за 20 лет к середине 19-го века русскими интеллектуалами была переварена, проанализирована основная часть философского наследия западных философов, и с 1856 года в журнале «Русская беседа» начинают убедительно звучать интересные мысли первых русских философов А. С. Хомякова и И. В. Киреевского.

Алексей Степанович Хомяков (1804—1856 г.) родился в Москве, увлекался немецкими философами, особенно Шеллингом, внимательно читал исследования Куно Фишера. Чтобы верно сформировать наше мнение о нём, познакомимся с несколькими высказываниями этого мыслителя:

— «Тождество мысли и вещества приводит к старому зданию гениального жида Спинозы».

— «Декарт ошибается — у него substantia не клеится со знанием. Частное с общим не мирится».

— «Без сомнения, материализм, так же как и чистый рационализм, есть учение противное нравственности...»

— «Кант говорил, что мы вещи в ней самой знать не можем. Гегель говорил, что вещь в себе самой вовсе не существует, а существует только в понятии... Подумаешь, что перед мыслью Фихте носилась бессознательно возможность объяснить отношение мысли к явлению на манер индийских...».

В общем, картина ясна, мы видим в лице Алексея Хомякова этап, на котором русские мыслители интенсивно и критически изучают философию Запада. Для своего времени Хомяков был неординарным человеком — непривычно для окружающих он очень расковано, свободно рассуждал о проблемах веры и церкви, о её устройстве и предлагал нововведения. Алексей Хомяков потратил много трудов для изучения Нового Завета, он усердно пытался понять философию Иисуса Христа и многое правильно понял, верно критиковал западные — протестантизм и католичество. Что-то новое для европейской философии в его поисках найти невозможно, но ценность русской самобытности и ущербность для нравственности прогрессирующих на Западе процессов, как можно убедиться из ответа Чаадаеву, он понял отчетливо.

Ещё интереснее был путь к славянофильству друга и соратника Алексея Хомякова — Ивана Васильевича Киреевского (1806—1856 г). В Германии И. Киреевский слушал лекции Шеллинга и Шлеймахера, и лично в 1830 году беседовал с Гегелем. Опыт И. Киреевского любопытен — ведь он вначале был убежденным западником и даже в 1829 году стал издавать просветительский журнал «Европеец». И название его первых работ «О необходимости и возможности новых начал для философии» было не случайным, ибо он считал философию Гегеля не

законченной, а только началом и приводил в подтверждение слова самого Гегеля: «Только теперь, — писал Гегель в 1802 году, указывая на систему Шеллинга, — теперь только может начаться собственно философия разума; ибо цикл рассудочного развития окончился системой Фихте».

И. Киреевский с сожалением отмечал, что после революции 1848 года отношение к философии в Европе резко изменилось, все заняты политикой и «сочинений философских почти не выходит». Осуждая заболевание Европы социализмом, марксизмом, Киреевский делает анализ философии Гегеля и пытается продолжить мировую философию, — снимая ошибки Гегеля, пытаясь дополнить его. Он правильно понимал ущербность и односторонность философии Гегеля в её оторванном рационализме:

«Все сложные выводы рационального мышления зависят только от его притязаний на высшее и полное познание истины. Если бы оно осознало свою ограниченность и видело в себе одно из орудий, которыми познаётся истина, а не единственное орудие познавания...». Это интересный момент — выход русской философии в лице Киреевского на мировой уровень. В принципе — это то, что пытались понять феноменологи-интуитивисты в Европе перед Второй мировой войной, такие как Рудольф Штайнер, Эдмунд Гуссерль, Макс Шелер и др., — Иван Киреевский сделал попытку решить подобную задачу уже в сороковых годах прошлого столетия.

Когда И. Киреевский женился на очень образованной и религиозной девушке, она ему показала, что всё, что он с таким восторгом открывает себе в Европе, уже давно «открыто» русскими старцами. Изумленный И. Киреевский стал читать русских православных старцев, пошёл в 1842 году к старцам Оптиной Пустыни, где его духовным учителем стал знаменитый старец — отец Макарий. И произошло мировоззренческое преобразование, прогресс, И. Киреевского, он стал националистом, то есть — славянофилом. И, вспомнив слова Гоголя об ущербности односторонности, сам написал: «Для цельности истины, — нужна цельность разума», и стал рассуждать о «искажающих влияниях постороннего просвещения...».

Теперь философия И. Киреевского зазвучала по-другому, намного глубже: «Она(философия) общий итог и общее основание всех наук и проводник мысли между ними и верою. Где есть вера и нет развития разумной образованности, там и философии быть не может». Показав логическую связь философии с верой, с религией, — Киреевский с этой стороны пытается найти выход, продолжение философии. Следите за его интересной логикой:

«В церкви православной отношение между разумом и верою совершенно отлично от Церкви римской и от протестантских исповеданий.

Это отличие заключается, между прочим, в том, что в православной Церкви божественное откровение и чистое мышление не смешиваются; пределы между божественным и человеческим не преступаются ни наукою, ни учением Церкви... Границы стоят твёрдо и нерушимо. Никакой патриархат, никакое собрание епископов, никакое глубокомысленное соображение учёного, никакая власть... не могут прибавить нового догмата, ни изменить прежний...»

Для многих мыслителей всё перечисленное Киреевским является большим, даже главным минусом православной церкви, так как именно это делает церковь ортодоксальной. И. Киреевский же оригинально находит здесь один большой плюс:

«Но в том-то и заключается главное отличие православного мышления, что оно ищет не отдельные понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня — стремится самый источник разрушения, самый источник мышления возвысить до чувственного согласия с верою». Многим это ещё не понятно, но будьте предельно внимательны, вникая в дальнейшую логику Киреевского, у него начинают звучать интереснейшие мысли:

«Первое условие для такого возвышения разума заключается в том, чтобы он стремился собрать в одну неделимую цельность все свои отдельные силы, которые в обыкновенном положении человека находятся в состоянии разрозненности и противоречия, чтобы он не признавал своей отвлечённой логической способности за единственный орган разрушения истины... (можно добавить: истины — целостной как таковой. – Р. К.).

Внутреннее сознание, что есть в глубине души живое общее сосредоточие для всех отдельных сил разума, сокрытое от обыкновенного состояния духа человеческого, но достигаемое для ищущего и одно достойное постигать высшую истину, — такое сознание постоянно возвышает самый образ мышления человека; смиряя его рассудочное самомнение... Ибо православно верующий знает, что для цельной истины нужна цельность разума, и искание этой цельности составляет постоянную задачу его мышления». Понятно, что ликвидация разброда и разброса энергий, как то: наличие сомнений, противоречивых желаний, различные отвлечения и увлечения внимания разума, — приводит к накоплению и концентрации энергии со всеми вытекающими последствиями. Но разве не это пытались объяснить и показать все великие мыслители человечества: великие язычники, Иисус Христос, великие христианские мыслители, великие суфии, великие хасиды, великие буддисты? Этой же целостности и концентрации требовал латиноамериканский мудрец Дон Хуан Матус (Кастанеды)...

Может, это немного скучно и я слишком много цитирую И. Киреевского, но надеюсь, — преодолевая трудности понимания, какой-нибудь

молодой читатель сделает с усилием шаг вперед и немного поднимется выше в своём развитии. Это, конечно, — труднее, тяжелее чем орать на улицах простые лозунги и дурить неграмотных пролетариев, но поверьте — это стоит этого труда.

Бесспорно, Иван Киреевский — философ мировой величины! Что сделал Киреевский? — он продолжил философию Гегеля и закрыл её в национальном характере, использовав православный исихазм. Точно такую же попытку продолжить философию и таким же способом предпринял в наши дни, в девяностые годы нашего столетия, наш ведущий философовед — С. С. Хоружий.

В принципе продолжить философию Киреевского и его великих предшественников нельзя, то есть её невозможно объяснить-продолжить на бумаге или на пальцах, её можно только продолжить-прожить, пережить. Любое продолжение — это философия жизни и жизнью. Ведь исихазм — это уже мистика, это мистическая практика и правда.

Таким образом, русская философия, благодаря Ивану Киреевскому, с первой же попытки достигла максимума в философии индивидуума, с первой попытки, сразу на старте, она закончила философию индивидуума. Киреевский был уверен, что, достигнув в жизни глубин мистической философии, человек способен понять многое и очень многое; человек при этом входит в стадию как бы сверхчеловека, человека максимально совершенного — вникните в слова Киреевского:

«Находясь на этой высшей степени мышления, православный верующий легко и безвредно может понять все системы мышления, исходящие из низших степеней разума, и видеть их ограниченность и вместе относительную истинность... Но покуда он верит сердцем, для него логическое рассуждение безопасно.... Но для мышления, находящегося на низшей ступени, высшая непонятна и представляется неразумием. Таков закон человеческого ума вообще». Слава этому великому русскому мыслителю!!!

Что там осталось неисследованного русскими к середине 19-го века из западной мудрости? Ф. М. Достоевский, рассуждая о славянофилах и «европейцах» — западниках, подчеркнул огромную историческую и идеологическую роль славянофилов в российском обществе:

«Это был хоть и русский, но уже и "европейский" русский, только начавший свой европеизм не с просвещения, а с разврата, как и многие, чрезвычайно многие начинали. Да-с, этот разврат не раз принимался у нас за самый верный способ переделать русских людей в европейцев. Ведь сын такого фельдъегеря будет, может быть, профессором, то есть патентованным уж европейцем. Итак, не говорите о понимании ими сути народной.

Нужно было Пушкина, Хомяковых, Самариных, Аксаковых, чтоб начать толковать о настоящей сути народной. (До них хоть и толковали об

ней, но как-то классически и театрально.) И когда они начали толковать об "народной правде", все смотрели на них как на эпилептиков и идиотов, имеющих в идеале — "есть редьку и писать донесения". Да, донесения! Они до того всех удивили на первых порах своим появлением и своими мнениями, что либералы начали даже сомневаться: не хотят ли де они писать на них донесения? Решите сами: далеко или нет от этого глупенького взгляда на славянофилов ушли многие современные либералы?»

В этот период истории России над темами, над которыми не успели задуматься первые русские философы, задумались наши писатели, литераторы-философы. Один из самых выдающихся из них — М. Е. Салтыков-Щедрин (1826—1889).

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

У М. Е. Салтыкова-Щедрина критический взгляд на действительность, на жизнь по своей остроте был точно не хуже чем у Белинского или Герцена, но его угол зрения оказался совершенно другим, он обратил внимание на совсем другое. И, несмотря на то, что власть молодого Салтыкова-Щедрина вроде обидела, — за повести «Противоречия» и «Запутанное дело» в 1848 году 22-летнего писателя отправили в ссылку в Вятку, но он не додумался, в отличие от Герцена и Огарева, с проклятиями покинуть Россию и её издалека хулить, а даже дослужился до должности вице-губернатора.

Вспомните вторую часть предыдущей главы, когда мы рассматривали отмену российским императором многих ограничений евреям, бурное развитие еврейского общества в России и связанные с этим тенденции, в том числе и негативные, вспомните «недоразумения» и «трения» еврейского сообщества с российскими властями, — тогда поймете: почему этой тематике уделил внимание Салтыков-Щедрин, о чём хотел предупредить и уберечь в повести «Пропала совесть».

Евреи уже около 40 лет жили в русских городах и стали обычным и неотъемлемым элементом его нового пейзажа, привычной частью его нового колорита. В обществе сложился даже некий стереотип еврейской семьи — интеллигентной, обеспеченной и тихой, живущей в полном согласии с местными властями. О чужеродцах и пришельцах было уже не принято говорить — ведь уже рождалось и подрастало на русской земле новое поколение евреев с русскими фамилиями. Это были уже свои евреи, наши евреи. Вот как эту идиллию, обычную бытовую картину середины XIX века, описывал наш великий мыслитель М. Е. Салтыков-Щедрин:

«Самуил Давыдович Бжоцкий сидел за обеденным столом, окруженный всем своим семейством. Подле него помещался десятилетний сын Рувим Самуилович и совершал в уме банкирские операции.

— А сто, папаса, если я этот золотой, который ты мне подарил, буду отдавать в рост под двадцать процентов в месяц, сколько к концу года у меня денег будет? — спрашивал он.

— А какой процент: простой или слозный? — спросил в свою очередь Самуил Давыдович.

— Разумеется, папаса, слозный!

— Если слозный и с уцелением дробей, то будет сорок пять рублей и семьдесят девять копеек!

— Так я, папаса, отдам!

— Отдай, мой друг, только надо благонадёзный залог брать!»

А вот как описал Михаил Евграфович стереотип отношений с властями:

«Самуил Давыдович вспомнил, что он давно обещал сделать какое-нибудь пожертвование в некоторое благотворительное учреждение, состоящее в ведении одного знакомого ему генерала, но дело это почему-то изо дня в день всё откладывалось. Задумано — сделано.

— Зелаю, васе превосходительство, позертвование сделать! — сказал он, кладя на стол пакет перед обрадованным генералом.

— Чтож-с! Это похвально! — ответил генерал, — я всегда это знал, что вы... как еврей — и по закону Давидову...

Генерал запутался, ибо не знал наверное, точно ли Давид издавал законы или кто другой.

— Тоцно так-с; только какие зе мы евреи, васе превосходительство! — заспешил Самуил Давидович, уже совсем облегчённый, — только с виду мы евреи, а в дусе совсем — русские!

— Благодарю! — сказал генерал, — об одном только сожалею... как христианин... от чего бы вам, например?

— Васе превосходительство, ...мы только с виду... поверти цести, только с виду...»

Как видим, — Салтыков-Щедрин, как А. Пушкин и Гоголь, обратил внимание на опасность развивающейся тенденции культа «золотого тельца», корысти, обогащения любыми способами, даже в ущерб нравственности.

Стоит ли здесь судить и винить в чём-то Самуила Давыдовича? — Конечно, нет! Он поступал как патриот своей семьи и хотел как лучше... Здесь скорее можно винить жадного и безнравственного генерала, который также хотел как лучше... — для себя, и следующий раз он также поступит в ущерб интересов государства и всего народа. То есть здесь евреи, как многие богатые люди, выступают катализатором, активатором, ускорителем и усугубителем того негативного, что имеется в людях и в обществе. И в этом можно усмотреть конкретную опасность. Сегодня, в 21 веке, при тотальной коррупции в финале этого процесса в России — эта тема необычайно актуальна.

Через 130 лет эту же гениальную тактику «пожертвований» применит уже не Бжоцкий, а известный всем профессор математики Борис Абрамович Березовский, который тоже прекрасно умел считать деньги, и так же только был с виду, а в дусе... — и достигнет просто потрясающих результатов.

Духовность и нравственность — это иммунитет общества и государства, а в современной России эти качества упали ниже всякого критического уровня, что естественно и закономерно обеспечивает тяжёлые болезни — развал государства и разложение общества, и всё это неизбежно ведёт к потере независимости народа и суверенитета. Можно считать, что примерно с середины XX века взяточничество чиновников, то есть их предательство закона и народа таким образом стали страшнейшей болезнью российского общества, и эта «болезнь» разлагает современное российское общество с огромной силой.

По поводу пожертвований когда-то известный историк и философ Макс Гендель заметил: «Евреи больше руководствуются качеством хитрости... Расовое чувство в них настолько сильно, что они различают только два класса людей — евреи и гои. Они презирают другие нации и, в свою очередь, презираются ими за свою хитрость, корыстолюбие и жадность. Не отрицается, что они жертвуют на благотворительность, но и это в основном, если не исключительно, в своей собственной среде и редко в пользу других народов...».

Произведения Салтыкова–Щедрина — это уже не просто мудрые бытовые басни Крылова, это уже другой уровень понимания, сознания и творчества. Если кто-то внимательно читал произведения этого великого русского мыслителя, то без особого труда мог найти объяснение философии Гераклита, Бёме и вообще философии "добра и зла". В некоторых случаях М. Е. Салтыков заглядывал глубоко и показывал важные вещи, например, в «Сказке о ретивом начальнике»:

«... Собрал начальник еврейцев и говорит им: «Скажите, мерзавцы, в чем, по вашему мнению, настоящий вред состоит?». И ответили еврейцы единогласно: «Дотоле, по нашему мнению, настоящего вреда не получится, доколе наша программа вся во всех частях выполнена не будет. А программа наша вот какова. Чтобы мы, еврейцы, говорили, а прочие все молчали. Чтобы наши, еврейцев, предложения принимались немедленно, а прочих желания оставались без рассмотрения. Чтобы нас, мерзавцев, содержали в холе и нежили, а прочих — в кандалах. Чтобы о нас, мерзавцах, никто слово сказать не смел, а мы, еврейцы, о ком задумаем, что хотим, то и лаем. Вот коли все это неукоснительно выполнится, тогда настоящий вред получится»...».

Вот когда в начале 20-го века такое случится — они будут говорить, лаять на кого угодно и что угодно, кричать обманные лозунги и митин-

говать, а русские молчать или глупо повторять за ними — то вы знаете из учебников и увидите в дальнейшем нашем исследовании истории — какая ужасная трагедия произойдёт в России. И если сегодня, в 21 веке, нас всех обзовут антисемитами, ортодоксальными славянофилами и русскими фашистами — и поэтому не дадут говорить, а будут говорить только В. Познер, С. Шустер, М. Максимовская, Ю. Латынина, А. Венедиктов, Л. Радзиховский, В. Ерофеев, Н. Сванидзе и Берл Лазар, то обязательно повторится в России в скором будущем ещё большая трагедия.

Уверен, — ни у кого нет сомнений, что Салтыков-Щедрин был славянофилом. Какой-то умник может сказать, что Салтыков-Щедрин был западником, потому что в «Губернских очерках» и «Истории одного города» критиковал бюрократию, то есть — порядки, российскую власть. По этой теме стоит заметить, и где-то зарубить до конца жизни следующую истину, — бюрократия в плохом и хорошем смысле будет всегда, «вечно» пока будет существовать государство, которое является способом организации общества. И чтобы ликвидировать бюрократию, необходимо ликвидировать государство, то есть прийти к полной анархии и хаосу или вернуться к первобытнообщинному строю.

Однако при этом стоит заметить, что и в первобытнообщинном строе и у анархистов, как мы прекрасно знаем из истории, были свои вожаки и вожди, при которых были приближенные помощники и рядовые «граждане» — то есть была структура, иерархия и неравенство, а значит, были и управленцы-бюрократы. В теме бюрократии можно без всякой подготовки, «вслепую» критиковать любую власть — всегда попадешь в цель. Поэтому самые непорядочные оппозиционные политики, когда им не к чему придраться, — всегда критикуют власть за бюрократию, самый надежный вечный способ критики. А Салтыков-Щедрин не был оппозиционером к власти, он сам был частью власти и бюрократом — служил вице-губернатором Рязани и вице-губернатором Твери, и с этой позиции его критика была конструктивной и высмеивающей своих собратьев-чиновников.

А с представителем «новых людей», с последователем Белинского и Герцена с западником и очередным критиком Д. И. Писаревым Салтыков-Щедрин рассорился «в пух и прах».

А всяким пацифистам, доморощенным пластилиновым демократам и либералам и прочей гнилой интеллигенции, много говорящей о миролюбии и толерантности Запада, о их культурности и цивилизованности, Салтыков-Щедрин доступно объяснял жестокие реалии, правду и их заблуждения или ложь в произведении «Карась идеалист»:

«Карась: "Не верю, — чтобы борьба и свара были нормальным законом, под влиянием которого будто бы суждено развиваться всему живущему на земле. Верю в бескровное преуспевание, верю в гармонию...

Тьма, в которой мы плаваем, есть порождение горькой исторической случайности...

В жизни первенствующую роль играет добро; зло — это так по недоразумению допущено...Вот кабы все рыбы между собой согласились...".

Ёрш: "Глуп ты — вот в чём твоя вина. Да и жирён вдобавок. А глупому да жирному и закон повелевает щуке в хайло лезть!"

Карась: "Не может такого закона быть! И щука не имеет права глотать, а должна, прежде всего, объяснения потребовать. Вот я с ней объяснюсь, всю правду выложу. Правдой — то я её до седьмого пота прошибу". Известно как закончилась философия и судьба карася.

Этот отрывок — это не что иное, как объяснение основ философии-жизни нашим мудрым Михаилом Евграфовичем кандидату в мыслители и юродивому ученику К. Маркса — Карлу Попперу, глупость которого только совсем недавно понял Джордж Сорос. А что касается наших, то остается сожалеть, что это произведение Салтыкова-Щедрина не появилось перед Крымской войной.

А тем, кто ещё до конца не понял современных демократ-либералов и случившееся в конце 20-го века в России — Михаил Евграфович объясняет:

«Опытные рыбаки... начинают хлопать по воде кепатом, палками и вообще производить шум. Заслышав шум и думая, что он возвещает торжество вольных идей, карась снимается со дна и начинает справляться, нельзя ли и ему как-нибудь пристроиться к торжеству. Тут-то он и попадается во множестве в мотню...».

Поэтому милым нашим россиянам, потерявшим свои деньги, сбережения — поверив демократам, стоит пенять лишь на свою глупость, и своё незнание своих великих мыслителей. Впрочем, уверен,, если бы наши милые россияне не потеряли свои деньги в разных вкладах и легких «бизнесах», то им было бы просто невозможно объяснить некоторые философские истины на словах.

А хотите послушать объяснение Михаила Евграфовича — как наши политики-демократы, типа Гайдара, Чубайса и т.п. — работают под руководством западных авторитетов от демократии?

«В некоторой стране жил-был либерал. “Три фактора, — говорит он, — должны лежать в основании всякой общественности: свобода, обеспеченность и самодеятельность...”. Либерал не только благородно мыслил, но и рвался благое дело делать. И прежде всего, разумеется, обратился к сведущим людям. “Действуй! — поощряли они его, — тут обойди, здесь стушуй, а там и вовсе не кайся. Мы бы, любезный друг, и с радостью готовы тебя, козла, в огород (в Европу) пустить, да сам видишь, каким тыном у нас огород обнесён!

— Вижу-то вижу, — соглашался либерал, — но только как мне стыдно свои идеалы ломать! Так стыдно! Ах, как стыдно!

— Ну и постыдись маленько: стыд глаза не выест! Зато, по возможности, всё-таки затею свою выполнишь!" И начал либерал в "пределах" орудовать: там урвёт, тут урежет...». Это сокращённый пересказ произведения Салтыкова-Щедрина «Либерал». Примеров «гибкой совести» и «своеобразного взгляда на казну» в прошлом и настоящем мы наблюдаем премного.

А каков «мудрый» умеренный пескарь Салтыкова-Щедрина?!! — «Был он пескарь просвещенный, умеренно-либеральный, и очень твёрдо понимал, что жизнь прожить — не то, что мутовку облизать».

Очень хорошо Михаил Евграфович показал в этом пескаре образ самых «умных» людей — интеллигентов, которые в переломные исторические периоды руководствуются девизом "моя хата с краю..." и своей тактичностью и толерантностью, даже когда очередной либеральный краснобай или синебай явно дурит его народ и ведет страну к катастрофе. В результате, как мы будем с интересом наблюдать дальше, после 1917 г. при коммунистическом красном режиме им пришлось чесать свои дурные головы далеко от России в эмиграции или (если оставались живы) с красными от мороза или мошки носами годами за пайку пришлось валить лес на Крайнем Севере, а в период синего демократического «перестроечного» режима приходилось как последним синюшникам копаться в мусорниках, стоять с протянутой рукой в подземных переходах и жить на одних макаронах, рассматривая как кино богатые магазины.

А как близки и родны современным россиянам персонажи другого произведения этого великого мыслителя — «жители города Глупова», которые глубоко верили в добрых начальников — мессию «с огромным рейтингом» и до последней минуты своей жизни ждали их пришествия. Наши современники это ожидание иногда скрашивают участием в игре «Угадай мелодию», «Угадай слово», «Поле чудес», «Миллион», «Лото» и т.п...

Интересно, а как поняли россияне таинственную сказку этого великого русского мыслителя о Богатыре? По-моему, в этом произведении автор пришёл к тем выводам, к которым через полвека пришли Ф. Ницше и В. Соловьёв.

Заканчивая рассматривать творчество этого великого человека, можно ещё отметить, что иногда становится немного жаль, даже обидно — история на очередном витке делает повтор-возврат и мы опять наступаем на старые тяжелые грабли, и как будто М. Е. Салтыков-Щедрин писал только вчера, и опять зря...

Николай Семенович Лесков

Н. С. Лесков (1831—1895) также обратил внимание на новые явления и тревоги времени.

В произведении Н. С. Лескова «Жидовская кувыркаллегия» («Жидовская кувырколлегия») рассказывается как граф Мордвинов «жидам продался», но это не спасло молодых евреев от призыва в российскую армию — «еврейская просьба об освобождении их от рекрутства не выиграла, и стрелою пролетело по пантофлевой почте во все места их оседлости... Жиды кричали громко, а жидовки ещё громче». И начали они использовать многие способы «отмазки» от армии путём наведения на себя многочисленных болезней: «В несколько дней всё молодое жидовство, как талый снег, в землю ушло и подверглось в отвратительные лихие болести».

Эта тема сегодня, в 21 веке, нам знакома до боли — нежелание в наступившем либеральном периоде служить в армии, Отечеству, подкуп-взятки в военкоматах и врачам, «отмазки», «лихие болести»... — в общем, наблюдаем опасную лихую морально-нравственную болезнь общества.

Интересно сложились отношения Лескова с «новыми людьми», с «прогрессивными». Родился и воспитывался Николай Лесков в здоровой обстановке в селе Горохово Орловской губернии. Затем молодой Лесков стал почти «новым русским» — переехал в прекрасный Киев и служил в частной фирме на высокой должности менеджером под руководством англичанина Шкотта, занимался интересным бизнесом, в ходе которого разъезжал по всей России, увидел много городов и народностей, судеб и жизней, встречался с многими интересными людьми, слушал множество различных историй, и точно не бедствовал. Благодаря этому Лесков быстро взрослел, накапливался ценный жизненный опыт, кроме того он живо интересовался искусством, посещал мастерские художников, полюбил иконопись, православную культуру. И в какой-то момент накопленное качество переросло в потребность писать, что-то интересное и полезное рассказать людям. И Лесков из провинции в 1860 году переезжает из Киева в Петербург, в центр «новых людей» и вскоре становится ведущим публицистом «Северной пчелы».

К этому времени, к началу 60-х годов, «новые люди», несмотря на сопротивление славянофилов, почти полностью оседлали общественное мнение, его формировали, и было модно и необходимо пинать давно убитого Николая I, а заодно и реформатора Александра II. Петербургский либеральный бомонд резко отличался от общества и атмосферы провинциальных городов. К этому времени кислотная идеология Белинского, Герцена, Огарева и им подобных прогрессировала «из качества

в количество» и из теории реализовалась на практике, материализовалась в новый вид поколения российской молодежи, пропитанной этой кислотной, протестной идеологией, поменялся даже внешний вид. В то время, когда старые «пастыри» — химики сидели в «Современнике» и в Лондоне в привычном культурном виде, — ими созданная паства, их клоны-мутанты — первое поколение воспитанников-нигилистов уже резко вызывающе выделялось из «отсталого» общества. Принципиально противопоставляя себя «холеной» аристократии, эта так называемая «разночинная» молодежь, студенты-нигилисты, интеллигенты-нигилисты, выглядели неряшливо, неопрятно, небритые, с обкусанными ногтями, вели себя грубо и вызывающе бес-культурно, развязное поведение, пыхтели дешевым вонючим табаком, разговаривали между собой на своём «сленге», и шептались о готовящейся революции против уже ненавистного Александра II.

Для современной молодежи объясню доступнее — чтобы лучше понять ситуацию в которую попал тогда приехавший в столицу Лесков, представьте себе такую современную картину: приезжает сегодня в столицу из далекого русского села или сибирского городка здоровый душой и телом талантливый русский парень, — а ему навстречу улыбается Шурá и что-то объясняет, при виде его вздрагивают попами какие-то «голубые» и их лидер Боря орет со всех телеканалов «Танго героин», на него безденежного с презрением смотрят «собчачки» и приезжие «няньки» — как живое олицетворение всех семейных ценностей, среди них вертится символ пошлости и разврата — некто Тимоти, что-то обезумевшей толпе «нимфеток» орет об инстинктивном некто Зверь, а вокруг бродят во всём черном живые трупы «Эмо»... — Вот и у Николая Лескова в то время был такой же шок, и глянув на всё это свежим здоровым взглядом, он начал писать роман «Некуда».

Если опять же сравнить эти времена, то сегодня Н. Лескову было бы намного труднее, ибо тогда власть не поддерживала нигилистов, их осуждала и не давала информационного простора, а нигилисты мечтали зажечь революцию, свергнуть эту ортодоксальную власть и самим властвовать, а сегодня ситуация совсем другая, картина уже после свершения революции, — они властвуют в информационном поле, в общественном мнении и над умами молодежи, и верховная политическая власть в лице Ельцина, Путина и Медведева их не осуждает, помогла подняться и продолжает поддерживать. Вернемся к Н. Лескову и его новой жизни в Петербурге.

Вначале Лесков попробовал сохранить нейтралитет и не афишировать свою любовь к Родине и своему народу, но «новые люди» категорично требовали от него ясной позиции, вернее — солидарной боевой позиции. Деваться Лескову было некуда и он честно открылся — зако-

номерно ввязался в полемику с ястребами из «Современника» против нигилизма, защищая свой народ и страну.

Весной 1862 года, одновременно с очередным большим восстанием поляков, в столице «случилось» множество «странных» пожаров, и народная молва приписала это событие доморощенным якобинцам, готовящим в России революцию. Н. Лесков со страниц «Северной пчелы» 30 мая 1862 года совершенно искренне попросил у полиции, чтобы она назвала имена поджигателей, дабы избежать кривотолков. Эта, казалось бы, нормальная просьба, которая могла снять всякие подозрения, вдруг вызвала ярую злость и ненависть у подозреваемых «прогрессивных западников» к Лескову. Ведь в этот период быть патриотом России было уже позорно, осуждаемо. Интересно, что советские и современные историки и литературоведы назовут эту естественную для Лескова просьбу к полиции, которую он и гражданским поступком не считал, — «опасным, необдуманным поступком».

Фактически «загорелась шапка», и прогрессивные «свободолюбивые» сторонники «гласности» этим себя выдали и начали злостно третировать Лескова, начали делать его изгоем. Третирование западниками Лескова, «общественное презрение» и «ату его!» с небывалым упорством продолжалось несколько месяцев. Лесков не ожидал такого массированного шквального нападения «лидеров общественного мнения», не был к такому «наезду» готов, и сильно поник: «Это меня разбило и нравственно, и физически, и я решился оставить публицистику и уехать из России, чтобы отдохнуть...». Лесков, не понимая — когда же этот кошмар закончится, принял решение уехать не только из столицы, но и из России. Демократ-либералы, западники — эти горячие поклонники свободы слова и мнений торжествовали, получили полную сатисфакцию — враг был изгнан, одним патриотом, славянофилом стало меньше.

Но это был не конец этой истории — Лесков вернулся мощно и оригинально: в 1864 был издан его роман «Некуда». Тогда и сегодня этот роман верно называют антинигилистический, а особо язвительные западники, в том числе и современные, назвали его «почему-то» — «отомстительным» или «отомщевательным». Хотя понятно любому человеку со здравым умом, что это не месть, а нормальная, естественная для Лескова позиция. Н. Лесков был очень плодовитым писателем, и в СССР печатались многотомные сборники его произведений, и если вы в эти тома заглянете, то не обнаружите в них романа «Некуда», который принципиально не печатали в СССР.

Удар Н. Лескова по западникам получился неожиданным и мощным, высмеивал и критиковал метко — он приобрел большую популярность в российском обществе и много раз переиздавался. В этом романе многие западники узнали себя-карикатурных, одни имена чего стоили — студент

по имени Помада, или определение — «шальные шавки» нигилизма, «комическая эпоха». Да и вообще — как можно критиковать «передовых», «прогрессивных», «новых людей», профессиональных критиков?!!

В общем, — якобы «победившие» Лескова западники были в неистовом бешенстве. Причем, в этом романе была какая-то мистика — в нем был изображен «герой» либерал-теоретик доктор Розанов, и вскоре, через пару десятков лет в России появился живой прототип этого «героя» — Василий Розанов...

«Роман «Некуда» есть вторая моя беллетристическая работа (прежде его написан «Овцебык»)... — писал о своём романе сам Н. Лесков. — Успех его был очень большой. Первое издание разошлось в три месяца, и последние экземпляры его продавали по 8 и даже по 10 рублей...

Я его признаю честнейшим делом моей жизни, но успех его отношу не к искусству моему, а к верности понятия времени и людей «комической эпохи»...

«(Я) писал только правду дня, ...я дал в ней место великой силе преданий и традиций христианской или, по крайней мере, доброй семьи». Да, кстати, фривольность в отношении полов «прогрессировала» и традиционно пропагандировалась в России западниками; ещё Коллонтай не создавала семейные общежития для рабочих, в которых по её коммунистическому замыслу мужчины и женщины должны меняться еженедельно или ежедневно половыми партнерами — чтобы обезличить детей, которых предполагалось для освобождения женщины воспитывать в специальных интернатах, но путь уже был выбран «верно».

Заканчивал роман «Некуда» Н. Лесков пророческой метафорой: «Мутоврят народ тот туда, тот сюда, а сами ей-право, великое слово тебе говорю, дороги никуда не знают... Все будут кружиться, и всё сесть будет некуда».

Бесспорно — Николай Лесков был славянофилом, и это прекрасно осознавали его современники-западники, поэтому так на него окрысились, и так его третировали, хотя современные умники (в 21 веке), понимая, что Н. Лесков, бесспорно, великий русский писатель, с усилием выдергивают его из партии славянофилов, утверждая бездоказательно и вопреки всем доказательствам, что Н. Лесков были нейтральным, «ничьим», — это явная ложь. Причем Н. Лесков был не столько славянофилом потому, что сражался с западниками, с деградированными воинственными нигилистами, а в большей степени потому, что в огромном количестве его произведений он своим прекрасным русским языком, богатым русским мышлением описал любовно образы прекрасных русских людей, и в каждом его произведении звучит боль, переживания и тревога за Россию и русский народ.

Поскольку в романе «Некуда» затрагивалась тема польского восстания, в котором активное участие принял Запад, и его поддержали все

российские западники, и которое только что подавили русские войска, то неистовое бешенство западников смешалось с приступом истерии и воя ненависти.

И они предприняли вторую попытку изолировать Н. Лескова от общества, сделать его изгоем и опозоренным посмешищем, и прибегли к первому излюбленному методу — шельмованию, третированию, клевете — объявили Н. Лескова царским шпионом, который якобы выполнил заказ — написал роман «Некуда» по заданию 3-го Отделения.

Затем эти либеральные «свободолюбивые» инквизиторы поставили задачу сделать последующий литературный труд великого писателя бессмысленным — отрезать его от читателей, от издательств, не дать возможности издаваться, изолировать его бойкотом. В отсутствие Белинского и Герцена главным «демократом» и «либералом» в России в этот период был 24-летний Д. И. Писарев (1840—1868), который в статье «Прогулка по садам российской словесности» (1865 г.) следующим изощрённым и коварным образом пытался изолировать изгоя Лескова (который подписался под романом псевдонимом «Стебницкий» — «постебался» над демократ-либералами):

«Меня очень интересуют следующие два вопроса: 1. Найдётся ли теперь в России — кроме «Русского вестника» — хоть один журнал, который осмелился бы напечатать на своих страницах что-нибудь выходящее из-под пера г. Стебницкого и подписанное его фамилией?

2. Найдётся ли в России хоть один честный писатель, который будет настолько неосторожен и равнодушен к своей репутации, что согласился бы работать в журнале, украшающем себя повестями и романами г. Стебницкого».

Мы видим явно непорядочные методы борьбы непорядочного Писарева. Но Николай Лесков продолжал много писать, и время, вернее Бог, всё расставил по-своему: Д. Писарев утонул в Балтийском море, а журнал, в котором Писарев работал, — «Отечественные записки», вопреки вою всех либерал-демократов долгие годы издавал произведения Н. Лескова, то есть — бойкот провалился.

В этой истории, не скрою, приятно наблюдать локальную победу славянофилов и провал, временное поражение западников. После Д. Писарева осталась только желчность, кислотность и притворная хвала кровавых большевиков, а Николай Семенович Лесков много писал, украсил и обогатил русскую литературу многими прекрасными литературными произведениями и стал, бесспорно, великим классиком русской литературы.

В рассматриваемом нами аспекте интересна судьба, поиск и позиция ещё одного выдающегося русского человека — И. С. Тургенева.

И. С. Тургенев, Н. А. Добролюбов

В отличие от Н. С. Лескова, И. С. Тургенев (1818—1883) родился в очень богатой семье и в шикарном имении в Спасском-Лутовинове в Орловской губернии. Но жизнь маленького барчука оказалась не очень сладкой по причине оригинальной маменьки — местного тирана и деспота, которая в округе на несколько километров всех держала в необычайной строгости и страхе, наказывала, как «Громовержец», жестоко всех без разбору за малейшую провинность, кроме мужа-изменьщика; это она, как помним из предыдущей книги, решала — звонить церковным колоколам в большие христианские праздники или нет. Доставалось «на орехи» и маленькому Ивану — «Драли меня за всякие пустяки, чуть не каждый день», — вспоминал позже И. Тургенев, в котором с детства проявилась некая чистая человеческая сторона его души — его всё время тянуло в большой красивый сад, и этот сад стал его единственным укрытием от взрослого мира и лучшим другом. Через много лет эта мистическая языческая связь с Родиной постоянно тянула Ивана Тургенева из его любимой Европы в Россию, не давала оторваться от России.

Затем Иван Тургенев с родителями переезжает в Москву, а после — в Петербург; поступает в Петербургский университет, увлекается, как почти все его сверстники-студенты, немецкой философией и уезжает в 1838 году на родину немецких философов — в Германию продолжать учиться в Берлинском университете, в котором познакомился с будущим главным революционером планеты М. Бакуниным. Как видим, И. Тургенев со студенческого периода стал формироваться как либерал-западник. Однако М. Бакунин не смог заразить И. Тургенева своим воинственным анархизмом, — это понятно из того, что вернувшись в 1842 году в Россию И. Тургенев поступает на службу чиновником в Министерство Внутренних дел (МВД). Это свидетельствует о независимом складе мышления, большой внутренней свободе, целостности натуры и желанию послужить Отечеству, что, в свою очередь, свидетельствует о большой патриотичности И. Тургенева.

Ещё перед отъездом в Германию в 1838 году И. Тургенев написал несколько стихотворений, и два самых удачных из них, по его мнению: «Вечер» и «К Венере...» предложил знаменитому «Современнику», и «Современник» их опубликовал. Таким образом Тургенев познакомился с сотрудниками этого журнала. Теперь же, после возвращения в Петербург И. Тургенев возобновил связь с сотрудниками «Современника», и в 1843 году опубликовал поэму «Параша».

В этот период молодой И. Тургенев подружился с В. Белинским, который бредил Маратом, кровавой революцией и хамской критикой Н. Гоголя, и с выдающимися писателями, не придерживающимися

радикальных взглядов — И. Гончаровым, А. Островским. В 1846 год получился у И. Тургенева плодотворным — он написал две поэмы: «Андрей» и «Помещик», и попробовал писать короткие очерки и рассказы, — в результате получилось начало знаменитой прекрасной серии под общим названием «Записки охотника», в которых совсем не пахнет Белинским, революциями и даже Петербургом.

Все мы в школе читали с упоением и сердечной теплотой «Бежин луг», в котором с потрясающей несказуемой глубиной Иван Тургенев выразил любовь к русскому народу, к Родине, к России; — проявился ещё один талантливейший патриот, славянофил. Причем самые ловкие западники и большевики с богатой фантазией эту любовь к России И. Тургенева попытались повернуть на свою «мельницу», трактуя следующим образом: И. Тургенев специально с такой любовью изобразил прекрасные образы простых русских людей, что после этого российский император просто не мог не отменить крепостное право, — оригинально, высший пилотаж казуистики-мошенничества западников.

И здесь мы наблюдаем интересный случай — И. С. Тургенев был либералом-западником и одновременно патриотом-славянофилом. Если А. Герцен пытался объяснить антиномию, диалектику, явление-противостояние западников и славянофилов внутри России — как «двуглавый Янус» (вместо двуглавый орел) России, то этот «двуглавый Янус», двуглавый российский орел был внутри И. Тургенева. И Тургенев пытался это мирно и гармонично сочетать в себе, в равновесии-нейтралитете. В этом, казалось бы, идеальном состоянии без войны с самим собою внутри своего сознания И. Тургенев здорово рисковал, потому что окружающие его либерал-демократы, считая его своим, иногда желали, чтобы не было ни малейших сомнений и чтобы он хотя бы изредка каким-либо кислотным радикализмом солидарно подтверждал свою принадлежность к их идеологическому лагерю. В этих случаях И. Тургенев своё равновесие-нейтралитет прикрывал успокоительным объяснением, что он — «постепенец», поэтому не радикален. И на какой-то период времени этого было достаточно...

И. Тургеневу простили по молодости даже повесть «Жид», которую он написал в том же 1846 году, и которую вполне можно назвать антисемитской. В ней И. Тургенев повествовал об одном еврее, который додумался до оригинального бизнеса-гешефта: под девизом «за деньги достать можно всё» предлагал русским офицерам, которые во время войны стояли лагерем в Пруссии, свою дочь Сару на ночь для развлечения, брал задаток, когда приводил — брал остальное, и дежурил у края палатки. А Сара вела себя строптиво, поэтому офицеру приходилось её ублажать опять немалыми деньгами, после чего Сара, позволив поцеловать лишь свою ручку, внезапно убегала из офицерской палатки

в ночь под прикрытием своего отца. Русский офицер был изумлен, «взведен», разочарован и раздражен, но с искорками романтической надежды, которую на следующий вечер опять раздувал появившийся гениальный еврейский «фактор» и сериал «разводки» с её дочерью и вытягиванием денег продолжался на том же уровне близости. Но случайно обнаружилось, что этот еврей подрабатывал ещё и шпионом, и попался с поличным, после чего его повесили. Трагизм ситуации состоял ещё и в том, что один русский офицер в результате этих кратких свиданий влюбился в черноокую Сару и в связи с арестом её отца пережил целую гамму непростых переживаний на фоне слез Сары и её просьб, и попытался спасти шпиона, и в результате всей этой истории, поддавшись на соблазнительное искушение еврея, заплатил дорого не только деньгами... В общем, — притча получилась сильная.

Осталось только проследить линию западников: это произведение И. Тургенева, конечно же, «не заметили» Белинский, Герцен и прочие западники; большевики естественно за это сверхсекретное произведение могли легко расстрелять, а после Отечественной войны засекреченное произведение было доступно только для узкого круга советских специалистов; после «перестройки» и с наступлением гласности и «свободы» — бдительные демократ-либералы внимательно следили и следят, чтобы никто не вздумал его публиковать, и сегодня 99% историков и литературоведов ничего о нем не говорят, его нет, И. С. Тургенев зря писал...

И. Тургеневу не стоило большого труда показать силу большой трагической любви, потому что как раз в этот период у него самого был личный опыт этого переживания, который ещё длился. В 1843 году с ним приключилась мощная любовная история, обрушилось на него счастье-трагедия, которые не оставили его до конца его жизни, и, бесспорно, повлияли на всё его творчество, и на длительный период отодвинули на второй план в его жизни и западников и славянофилов, и все их баталии.

Начиналась эта история прозаично — в Петербурге гастролировала итальянская опера, в составе которой была знаменитая испанская певица Полина Виардо-Гарсия, которая произвела в Петербурге настоящий фурор, толпы её поклонников встречали её у театра. Певица была замужем за директором оперы Луи Виардо, была счастлива в браке с ним и родила ему четверых детей. В связи с этим ярким культурным событием петербургский бомонд решил развлечь приезжих знаменитостей и пригласил Луи Виардо на охоту в окрестностях Петербурга, на которой он познакомился с И. Тургеневым и пригласил к себе в гости в петербургскую квартиру, где и познакомил начинающего русского писателя со своей женой.

Полина Виардо не была «классической» красавицей — даже была сутула, но у этой «Кармен» были большие красивые черные глаза — «очи

черные, очи...», большой выразительный рот и редкий завораживающий голос. Её голос был не просто завораживающий, он был колдовской; как заметил знаменитый немецкий поэт Г. Гейне — когда, вроде бы, не отличающаяся красотой Полина Виардо начинала петь, то всё пространство наполнялось чем-то прекрасным, низким, инстинктивным и было бы неудивительно — если бы в эти минуты на глазах у изумленной публики стали расти и расцветать цветы, лианы, джунгли. И с Иваном Тургеневым случилась роковая любовь во всей черной красоте этой трагедии. И образовался довольно мирный классический любовный треугольник: 23-летняя Полина, 25-летний Иван и старше их на 20 лет Луи, который с мудрым пониманием и сочувствием отнесся к случившемуся с И. Тургеневым.

Завороженный Иван Тургенев как мантру повторял: «Только у ваших ног могу я дышать», его неимоверно тянуло в тьму её огромных черных глаз, он чувствовал облегчение физическим мукам души только когда был рядом с ней. Ученые-психологи и психоаналитики ещё долго будут разгадывать тайны любви, а восточные мудрецы утверждают, что это продолжение былых незаконченных историй отношений из предыдущих жизней, и когда две половинки той разорванной и незаконченной истории встречаются в очередной жизни — происходит узнавание-вспоминание и появляется сильное притяжение, и важно не повторить ошибок, не натворить ошибок и добиться прогресса в отношениях.

Мать И. Тургенева была далеко не в восторге от любви сына к замужней женщине, от сложившегося мирного треугольника, называла Полину Виардо «проклятой цыганкой», и не придумала ничего лучшего, чтобы «спасти» сына, как категорически прекратить его финансирование. Но вторая мантра «заколдованного» Ивана Тургенева звучала так: «Где ты будешь, там я буду», и соответственно — он ушел в отставку со службы, и уехал за своей возлюбленной в Европу на несколько лет... И этот самый верный обожатель, полунищий, полуголодный «русский Дон Кихот» следовал за своей «Кармен-Дульсинеей» и за оперой по всем странам и городам Европы, пока Полина не охладела к нему, стала демонстрировать, что это преследование ей уже в тягость, раздражает, мешает и т.п. Случается, бывает часто неравность притяжения...

Но И. Тургенев не погиб в муках любви, выжил, и «раненый» в сердце до конца жизни в 1850 году вернулся в Россию с настроением, отраженным в его произведении «Дневник лишнего человека» (1849 г.). В этом случае это ещё не был «лишний человек в обществе», — нет, это был лишний несчастный человек в любовном треугольнике, писавший, философствующий в некой безнадежной прострации: «Реки вскрываются, и я с последним снегом, вероятно уплыву... куда? Бог весть. Там в море. Ну, что ж! Коли умирать, так умирать весной».

Но весной родной сад в Спасском стал оживать, расцветать, стал придавать Ивану Тургеневу силы, волю к жизни, и через год И. Тургенев вернулся-окунулся в суетливую жизнь петербургского общества, причем не совсем для него удачно. В 1852 году российские власти арестовали И. Тургенева на несколько недель, затем выпустили и настоятельно рекомендовали уехать из столицы в своё родовое поместье. И это интересный момент, ибо 99% историков и литературоведов утверждали, и утверждают, как попугаи, по поводу ареста И. Тургенева полную чушь, ложь, — что якобы российские власти арестовали И. Тургенева за то, что после смерти Николая Гоголя в некрологе он слишком много высказал хвалы и славы Николаю Гоголю. До этого могли додуматься только самые бессовестные западники и большевики.

А правда состоит в том, что российские власти совершили профилактический арест молодого талантливого писателя, узнав, что «англичане» — А. Герцен и Н. Огарев уполномочили И. Тургенева быть их доверенным лицом в России, и более того, — что И. Тургенев явился активным участником создания Фонда денежной помощи самого знаменитого революционера 19 века — М. Бакунина, а либералы, западники приобщили его к этому потому, что как раз в этом году умерла его матушка, и И. Тургенев с братом унаследовали и поделили между собой большое состояние. Многие историки и литературоведы знают этот факт и истинные причины, но упорно продолжают обманывать наших школьников и студентов.

Российский император Александр II зачитывался «Записками охотника» И. Тургенева, и российские власти, видя, как радикальные либералы затягивают Ивана Тургенева в водоворот революционного движения, ничего лучшего не придумали, кроме этого метода — чтобы немного встряхнуть молодого писателя, вспугнуть и спасти его, отправив его поразмышлять в его любимый сад.

Сидя впервые под арестом (и последний раз) И. Тургенев вспомнил все свои трагедии, включая деспотичную маменьку, и начал писать одну из самых трагичных в мире вещей — «Муму», и в короткий срок закончил. Не уверен — помог бы более мягкий метод убеждения — метод словесного объяснения и предупреждения, но этот для И. Тургенева оказался очень эффективным. В ближайшие 10 лет он исключительно плодотворно поработал, не увлекаясь революционными идеями и акциями, и написал свои самые знаменитые романы: «Рудин» (1856), «Фауст» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862).

Этому плодотворному творческому труду И. Тургенева способствовала и Полина Виардо, с которой у него к середине 50-х годов опять наладились теплые отношения, и вдохновленный, обнадеженный и окрыленный И. Тургенев не только взлетел на пик своего творчества, но и в 1856 году

перевез из России в Европу на воспитание к Полине Виардо свою восьмилетнюю дочь Пелагею от красавицы-швеи в Спасском Авдотьи Ивановны, в Баден-Бадене дочь И. Тургенева стали называть Полинет.

Романы И. Тургенева «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети» точно и тревожно отражали сложное, во многом переломное состояние российского общества, его идеологические брожения, «новые веяния», где в упрощенном показе общество стало расслаиваться на две не понимающие друг друга части: одна («дети») — на молодое поколение, зараженное нигилизмом и революционными идеями, «прогрессивные», прозападные «новые люди» и их пастыри-идеологи, а вторая якобы — («отцы») консерваторы, ретрограды, «отсталые» славянофилы и представители властей. До этого момента (1862 г. — «Отцы и дети») И. Тургеневу удачно получалось балансировать на своих внутренних весах со штангой, на разных концах которой было западничество-славянофильство, и также удачно ему удавалось балансировать во вне — «постепенно» топчась на месте «в равновесии» и гармонии, изображая всякий раз ложный сдвиг влево к западному радикализму.

В это время, «вторичностей» — критиков развелось в России много и среди них, кроме сверхрадикального Писарева, начал выделяться сын состоятельного священника Н. А. Добролюбов, который в сатирическом приложении к «Современнику» — в «Свистке», изгалялся в критике под красноречивым псевдонимом — «Яков Хам». Добролюбов нашел себе ещё неокученных своей братией творцов-писателей И. А. Гончарова и А. Н. Островского и на их результатах творчества жировал, — помогал читателем думать, — разобраться в задумках авторов, хотя прекрасные произведения, например, А. Островского «Гроза» или «Бесприданница» в разъяснениях молоденького «мудреца» не нуждаются и сами прекрасно говорят за себя.

Но вот Н. Добролюбов навел свой прицел на вроде своего И. Тургенева, и оказалось, по мнению Добролюбова, — он несовершенен, не настолько хорош как хотелось бы: «После «Дворянского гнезда» можно было опасаться за судьбу нового произведения г. Тургенева»(статья Добролюбова «Когда придет настоящий день?»). От героя этого произведения Лаврецкого западники ждали большего радикализма. Тревожность Добролюбова была обоснована, вероятно, он заметил то, что и Ф. М. Достоевский: «У Тургенева в «Дворянском гнезде» великолепно выведен мельком один портрет тогдашнего окультурившегося в Европе дворянчика, воротившегося к отцу в поместье. Он хвастал своей гуманностью и образованностью.

Отец стал его укорять за то, что он сманил дворовую невинную девушку и обесчестил, а тот ему: «А что ж, я и женюсь»... И женился во имя идей Руссо, носившихся тогда в воздухе...

Жену свою потом он не уважал, забросил, измучил в разлуке и третировал её с глубочайшим презрением, дожил до старости и умер в полном цинизме...» («Дневник писателя», 1873 г.).

Изобразить такой противный образ поклонника Руссо с «прогрессивными» взглядами, приехавшего из Европы... — это пахло изменой и еретизмом. «"Что ж теперь создаст г. Тургенев?" — думали мы и с большим любопытством принялись читать "Накануне"» — с сарказмом и тревогой писал Добролюбов.

В начале упомянутой статьи Н. Добролюбов предупреждает читателей и страхуется заранее: «Эстетическая критика сделалась теперь принадлежностью чувствительных барышень... Мы знаем, что чистые эстетики сейчас же обвинят нас в стремлении навязать автору своё мнение...».

Итак, — Н. Добролюбов в образе грязного эстета со своей неэстетической критикой приступил к роману И. Тургенева «Накануне». И, перебрав все косточки всем героям романа, разочарованный и раздосадованный Добролюбов пришел вначале к такому выводу: «Сам г. Тургенев, столь хорошо изучивший лучшую часть нашего общества (это он «скромно» про себя и остальных западников. – Р. К.), не нашел возможность сделать его нашим».

В романе «Накануне» не было радикализма и революционности, а главный герой романа Инсаров — болгарин, мечтающий об освобождении его Родины — Болгарии от турецкого ига. И вот тут-то «мудрец» Добролюбов стал высказывать претензии писателю И. Тургеневу — почему главный герой Инсаров — болгарин, а не русский? — Зачем Инсарову бороться в какой-то Болгарии с внешними поработителями(?), если он должен быть русским и бороться с внутренним поработителем Александром II и его кликой, – Добролюбов: «Русский Инсаров: за это ручается то лихорадочное, мучительное нетерпение, с которым мы ожидаем его появления в жизни... Враг внешний... гораздо легче может быть застигнут и побежден, нежели враг внутренний... отравляющий всю жизнь нашу».

Более того, у И. Тургенева в романе болгарин Инсаров сравнивает ситуацию в Болгарии, где «поганые турки» отбирают церкви, всё топчут, разрушают и поганят, и на фоне этого он в восторге от ситуации в России, вовсю хвалит ситуацию в России(!) — возмутительно! Как такое возможно?! Это страшная ересь!? Грязный эстет Добролюбов негодовал в своей неэстетической ярости.

Казалось бы, «мудрец» Добролюбов всё знает: что писать, как писать, какие должны быть герои, что они должны говорить и делать — и взял бы вместо статьи размером в роман и сам написал бы «правильный» роман, — и все проблемы решены. Можно всю жизнь клясть «тьму»,

а можно немного напрячься, потрудиться и зажечь хотя бы одну свечку... Но вместо этого грязный эстет Добролюбов пытается заставить талантливого писателя И. Тургенева загнать в узкий переулок своего радикального западного мировоззрения и заставить писать произведение, нужное западникам, по параметрам, установленным бездарным Добролюбовым. Это вид насилия и хамства.

После этого у интеллигентного, необычайно терпеливого и тактичного И. С. Тургенева дрогнуло внутреннее равновесие, сорвалось «постепенство» и понеслось в обратную сторону против западников, вышло во вне и нарушило внешнее равновесие вокруг И. С. Тургенева, — он возмутился не только Добролюбовым, но и гневно разругался с опубликовавшим статью «Современником», и разорвал со всеми ими отношения. Ведь он познакомился со статьей Добролюбова до её опубликования, был очень недоволен, не хотел выносить разногласия наружу и очень просил Н. А. Некрасова (1821—1877) не публиковать в «Современнике», но этот «рыцарь на час», который о себе писал:

...Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей,

а в конце своей жизни в своих «Последних песнях» (1876 г.) признал честно:

...Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жизнь начинал,

не прислушался к настоятельной просьбе И. С. Тургенева по принципиальным идейным соображениям, и опубликовал. Им необходимо было дать публичную взбучку И. Тургеневу в назидание другим писателям, чтобы впредь они хорошенько думали — что писать, что надо писать...

И. С. Тургенев болел за Россию, и любил Россию. Западники здорово «перегнули палку» в своём революционном радикализме и даже, вероятно, чувствовали некоторую вину перед обиженным своим бывшим товарищем, порвавшим с ними.

Но когда был издан следующий роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», то западники поняли, что и у И. Тургенева это принципиальная позиция, и они оказались по-своему правы, обидев И. Тургенева. Ведь И. Тургенев с уничтожительной правдой и в карикатурном виде показал так желаемого русского левого радикального «героя нашего времени» — Базарова. При этом именно И. Тургенев очень удачно ввел термин «нигилисты» от латинского слова «nihil» — «ничего», ведь нигилисты ничего не могли создать, они ничего созидательного не пред-

ставляли, — они только критиковали и желали разрушить, это были критики и опасные разрушители.

«Ну, а сам господин Базаров собственно что такое?» — издевательски через «что» задавался вопросом Тургенев, а «что такое» — это принципиально грязный и неряшливый нигилист, всё отрицающий и всё критикующий, с обкусанными ногтями, вызывающе и грубо ведущий себя с окружающими, морально-нравственный урод-разрушитель, лишенный всяких семейных ценностей, «новый человек» — где новое не только не всегда самое лучшее, но даже — нехорошее и опасное, утверждающее: «Порядочный химик в двадцать раз полезнее всякого поэта».

Почему химик для нигилистов, либералов, западников полезнее поэта? — Потому что он может создать бомбу, которую можно метнуть в российского царя или в какого-нибудь генерала. И мы уже через несколько лет увидим результат первых химиков, первых террористов-бомбометателей пытающихся убить смертоносными бомбами государя.

И. Тургенев не принимал и презирал современных ему Базаровых, поэтому «безобразное зрелище» — Базаров в его романе перед смертью, чувствует себя «червяком полураздавленным», и сам себя спрашивает: «Я нужен России?», и сам отвечает: «Нет, видно, не нужен». «Убежденный» западник И. Тургенев оказался «чужой среди своих» — патриотом, и российскому обществу прочитал прекрасную лекцию на тему: «Что такое хорошо, а что такое плохо, и — как выглядит современное зло». Самые глупые и тупые из западников сомневались, не хотелось им верить, и лезли к Тургеневу с вопросами: «Вы осуждаете Базарова или его пропагандируете?», а наиболее радикальные этой же умственной категории «трясли писателя за грудки»: «Вы за Базарова или против?!». А самые умные западники в бешенстве и ярости назвали коварного предателя «Асмодеем нашего времени». Фёдор Достоевский, наблюдавший весь этот истеричный вой против И. Тургенева, сочувственно заметил: «Ну и досталось же ему за Базарова...».

Оправившийся от потрясения Д. Писарев первый сообразил, что надо как-то защищаться и нейтрализовать замысел И. Тургенева и попытался перехватить летящее копье критики в сторону либералов и повернуть в обратную сторону на пользу делу — он стал прихорашивать Базарова, делать из него настоящего героя и стал его в этом амплуа пропагандировать, при этом притворно хваля И. Тургенева. Финт-маневр сообразительного Д. Писарева в точности повторили большевики, затем советские идеологи, и сегодня, в 21 веке, многие прозападные историки и литературоведы «по инерции» и целесообразности.

И. Тургенев подальше от шума и истерии уехал в Европу к Полине Виардо, купил около Парижа большое поместье и жил, окруженный всеобщим почитанием. Он много размышлял над оптимальным циви-

лизованным путем развития России, блуждал, искал, выпускал «Дым» и «Призраков» и ещё много различных произведений, но достаточно было «Записок охотника» и «Отцов и детей» чтобы он, будучи признанным живым русским классиком, с триумфом под овации восторженных толп вернулся в начале 80-х в Россию, и достойно закончил жизнь прекрасными «Литературными воспоминаниями» и «Песней торжествующей любви».

Противник И. Тургенева Н. Добролюбов сразу после нападения на И. Тургенева заболел и умер, и после смерти его быстро забыли. Но Лёва Бронштейн (Троцкий) в ходе подготовки к первой революции в России искал достойного революционного героя-символ-знамя среди русских антимонархистов, и нашел в далеком прошлом — Добролюбова, и стал его реанимировать — 17 ноября 1901 года в статье, посвященной 40-летию смерти родного по духу западника, Бронштейн написал, что «необходимо восстановить» доброе имя Добролюбова в идеологических, политических и пропагандистских целях. Ведь — не своих же кровавых террористов Азефа и Гершуни давать русским как символ революционеров-героев...

Так началась вторая жизнь Н. Добролюбова, подхваченная большевиками, советскими идеологами и современными демократ-либералами. В результате почти во всех крупных российских городах вы сегодня можете увидеть большие памятники Н. Добролюбову, количество которых точно больше, чем великим русским мыслителям, творцам — И. С. Тургеневу, И. А. Гончарову и А. Н. Островскому, прекрасные произведения которых пытался обсуждать Н. Добролюбов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Славянофилы, власть и современность

В этой главе мы познакомимся с самыми принципиальными славянофилами, а главное — с их интересными, во многом актуальными сегодня мыслями, убеждениями, идеями.

Сразу стоит отметить, что в этой теме мы сталкиваемся с, казалось бы, парадоксом: по идее противостоящие западникам славянофилы, бесспорно, являются патриотами, естественными соратниками и защитниками российской власти, её идеологической основой, но реальность была совсем иная — славянофилы преследовались властями не менее радикальных, революционных западников. В чем дело? Почему? В чем причина?

Первая и главная причина состоит в том, что славянофилы оказались очень умными людьми, даже в чём-то опередившими своё время, оказались слишком правильными, искренними и патриотичными.

В предыдущей главе, на примере И. Киреевского, А. Хомякова и знаменитых писателей мы видели, что это были очень талантливые молодые люди европейского воспитания, получившие прекрасное образование, даже увлекающиеся по молодости Западом, и, изучив западную философию, мировоззрение и жизнь в Европе, всё поняв и не впав в зависимость от западного мировоззрения, они не только решили самостоятельно пойти дальше Шеллинга, Гегеля и прочих, но повернулись к проблемам своей Родины и решили самоотверженно ей послужить, просвещать народ, побороться за благополучие России.

Ещё в юношестве А. С. Хомяков (1804—1860) писал пламенные патриотические стихи:

Так я пойду, друзья, пойду в кровавый бой,
За счастие страны, по сердцу мне родной...
Я гряну, как Перун!..

Примерно это же писал и молодой Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886):

В покое, в сладостном забвенье
Ужели станешь ты дремать,
Когда на славное служенье
Мы собираемся восстать?

В воздухе логично зависли вопросы: «Собираемся восстать против кого? Идти в бой против кого? Грянуть Перуном на кого? Защищать Россию от кого? Как славно послужить Родине лучшим образом?

Иван Аксаков во время Крымской войны пошёл добровольцем в народное ополчение. Но эта война была уже локальным случаем глобального принципиального противостояния. И повзрослевшие пламенные патриоты, старательно изучившие окружающий их мир, это поняли четко.

«Все западные европейские державы — коль скоро дело идёт о нас о славянах — солидарны между собой. Гуманность, цивилизация, христианство — всё это упраздняется в отношениях Западной Европы к восточному православному миру». И, просматривая историю России с тех пор и до наших дней, эту истину невозможно оспорить. Да и история других славянских стран это подтверждает, в последние годы это лишний раз трагически подтвердили события вокруг Сербии, когда мощные западные державы избивали слабую беззащитную Сербию, словно хулиганы беспомощного мальчика.

А в середине 19-го века для особо сомневающихся в России Запад сделал «контрольный выстрел в голову» во время событий на Балканах. В 1875 году в Боснии и Герцоговине вспыхнули народные освободительные восстания против турок, а в 1876 году вспыхнуло в Болгарии. Турция, за спиной которой стояла Англия, устроила ужасную резню — фактически геноцид этих народов в «цивилизованной» Европе, — в короткий срок турецкими солдатами было уничтожены свыше 30 тысяч повстанцев, включая и мирное население. При виде этой кровавой бойни сильно возмутилось общественное мнение в Европе — требовали прекратить эту резню Ч. Дарвин, писатели В. Гюго и О. Уайльд, а Иван Тургенев написал гневное стихотворение «Крокет в Виндзоре» (1876 г.), в котором обвинял в происшедшей трагедии королеву Англии Викторию. А ветеран Крымской войны Лев Толстой собрался ехать добровольцем на Балканы, и его с трудом удержали.

В этой ситуации Россия, с одобрения ведущих европейских стран, вступила в войну против Турции. Запад разрешил России напасть на Турцию, чтобы «выпустить пар» общественного негодования, надеясь,

что Россия даст Турции небольшую взбучку, или — обе страны друг друга немного потреплют, измотают и обескровленные успокоятся, поэтому для большей эффективности Турцию вооружили самым современным английским оружием, намного превосходящим российское.

Но Российские войска нанесли несколько сокрушительных поражений, много взяли в плен турецких солдат, освободили ряд балканских народов-стран, вернули России ряд территорий, и всё это было закреплено при посредничестве Германии в Сан-Стефанском договоре.

После этого ошарашенная и возмущенная Англия стала требовать пересмотра результатов войны и этого договора в ущерб России, и сама стала срочно готовиться к войне против России, запустив во всей Европе информационную поддержку с целью дискредитировать Россию, настроить против неё всё общественное мнение в мире. Огромное количество журналистов во главе с Марксом и Энгельсом, используя всю мощь газетной публицистики, поливали грязью Россию, выставляя её главным злом в Европе. Ведь со времен молодого Маркса и до сих пор журналисты — это боги, СМИ — их храм, их мировоззрение — это их религия, а их «авторитетное» мнение и плюс тираж — это их святой дух.

В это время Европа переживала с одной стороны сильный экономический рост, а с другой стороны — огромный духовный упадок — господствовал отвратительный нигилизм А. Шопенгауэра. И созданный наскоро мерзкий внешний враг, на котором можно было бы от души оторваться и отвлечь общественность, был Западу очень нужен, особенно с сохранившейся монархией.

Информационный поход на Россию был настолько мощным и бесстыжим, что даже многие сторонники Запада в России заняли позицию патриотов. Один из идеологов славянофильства Николай Яковлевич Данилевский(1822—1885 г.) писал, что на стороне Турции выступила вся «жидовствующая, банкирствующая, биржевая, спекулирующая Европа — то, что вообще понимается под именем буржуазии... Не должно обманываться: на поприще влияния на общественное мнение, в борьбе словом, происками, соблазнами Европа несравненно сильнее и деятельнее нас по весьма простым и понятным причинам».

Стоит отметить, что Н. Данилевский, как и Хомяков и Достоевский, был бывшим «западником», и даже готовил заговор против императора в кружке Петрашевского, за что и был посажен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Вологду, но, — повзрослев и поумнев, кардинально изменил своё мировоззрение и теперь объяснял:

«Рано или поздно, хотим или не хотим, но борьба с Европою... неизбежна... именно равновесие политических сил Европы вредно».

И, казалось бы, — у славянофилов и российских властей полное созвучие, единый враг, они являются историческими попутчиками и

помощниками, и И. Аксаков совпадение стратегических целей подчеркивал: «Мы исповедуем по свободному и искреннему убеждению такие начала, которые, по видимому, тождественны с началами, признаваемыми официальной властью, в отличие от тех, кто лицемерно из корысти, из лести, из страха...».

Славянофилы в интеллектуальном отношении были элитой российского общества, по своему интеллекту, по ширине и глубине мировоззрения превосходили западников, в том числе и наших западников, были среди них правоведы (И. Аксаков), экономисты (Кошелев), историки (Погодин), первые русские философы(Хомяков, Киреевский, Самарин, Данилевский), почти все были поэтами, все прекрасно разбирались в истории и философии.

«Славянофилы и были теми русскими людьми, которые стали мыслить самостоятельно, которые оказались на высоте европейской культуры». Уверен, не один исследователь, столкнувшись с А. Хомяковым, был потрясен умищем этого русского человека, его современник историк М. П. Погодин о нем говорил: «какой ум всеобъемлемый... Чего он не знал?» А часто, когда в обществе говорили о честном и порядочном человеке, то употребляли такое выражение — «честный как Аксаков» или — «порядочный как Аксаков».

Еврейский исследователь, хорошо разбирающийся в российской истории и культуре, М. Гершензон подчеркнул огромный вклад славянофилов в формирование русского (суммарного) мировоззрения, дал точную оценку: «Миросознание же русского народа было не только христианское, но и языческое: русская нация приняла правду Христову, дух Христов, но по плоти и крови принадлежала ещё к граду языческому».

И с этого момента обратим внимание на некоторые линии глубокого понимания славянофилами важных вопросов и тем, которые закономерно привели к непониманию и к конфронтации с российской властью. Первая — это ценность самобытности, аутентичности русского народа, которую необходимо сохранять и поддерживать, а не размывать универсальным западным нигилизмом. Этой теме много внимания уделил историк М. П. Погодин, и эту позицию поддерживали все славянофилы.

«Славянское семейство народов образует самостоятельный культурно-исторический тип, и если оно откажется от самостоятельного развития своих начал, то вообще должно отказаться от всякого исторического значения и снизойти на ступень служебного для чужих целей этнографического материала, — утверждал Данилевский. — Поэтому-то между тем как англичанин, немец, француз, перестав быть англичанином, немцем или французом, сохраняет довольно нравственных начал, чтобы оставаться замечательной личностью в том или другом отноше-

нии, русский перестав быть русским, обращается в ничто — в негодную тряпку, чему каждый, без сомнения, видел столько примеров, что не нуждается ни в каких особых указаниях».

Можно добавить, что лишаясь своих национальных черт, нравственности и заражаясь стяжательскими идеями Запада — многие русские становятся потрясающе холодными и жестокими преступниками, равных которым в мире очень мало.

В этом плане, кстати, в истории человечества просто здорово вела себя еврейская нация, на протяжении трёх тысячелетий без собственного государства, без родины, в состоянии распыления по всему миру — умудрялась сохранить свою природную аутентичность и, благодаря этому, имеет в вопросах выживаемости и благополучия большое преимущество над другими.

В современную эпоху мы видели, как западные умники насаждают свою цивилизацию африканцам или латиноамериканцам. В результате те — теряя свою аутентичность, природную неповторимость становятся — неразличимыми в мировой толпе, унифицированными; они в ста случаях из ста никогда не поднимаются в своём дальнейшем развитии до мирового уровня. Более того — они «почему-то» спиваются, деградируют, погибают от наркотиков. А если они имеют чем-то богатые земли, на которые попадает око международных корпораций, то всё(!) — процесс инволюции, деградации ускоряется в несколько раз. И можно уже считать, что эта народность уже исчезла.

Понятно, что тема самобытности русского народа не ограничивается только христианским периодом истории, и уходит далеко в языческую и ведическую глубь к Богу.

Итак, — тема самобытности русского народа понятна, и, казалось бы, — что в ней плохого? Но к ней настороженно отнеслось большое количество российских чиновников с фамилиями: Бенкендорф, Нессельроде, Адлерберг и много-много других подобных, которые в этом случае, как минимум, чувствовали себя на чужой земле неуютно, некомфортно, а наиболее агрессивные специально подло искажали любые проявления патриотизма — называли проявлением махрового национализма и шовинизма; — это во-первых.

Во-вторых, как в правительстве Николая I, так и в правительстве Александра II было огромное количество масонов, согласно базовому мировоззрению которых — они должны сделать всё, чтобы на нашей планете не было национальностей и национальных государств, а была одна универсальная однородная человеческая масса, исповедующая только их мировоззрение-религию. Поэтому для них славянофилы в этой теме были принципиальными идеологическими врагами, с которыми необходимо было бороться, и они были готовы при любом удобном

случае сделать им любую гадость — «подставить» перед императором под удар, науськать на опасных шовинистов и т.д. Такую же позицию занимала прозападная разночинная молодежь, нигилисты, уже зараженные марксистским интернационализмом; и занимала и занимает вся либеральная пресса в России, поддерживая естественно атаку и первых и вторых и третьих.

Во всех четырех случаях: иностранцы, масоны, либеральная прозападная пресса и зараженная всеми ими российская молодежь, — мы наблюдаем длящиеся и развивающиеся(!) негативные последствия «великого» Петра. На будущее — для краткости эту четверку буду называть — «западная четверка» (против «русской тройки» Гоголя) или — «черная тетрактия» (почти по Пифагору).

Вторая линия — это тема нравственности. «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственным и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственным по понятиям закона, вовсе не заботясь, является ли нравственным сам человек...», — объясняет Иван Аксаков. Эту тему поднимали в различных ракурсах все великие русские писатели, например Л. Н. Толстой отметил: «Наука и философия трактуют о чем хотите, но только не о том, как человеку самому быть лучше...». А через 100 лет эту тему прекрасно развил выдающийся русский философ Иван Ильин, и в этой книге мы этой темы уже касались.

А ведь в чём состоит эволюция человека, его прогресс как человека? В том, чтобы изобрести более лучший трактор, телевизор или танк? Чтобы сделать самый вкусный бутерброд или шоколад? Чтобы пошить самое красивое платье? — Нет, в совершенстве человека есть много линий совершенства, но главная из них — это совершенство сознания в ракурсе понимания добра и зла и соответственные поступки в жизни — это можно делать, а это нельзя. И в данном случае человеку не нужно давать и знаменитые десять заповедей, ибо они у него уже есть внутри, он сам их изобрел, сам к ним пришел. А что такое Конституция или законы — это подробно расписанные на многие случаи жизни 10 заповедей. Поэтому у совершенного нравственного человека и десять заповедей и Конституция уже есть в его сознании.

Если взять этот высший уровень сознания за 100%, а таковых людей немало — которые за всю свою жизнь сознательно не совершили ни одного преступления или значительного плохого проступка, то что делать людьми у которых этот уровень — 20, 50, 70 или 90%? — Их обязательно необходимо ставить в рамки объявленного закона, ограничивать законом и пугать-сдерживать предусмотренными законом наказаниями.

Повторюсь, либерал Герцен в конце жизни пришел к правильному выводу: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри».

Эту важную аксиому жизни, истину-мудрость объясняли все славянофилы, в высказывании Ю. Самарина она звучала так: «Если нет свободы духовной, не может быть и речи ни о свободе гражданской, ни о свободе политической, ибо и та и другая предполагают первую...».

Эта истина актуальна сегодня? — Конечно, и сегодня и всегда — сколько будет существовать человечество. Есть несколько истин производных от этой главной, — общество, человечество будет когда-нибудь на все 100% совершенным, то есть — все люди в обществе будут нравственны на 100%? — Нет, никогда. Тогда получается, что законы, ограничивающие и пугающие наказанием человека, нужны всегда? — Да, всегда. Тогда зачем нужны все эти разговоры и старания о повышении нравственности среди людей? — Нужны. Ибо каждый профессиональный социолог, обществовед, политолог, знает, и в человеческом обществе действует мировой закон качества или закон разнообразия, впервые разъясненный Г. Менделем, по которому в худшем случае в обществе будет (останется) 20 % высоконравственных людей, а максимально возможное при правильном старании и воспитании, то есть в самом лучшем случае — 75-80%, а остальные 25-20% — это лентяи, воры, паразиты, грабители, наркоманы, неудержимые похотливые развратники, обжоры, накопители богатств и прочие морально-нравственные несовершенные люди, причину несовершенства и ущербности которых необходимо искать не только в плохом воспитании, но в природных от рождения свойствах, вытекающих из неправильных прошлых жизней-судеб, поскольку душа человека бессмертна и имеет свою долгую историю.

И бороться за нравственность в обществе стоит из-за большой разницы между 20% и 80%, то есть за 60% общества, человечества, а это огромное количество преступников, преступлений, некрасивых низких поступков и наоборот — огромное количество спасенных жизней и существенное улучшение общества и, соответственно, жизни внутри этого общества; при этом я не рассматриваю все положительные последствия за рамками одной жизни. И бороться стоит за то, чтобы 20% и тем более 80% нравственных людей жили в нормальной атмосфере и обстановке, а не были вынуждены жить в атмосфере животных инстинктов, пошлости, низости и разврате.

И на чью сторону переходят: вверх — совершенствуются или вниз — деградируют в алчности и разврате, скатываясь к животному уровню эти 60% полуобразованных, полуумных, полупорядочных, получестных, колеблющихся между совестью и искушением, — тогда та или другая Мировая сила выигрывает: белые или черные, светлые или темные, Белобог или Чернобог, Бог или Сатана...

Этих важнейших истин до сих пор не понимают огромное количество политиков, чиновников, не говоря уже о либералах, демократах, анархистах, террористах и профессиональных политологов и политиков, которые сознательно коварно раскручивают политтехнологию «свободы» с целью разрушения того или иного общества, это мы уже наблюдали на примере многих кровавых революций.

Славянофилы исходили из истории русского народа, которая является частью самобытности русского народа, в которой русский народ, понимая озвученные выше вечные истины и необходимость регулирующих законов и правил, — по доброй воле, сознательно собирался на Вече и выдвигал, обсуждал и принимал необходимые законы, нарушение которых наказывалось самым категоричным и строгим образом по общему добровольному согласию.

Такой вид принятия законов в ладу со всеми соотечественниками и с божьими нравственными принципами называется — соборным, соборность — это единство понимания нравственных ценностей и совместная жизнь по ним, в ладу со своей совестью — с нравственными ценностями и в ладу с окружающими, живущими по таким же ценностям. Несмотря на утверждения ортодоксальных христианских теоретиков, — соборность на Руси существовала задолго до принятия христианства.

И никто с неба ограничительных скрижалей русским не спускал, чтобы под страхом страшной кары заставить их придерживаться элементарных нравственных человеческих норм, ибо Бог, похоже, прекрасно понимал, что для русских это не нужно, совсем излишне, о чем убедительно свидетельствовала их дохристианская история, которую мы вкратце рассматривали в первой книге этой серии. В чём был самый главный реформаторский и эволюционный Новый Завет Иисуса Христа для евреев? До Христа в еврейском обществе всё было тотально и жестко зарегламентировано, начиная от спущенных сверху скрижалей, — как элементарных законов-норм, чтобы евреи могли называться людьми, — до сотен тысяч мелких дополнений «историческими юристами» — раввинами всех поколений. В Библии можно даже прочитать, что если какому-либо еврею очень хотелось совершить зло, ну просто — внемоготу, то ему рекомендовалось идти в другой город, где евреи не жили, и «разрядиться» от души. В результате в еврейском обществе были жесткие требования-рамки законов, жесткое требование их выполнения и жесткие наказания в случае невыполнения, — то есть никакой внутренней свободы выбора у дохристианского еврея не было, никакой внутренней работы внутри себя в теме «добра и зла», ибо всё, что от него требовалось, — это четкое выполнений данных извне требований-рамок-ограничений. Поэтому развивались как личности, как люди только сами левиты-раввины, а остальные колена-евреи были

этого лишены, и подтягивались вверх в своём развитии — если только это решили и позволили раввины.

Вот и пришел «с мечом», ибо это была радикальная ломка старых еврейских традиций, «либерал» Иисус Христос и против воззрений «отцов» и для формирования новых поколений («детей») провозгласил свободную волю каждого еврея, чтобы он сам, внутри себя, в результате мучительных и трудных колебаний, сомнений и даже тяжелой умственной работы мог разобраться — что есть добро и зло, и в ракурсе этого — в своих приоритетах и поступках. Фактически Иисус Христос вывел простых евреев, минуя пастырей-раввинов, напрямую к Богам — Белобогу или Чернобогу, к Богу или Сатане в христианской интерпретации. Поэтому понятна была ярость раввинов и желание расправиться.

А русским этой реформы не надо было, ибо они уже давно, тысячелетиями естественно жили в таких условиях самоорганизации и по таким принципам. Кто изучал древнеславянское мировоззрение, тот прекрасно знает основной закон-принцип для славянина-мужчины: он волен поступать как хочет, он — царь и бог, и никто не вправе ему указывать и навязывать свою волю, ибо в нем закон, поэтому он сам — закон сам себе, и сам несет полную ответственность перед родом, общиной и Родом за все свои поступки и помыслы. И как мы прекрасно видели из истории, этот закон свободной воли «почему-то» приводил не к анархии, а к правильной эффективной самоорганизации. Как мы наблюдали в первой книге этой серии, некоторые иностранные ученые, изучавшие историю Руси и русский народ, делали открытие и восклицали — да ведь русские были христианами ещё до Крещения Руси.

При этом русские были по мировоззрению и нравственности до Крещения Руси христианами в понимании самого Иисуса Христа, а не Савла-Павла, который очень сильно учение Христа исказил и целенаправленно «добавил» совершенно противоположные идеи. Руси, русским по вышеизложенным причинам не было никакой необходимости принимать учение Иисуса Христа для еврейского народа, тем более не было никакой необходимости принимать искаженное измененное учение Савла-Павла — павлинизм, поэтому русские его и не принимали, а его смогли навязать только «мечом и огнем» и большой кровью, насильственно. И это навязанное насильственно христианство, как мы наблюдали опять же в первой книге этой серии, не способствовало развитию России и русского народа, а наоборот — отбросило назад, затормозило и, примерно, на 500 лет (полтысячелетия) Россия застыла на месте в бесконечных кровавых междоусобицах, которыми сполна воспользовались внешние враги, усугубив трагедию России и русского народа.

На Руси до Крещения существовало единство народа, государственности, власти и гармония с внешним Миром — с Богом (Народ-го-

сударство-Бог) — это и есть соборность. После Крещения это состояние гармонии при новой религии было достигнуто только ко второй половине 17-го века.

Начиная от человека, эта иерархическая цепочка или «матрешка в матрешке» выглядела более полно так: человек-народ-государство-Бог, где власть находится внутри понятия государство. По этой цепочке-связи осуществляется многоплановое движение в обе стороны, в обоих направлениях. А, например, В. Белинский озвучил противоположный, люциферовский порядок всех либералов: «Человеческая личность выше истории, выше общества, выше человечества», и вооружившись этим девизом, любой либерал может стать во главе всей пирамиды-цепочки и легко эгоистично и эгоцентрично, как это выразиться помягче, — на... чхать на всех: на своих сородичей, на всё человечество и на весь Мир — на самого Бога.

При этом стоит заметить, что славянофилами «консервативный» порядок не помешал полностью себя реализовать, максимум развиться, а вот среди либералов что-то не наблюдалось великих творцов — сплошь одни вторичности-критики. При этом у либералов можно заметить способность к «черному» героизму, к самопожертвованию ради достижения вышеизложенной Белинским идеи, например, — после многочисленных попыток убить российского императора в последней попытке террорист взорвал себя вместе с Александром II. Причем многие террористы в России, идя на убийство человека, и готовясь на страдания и лишения, после этого умудрились брать пример с христианских святых, с их страданий и жертвы, и зачитывались Новым Заветом в тех местах, где говорилось о страданиях, совершенно не обращая внимание на важный реформаторский и эволюционный смысл Нового Завета Иисуса Христа по уменьшению, сокращению зла в Мире — на любовь к ближнему и даже к врагам, на милосердие и прощение, в отличие от «глаз за глаз» и «жизнь за жизнь» в старых еврейских священных книгах.

Говоря о соборности, можно заметить, что у Запада также есть своя «соборность», по своему (!) духу солидарность и сплоченность — как взаимопонимание стаи хищников, завидевших добычу, — на это обратили внимание славянофилы, И. Аксаков: «Все западные европейские державы — коль скоро дело идет о нас, о славянах — солидарны между собой. Гуманность, цивилизация христианство — все это упраздняется Западной Европой к славянскому православному миру».

Одной из функций верховной власти было наблюдение за соблюдением принятых законов. И на примере приглашения Рюрика мы видим, что в русских общинах народ понимал значение власти, и когда в некоторых случаях не видели достойного возглавить среди своих, то приглашали достойных с других родственных общин. Вот это не навя-

зывание законов извне силой, хитростью или под страхом Божьей кары, а тысячелетиями(!) до принятия христианства сознательно, самовольно, активно участвуя в принятии законов определило специфику характера, души русского человека — у него выработалось и закрепилось понимание истины и необходимого закона или отсутствие оного, выработалось понимание-чувство истины-правильности-справедливости.

И когда навязанный внешний закон не соответствует своему пониманию правильности-истинности, то русский человек может относиться к нему неуважительно, и даже наплевательски, и поступать не согласно неправильному, по его мнению, закону, а по своему понятию. Отсюда мы часто можем слышать знаменитое наблюдение — «известно отношение русских к законам...» и такое редкое среди других народов и наций явление как — «жить по понятиям», или — «жизнь по понятиям».

Это явление для русских всеобщее, хотя в наше время это относят в основном к жизни преступного мира, хотя признают, что этот свод внутренних законов «по понятиям» является очень логичным, правильным и справедливым. А в христианский период истории России, если русский человек входил своим понятием правильности-справедливости в конфронтацию с внешним законом и в результате подвергался большой опасности, то он уходил подальше — за территорию действия этого внешнего закона, — благо его просторная Родина давала ему эту возможность и закрепляла эту его самобытность, и этот сам в себе свободный «законник» уходил в казаки. Он и ему подобные свободные собирались вместе в общины, создавали селения, деревни и станицы, устанавливали себе законы общежития, выбирали себе власть — атамана и писаря для их соблюдения, прекрасно жили без Конституции в классическом её понимании.

И как мы видели из истории — казаки жили довольно эффективно, счастливо, и в казацких станицах был один из самых высоких уровней нравственности, как и теперь, включая общины старообрядцев и староверов, также желающих жить по своим законам, а не по внешним, даже умышленно самовольно (то есть по своей внутренней свободе) самоизолируясь от порочного прозападного мира.

При этом стоит заметить, что когда встал вопрос о вхождении свободолюбивых казаков в государство, то они органично вошли и стали столпом русской государственности, её опорой; и большевикам было тяжелее всего дурить мозги именно казакам, поэтому как самых нравственных, умных и независимых большевики их и уничтожили под корень.

Поэтому внутренняя свобода русского человека, обусловленная его внутренней самобытностью и спецификой Родины-территории, намного больше, чем у западного человека, живущего веками в своих европейских клетушках, из которых некуда бежать, и под жестким насильственным

внешним законом. Отсюда один из важных аспектов «загадочности» русской души, и смешно слышать настоящему русскому человеку бесконечные разговоры западников о свободе...

«Пора понять, что ненависть, нередко инстинктивная, Запада к славянскому православному миру происходит от глубоко скрытых причин, причины эти — антагонизм двух противоположных просветительских начал... — объяснял И. Аксаков. — На Западе революционный нигилизм явление не случайное, мимопроходящее... его корни в самой истории, в самой цивилизации Запада... он есть плод от древа культуры взращённого Западом». Нигилизм А. Шопенгауэра, его резкости и хамство не только от личных проблем, но и рецепт и протест от западной несвободы, от «некуда бежать».

И перенесение западного нигилизма в Россию было «искусственным напылением» мозгов русской молодежи, целенаправленным заражением этим вирусом нигилизма. Из защитного рецепта в российских условиях он превратился в агрессивного зверя, грядущего террориста-бомбиста. Ведь на Западе нигилисты не бросали бомбы в королеву Викторию...

Можно отметить ещё один аспект, на который я обращал внимание во второй книге этой серии, и показать противоположности. Группа ученых из Института Нравственности (Санкт-Петербург) во главе с профессором В. А. Чигиревым издали в 2007 году книгу под названием «Феномен еврейства как загадка истории культуры», в которой отметили:

«...очень характерна мелочная регламентация повседневного быта, его так называемая "табуация"... И неверно было бы утверждать, что с упразднением кагала и с так называемой эмансипацией евреев ушла в прошлое и эта сторона их жизни.

Дело в том, что именно на основе мелочной регламентации быта и связанной с ней ролью раввинов как арбитров в практике разрешения постоянно возникающих противоречий между теми или иными предписаниями Талмуда развивалось гипертрофированное "правовое самосознание" евреев, т.е. их склонность решать между собой спорные вопросы исключительно на основе формально-юридического манипулирования условными статьями права, а не на основе коррекции права такими общепризнанными в нееврейской среде неюридическими понятиями, как "правда", "совесть" и "справедливость"». Всё западное мировоззрение основывается на христианском мировоззрении, в основе которого как минимум половина — это Ветхий Завет, состоящий из еврейских религиозных книг, да и Новый Завет является реформаторским — но также еврейским.

А как убедительно показал в своих исследованиях наш современник профессор И. Я. Фроянов — в России до 18 века, до Петра I существовало

двоеверие: пришедшее христианство и религия-мировоззрение наших дохристианских предков. И эта смесь в виде русского православия сильно отличается от западного христианства и даже от византийского, и эта смесь так и сохранилась в нашем сознании, и его языческо-ведическая часть и обуславливает нашу сильную внутреннюю свободу, «казацкий характер»; и бесстрашный вылет в Космос именно русского человека — не случайность.

После этого пространного комментария, возможно, вы по-другому отнесетесь к объяснению Ивана Аксакова: «Закон нравственный, внутренний требует, прежде всего, чтобы человек был нравственным и чтобы поступок истекал, как свободное следствие его нравственного достоинства, без чего поступок теряет цену. Закон формальный или внешний требует, чтобы поступок был нравственным по понятиям закона, вовсе не заботясь, является ли нравственным сам человек...»; его же — «Запад жертва внешнего закона», и — «Русский народ есть народ не государственный...». Последнее высказывание И. Аксакова можно без недоумения понять лишь в аспекте вышеизложенного объяснения. И понятно, что российские власти, прочитав это высказывание, не могли не насторожиться и не раздражиться.

Западники (и сегодня) пытались ерничать и дискредитировать славянофилов вопросом: «Вы же понимаете, что возврат в дохристианский период, в далекое язычество невозможен; это нелепица и абсурд, — это откат назад в варварство». На что славянофилы им спокойно в лице И. Аксакова отвечали:

«Нужно возвратиться не к состоянию древней Руси, а к пути древней Руси». Запомните это объяснение, разъяснение. А выдающийся мыслитель Д. А. Хомяков(1841—1918 г.), — старший сын А.С. Хомякова, продолжал объяснять дальше:

«На западе власть явилась, как грубая сила, одолела и утвердилась без воли и убеждения покоренного народа. В России народ осознал и понял необходимость государственной власти на земле, и власть явилась, как званный гость, по воле и убеждениям народа». — Отсюда и должно быть и соответственное понимание власти правящими над народом.

Эта «историческая привычка» и потребность к общинной форме самоорганизации русских людей, исходящая из понимания, что она необходима для эффективного выживания народа в тяжелых условиях, связанная с духовностью и высокий уровень нравственности — всё вместе это соборность русского народа. Начиная с Вече, общин, княжеств Руси и казацких станиц, — мы наблюдаем тягу русского человека к общинности, к соборности, и то, что русский человек не единоличник, замечено многими. Даже симпатии русских людей к советскому строю и колхозам этим объясняется.

«Другой вывод из вышеизложенной исторической особенности важнейших моментов развития русского народа состоит в огромном перевесе, который принадлежит в русском человеке общенародному русскому элементу над элементом личным, индивидуальным» — объяснял Н. Данилевский. Сегодня в России с начала «перестройки» совершается попытка уничтожить, искоренить это характерное свойство русских людей путем внедрения индивидуального предпринимательства и других принципов капитализма и капиталистической идеологии личной корысти-выгоды, индивидуального успеха.

Линия третья — смысл, понимание верховной власти всеми иерархическими составляющими общества. Д. А. Хомяков: «Царь, царствуя почитается совершающим великий подвиг самопожертвования для целого народа («Венец принявший тяготу...»)... Власть, понятая, как бремя, а не как привилегия, — краеугольная плита самодержавии». — Вроде как всё правильно, но неуверен, чтобы какому-либо российскому императору, кроме Павла I и допетровских, это важное уточнение-напоминание понравилось. Это актуально сегодня — касается президента, главы правительства, министров и губернаторов? — Конечно.

И ещё в пояснение предыдущей мысли, но более правильно-радикальное — Д. А. Хомяков: «Самодержавие есть олицетворенная воля народа, следовательно, часть его духовного организма, и поэтому сила служебная...». Понятно, что далеко не каждый император, царь мыслили себя служкой народа, поэтому раздражение умниками-славянофилами у Николая I и Александра II росло.

С этим правильным мировоззрением славянофилы посмотрели — почему сегодня не есть так как надо, как правильно, и «От чего так нелегко живется на Руси?» (название статьи И. Аксакова) — откуда эта неправильность и тяжесть идут-продолжаются и кто её начал, и эти умники верно разобрались в истории, в философии истории — А. Хомяков:

«Вся суть реформ Петра сводится к одному: к замене русского самодержавия абсолютизмом. Самодержавие... становится с него Римо-Германским императорством. Власть ради власти, автократство ради самого себя... Вся земля русская превратилась как бы в корабль, на котором слышаться лишь слова немецкой команды». Интересно, что даже эта тенденция, прерванная советским периодом истории, и тот сегодня актуален — можно задаться вопросом: «Какую пользу или вред принесли тогда России — Бенкендорф, Адлерберг и Нессельроде?», и такой же вопрос можно поставить и в отношении Грефа, Коха и Лившица, Швыдкого и им подобных...

Повторю из второй книги этой серии: Лев Толстой в молодости также был западником, очень почитал Петра и даже благоговел перед ним; но когда он собрался писать о нем роман и окунулся в историю его правления, то резко поменял своё мнение и стал очень грубо о нем

отзываться: «Был осатанелый зверь», «великий мерзавец, благочестивый разбойник, убийца, который кощунствовал над евангелием... Забыть про это, а не памятник ставить».

После высказанных убеждений славянофилов по поводу засилья немцев и Петра «великого» можно представить эмоции иностранцев в российском правительстве, которые к тому же были ещё и масонами, и тем более реакцию императора, учитывая, что особенно начиная с Екатерины «великой», для всех её коронованных детей и внуков Петр «великий» был святым, кумиром, идолом, в сторону которого и пальцем нельзя было показывать... А тут... — и что эти умники-славянофилы себе позволяют?!! Отношение российских императоров к Петру прекрасно понимали и масоны, поэтому как только убеждения славянофилов были в 1852 году опубликованы в первом томе «Московского сборника», изданного за средства А. И. Кошелева(1806—1883), то масон министр просвещения П. А. Ширинский-Шихматов(1790—1853) побежал к императору со срочным докладом, в котором жаловался на славянофилов, в частности на И. Киреевского, что он «не дает должной справедливости бессмертным заслугам великого преобразователя России».

После этого было проведено расследование, — и цензор, пропустивший в печать «Московский сборник», получил строгий выговор, а выход второго тома зарубил начальник 3-го Отделения и член сразу трёх масонских лож, и он же член Главного управления цензуры и друг Бенкендорфа — Л. В. Дубельт (1792—1862). Ох, и покуражились эти напыщенные мужчины: Бенкендорф, Нессельроде и Дубельт, начиная от Жуковского и кончая Пушкиным, а теперь взялись за появившегося опасного для них идеологического врага и приняли целый ряд мер: «как людей открыто неблагонамеренных подвергнуть надзору» и «запретить или даже представлять к напечатанию свои сочинения».

И. Аксаков объяснил репрессии составом правительства и обратил внимание на ещё одни аспекты: «Правительство вербуют своих деятелей из того же критикующую его общества, наше правительство и оппозиция в сущности одно и тоже...».

Этот явление мы сами наблюдали в наше время, например, вначале Немцов, Нечаев, Хакамада были критиками, в оппозиции, затем получили министерские должности, и, работая в составе правительства ничего существенного не сделали, и после отставки опять ушли в «непримиримую» оппозицию, надеясь, что со временем им опять дадут какие-то высокие должности. Ярким примером является Дмитрий Рогозин — ох и яро критиковал правительство, — и в конце концов правительство дало ему достойную должность, и он не скрывал своего огромного удовольствия — и замолк наглухо, получилось, что шантажировал правительство и добился желаемого результата.

На ещё один очень актуальный и важный сегодня аспект обратил внимание И. Аксаков:

«Половина общества так воспользовалась представленной ему правительством свободой, что живут за границей и воспитывают там своих детей; наших будущих русских деятелей готовят не только вдали от России, но в атмосфере ей чуждой и враждебной, под воздействием иных просветительных начал, с детства усваивают себе точку зрения, с которой менее всего понятна Россия».

Это же подчеркнул и Ф. М. Достоевский: «За границей я тоже с горечью смотрел на наших абсентеистов; на детей их, не знающих родного языка или забывающих его. Мне ясно было, что половина их самою силою вещей обратится под конец в эмигрантов. Об этом мне всегда было больно думать: столько сил, столько, может быть, лучших людей, а у нас так нуждаются в людях!»

В современной России стало правилом хорошего тона и статуса наших богатых сограждан — обязательное обучение детей за границей, и почему-то именно в Англии. В некоторых случаях даже доходит до некоторого, мягко выражаясь, «перебора» — многие наши граждане смотрели по телевидению рекламно-имиджевый фильм о непотопляемом представителе сразу нескольких еврейских олигархов, большом мастере «шахматных» внутренних игр, современном «Нессельроде» — «вечном» первом(!) помощнике президента России при нескольких последних президентах «смотрящим» и контролирующем ситуацию внутри России — В. Суркове, и в этом фильме с предельной откровенностью говорилось, что семья Суркова живет в Лондоне, а его дети ходят в лондонскую элитную школу, из чего получается — что В. Сурков летает на работу в Кремль из Лондона...

При этом все историки и политологи согласны в том, что Англия уже полтора десятка лет является коварным геополитическим противником России, за исключением нескольких лет во время войны против Гитлера, для которого Англия очень много сделала — чтобы его возвысить, привести к власти, сделать мощным и направить против России. Вернемся к нашим славным славянофилам 19-го века.

Не только за границей российская молодежь получала «специфическое» воспитание, но и в самой России многие западники старой либеральной закваски, в том числе и масоны, воспитывали своих детей в чуждом духе. «Прежде всего поставьте вопрос: если сами отцы этих юношей не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями... если слово «Отечество» произносилось перед ними не иначе как с насмешливой складкой, если к делу России все воспитавшие их относились с презрением или равнодушием, если великодушнейшие из отцов воспитателей их твердили им лишь об идеях «общечеловеческих»...» — писал Ф. М. Дос-

тоевский («Дневник писателя», 1873 г.), который отметил также, что созданная в российском обществе атмосфера моды на Запад, подражания Западу и нигилизма также оказывает негативное влияние на российскую молодежь. — «Господа защитники молодежи нашей, возьмите наконец, ту среду, то общество, в котором оно возрастает, и спросите себя: может ли быть в наше время что-нибудь менее защищено от известных влияний?.. Двадцать лет назад известия о каких-то бегущих в Америку гимназистах из 3-го класса гимназии показалось бы мне абсурдом. Но...».

Понятно, что славянофилы в ответ на репрессии своими ответными высказываниями ещё больше раздражали власти, и ещё шире и глубже разрывали пропасть между ними и властью, к тому же они писали ещё и стихи, которые вряд ли нравились властям, И. Аксаков:

...В могучем крае нет отпора,
В пространном царстве нет простора,
В родимой душно стороне!

Зачем душа твоя смирна?
Чем в этом мире ты утешен?
Твой праздный день пред Богом грешен,
Душа призванью не верна!
Вокруг тебя встают задачи,
Вокруг тебя мольбы и плачи,
И торжествующее зло,
А ты... Ужель, хотя однажды,
Тебя огнём палящей жажды
Добра и подвигов не жгло?

А ты, страдающий под игом
Сих просвещённых обезьян, —
Пора упасть твоим веригам!
Пусть духом мести обуян,
Восстанешь ты и, свергнув бремя,
Вещав державные слова,
Предать мечу гнилое племя,
По ветру их рассеешь семя
И воцаришь свои права.

Неудивительно, что либералы, масоны после таких стихов, умышленно сгущая краски, объясняли императору Николаю I, что славянофилы — это пунцовые революционеры, и более опасны, чем красные революционеры.

И только когда после гибели Николая I отправили в отставку вместе с Нессельроде и Дубельта в 1856 году, то с этого года (1856) славянофилы стали издавать свой еженедельник «Русская Беседа», затем — «День», «Беседа», «Земство», «Голос». К тому же, когда славянофилам разрешили печататься, то они своей правдой нажили себе ещё одних врагов — И. Аксаков, Н. Костомаров, П. Кулешов стали печатать статьи по «еврейскому вопросу», об угнетении евреями крестьян в украинском крае, о невозможности их ассимилироваться и т.п.

Заканчивая эту главу, стоит отметить огромную роль русских интеллектуалов в российской истории. В предыдущей и этой книге мы наблюдали примерно с момента появления М. Ломоносова антипетровский процесс возрождения и становления русской нации, её самосознания, её мировоззрения, благодаря выдающимся русским интеллектуалам, русской «правильной» интеллигенции в отличие от прозападной.

«Интеллигенция есть орган сознания общественного организма», — дал в середине 19-го века И. Аксаков ответ современному еврейскому идеологу из Израиля Я. Рабиновичу, коварно утверждающему: «Один из самых живучих и стойких российско-советских мифов — миф о высоком предназначении, высокой линии и духовном превосходстве так называемой «интеллигенции» (Я. Рабинович, «Быть евреем в России. Спасибо Солженицыну» (М. 2006 г.).

Интеллигенция — это голова, сознание общества-тела. Соответственно «левое полушарие мозга» (по мужской структуре) общества — левые-западники, рациональность и свобода, включая неограниченную свободу желаний и инстинктов, а «правое полушарие» — это правые, причем в смысле патриотизма (конечно — не СПС Б. Немцова), и соответственно — ответственность, нравственность, духовность, совершенство.И если в голове порядка и правильных приоритетов нет, то есть нет — «царя в голове», и голова больная, запутавшаяся или просто дурная, то всё тело обязательно попадет в какую-то неприятную историю, свалится в грязь, получит немало синяков и ссадин или будет биться в жару и конвульсиях очередной революции.

Славянофилы не предотвратили убийство западниками российского императора Александра II, но благодаря их трудам и стараниям в информационно-идеологической борьбе западники не смогли полностью захватить информационное пространство в России, и к концу 70-х славянофилы даже смогли повернуть общественное мнение в патриотическую сторону и свели на нет мощную попытку западных идеологов, называемых ошибочно или умышленно ложно — «народниками», поднять крестьян на революцию и свергнуть законную национальную власть. Этот драматический период российской истории мы подробнее рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Начало терроризма в России

Наши современные западные либеральные идеологи и историки, например Э. Радзинский, М. Веллер и прочие им подобные пытаются найти начало революции 1917 года почему-то именно в начале 60-х 19-го века. Причем не указывают ничего конкретного, а как-то с загадочной «мудростью» на что-то намекают. На самом деле, как мы уже наблюдали — процесс противостояния внутри российского общества начался давно — от Петра Первого, а непосредственно история террора в нем началась с третьего раздела Польши.

Терроризм в России в этот период начался с 1862 г., когда восстание поляков только начиналось, со студента московского университета поляка Петра Зайчневского и с русского студента Сергея Нечаева. Это было уже материализация желаний Белинского, Герцена, Огарева, это был уже «Базаров» в действии. Получилась завершенная логическая причинно-следственная цепочка: левые радикальные теории западников — нигилизм и нигилисты — реальные террористы. Зараженная революционными идеями часть российской молодежи изучала, обсуждала, критиковала, выражала протест во всем, с восторгом смотрела в Европу, в которой часто происходили «интересные» революции, а в России, к их большому разочарованию, было скучно, тихо, застой, — и наконец некоторые из них, самые отчаянные и «безбашенные» созрели до убийств.

Ещё проще было молодым радикальным полякам — у них была святая цель: освобождение их Родины, они не шли на преступление — они жертвовали собой ради своего народа, а убийство российского представителя власти было подвигом. Не случайно, что именно польских студентов часто использовали как боевиков Гершуни, Савинков, Азеф.

Кроме того, ещё в конце 18-го века самый знаменитый масон, мудрец-психолог и теоретик революций А. Вейсгаупт советовал: «Необходимо

также, чтобы приобрести приверженность пылких голов, горячо проповедовать всеобщие интересы человечества». И теперь пылкие горячие головы в России готовы были ради своего народа и человечества взрывать Россию, чтобы её поставить на «цивилизованные» рельсы.

Петр Зайчневский, будучи арестованным, составил в камере Тверской полицейской части (в Москве) прокламацию «Молодая Россия», в которой есть такие слова: «Мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка придется пролить втрое больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» (много интересного можно прочесть о терроризме в России в книге О. В. Будницкого «Терроризм в российском освободительном движении», 2000 г., источник цитаты). Сергей Нечаев (1847–1880 гг.) в ту пору создал даже теорию терроризма — «народной расправы». Причем Нечаев являлся ярким выражением именно нигилистической революционности с полным пренебрежением и к народу и даже к своим подельникам-террористам.

Н. Былов в своей книге «Черное Евангелие» отмечает: «Нечаев в своём «Катехизисе революционера» пишет, что революционер обязан отрекаться от тупости толпы. Такие явления как: ложь, перехватывание чужих писем, подслушивание, слежка друг за другом, вымогательство, кража, грабительство, убийства не должны смущать революционера. Кто этого не понимает, того нельзя допускать к служению революции». Такое впечатление, что революции делают сатанисты. И такое впечатление, что большевики усердно выдержали заветы Нечаева, ничего не пропустили и всё воплотили в точности.

Иногда некоторые исследователи делают различие между революционерами и террористами, по этому поводу следует отметить, что террористы — это разновидность революционеров, а терроризм — только один из методов решения революционных задач.

Было несколько факторов-причин-очагов терроризма в России, они были не случайны, закономерны. Первая — как результат освободительного движения поляков, ответ на оккупацию, эдакий заслуженный имперской политикой «освободительный» терроризм, продолжавшийся ещё с конца 18 века. Поэтому неудивительно, что когда в 1867 году террориста Дмитрия Каракозова после его покушения на императора, схватили и подвели к Александру II, то император сразу спросил у нападавшего: «Ты поляк?» — «Русский» — ответил террорист. «Почему же ты в меня стрелял?» — недоуменно с удивлением спросил император и был очень расстроен, — что на его жизнь стали покушаться свои, русские.

Этот освободительный патриотизм поляков, как опасность — даже сплачивал российский народ в негодовании, в противоборстве и т.д. Второй фактор — влияние на молодые образованные умы, особенно обучающиеся или путешествующие по Европе, событий в Западной

Европе, многочисленные революции и марксизм. Революционная романтика, характерный юношеский возрастной протест и благородная идея продвижения прогресса захватили многие молодые головы.

А когда появился третий фактор — и В. Белинский, А. Герцен, Н. Огарев и прочие их прозападные единомышленники стали поливать «нагревающуюся» российскую молодежь своим «керосином», то возникновение терроризма среди российской молодежи было уже делом времени.

Опасными лозунгами вооружали молодые горячие головы даже такие, казалось бы, некровожадные люди, как Некрасов: «умрёшь недаром, дело прочно, когда под ним струится кровь».

Четвертый фактор постепенно вызревал в лице пока тихо-агрессивного еврейского сообщества, уже давно находящегося в противостоянии с российской властью. Евреи активизировались примерно через 10 лет, к концу 70-х, перехватили инициативу и лидерство во всем революционном движении. А пока они наблюдали за реформами императора, которые совершались в их благо. Итак, мы видим в российском обществе протестный пучок из четырёх веток (очередная тетрактия).

Эта протестная часть российского общества восприняла реформы как результат проигрыша России в Крымской войне, как вынужденную уступку и отступление русского монарха, и поэтому стала ещё более ехидно и зло относиться к российскому руководству, требуя новых либеральных уступок, пытаясь принудить к дальнейшим либеральным шагам. А когда Александр II приостановил реформы к концу 60-х, тогда уж совсем критика переросла в терроризм.

Хотя любопытно то, что ещё до приостановления реформ, и сразу после их начала и после отмены крепостного права в 1861 году стали формироваться агрессивные кружки нигилистов, среди которых в 1861 году была сформирована радикальная, революционная организация «Народная воля».

Первое покушение на Александра Второго состоялось 4 апреля 1866 года. В столице у ворот Летнего сада в царя стал палить из пистолета Д. Каракозов, который был членом радикального студенческого «Московского кружка», и, как указывает О. Платонов, входил в масонскую террористическую организацию с жутким названием «Ад», которую возглавлял Н. А. Ишутин.

Убийство предотвратил оказавшийся случайно рядом крестьянин Осип Иванович Комиссаров, который гулял в Летнем саду на одной дорожке с императором и, увидев целившегося в императора молодого человека, толкнул его в руку, после чего на террориста набросились жандармы.

Диалог чудом уцелевшего императора с нападавшим мы наблюдали выше. Но было ещё интересное продолжение их разговора — на вопрос

императора: «Почему же ты стрелял в меня?» Каракозов ответил: «Ты обманул народ, обещал ему землю и не дал». Поэтому для Александра II был двойной неприятный шок — мало того, что его хотел убить русский, а не поляк, так ещё оказалось, что не решен вопрос крестьян и земли, а он то думал, что отменой крепостного права пять лет назад уже решил проблему. В Летнем саду разыгралась ещё одна интересная сцена, — когда находившиеся в летнем саду возмущённые горожане пытались растерзать террориста, то он удивлённо кричал «Дурачьё! Ведь я для вас же. А вы не понимаете» (по материалам Ю. Пирютко).

Как видим — российское общество изначально не поддерживало экзальтированных террористов. Это покушение на «царя-освободителя» вызвало большое возмущение общественности. Но террористы не обращали внимания на реакцию народа, они его планировали осчастливить и без его желания. И в этом же месяце организовали мощный взрыв на железной дороге в момент, когда должен был по ней проезжать император, но просчитались. Организатором была Софья Перовская с друзьями. В следующем, 1867 году (6 июня) произошло очередное неудачное покушение на императора Александра II, совершённое в Париже во время прохождения всемирной выставки поляком Антоном Березовским, которому помешал осуществить замысел французский конный жандарм. Кровью раненной лошади забрызгало обоих императоров: Александра II и Наполеона III.

В этот период в России была создана ещё одна террористическая организация под угрожающим названием «Народная расправа», членом которой был печально знаменитый С. Г. Нечаев.

На этом этапе истории Россия столкнулась не просто с придворными масонскими заговорами, а впервые столкнулась с революционным терроризмом. При этом террористические организации до революции 1905 года и до 1917 года в большинстве случаев использовали в качестве пушечного мяса — бомбометателей студенческую молодёжь. Именно молодые неоформленные и незрелые сознания студентов, поражённые пропагандой и революционным пафосом, жертвенно шли-использовались на смерть. Интересно, что и в наше время, в конце 20-го и начале 21 века, также используется в политических целях незрелость, горячность и возрастной протест-революционность молодёжи; основную ставку на эту студенческую молодёжь делают так называемые демократические либеральные партии СПС и «Яблоко» и кремлёвско-еврейские политтехнологи — отцы «нашистов».

К концу 60-х годов 19 века произошло знаковое изменение в национальном составе молодых революционеров — кроме русских и поляков появились представители еврейского сообщества, например, в революционный кружок Н. В. Чайковского входили: М. А. Натансон, П. Б. Ак-

сельрод, А.И. Зунделевич, А. Эпштейн. Это был переломный момент в истории России, в истории террористического движения в России и значимая веха в героической истории еврейского народа.

Студент физико-математического факультета Петербургского университета Н.В. Чайковский (1850—1926 г.) в 19-летнем возрасте (в 1869 году) вступил в революционный кружок имени самого себя, организованный евреем Мардыхаем (Марком) Натансоном. Дело в том, что Н.В. Чайковский не был организатором этого кружка, ни даже его руководителем, но благодаря советским умникам, которые не хотели называть этот кружок Аксельродовским или Натансоновским, но какой-то русской фамилией, — Н.В. Чайковскому повезло, и его имя было вписано целенаправленно с известной долей лжи в историю.

По инициативе Александра II произошло явление, которого он не ожидал, — когда он издал указ, гласящий, что еврейские студенты не призываются на службу в армию, то огромное количество еврейской молодёжи хлынуло в российские вузы, в первую очередь, чтобы не служить в российской армии. Они так рьяно бросились в грех и стали учить русский язык, что в некоторых известных вузах доля евреев-студентов возросла до 42%, любимые факультеты у них были — юридический и медицинский; и часть этой молодёжи вскоре «почему-то» встала на путь борьбы с российской властью, на путь терроризма.

Известный русский писатель Н.С. Лесков отмечал: «Как только при императоре Александре Втором было дозволено евреям получать не одно медицинское образование в высших школах, а поступать и на другие факультеты университетов и в высшие специальные заведения, — все евреи среднего достатка повели детей в русские гимназии. По выражению еврейских недоброжелателей, евреи даже "переполнили русские школы"».

Еврейский историк С.М. Дубнов подчёркивает другой аспект этой переломной эпохи: «Когда я теперь спрашиваю себя: что гнало в те времена юных птенцов из многих еврейских гнёзд и толкало их в большие университетские города, на голод и нужду? — я знаю, что отвечать: их стихийно увлекали носившиеся в воздухе новые веяния, сознание что жить по-прежнему нельзя, что нельзя оставаться в старом болоте, жениться и выходить замуж, плодить детей, сидеть в лавочке и зазывать покупателей, маклерствовать, гнаться за наживою или за простым куском хлеба, вообще оставаться на низших ступенях социальной лестницы, в то время как новая культура тянула вверх. То были родовые муки переломной эпохи...». С голодом и нуждой еврейских студентов С.М. Дубнов перегнул, конечно, здорово, ибо в университеты шли в первую очередь дети богатых еврейских фабрикантов и экспортеров леса и зерна, но понятно, что евреям в своём благополучии стало скучно

и захотелось чего-то большего, более высокого, в том числе и высокой борьбы за мировое господство, о котором напоминали и обнадеживали древние религиозные книги.

С этой поры евреи в России активно занялись политикой. К тому же с совершенно непонятного (даже глупого) одобрения российских властей в России в 1872 г. были изданы труды еврейского революционного теоретика К. Маркса, которого стали штудировать молодые террористы и будущие большевики, — о чём старались умалчивать советские идеологи.

Очередной раз постараюсь избежать претензий исследователя истории из Израиля Я. Рабиновича, высказанных в сторону А. Солженицына: «В книге А. Солженицына «Двести лет вместе» проигнорированы исследования выдающегося историка Шимона Дубнова и его единомышленников».

Вспоминал современник той эпохи Шимон (С. М.)Дубнов: «В Могилёве шла ещё раньше успешная революционная пропаганда среди еврейской молодёжи. Там действовал с 1873 года известный впоследствии социал-демократ Павел Аксельрод... Эта молодёжь, гимназисты старших классов и приезжающие на каникулы из столиц студенты, собирались на квартире могилёвского казённого раввина Когана, где был и я...

Тут передавалась тайно нелегальная литература, и пелись вольные студенческие песни...».

Это первое поколение еврейских революционеров во многом воспитало второе, которое и добилось своей цели в 1917 г. — «Всё же я чрезвычайно многим обязан Аксельроду в моём социалистическом образовании...», — признавался славный большевик и «выдающийся» борец с преподаванием истории в российских школах и университетах после 1917 г. А. Луначарский.

После неудачных одиночных попыток убийства царя, террористы в России приуныли, ибо было такое впечатление, что российский царь «ходит под Богом», Бог его хранит. Но в колокол стал бить из Лондона А. Герцен — не ныть, не расслабляться, необходимо сменить тактику — от индивидуального террора перейти к подготовке массового народного вооруженного восстания. Герцен давно к этому призывал, но к его советам не сразу прислушались. А поскольку в России в этот период ещё сколь-нибудь значительного пролетариата не было, то «лондонский вождь» призвал революционно настроенную молодежь идти в деревню к крестьянам и поднимать их на революцию.

Легко из Лондона сказать — идите в деревню и агитируйте, поднимайте народ на восстание! На практике это было очень трудно осуществить — просто так пойти и сказать верующим православным крестьянам, молящимися каждый день за царя-батюшку, что надо свергнуть и убить

царя... — гарантированно крестьяне сразу накостыляют по нигилистской интеллигентной роже, а то и вилы в бок. Поэтому молодые революционеры долго обдумывали и обсуждали, как «естественно», незаметно для народа и властей, войти в народ, под каким прикрытием, чтобы делать своё грязное дело — замарать крестьянам мозги до состояния бунта. И было принято оптимальное решение — освоить новые специальности, пригодные для сельской местности: фельдшера, землемера, ветеринара, и после этого двинуться в крестьянскую среду. Началась основательная подготовка для «хождения в народ». Например, народоволка и будущая большевичка В. Н. Фигнер стала изучать фельдшерское дело, — болезни коров, овец и свиней; это было забавно.

В 1868 году в Военно-Медицинскую Академию поступил Марк Натансон (1849—1919) будущий крупнейший пропагандист терроризма в России. Уже в 1869 году, пытаясь использовать недовольство крестьян реформами, Натансон вместе с А. Либерманом, М. Винчевским и М. Лилиенблюмом создал тайную организацию, саботирующую реформы Александра II, под названием «Общество еврейских социалистов». Члены этой организации тоже решили идти в русский народ агитировать против царя-кровопийцы, призывали не платить подати и готовиться к восстанию. Эта первая попытка еврейских лидеров эксплуатировать российских крестьян ещё и в других целях — в политических.

Но здесь внимательный читатель может задать закономерный вопрос — русским революционерам было сложно внедриться в народ, а уж еврейским тем более... — как они это могли осуществить? Как еврею агитировать на борьбу крестьянина, который знал еврея очень хорошо только с одной стороны? Вот это задачка. Трудно было замаскироваться, загримироваться... — «выдавали себя сразу, как говором, так наружностью и манерами», — сетует в своих воспоминаниях Лев Дейч. Наверное, приходилось, подобно ораторам древности, брать в рот камешки и учиться говорить по-русски правильно. А его собрат по решению этой задачки Иохельсон решил, что можно остаться евреем, но прикинуться таким же бедным и убогим — «чтобы пользоваться доверием народной массы — нужно было проникнуть в неё в виде рабочего или мужика». В своих мемуарах «Былое», написанных сразу после победы в 1917 году он рассказывает, как трудно приходилось начинать — с одной стороны приходилось как бы притворно тупеть, а с другой необходимо было сыпать к месту прибаутками. Ох, и тяжело было. А самое страшное в этой науке — это необходимо было показать умение работать в сельском хозяйстве... Ну раз надо...

Чего не сделаешь ради победы над ненавистным реформатором-императором. Приходилось долго тренироваться на учебных грядках: «Хотинский для этого сперва работал на хуторе, братья Левентали

обучались сапожному и столярному мастерству, Бетти Каминская (!) пошла работать на (вонючую) тряпичную фабрику...», — пишет в своём исследовании А. Солженицын.

Попытка хождения в народ была осуществлена в период с конца 60-х и до середины 70-х. При этом не было ни единой речи о получении крестьянами образования, грамотности, повышения культурного уровня, в том числе и культуры ведения сельского хозяйства — тупо поднимали на саботаж и на восстание, и даже не знали, как толково обмануть крестьян ленинским лозунгом «Земля крестьянам!».

Революционеры потратили на этот проект 7-8 лет, и результат был печален — русские крестьяне оказались намного умнее, чем предполагали заговорщики, которых крестьяне безжалостно били и сдавали в полицию, поскольку были очень религиозны, почитали царя и чувствовали, что их хотят впутать в какую-то авантюру, использовать. Агитационное движение псевдонародников и псевдопочвенников закончилось полным провалом.

В этот период о хождении в народ метко написал в «Петербургской газете» А. Стронин, которого именно в этом месте затем цитировал Ф. М. Достоевский:

«Вместо того, чтоб идти в народ, пользуйтесь случаем, он сам придет к вам. У вас есть прислуга, есть кухарка, есть горничная, кучер, лакей, дворник. Если вам хочется быть демократом, посадите их с собою за свой стол, за свой чай, введите их в семейную жизнь вашу.

Вместо того, чтобы говорить им, что нет бога и что есть прокламация, как начинает поучать всякий глупый либерал, скажите им лучше, что есть сложение и вычитание, что есть грамота и азбука. А между тем будьте с вашими учениками честны, внимательны, серьезны и не фамильярны, и вообще подайте пример добрых или по крайней мере лучших нравов».

Но поскольку революционеры-нигилисты этой скучной «черновой работой» не хотели заниматься, а после хождения в народ пришли к выводу, что русский народ, мягко говоря — очень странный народ, «неразвитый» до обмана, не ровня французскому — оставили эту идею спускаться в нижнее сословие и вернулись в свои богатые семьи и на хорошие должности; а самые фанатичные, радикальные и упорные из них решили в тупике, отчаянии любой ценой свергнуть монархию, и если не получается убить царя, то решили убивать высокопоставленных российских чиновников, и этим терроризировать общество и власть.

«В начале 70-х важную роль для российского революционного движения начал играть кружок молодых евреев в Вильно, вокруг Виленского раввинского училища. Среди них... В. Иохельсон, будущий видный террорист А. Зунделевич... будущий писатель Венской «Правды» А. Ли-

берман, а также Анна Эпштейн, Максим Ромм, Финкельштейн», — отмечал А. Солженицын. Как видим еврейский революционный ком рос с удивительной быстротой.

Хотя и российская полиция не дремала и иногда добивалась успехов, кого-то разоблачала, кто-то попадал в тюрьму. Была разгромлена и «Земля и воля». Террорист Л. Дейч писал:

«Пребывание Гольденберга с товарищами в петрозаводской тюрьме совпало с Парижской коммуной 1871 года... В Петербурге и в других городах стали возникать более или менее значительные тайные организации, задававшиеся целью распространять социалистические взгляды среди учащейся молодёжи...». В результате экспериментов террористы пришли к правильному для них выводу — среди городской молодежи, особенно среди студентов, революционные идеи распространять намного легче.

После неудачного покушения на Александра II террорист Гартман под фамилией Мейер скрылся во Францию. Российское правительство потребовало у французского его выдачи. Эту тему стали обсуждать масоны. И вот что писал знаменитый итальянский масон Гарибальди французскому масону Пиа: «Гартман, храбрый молодой человек, и все честные люди должны относиться к нему с уважением и благодарностью. Я твёрдо убеждён, что министр Фрейсине и президент Греви не замарают честных республиканцев выдачей политического беглеца...

Политические убийство есть секрет благополучия осуществления революции...».

И Гартмана не выдали, его пригрел Лондон, ведь он был братом лондонской ложи «Филадельфов», — как отметил в своём исследовании специалист по масонам Борис Башилов.

Стоит также упомянуть начавших в этот период свою революционную деятельность будущих активных членов террористического движения в России — Григорий Гуревич, братья Лейзер и Нахман Левенталь, Лев Дейч, Иосиф Аптекман, Александр Хотинский.

В современных учебниках истории России эти и вышеназванные фамилии еврейских террористов «почему-то» не звучат совсем, — ни одной, тем более не звучали в советских учебниках по истории. Зато во всех этих учебниках звучали и звучат только одни «идейные вожди» того периода: Н. Чайковский, полковник царской армии П. Л. Лавров (1823–1900 гг.), П. Н. Ткачёв (1844–1885 гг.) и, конечно, дворянин П. А. Кропоткин (1842–1921 гг.) и Михаил Бакунин.

Мы наблюдаем интересный феномен, — спросите любого учителя истории, и окажется, что он знает правду, хотя бы частично, но не говорит, — почему? Ответ только один — нет в учебниках, вот и не добавляем, и обязательно доверительно и с пониманием добавят — чтобы не

разжигать межнациональные отношения, ещё одна грань толерантности и политкорректности. Не совсем понятно, ибо по этой логике: давайте не говорить о татаро-монгольском иге, ибо татар вместе с нами живет более 20 миллионов, о поляках во многих случаях, о турках во многих случаях, о шведах под Полтавой, и кто сражался с нами под Бородино, о немцах, с которыми воевали в Первую и Вторую мировые войны... Почему наши учителя должны врать и быть политкорректны только к одной из самых сильных и богатых наций в мире?..

Солженицын в своём исследовании приводит биографии многих террористов еврейской национальности и делает вывод: «Интересно отметить, что почти никто из еврейских революционеров тех десятилетий не пошёл в революцию от нищеты и бедности, большинство из зажиточных семей... Стало быть, двигала ими не материальная нужда, а сила убеждения». А наш современный оракул истин — Эдвард Радзинский в своей книге, изданной в 2003 году и посвящённой предреволюционному периоду России, утверждает бездоказательно явную ложь — что евреи приняли такое активное участие в террористическом движении из-за страшной бедности.

Отчего же эти обеспеченные молодые люди, и именно еврейской национальности, не стали создавать семьи и заниматься мирным трудом, наукой, искусствами, а встали на путь борьбы с российской властью? Без понимания ситуации в Европе в то время на этот вопрос невозможно правильно ответить, а мы уже слышали пламенные речи Кремье о власти Ротшильдов и вместе с ними всей еврейской нации над планетой. К этому можно ещё добавить политические последствия этой экономической доминанты — все ограничения евреям были сняты: во Франции в 1791 г., в Англии в 1849 г. и 1857 г., в Дании в 1849 г., в Австро-Венгрии в 1867 г., в Италии в 1870 г., в Германии в 1871 г., в Швейцарии в 1874 г., в Болгарии и Сербии в 1879 г. Оставалась только Россия, в которую из Европы стала поступать «революционная» пресса — вначале «интеллигент» Г. Гуревич в 1877 г., когда В. И. Ульянов-Бланк (Ленин) был маленьким, наладил издательство в Вене газеты «Правда»(«Эмес»), а такие же «интеллигенты» наладили её подпольную доставку в Россию. В этот же период кроме Г. Гуревича свою еврейскую «Правду» — «Эмес» для России выпускал ещё один «интеллигентный» умник — Зунделевич.

Так что Троцкий и Ленин не были оригинальными, просто продолжали национальные традиции. По совету Я. Рабиновича вспомним ещё раз свидетельство С. М. Дубнова:

«В Могилёве шла ещё раньше успешная революционная пропаганда среди еврейской молодёжи. Там действовал с 1873 года известный впоследствии социал-демократ Павел Аксельрод... Эта молодёжь, гимназисты старших классов и приезжающие на каникулы из столиц студенты,

собирались на квартире могилёвского казённого раввина Когана, где был и я... Тут передавалась тайно нелегальная литература и пелись вольные студенческие песни...».

Интересно, обратите внимание в этом признании — кто был центром подпольного революционного движения и лидером еврейской молодёжи. Активную позицию в политике еврейских раввинов мы встретим в своём исследовании ещё не раз, и не только в «социальной» политике, но и в «религиозной» политике, — что отметил в своей книге И. Лютостанский: «В 1855 г. 10 мая рассматривалось в петербургском сенате о Шапирах — Зусе Альперовиче и Давиде; оба еврея были осуждены в каторжные работы и наказаны шпицрутенами за умерщвление крестившегося еврея», и Лютостанский информировал о подобных случаях: в Черкассах в январе 1876 года и в сентябре 1879 года в местечке Радзивилишки Ковенской губернии.

Все эти случаи, особенно «революционные», говорят об осознании-чувстве своей возросшей силы еврейским обществом. Как видим, — глубинные процессы уже бурлили, и рано или поздно должны были чем-то закончиться, выйти наружу.

После разгрома «Земли и воли» в конце 1863 года Н. Чайковский уехал в США, где организовал в штате Канзас оригинальную коммунистическо-религиозную секту-коммуну, но этот плод фантазии просуществовал совсем недолго, после чего этот выпускник физико-математического факультета работал в США чернорабочим на местном сахарном заводе, затем плотником, и в конце концов, не выдержав тягот американской жизни, за последние деньги добрался до Лондона, где его приютили «дети» Герцена, и стал писать всякую чушь о России.

А Натансон, который за свои организаторские способности был прозван своими подельниками довольно издевательским для России прозвищем — «Иван Калита», в 1876 году воссоздал в России организацию «Земля и воля» в более радикальном виде под названием «Общество северных народников», член которой Г. Гольденберг уже перешёл от теории к практике — убил харьковского губернатора князя Д. Н. Кропоткина. Это был «ответ» русским властям, которые именно в 1876 году в плане подготовки к войне с Турцией начали очередной этап борьбы с уклонением от службы, и в рамках нового закона затеяли приписку евреев к призывным участкам и, если нарушались правила по льготам, то разрешалось призывать в армию единственных сыновей. Но от этого положение с призывом евреев лучше не стало, можно даже сказать, что среди многочисленных национальностей российской империи в этом нарушении закона евреи были почти монополистами. Хотя в 1874 году Александр II заменил рекрутскую повинность единым уставом о всеобщей воинской повинности, в котором были предусмотрены льготы «по

службе лицам с образованием», и евреи с образованием могли получать уже офицерские чины или отсрочки от призыва.

«Влиятельная в те десятилетия газета «Голос» приводит такую официальную правительственную, довольно поразительную цифру... — «в отчёте об исполнении призыва новобранцев в 1880 году... Недобрано новобранцев всего (по российской империи) 3 309, в этом общем итоге недобора евреев значится 3 054, что составляет 92%», — отмечает в своём исследовании А. Солженицын.

Борьба по вопросу воинской повинности обостряла отношение российских властей и еврейского сообщества. А принятый последними в 1876 г. «Устав об организации социально-революционного союза между евреями в России» — свидетельствовал, что евреи стали не только учить русский язык, но и создавать в России революционные организации, и через несколько лет Россия это уже сильно почувствует. Ф. М. Достоевский в 1876 году со страниц журнала «Гражданин» выразил недовольство российской властью, её мягкотелостью, отсутствием воли к наведению порядка в стране:

«Неужели, например, это недавнее крушение поезда на Одесской железной дороге с царскими новобранцами, где убили их более ста человек, — неужели вы думаете, что на народ не подействует такая власть развратительно? Народ видит и дивится такому могуществу: "Что хотят, то и делают" — и поневоле начинает сомневаться: "Вот она где, значит, настоящая сила, вот она где всегда сидела; стань богат, и всё твое, и всё можешь". Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой. А она носится и проницает всё мало-помалу. Народ же ничем не защищен от таких идей, никаким просвещением, ни малейшей проповедью других противоположных идей...

Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было, ибо у нас и теперь никто не захочет стать за идею о необходимости озверения одной части людей для благосостояния другой части, изображающей собою цивилизацию, как это везде во всей Европе».

Трудно не заметить аналогию, согласитесь, — эти слова Ф. М. Достоевского предельно актуальны и сегодня. Если тогда либеральные жрецы вещали почти во всех газетах, то сегодня, в 21 веке, все эти — Сванидзе, Млечин, Соловьёв, Познер и прочие из их идеологической партии монопольно болванят граждан России уже 18 лет со всех центральных телеканалов, и российские власти во главе с В. Путиным и Д. Медведевым не допускают никакой альтернативы, никакого им ответа, никакого плюрализма мнений (если не считать скромных толерантных штатных «оппозиционеров»-слабаков: Проханова и Дугина). Чем закончилась тогда через 40 лет для России монополия либералов в информаци-

онном поле, печально известно, чем закончиться в 21 веке для нас в ближайшем будущем — посмотрим, надеюсь не зальемся кровью, как после 1917-го...

Возмущала Федора Михайловича Достоевского и другая появившаяся в результате реформ опасная тенденция, вернее ошибка императора Александра II, которую он не должен был допустить в период явного развития терроризма в России: «Кажется, одно общее ощущение всех присяжных заседателей в целом мире, а наших в особенности (кроме прочих, разумеется, ощущений), должно быть ощущение власти, или, лучше сказать, самовластия... — писал Достоевский в 1873 году в журнале «Гражданин», — Мне думается, что это как-нибудь выходит из самых законов природы, и потому, я помню, ужасно мне было любопытно в одном смысле, когда только что установился у нас новый (правый) суд. Мне в мечтаниях мерещились заседания, где почти сплошь будут заседать, например, крестьяне, вчерашние крепостные. Прокурор, адвокаты будут к ним обращаться, заискивая и заглядывая, а наши мужички будут сидеть и про себя помалчивать: "Вон оно как теперь, захочу, значит, оправдаю, не захочу — в самое Сибирь". И вот, однако же, замечательно теперь, что они не карают, а сплошь оправдывают.

Конечно, это тоже пользование властью, даже почти через край, но в какую-то одну сторону, сантиментальную, что ли, не разберешь, — но общую, чуть не предвзятую у нас повсеместно, точно все сговорились. Общность "направления" не подвержена сомнению. В том и задача, что мания оправдания во что бы ни стало не у одних только крестьян, вчерашних униженных и оскорбленных, а захватила сплошь всех русских присяжных, даже самого высокого подбора, ноблъменов и профессоров университета. Уже одна эта общность представляет прелюбопытную тему для размышлений и наводит на многообразные и, пожалуй, странные иногда догадки.

Недавно в одной из наших влиятельнейших газет, в очень скромной и очень благонамеренной статейке, была мельком проведена догадка: уж не наклонны ли наши присяжные, как люди, вдруг и ни с того ни с сего ощутившие в себе столько могущества (точно с неба упало), да еще после такой вековой приниженности и забитости, — не наклонны ли они подсолить вообще "властям", при всяком удобном случае, так, для игривости или, так сказать, для контраста с прошедшим, прокурору хоть например? Догадка недурная и тоже не лишенная некоторой игривости, но, разумеется, ею нельзя всего объяснить. "Просто жаль губить чужую судьбу; человеки тоже. Русский народ жалостлив", — разрешают иные, как случалось иногда слышать.

Я, однако же, всегда думал, что в Англии, например, народ тоже жалостлив; и если и нет в нем, так сказать, слабосердости, как в нашем рус-

ском народе, то по крайней мере гуманность есть; есть сознание и живо чувство христианского долга к ближнему... А между тем там присяжный заседатель понимает, чуть только займет свое место в зале суда, что он не только чувствительный человек с нежным сердцем, но прежде всего гражданин. Он думает даже (верно ли, нет ли), что исполнение долга гражданского даже, пожалуй, и выше частного сердечного подвига. Еще недавно общий гул пошел у них по всему королевству, когда присяжные оправдали одного явного вора. Общее движение страны доказало, что если и там возможны такие же приговоры, как и у нас, то появляются редко, как случаи исключительные и немедленно возмущающие общее мнение. Там присяжный понимает прежде всего, что в руках его знамя всей Англии, что он уже перестает быть частным лицом, а обязан изображать собою мнение страны. Способность быть гражданином — это и есть способность возносить себя до целого мнения страны...

Но зато, и весьма часто, тамошний присяжный, скрепя свое сердце, произносит приговор обвинительный, понимая прежде всего, что обязанность его состоит в том преимущественно, чтобы засвидетельствовать своим приговором перед всеми согражданами, что в старой Англии, за которую всякий из них отдаст свою кровь, порок по-прежнему называется пороком и злодейство — злодейством и что нравственные основы страны всё те же, крепки, не изменились, стоят, как и прежде стояли».

Эти важные мысли Достоевского предельно актуальны и сегодня в России, но тогда к ним не прислушались. А Ф. Достоевский продолжал убеждать, основываясь на своём дорогом опыте:

«Самоочищение страданием легче, — легче, говорю вам, чем та участь, которую вы делаете многим из них сплошным оправданием их на суде. Вы только вселяете в его душу цинизм, оставляете в нем соблазнительный вопрос и насмешку над вами же. Вы не верите? Над вами же, над судом вашим, над судом всей страны! Вы вливаете в их душу безверие в правду народную, в правду божию; оставляете его смущенного... Он уходит и думает: "Э, да вот как теперь, нету строгости. Поумнели, знать. Боятся, может. Значит, оно можно и в другой раз так же"».

Эти слова оказались не мнением гражданина или предположением знаменитого уже писателя, а –пророчеством мудреца неизбежной беды, и она произошла через 4 года в самой позорной форме и с самыми пагубными последствиями в истории с задушевной подругой К. Маркса по переписке В. Засулич, которой К. Маркс откровенно признавался в своих проблемах с психикой.

Вера Засулич (1850—1919) была нечаевкой, — и это уже многое о ней говорит, и в 1869 году была осуждена по делу Нечаева, после чего освобождена в 1871 году и выслана в Тверскую губернию в знаменитые

своими пирожками Крестцы, что между Москвой и Петербургом, откуда вскоре удрала и ушла в подполье готовить очередной раз революцию, бегала по деревням Киевской губернии, пытаясь безуспешно поднять крестьян на восстание против власти.

Отчаявшись «работать с народом», крайне непонятливым и отсталым, по её мнению, решила этот народ, без его ведома и согласия, привести к предполагаемому счастью путем террора, и вернулась тайком в Петербург — чтобы начать убивать российских чиновников. И когда этот безумный «Раскольников» в юбке 24 января 1877 года пыталась неудачно застрелить первую жертву — петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова «формально» за то, что за дерзкое поведение арестованного террориста Боголюбова он приказал высечь его розгами, причем — не потому что больно, за страдания или несправедливо, — а за унижение чести террориста... Здесь мы наблюдаем несоразмерность, неадекватность мести.

В этом случае невероятно активизировался Запад, в «цивилизованной» Европе требовали от России гуманности, чтобы не вздумали применить к террористке смертную казнь, европейские СМИ изгалялись на все лады по поводу «варварской» России и несчастной девочки.

Но каков же был шок и возмущение порядочных и разумных граждан России, когда столичный суд присяжных 31 марта 1878 года полностью оправдал террористку. «И неужто вы думаете, что, отпуская всех сплошь невиновными или "достойными всякого снисхождения", вы тем даете им шанс исправиться? Станет он вам исправляться! Какая ему беда? "Значит, пожалуй, я и не виновен был вовсе", — вот что он скажет в конце концов. Сами же вы натолкнете его на такой вывод. Главное то, что вера в закон и в народную правду расшатывается», — ещё за пять лет до этого суда возмущался очень частной и не обоснованной добротой присяжных Ф. М. Достоевский.

И каково же было ликование западников, либералов всей Европы и накаченной этими апостолами новой религии «прогрессивной» столичной молодежи(?!!), — несколько тысяч собралось у суда на Шпалерной и по поводу праздника освобождения Засулич устроили уличные беспорядки и драку с жандармами. Более того, — некоторые молодые демократы, причем студенты, основательно приготовились — прихватили с собой пистолеты, и один из них, пытаясь убить жандарма, попал выстрелом в голову своему другу, который скончался на месте. Неудавшийся убийца в расстройстве тут же застрелился. Картину этого праздника довершили разгневанные жандармы.

В общем, — было круто, «весело», молодые либералы потом долго вспоминали о своих «подвигах» и «зверствах» властей, — ведь жандарма всё-таки не убили... После освобождения «герой» — Засулич тут же уе-

хала в Европу собирать «дивиденды», и ей дали должность в масонском Втором Интернационале.

После этого, глядя на туповатое лицо российской власти, можно было смело сказать — всё: «сливайте воду» — России в этом виде осталось не долго жить...

А в России взбодренные этим примером террористы с этого года развязали настоящую террористическую войну против российских властей к радости «цивилизованной» Европы. Полностью прав оказался великий Ф. М. Достоевский пять лет назад и про суд присяжных и про — «Он уходит и думает: "Э, да вот как теперь, нету строгости. Поумнели, знать. Боятся, может. Значит, оно можно и в другой раз так же"».

Но ситуация с судом над В. Засулич оказалась ещё печальнее, чем предполагал Ф. М. Достоевский, ибо на стороне подсудимой был не только один из лучших адвокатов столицы, но и «странный» молодой 33-летний председатель суда А. Ф. Кони, который после блестящей речи адвоката П. А. Александрова, разжалобившего до слез присяжных, в самом конце перед принятием решения сказал присяжным: «Судите по убеждению вашему, ничем не стесненному, кроме голоса вашей совести», — после этого, естественно, хочется окрикнуть негодяя — а закон?! — Законы разве не должны «стеснять» свободу убеждений-действий? Для кого они писаны? Для кого они вырабатывались столетиями? Для кого Библия и Скрижали — не убий?!...

Ф. М. Достоевский обратил внимание ещё на ответственность и нравственность, вернее — безответственность и безнравственность адвоката: «Я читал когда-то, что во Франции, давно уже, один адвокат, убедясь по ходу дела в виновности своего клиента, когда пришло время его защитительной речи, встал, поклонился суду и молча сел на свое место. У нас, я думаю, этого не может случиться: "Как же я могу не выиграть, если я талант; и неужели же я сам буду губить мою репутацию?"». Нам ли это объяснять про адвокатов и судей? — Прошедшим в России 90-е 20-го...

В 1876 году в России встал вопрос — начинать очередную войну с Турцией за освобождение балканских славян или нет, тем более, что там разгорелась освободительная война и стал вопрос — её поддерживать или нет. И российское общество активно стало эту тему обсуждать, причем — все стороны были за начало войны: славянофилами двигало солидарное чувство помочь славянам и ответить за крымское поражение, выиграть войну и этим укрепить статус, величие России в мире, а западники надеялись на повторение истории с Крымской войной, — что Россия опять проиграет, получит хороший урок и Александр II ещё быстрее станет совершать либеральные реформы. Славянофилы надеялись на всплеск патриотизма в обществе, а террористы, кроме «западных» надежд, — что в условиях отвлечения внимания властей и войск на

войну им легче и вольготней будет совершать террористические акты. На стороне славянофилов выступил Ф. М. Достоевский:

«Получены известия и, кажется, весьма точные, что туркам, хотя и анонимно, весьма деятельно помогают австрийцы и англичане. Впрочем, почти и не анонимно. Помогают деньгами, оружием, снарядами и — людьми. В турецкой армии множество иностранных офицеров. Огромный английский флот стоит у Константинополя... из политических соображений, а вернее — на всякий случай. У Австрии уже готова огромная армия — тоже на всякий случай. Австрийская пресса раздражительно относится к восставшим сербам и — к России. Надо заметить, что если Европа смотрит на славян в настоящее время так бесчувственно, то уже, конечно, потому, что и русские — славяне.... А потому русскому обществу надо опять помочь славянам...» («Дневник писателя»).

Стоит обратить внимание, что для России это очень важный и трагический момент в её имперской политике — очередные «грабли»: ничего кроме огромных людских и материальных потерь Россия не получила в Крымскую войну (1854—1855 г.), ничего кроме огромных людских, материальных потерь и симпатии на некоторое время балканских народов (которые при первой возможности побежали в 20-м веке от России в НАТО) Россия не получила в войну с Турцией 1877—1878 гг., и то же самое повторилось с ещё горшими последствиями через 26 лет в войне с Японией, и точно такая же была восторженная дискуссия славянофилов и поддержка западников с их черными надеждами перед Первой мировой войной, — после чего Россия получила наконец-то катастрофические последствия... Интересно — Россия когда-нибудь вылечится от этой пагубной имперской болезни? И при этом стоит заметить, что на протяжении всех этих войн Россию лихорадило с возрастающей силой от последствий оккупации Польши Екатериной «великой», и все это вместе трагично сошлось к 1917...

Тогда при дружной поддержке общественного мнения Александр II принял решение — начать войну. Знаменитый Горчаков провел удачно дипломатическую подготовку, — добился от Австро-Венгрии нейтралитета в случае войны с Турцией, закрепленного в Будапештской конвенции; а сильное возмущение общественного мнения в Европе по поводу зверств турок на Балканах придержало от резких действий против России Англию, с которой также было достигнута договоренность. В этом случае Горчаков был вынужден под давлением императора Александра II нарушить свой базовый принцип: «не втягивать Россию в осложнения, которые могут помешать нашей внутренней работе» — а ведь в этот момент в России проблем было много и терроризм набирал мощь.

12 апреля 1877 Александр II начал войну с Турцией. Стоит в этой войне отметить и позицию еврейского сообщества. То, что евреи в Рос-

сии поддержали западников, а не славянофилов — это было понятно и даже терпимо. Но когда Россия начала войну с Турцией, и когда последнюю поддержали все крупнейшие Европейские страны, в которых к тому времени уже везде надёжно доминировали евреи, то евреи в своём большинстве явно поддержали врага России. По-прежнему недовольство российской общественности вызывала старая проблема — уклонение евреев от воинской повинности. В период этой войны антиеврейские настроения в России сильно возросли ещё и из-за громкого скандала — когда еврейская интендантская компания из-за своей «гибкой совести» была уличена в воровстве и передана суду. Солженицын, опираясь на утверждения Слиозберга, пишет:

«В ту войну в армии развилось большое раздражение против евреев, главным образом из-за бесчестных подрядчиков-интендантов, а «таковыми были почти исключительно евреи, начиная с главных подрядчиков Компании Горовиц, Грегер и Каган»». И Солженицын напомнил о поставляемых зимой солдатам знаменитых картонных подошвах, из-за которых тысячи солдат отморозили ноги на Шипке; в результате обморожения были ампутированы ноги двум тысячам российских солдат. Во время этой войны в помощь туркам разгорелись восстания в Чечне и Дагестане.

Ситуацию в России во время этой войны довольно подробно описал в журнале «Гражданин» Ф. М. Достоевский: «Кроме некоторых весьма серьезных нелюбителей славянского движения нашего, всех остальных, мне кажется, можно бы подвести под две общие рубрики. Первая рубрика — это, так сказать, жидовствующие. Тут стучат про вред войны в отношении экономическом, пугают крахами банков, падением курсов, застоем торговли, даже нашим военным бессилием не только перед Европой, но и перед турками, забывая, что турецкий башибузук, мучитель безоружных и беззащитных, отрезыватель мертвых голов, по русской пословице — "молодец против овец, а против молодца и сам овца", что наверно и окажется.

Чего же собственно хотят жидовствующие? Ответ ясен: во-первых, и главное, им помешали сидеть на мягком; но, не вдаваясь в эту нравственную сторону дела, замечаем, во-вторых: чрезвычайную ничтожность исторического и национального понимания в предстоящей задаче. Дело прямо понимается ими как бы за мимолетный какой-то капризик, который можно прекратить когда угодно: "Порезвились, дескать, и довольно, а теперь бы и опять за дела" — биржевые, разумеется.

Вторая рубрика — это европействующие, застарелое наше европейничание. С этой стороны раздаются до сих пор вопросы самые "радикальные": "К чему славяне и зачем нам любить славян? Зачем нам за них воевать? Не повредим ли, гоняясь за бесполезным, собственному

развитию, школам? Гоняясь за национальностью, не повредим ли общечеловечности? Не вызовем ли, наконец, у нас религиозный фанатизм?" И проч. и проч. Словом, вопросы хоть и радикальные, но страшно как давно износившиеся. Тут главное — давнишний, старинный, старческий и исторический уже испуг наш перед дерзкой мыслью о возможности русской самостоятельности... И действительно, если разобрать все воззрения нашей европействующей интеллигенции, то ничего более враждебного здоровому, правильному и самостоятельному развитию русского народа нельзя и придумать».

В этой войне Россия нанесла несколько сокрушительных поражений Турции и выиграла войну с прекрасными результатами на первом этапе, обеспечив независимость Македонии, Румынии, Черногории, автономию Болгарии, и Россия вернула Южную Бессарабию. Но наступил второй этап: впечатленные и встревоженные этой убедительной победой Англия и Австро-Венгрия под угрозой войны оказали очень сильное давление на Россию, и в результате этого — итоги победы оказались не столь блестящи как в начале, Австро-Венгрия даже оккупировала ряд балканских территорий, освобожденных Россией от Турции. В результате, если сопоставить огромные потери русских солдат, офицеров, материальные потери, пустую и долговую казну и остаточную выгоду от этой войны для России и для русского народа, смысл этой войны для России, то критических выводов намного больше имперских восторгов.

А в это время революционное движение в России развивалось, и с 1878 года созданная М. Натансоном организация «Общество северных народников» стала называться по-прежнему — «Земля и воля», и начала планировать покушение не только на царя, но и на видных российских чиновников — «столпов правительства». Русско-турецкая война (1877–1878 гг.) не остановила террористов и не «притормозила» террористов, а наоборот.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первая террористическая война в России

Победа России в войне против Турции (1877—1878 гг.) и усилившийся в связи с этим патриотизм в обществе не повлияли на уменьшение активности террористов, а наоборот, террористы теперь поняли, что поражения не было, следовательно благих последствий, как после поражения в Крымской войне, не дождаться, — и, следовательно, надо действовать самим. С этой поры еврейские ходоки-революционеры больше в народ не ходили, а стали в глубоком подполье учиться стрелять из револьверов, обращаться с бомбами и создавать типографии.

4 августа 1878 г. в центре Петербурга 27-летний террорист Сергей Степняк-Кравчинский убил кинжалом шефа жандармов генерала Н. В. Мезенцева. Это было похоже на возрождение древних еврейских сикириев-кинжальщиков. Убийце удалось скрыться и бежать в Западную Европу, где на радостях этот «герой» издал революционную брошюру в анархическом духе тупости и безумия:

«Вы — представители власти; мы — противники всякого порабощения человека человеком, поэтому вы наши враги, и между нами не может быть примирения». Естественно — на Западе наши убийцы-террористы были «героями» в ореоле славы, и террорист Степняк-Кравчинский стал героем книги английской писательницы Лилиан Войнич, (прототип «Овода»).

Убийство генерала Мезенцева следует считать началом первой террористической войны в России, ибо после него — «Не проходило месяца в 78 и начале 79 г., без того, чтобы газеты не сообщали о какомнибудь громком террористическом акте», — с гордостью хвасталась в своих мемуарах (1922 г.) ученица самого М. Бакунина террористка В. Н. Фигнер (1852—1942). В этой войне был убит начальник 3-го отделения А. Р. Дренгельн, жандармский полковник Г. А. Гейкинг и много других чиновников.

Эти убийства имели в российском обществе большой резонанс, вызвали большое негодование, террористы не получали желаемой поддержки или сочувствия общества, а они надеялись, что их «героические убийства» будут зажигать народ на массовые протестные действия.

Это поколебало позицию некоторых членов «Земли и воли»: одни настаивали на продолжении террора, а другие его отрицали и настаивали на пропагандистских методах — путем агитации поднять на свержение «массы». В результате этих споров и разногласий после съезда в Воронеже в июне 1879 года «Земля и воля» разваливается на две части, на две организации: умеренную пропагандистскую — «Черный передел», лидерами которой были Г. Плеханов, В. Засулич, П. Аксельрод, и более «боевую» террористическую организацию — «Народная воля» с её лидерами В. Н. Фигнер, С. Л. Перовской и Л. Н. Гартманом, членами этой организации были такие террористы как: Абрам Бах, Раиса Кранцфельд, Борис Оржих, Софья Гинзбург, Л. М. Залкинд, М. Гоц, М. Фундаминский, Исаак Дембо, Моисей Кроль, Л. Штернберг, А. Михайлов.

На этом этапе еврейская молодая интеллигенция играет уже лидирующую роль в террористическом движении в России, хотя делала это умно, как объясняла в своих мемуарах В. Фигнер, — когда убийца харьковского губернатора террорист Гольденберг рвался совершить очередное убийство, то на совещании «Земли и воли» решили — Фигнер:

«Вопрос об участии евреев или поляков в покушении на государя был сразу же устранен. Мотивом при этом было желание устранить всякую возможность каких-либо репрессий против угнетаемых национальностей. Это должно быть непременно дело русского». Поэтому далее в покушениях на российского императора фигурировали террористы только русской национальности. С этой целью выбирали экзальтированных русских студентов, накачивали им мозги «героизмом во имя...» и после этого им в руки давали бомбы и револьверы и толкали на «подвиги».

Воспитанник «Фигнер и компания» Александр Соловьёв совершил очередное покушение на российского императора 2-го апреля 1879 г., и при этом умудрился не попасть в императора пятью выстрелами с близкого расстояния. Эта история получилась трагикомичная: российский император вышел из Зимнего дворца и один без единого охранника гулял по столице, прогуливался и встретил террориста с заряженным револьвером, который не сразу поверил своему счастью, и после первого неудачного выстрела Соловьёв гонялся по улицам и палил в российского императора, который быстро убегал и шустро уклонялся от пуль, словно ниндзя в фантастическом голливудском фильме, пока полицейский наряд не прервал эту погоню.

Кстати, этот случай говорит о неадекватной оценке императором ситуации в стране, а внимательный взгляд на деятельность Александра II

в последние годы его жизни приводит к выводу о его недостаточном «профессиональном» соответствии верховному посту в государстве. После того как Александр II сильно влюбился в княжну Екатерину Долгорукову, которая была на 30 лет его моложе, и в условиях жизни на две семьи царский трон явно был ему в тягость, не мил, и он рад был бы избавиться от этой огромной давящей ответственности и зажить тихой уютной семейной жизнью, но Бог распорядился иначе. Возможно, это чувствовали и террористы, которые регулярно писали ему письма и прокламации-предложения отказаться от власти и созвать Учредительное собрание, после чего обещали ему всё простить и гарантировали спокойную жизнь. И не получив никакого ответа, террористы продолжали его и его чиновников терроризировать.

В 1879 г. террористы-народовольцы подготовили на Александра II три покушения на железной дороге с целью взорвать поезд с императором: в Екатеринославской губернии, около Москвы и в Одессе. Но ничего не получилось, император оказался очень удачливым. После чего отчаявшиеся и озлобленные террористы усилили охоту за менее удачливыми чиновниками, и открыли филиалы своей организации почти в каждом крупном городе России.

В 1880 году российские власти наконец-то начали громить организации и арестовывать террористов, и неожиданно обнаружили, что среди их руководителей немало евреев, например в 1879 г. были арестованы: Лев Златопольский, Семён Лурье, Аптекман, Моисей Рабинович, Лев Штернберг, Владимир Иохельсон, Наум Геккер, Моисей Кроль, А. Гаусман, С. Аронзон, А. Зунделевич, Л. Коган-Бернштейн, М. Брамсон, Роза Гроссман, Полина Перли, Вера Гоц, Моисей Эдельштейн и др.

За подготовку покушения на императора российскими властями были казнёны в 1879 г.: Соломон Виттенберг, Арон Гобст (Гобет), а на скамью подсудимых попали: Геся Гельфман, Бетя Каминская, Соломон Чудновский, Лейзер Тетельман, М. Кац, Соломон Аронзон, Моисей Рабинович, Э. Пумпянская, Э. Эдельштейн. Айзик Арончик — соорганизатор взрыва царского поезда был осужден на бессрочные каторжные работы (С). Это была уже принципиальная война с обеих сторон, за которой наблюдала вся «цивилизованная» Европа, которая усердно помогала одной из сторон.

В современных учебниках для школьников и студентов, изданных в СССР, мы наблюдаем старую хроническую болезнь «потери памяти» — среди чайковцев, народовольцев и первомартовцев фигурируют только русские участники. И точно такую же картину мы наблюдаем в многочисленных современных телепрограммах по истории России, подготовленными Сванидзе, Млечиным и им подобными. Хотя, как отмечает Солженицын:

«Раннесоветский «Историко-Революционный Сборник» приводит множество имён безвестных солдат революции. Там на разных страницах, встречаем десятки, даже сотни имён еврейских». Удивительно эффективно в течение долгого периода времени при разных политических системах происходит это прятанье, укрывательство исторической правды. С конца 70-х до 1881 года в Минске успешно работала подпольная типография, где «мирные террористы» или как их называл Дейч — «мирные пропагандисты» (так как они не швыряли бомб) Саул Левков, Иосиф Гецов и Саул Гринфест — печатали газету «Чёрный передел», и листовки о грядущей казни Александра II. Это уже был очередной этап — еврейские революционеры не только выучили русский язык, но создали типографии и пытались русским языком уже воздействовать на умы российских граждан, агитировали их против существующей власти. Такой метод агитации народа против своего монарха был намного проще, и эффективнее, чем то, что предлагал ранее Натансон — тренироваться, притворяться и ходить с устной агитацией в русский народ.

Не гнушались террористы и других преступлений, например, в 1879 году сделали подкоп под банк в городе Херсоне и украли большую сумму денег, но полиция быстро обнаружила воров-революционеров и вернула деньги банку.

Террористы не унимались и неистово жаждали царской крови и смерти и решили взорвать Зимний дворец вместе с императором. Русские Халтурин и Пресняков и поляк Квятковский 5 февраля 1880 г. неудачно исполнили этот дерзкий замысел. Мощный взрыв огромного количества динамита в подвальном помещении дворца унёс жизни многих чиновников и солдат, но император остался цел. Ранее в 1879 г. был схвачен убийца харьковского губернатора — Григорий Гольденберг при перевозке большой партии динамита, видимо, как раз для этой цели. Солженицын отмечает, что Григорий Гольденберг просил руководство своей террористической организации быть удостоенным чести убить самого царя, но «ими, из опасения народного гнева, отстранён как еврей; очевидно, из этого же соображения народовольцы назначали на главные покушения большей частью русских». Эту позицию мы уже наблюдали ранее.

После этого громкого покушения Александр II поручил решить проблему революционности герою Кавказкой войны и войны 1877—1878 гг. графу М. Т. Лорис-Меликову(1825—1888), который довольно умно стал действовать, избегая жестких ответов: ликвидировал 3-е отделение, пользующееся у молодежи дурной славой, отправил в отставку несколько высокопоставленных чиновников, особенно раздражавших либералов, начал разрабатывать проект привлечения народных представителей для участия в законодательной деятельности, начал готовить

Конституцию. Но процесс увеличения свирепости террористических организаций только возрастал.

Правительство пошло даже на уступки — 03.04.1880 г. министр МВД Л. Маков предписал губернаторам всех областей не выселять незаконно поселившихся в них евреев, лояльности евреям это не прибавило, зато сильно приблизило крестьянские погромы.

После женитьбы Александра II на Екатерине Долгоруковой в июле 1880 года террористы преподнесли ему очередной «подарок» в виде покушения, — 17 августа 1880 г. Андрей Желябов и Макар Тетёрка на Каменном мосту совершили очередное неудачное покушение на императора.

При таком упорстве террористов и удача не может быть бесконечной, — и 1 марта1881 года террористы все-таки разорвали бомбой самого либерального до сих пор в России императора Александра Второго. Бомбометателями (фактически смертниками) были русский студент Николай Рысаков и поляк Игнатий Гриневецкий.

Российский трон перешел к сыну Александра II Александру III. Но террористы не останавливались, и после неудачного покушения на Лорис-Меликова убили начальника тайной полиции Г. П. Судейкина и проконсула Юга России В. С. Стрельникова.

Период с 1866 г. до 1878 г. следует назвать первой волной терроризма в России или первым периодом терроризма, а террористов — террористами первой волны. В период с 1878 по 1881 год в России была развязана террористами террористическая война, и поэтому этот период истории следует назвать «Первой террористической войной в России (1878-1881 гг.)» или еще точнее – «Первой еврейской террористической войной в России. «Первой» — потому что будет второй период терроризма с 1887–1906 гг. и произойдёт «Вторая еврейская террористическая война в России» — с 1901 по 1906 гг., которую подробнее рассмотрим в четвёртой книге этой серии.

Так как многих террористов первой волны арестовали, казнили или сослали на длительные сроки, то во втором периоде терроризма и во второй волне террористов будут в основном уже другие лица, кроме Натансона и его команды. Многие террористы первой волны после массовых зачисток властями уехали навсегда из России, например, уже известный нам любитель динамита Лазарь Голденберг покинул Россию и в Нью-Йорке успешно читал американцам лекции о революционном движении в России (С). Забегая вперёд, стоит отметить, что национальный состав террористов второй и третьей волны (1917—1922) гг. был уже совсем другим, там намного в меньшем количестве (когда мы говорим о лидерах) были представлены русские и в самом минимальном количестве представлены поляки.

1881 год во многом знаковый, не только потому, что убили императора, а в первую очередь потому, что в этом году впервые в России произошёл первый погром евреев русскими крестьянами, и не просто погром — много крестьянских погромов в сотнях случаев на обширной территории России. И в этот исторический момент можно зафиксировать пик размаха патриотического движения, самое большое возмущение российской общественности и выдающихся русских мыслителей. И в следующей главе рассмотрим выводы и пророческие предупреждения молодым поколениям и потомкам выдающихся русских мыслителей мирового уровня Леонтьева и Ф. М. Достоевского.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Предупреждение К. Н. Леонтьева

Это один из самых малоизвестных русских мыслителей, целенаправленно «забытый» как современными либерал-демократами, так и советскими идеологами. А ведь этот автор многих статей, брошюр, повестей, романов и философских работ во многом опередил интересные мысли Ф. Ницше и О. Шпенглера. Невозможно в рамках одной главы осветить все достижения этого русского писателя и философа, поэтому сконцентрируюсь на «общих контурах» мыслителя и на актуальном для России.

Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) родился в поместье своих родителей в Калужской губернии. В 1849 году он стал учиться медицине в Московском университете, а через два года, в 20-летнем возрасте уже опубликовал комедию «Женитьба по любви» и роман «Булавинский завод». Понятно, что не каждый молодой человек на такое способен, и мы видим очередного очень талантливого русского человека, который прекрасно понял ситуацию в России и за её пределами, и название одного из его произведений звучало — «Россия и Европа».

В Крымскую войну К. Леонтьев пошел добровольцем, был военным врачом, а вернувшись в Москву внимательно наблюдал за идеологической борьбой между славянофилами и западниками. К. Леонтьев писал: «Под конец жизни, как вам, я думаю, известно, Герцен разочаровался в западном утилитарном прогрессе и объявил во всеуслышание, что теперь он ближе к славянофильскому, чем какому-либо другому воззрению... Киреевский, Хомяков, Самарин понимали, конечно, что тип среднего европейца, скромного буржуа, пошл и бесцветен, но они (из-за того, что были не эстетиками, а моралистами) не смели и не хотели нападать на него, как нападал Герцен...

И от социализма он отошёл, и европейского рабочего разлюбил, когда пожив в Европе, понял, что социализм, и в особенности коммунизм,

хочет всех так или иначе привести к однообразию и среднему уровню, а рабочий западный борется на жизнь и смерть только для того, чтобы самому стать таким же средним буржуа, как тот, против которого он воюет ... который согласен быть самоотверженным героем баррикад лишь для того, чтобы со временем воцарился такой мелочный, неподвижный и серый порядок полнейшей равноправности, когда ум и героизм и всё идеальное станут лишними...

Тогда этот русский ум, изящный и великий в своём только кажущемся легкомыслии, отвернулся от средней Европы, сказав: "Здесь чувствуешь, что стучишься головой о потолок мира завершенного"»(письмо к И. Фуделю). Константин Леонтьев заметил, что когда Герцен прозрел то у него отпала эта навязчивая, хамская марксистская манера и он перестал «звонить» публике. Здесь мы заметили, что, в отличие от славянофилов, К. Леонтьев употребил новенькие для той эпохи словечки — «рабочий» и «буржуа», и хорошо разобрался в опасных заблуждениях Руссо и в новом западном продукте — марксизме:

«По своему изначальному естеству люди различны и поэтому неравны», «в людях есть скрытое желание равенства, составляющее одно из наиболее страшных заблуждений человеческих, прямо ведущее к революции». Это был ответ русских мыслителей на плутовство Маркса о свободе. Человеческое равенство мы должны бы наблюдать в идеальных равных условиях — таких как армия, тюрьма-камера, — где все равны: условия, одежда, отношение, койки, пайки и т.д., — однако что мы там наблюдаем? Даже в конце демократического двадцатого века? Даже просто наблюдая телевизионные новости, даже не имея никакого образования — легко убедиться в истине нашего К. Леонтьева, который ещё при жизни Маркса понял всю его опасную ошибочность-утопию.

К великому сожалению, как показали дальнейшие события в России в начале и в конце 20 века и в начале 21, — россияне потеряли эту мудрость и трагично в падении продолжают далее экспериментировать с этим вовремя посланным Западом сладким словом «свобода». Понятно, что западники в России, особенно после статьи К. Леонтьева в 1869 году «Грамотность и народность», неистовствовали и визжали от ненависти при его имени.

Поэтому К. Леонтьев нашел себе работу подальше от этого шума, устроился в МИД и уехал работать в диппредставительство России в Турции, работал на Крите, в Солониках и других греческих городах. Но и там иногда западники его доставали — когда в его присутствии французский консул Дерше позволил себе оскорбительно выразиться о России — Константин Леонтьев сразу ударил его сильно хлыстом... К. Леонтьев был уверен, что о Родине, как и о родителях — непозволительно говорить дурно, неуважительно.

Леонтьев прекрасно разобрался в философии «добра и зла» и предлагал вообще оставить глупые, бессмысленные разговоры о благе, ибо для каждого оно во многом непохожее, различное. Сама идея уравнительного всеобщего блага, этой пресловутой уравниловки марксистов-демократов находится в бесспорном противоречии с законами Природы, Космоса. Ведь, по Леонтьеву, — люди не спорят о бесправии человека перед Природой, почему же спорят с государством? И даже марксисты хотят государство разрушить?! Ведь государство есть естественное закономерное эволюционно-историческое образование, и первая и главная функция государства — это организация общества, которая в интересах всех членов общества — иначе найдутся любители питаться человечиной; это — организация и упорядочение жизни всё возрастающего количества людей.

Хотя с консерватизмом Леонтьева можно и поспорить — ведь государство является частью окружающего нас Мира, но частью искусственной, созданной самими людьми. И если уж человек научился немного воздействовать на Природу: обрабатывать поля, приручать животных, разгонять тучи и т.д., то уж сделать более совершенным государственное устройство ему по силам. Правда, сделать это труднее, ибо в этом случае он сталкивается с сопротивлением не низших форм проявления природы, а с сопротивлением таких же людей, как сам.

К. Леонтьев, будучи славянофилом, подверг критике своих предшественников славянофилов за «розовость», некоторую утопичность надежд на «загнивание» Европы, за отсутствие прагматизма, остроты и боевитости. К. Леонтьев был «поздним», более радикальным в своих взглядах славянофилом, и в отличие от его предшественников, которые в поисках опорной платформы докопались до периода истории России до Крещения и достаточно крепко критиковали государство, он был ортодоксальным христианином, рассматривал только 1000-летний христианский период истории, искал в нем опору и думал об укреплении государства:

«Государство должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно, вообще сурово, иногда до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней; иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичнее, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве; законы и принципы власти должны быть строже...».

Мы видим желание видеть Россию одновременно сильной, крепкой, целостной, внутри по сословиям и нациям многообразной, и в то же время осторожно динамичной, развивающейся.

В своём суровом и правдивом отношении к действительности Леонтьев был сильно похож на А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, — К. Леонтьев:

«Наука поэтому должна будет неизбежно принять тогда более разочарованный, пессимистический, как я сказал, характер. И вот где её примирение с положительной религией, вот где её теоретический триумф! В сознании своего практического бессилия, в мужественном покаянии и смирении перед могуществом и правотою сердечной мистики и веры... Любовь, прощение обид, правда, великодушие были и останутся навсегда только коррективами жизни... елеем на неизбежные и даже полезные нам язвы. Никогда любовь и правда не будут воздухом, которым бы люди дышали, почти не замечая его...».

Многие известные российские интеллектуалы не дошли до такого уровня понимания истин и с "неразумием" осуждали Леонтьева. Больше всех в этом преуспел С. Н. Булгаков, который, назвав Леонтьева "этическим уродом", только показал свой уровень ума. Константин Леонтьев был выдающимся православным мыслителем, и даже был сторонником завоевания Константинополя, бывшего Царьграда, ибо Россия, по его мнению, является наследницей Византии — Третьим Римом. При этом К. Леонтьев считал, что религия не обладает земной универсальностью, что это интимное дело каждого отдельного человека, согласно его уровня сознания, понимания.

Будучи в течение десяти лет российским секретарём и консулом в Турции, он сильно заболел холерой и в предсмертном состоянии пошёл к монахам монастыря на Афоне и силою своего духа, силою молитвы справился с холерой в необычайно короткий срок, выздоровел. И после службы К. Леонтьев остался на год в Афоне рядом со знаменитым монастырем.

Вернувшись в Россию, К. Леонтьев поселился на долгие годы в своей родной деревне. Затем вернулся в Москву, где работал цензором и писал статьи на острые темы. Но в 1887 году повторил путь И. Киреевского — поселился отшельником в Оптиной Пустыни, где встретил другого великого православного человека, осуждённого православной церковью, — Льва Толстого. С позиции ортодоксального христианина К. Леонтьев подверг критике Л. Толстого и Ф. Достоевского в статье «Наши новые христиане» в его двухтомном сборнике «Восток, Россия и Славянство». Но, конечно, у них было больше общего, чем разногласий, и всех троих сплачивали переживания и боль за судьбу России и русского народа и за его духовное состояние, за его нравственность.

«Течение времени таково, что всё изящное, глубокое, выдающееся чем-нибудь и наивное, утончённое... одинаково отходит, отступает перед твёрдым напором... средних серых людей», — печально отмечал К. Леонтьев и обращал внимание, что образование людей, особенно то, которое несут народу западники, не прибавляет нравственности, а только бунтарства и опасности. И предлагал уделить больше внимания нравственному

воспитанию людей, чтобы уравновесить с западным и уберечь русский народ от растленного влияния западного либерализма; это он называл «страшной» для западников фразой: «Россию надо подморозить», чтобы немного остыла от пропаганды и агитации западников. Константин Леонтьев в своём «Варшавском дневнике»(1880 г.) неоднократно предупреждал об опасности грядущей эпохи «грядущего хама».

В статье «Над могилой Пазухина» (1891 г.) К. Леонтьев с болью предупреждал, что если процессы либерализации и одностороннего западного образования в России будут продолжаться и дальше, и русский народ-богоносец не будет «ограничен, привинчен, отечески и совестливо стеснен», но он неизбежно через полвека из народа «богоносца» превратиться в обратное — в народ-«богоборец». И это предсказание К. Леонтьева, к сожалению, сбылось не через 50 лет, а вдвое раньше.

Ещё больше внимания этой проблеме уделил великий «знаток человеческих душ» Ф. Достоевский.

К. Леонтьев в конце жизни постригся в монахи и под именем Климент переехал в Троице-Сергиев посад, где умер 12 ноября 1891 года. Интересный показатель — после того как большевики захватили в 1917 г. Россию, им больше делать было нечего, как сломать крест, разрушить надгробие на могиле, и уничтожить полностью могилу К. Леонтьева. Как вы думаете — зачем западники-большевики воевали с мертвым Константином Леонтьевым?

Воздадим хвалу и славу этому «забытому» выдающемуся русскому мыслителю Константину Николаевичу Леонтьеву.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Предупреждение Ф. М. Достоевского

Приготовьтесь к интеллектуальному наслаждению, к интересному и познавательному чтению, к бодрой и сосредоточенной работе своего ума, — даже несмотря на мою возможную интеллектуальную посредственность или бездарность, — это все гарантирует творчество одного из величайших умов человечества — нашего Федора Михайловича Достоевского (1821—1881 гг.), — это во-первых. А во-вторых, если Вы — русский человек или гражданин России другой национальности — россиянин, то вы можете закончить Гарвардский университет и трижды МБА, но если Вы не знаете Ф. М. Достоевского, то Вас невозможно назвать образованным или грамотным человеком, а тем более — интеллигентом в положительном смысле этого слова и интеллектуалом, даже если в вашей голове будет много тонн различного информационного мусора.

В этом исследовании по понятным причинам буду обращать внимание только на идеологическую составляющую творчества Фёдора Михайловича Достоевского, о его литературном гении написано множество книг, а вот о его достижениях в философии и идеологии «почему-то» ни одной. И когда буду кратко касаться знаменитых произведений Ф. М. Достоевского, то также не буду делать полный литературный и философский анализ, а буду обращать внимание только на идеологическую позицию.

Результатам вторжения с Запада в Россию “золотого мешка” и пагубных либеральных идей в российское общество, в его жизнь, быт, психику русского человека немало посвятил труда этот великий русский мыслитель. Ф. М. Достоевский поставил перед собой почти научную цель — максимально разобраться в душе человека, в его психике и психологии, а затем повернул свой внимательный исследовательский взгляд на российское общество:

«Мешок у страшного большинства несомненно считается теперь за всё лучшее. Против этого опасения, конечно, заспорят. Но ведь фактическое теперешнее преклонение пред мешком у нас не только уже бесспорно, но, по внезапным размерам своим, и беспримерно. Повторю еще: силу мешка понимали все у нас и прежде, но никогда еще доселе в России не считали мешок за высшее, что есть на земле. В официальной же рассортировке русских людей, прежний купеческий мешок даже чиновника не мог пересесть в общественной иерархии. А теперь даже и прежняя иерархия, без всякого даже принуждения со стороны, как будто сама собою готова отодвинуться на второй план перед столь любезным и прекрасным новым "условием" лучшего человека, "столь долго и столь ошибочно не входившего в настоящие права свои".

Теперешний биржевик нанимает для услуг своих литераторов, около него увивается адвокат: "эта юная школа изворотливости ума и засушения сердца..."

Хотел лишь вывесть, что идеал настоящего лучшего человека, даже "натурального", сильно уже грозил у нас помутиться. Старое разбилось и износилось, новое еще летало в фантазиях, а в действительности и в очах наших появилось нечто отвратительное с неслыханным еще на Руси развитием. Обаяние, которое придано было этой новой силе, золотому мешку, начинало зарождать даже страх в иных сердцах, слишком мнительных, хотя бы за народ, например.

О, мы, верхнее общество, положим, хоть и могли бы соблазниться новым идолом, но всё же не пропали бы бесследно: недаром двести лет сиял над нами светоч образования. Мы во всеоружии просвещения, мы можем отразить чудовище. В минуту самого грязного биржевого разврата упекли же мы вот хоть бы ссудный московский банк! Но народ, стомиллионный народ наш, эта "косная, развратная, бесчувственная масса" и в которую уже прорвался жид, — что он противопоставит идущему на него чудовищу материализма, в виде золотого мешка? Свою нужду, свои лохмотья, свои подати и неурожаи, свои пороки, сивуху, порку?

Мы боялись, что он сразу падет перед вырастающим в силе золотым мешком и что не пройдет поколения, как закрепостится ему весь хуже прежнего. И не только силой подчинится ему, но и нравственно, всей своей волей. Мы именно боялись, что он-то и скажет прежде всех: "Вот где главное, вот она где сила, вот где спокой, вот где счастье! Сему поклонюсь и за сим пойду". Вот чего можно было очень и очень опасаться, по крайней мере, на долгое время» («Дневник писателя», 1877 г.).

Согласитесь, у нас после «перестройки», в условиях буйства либерал-демократов и «почему-то» страшного падения нравственности при их власти эти беспокойства Ф. М. Достоевского предельно актуальны, злободневны, на грани вопроса выживаемости русского народа.

В то время, когда знаменитый немецкий философ А. Шопенгауэр говорил: «Обыкновенный человек, это фабричный товар природы» и только указывал на наличие у человека “подземного входа”, по которому в 20 веке начнут спускать З. Фрейд, К. Юнг и им подобные, — то Фёдор Достоевский уже спускался по этому “подземному ходу” в середине 19-го века. Ф. Достоевский был одержим идеей изучения человека, желанием его понять: «Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Это признание Достоевского звучит потрясающе, даже сакрально.

Именно в этот период только зарождалась наука психология на Западе и именно такие же задачи она перед собой ставила. Произведения Фрейда и Юнга на Западе поняли давно, а в произведениях нашего Фёдора Михайловича до сих пор пытаются разобраться. Хотя сам великий мыслитель скромничал и себя психологом не считал: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу... Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Разница состояла в том, что психологи, психиатры смотрели на человека как на подопытного кролика, а сакральность Фёдора Достоевского состояла в том, что он продолжал великолепную традицию великого Николая Гоголя — смотрел на человека одновременно глазами философа и глазами верующего, православного человека — стремился увидеть в человеке часть Бога, Божественную искру, Божественность человека, Ч е л о в е к а. Поэтому у Достоевского отношения «человек — Бог» имеют равноправный характер; да, конечно, — Бог нужен человеку, но и Богу человек тоже. Этот взгляд, кстати, был у великих мыслителей Аристотеля и Платона. Поэтому у Достоевского такой поиск, такое стремление найти в каждом своём персонаже человека, «найти и восстановить человека», и самому «надо выделаться в человека».

Этой грандиозной гуманитарной цели, по его мнению, и подчинено его творчество, задача которого «восстановление погибшего человека, задавленного несправедливым гнётом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков», а не развлекать забавным чтивом скучающих дамочек и «интеллигентов».

Ну, хорошо, — мы очень постарались и нашли человеческое в себе или в окружающих — что дальше? «Осознать своё существование, мочь сказать: я есмь! — великий дар... а сказать: меня нет, — уничтожиться для других, иметь и эту власть, пожалуй, ещё выше», — подсказывает нам Фёдор Достоевский. — Это уже жертвенность, это уже уподобление Христу, хорошей матери, Богу; это уже проявление Божественности в человеке; это также «русская черта по преимуществу».

Далее кратко, неспешно и по порядку внимательно посмотрим — как сам Ф. Достоевский стал человеком, «выделался в человека», что этому помогало и способствовало, как он совершал ошибки и эволюционировал, к каким важным выводам пришел в результате своих интеллектуальных поисков и желания жертвенного служения своему народу и своей Родине-России.

Фёдор Достоевский родился 30 октября (11 ноября по н.ст.) 1821 года в Москве, чем Москва и москвичи могут очень гордиться, хотя... по складу своего ума и характера он был больше петербуржец, и, вероятно, не случайно он прожил в Петербурге почти 30 лет.

Хотя оба родителя Фёдора Достоевского слишком рано умерли, но ему с ними явно повезло, ибо — что важно пареньку или девчонке кроме безбедной жизни? — Правильное воспитание, ибо в детстве на чистый молоденький ум, сознание крепко накладывается первая информация из внешнего мира.

«Мне было всего лишь десять лет, когда я уже узнал почти все главные эпизоды русской истории Карамзина (вот ещё один пример большой пользы огромной жертвенной работы Карамзина по истории России, — Р. К.), которого вслух по вечерам нам читал отец», «идея непременного и высшего стремления в лучшие люди (в буквальном, самом высшем смысле слова) была основной идеей отца и матери наших, несмотря на все уклонения».

Благодаря этому, как позже признавался Ф. Достоевский, — у него «был наиболее облегчен возврат к народному корню, к узнанию русской души».

После смерти матери Ф. Достоевского отец остался с семью детьми, и как только Фёдор подрос — отправил его в 1838 году в Военно-инженерное училище в Петербурге. Здесь мы наблюдаем уже сложный трагический душевный опыт юного Федора Достоевского — трагедия, переживания по поводу смерти мамы, затем вынужденный разрыв с привычным уютными домом, с родным отцом, братьями и сестрами, и переезд в далекий холодный город в совершенно новую незнакомую обстановку и занятие делом «не по душе».

Ф. Достоевский полюбил Петербург не сразу, вначале было много неприятных впечатлений: «это город полусумасшедших... Редко где найдется столько мрачных резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге...», «самый умышленный и отвлеченный город...». К тому же Военно-инженерное училище, в котором шесть лет учился и жил Ф. Достоевский, располагалось в печально знаменитом Михайловском замке (или — Мальтийский замок) Павла I, в котором император был убит.

Через два года случилось новое тяжелое испытание — умер отец... Вероятно, не мало было мрачных длительных раздумий у будущего пи-

сателя по поводу загадочности и непредсказуемости судьбы, довлеющего над человеком рока, который человек не в силах изменить, смысла жизни человека и о своей будущей жизни. Ф. Достоевский стойко перенес удары судьбы и своему брату написал:

«Я в себе уверен. Человек есть тайна. Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время...».

После этой фундаментальной базовой установки Ф. Достоевский стал смотреть на людей одновременно взглядом писателя, врача, детектива и священника.

Литературное начало

Во время учебы в училище Ф. Достоевский увлекся литературой, а в 1843 году в Петербург прибыл знаменитый французский писатель Оноре де Бальзак, и под впечатлением этого визита Ф. Достоевский в конце 1843 года творчески перевел с французского на русский язык его роман «Евгения Гранде». В 1840 году Ф. Достоевский был произведен в унтер-офицеры, а затем — в полевые инженер-прапорщики.

Но работа над переводом его сильно вдохновила, и, к тому же, перевод был опубликован в журнале «Репертуар и Пантеон» и принес переводчику немалые деньги. Конечно, после этого служба стала в тягость, и он подал в отставку, объяснив брату: «Подал я в отставку, оттого что подал, то есть, клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром...».

И Ф. Достоевский освободился от навязанного груза и свободный поплыл наудачу в сторону моря под названием «Литературное»: «А что я ни делаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неразумный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду». А можно это высказать и по-другому — доверился Богу и поплыл в неизвестность... — в ускоренном темпе на ходу готовясь к новому ремеслу: «Я страшно читаю... — писал Достоевский брату и «страшно читал» не столько, чтобы что-то интересное прочитать, а чтобы научиться писать. — Что-нибудь давно прочитанное, прочитываю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во все, отчетливо понимаю, и сам извлекаю умение создавать...».

Наблюдая и изучая чужой опыт, Достоевский вдруг сделал для себя открытие: эффективность и успех писателя зависит от того, в какой степени достоверности он отобразил («сфотографировал) эту на самом деле очень сложную жизнь, людей, и эта адекватность, правдивость восприятия жизни находит созвучие-отклик-узнавание в душе читателей: «нет ничего фантастичнее самой действительности». И если к этой хорошо отраженной действительности прибавить ещё силой воображения

и точные тонкие краски, то может получиться интересное литературное произведение.

После этого открытия, озарения — «Я как будто что-то понял в эту минуту, до сих пор только шевелившееся во мне, но ещё не осмысленное; как будто прозрел во что-то новое, совершенно в новый мир... Я полагаю, что с той именно минуты началось мое существование...». И в этот момент как бы разорвалась и упала мутная пелена Майи между Ф. Достоевским и Миром, произошла настройка бинокля или микроскопа, — и всё вокруг стало видимо отчетливо и контрастно, мутные неясные образы людей вдруг стали отчетливы и понятны:

«И стал разглядывать и вдруг увидел какие-то странные лица. Все это были странные, чудные фигуры, вполне прозаические...». И можно было начать эти лица и фигуры описывать, можно было попытаться писать. А поскольку не только в университетах, но в военных училищах над молодыми головами алчно летали либеральные идеи, то и голову молодого Ф. Достоевского они без особого труда оккупировали; тем более, что Ф. Достоевский в своём юношеском максимализме искренне сам возмущался существующим неравенством: «Я никогда не мог понять мысли, что одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке», — сокрушался Фёдор Михайлович.

И Ф. Достоевский в первую очередь стал писать социальный роман «Бедные люди», который был издан в 1846 году. Этот роман был написан в доверительном эпистолярном жанре, и, пожалуй, в русской литературе впервые была показана красивая личность чиновника, а не бездушный «винтик», не его серость, как обычно. И... — риск оказался оправдан, — прорвался, вырвался, проявился.

«В начале зимы я начал вдруг "Бедных людей", мою первую повесть, до тех пор ничего еще не писавши, — вспоминал Ф. М. Достоевский. — Кончив повесть, я не знал, как с ней быть и кому отдать. Литературных знакомств я не имел совершенно никаких, кроме разве Д. В. Григоровича, но тот и сам еще ничего тогда не написал, кроме одной маленькой статейки "Петербургские шарманщики" в один сборник... Зайдя ко мне, он сказал: "Принесите рукопись" (сам он еще не читал ее); Некрасов хочет к будущему году сборник издать, я ему покажу".

Я снес, видел Некрасова минутку, мы подали друг другу руки. Я сконфузился от мысли, что пришел со своим сочинением, и поскорей ушел, не сказав с Некрасовым почти ни слова... Белинского я читал уже несколько лет с увлечением, но он мне казался грозным и страшным и — "осмеет он моих "Бедных людей"!" ...Вечером того же дня, как я отдал рукопись, я пошел куда-то далеко к одному из прежних товарищей; мы

всю ночь проговорили с ним о "Мертвых душах" и читали их, в который раз не помню. Тогда это бывало между молодежью; сойдутся двое или трое: "А не почитать ли нам, господа, Гоголя!" — садятся и читают, и пожалуй, всю ночь...

Воротился я домой уже в четыре часа, в белую, светлую как днем петербургскую ночь. Стояло прекрасное теплое время, и, войдя к себе в квартиру, я спать не лег, отворил окно и сел у окна. Вдруг звонок, чрезвычайно меня удививший, и вот Григорович и Некрасов бросаются обнимать меня, в совершенном восторге, и оба чуть сами не плачут. Они накануне вечером воротились рано домой, взяли мою рукопись и стали читать, на пробу: "С десяти страниц видно будет". Но, прочтя десять страниц, решили прочесть еще десять, а затем, не отрываясь, просидели уже всю ночь до утра, читая вслух и чередуясь, когда один уставал. "Читает он про смерть студента, — передавал мне потом уже наедине Григорович, — и вдруг я вижу, в том месте, где отец за гробом бежит, у Некрасова голос прерывается, раз и другой, и вдруг не выдержал, стукнул ладонью по рукописи: "Ах, чтоб его!" Это про вас-то, и этак мы всю ночь". Когда они кончили (семь печатных листов!), то в один голос решили идти ко мне немедленно: "Что ж такое что спит, мы разбудим его, это выше сна!"

... Они пробыли у меня тогда с полчаса, в полчаса мы бог знает сколько переговорили, с полслова понимая друг друга, с восклицаниями, торопясь; говорили и о поэзии, и о правде, и о "тогдашнем положении", разумеется, и о Гоголе, цитируя из "Ревизора" и из "Мертвых душ", но, главное, о Белинском. "Я ему сегодня же снесу вашу повесть, и вы увидите, — да ведь человек-то, человек-то какой! Вот вы познакомитесь, увидите, какая это душа!" — восторженно говорил Некрасов, тряся меня за плечи обеими руками. "Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!" Точно я мог заснуть после них! Какой восторг, какой успех, а главное — чувство было дорого, помню ясно: "У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами, в четыре часа, разбудить, потому что это выше сна... Ах хорошо!" Вот что я думал, какой тут сон!

"Новый Гоголь явился!" — закричал Некрасов, входя к нему(к Белинскому) с "Бедными людьми". — "У вас Гоголи-то как грибы растут", — строго заметил ему Белинский, но рукопись взял. Когда Некрасов опять зашел к нему, вечером, то Белинский встретил его "просто в волнении": "Приведите, приведите его скорее!" И вот (это, стало быть, уже на третий день) меня привели к нему...

Он встретил меня чрезвычайно важно и сдержанно. "Что ж, оно так и надо", — подумал я, но не прошло, кажется, и минуты, как всё преобразилось: важность была не лица, не великого критика, встречающего

двадцатидвухлетнего начинающего писателя, а, так сказать, из уважения его к тем чувствам, которые он хотел мне излить как можно скорее, к тем важным словам, которые чрезвычайно торопился мне сказать. Он заговорил пламенно, с горящими глазами: "Да вы понимаете ль сами-то, — повторял он мне несколько раз и вскрикивая по своему обыкновению, — что это вы такое написали!"».

«Это первая попытка у нас социального романа», — радостно фиксировал В. Белинский.

Талант и «горячая» тема сделали своё дело, о Ф. Достоевском, как новом либеральном даровании, восторженно заговорили все либерал-демократы, столичная «прогрессивная» молодежь и т.д.

«Ну, брат, никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь. Всюду почтение неимоверное, любопытство насчет меня страшное... Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоевский то-то сказал...». Кстати, — что такое талант? — «Талант есть, во-первых, преполезная вещь. Литературный талант, например, есть способность сказать или выразить хорошо там, где бездарность скажет и выразит дурно.

Но вскоре между Достоевским и Белинским обнаружились существенные мировоззренческие нестыковки, и плюс к этому наглая нахрапистость Белинского совсем не нравилась Достоевскому:

«Первая повесть моя "Бедные люди" восхитила его (потом, почти год спустя, мы разошлись — от разнообразных причин, весьма, впрочем, неважных во всех отношениях); но тогда, в первые дни знакомства, привязавшись ко мне всем сердцем, он тотчас же бросился с самою простодушною торопливостью обращать меня в свою веру. Я нисколько не преувеличиваю его горячего влечения ко мне, по крайней мере в первые месяцы знакомства. Я застал его страстным социалистом, и он прямо начал со мной с атеизма...

В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе. "Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него всё лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества"».

Дальше — больше, «великий» специалист в литературе В. Белинский пытался настойчиво советовать молодому писателю — что писать и как

писать, стараясь удержать и развить его в социальной теме. У свободолюбивого Ф. М. Достоевского это вызвало внутренний протест, и он написал несколько рассказов и две повести «Хозяйка» и «Двойник» по своему усмотрению, и в своих произведениях, кроме точного фотографирования, позволял себе уклонения от точного реализма, включал писательское воображение, добавлял художественность в произведение, — это просто взбесило Белинского, вызвало гнев и критику, и он в своей воинственной хамской манере высказал очередные глупости: «Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, а не поэтов», а самое ценное в произведениях Достоевского – точный и глубокий психологизм различных человеческих образов Герцен назвал — «нервическая чепуха». И Ф. Достоевский порвал отношения с «авторитетным» хамом и пакостником, и пошел своим путем, и в долгу не остался.

Далее в этой главе мы увидим, что Ф. М. Достоевский не просто любил «проехаться» по Белинскому, но считал это важной необходимостью в идеологической защите русского народа. И вся «партия критиков» «О. Р. И.»: Белинский, Писарев, Добролюбов и прочие им подобные получили от усмехающегося Фёдора Михайловича увесистым булыжником:

«Все наши критики (а я слежу за литературой чуть не сорок лет), и умершие, и теперешние, все, одним словом, которых я только запомню, чуть лишь начинали, теперь или бывало, какой-нибудь отчет о текущей русской литературе чуть-чуть поторжественнее... то всегда употребляли, более или менее, но с великою любовью, всё одну и ту же фразу: "В наше время, когда литература в таком упадке", "В наше время, когда русская литература в таком застое", "В наше литературное безвременье", "Странствуя в пустынях русской словесности" и т.д., и т. д. На тысячу ладов одна и та же мысль. А в сущности в эти сорок лет явились последние произведения Пушкина, начался и кончился Гоголь, был Лермонтов, явились Островский, Тургенев, Гончаров и еще человек десять по крайней мере преталантливых беллетристов.

И это только в одной беллетристике! Положительно можно сказать, что почти никогда и ни в какой литературе, в такой короткий срок, не явилось так много талантливых писателей, как у нас, и так сряду, без промежутков. А между тем я даже и теперь, чуть не в прошлом месяце, читал опять о застое русской литературы и о "пустынях русской словесности". Впрочем, это только забавное наблюдение мое; да и вещь-то совершенно невинная и не имеющая никакого значения. А так, усмехнуться можно».

Ошибка молодости — увлечение либеральными идеями «свободы»

Западники не желали терять из своих рядов явно талантливого писателя и решили затянуть его глубже, пропитать своими идеями надежнее, заинтриговать конспирацией, — и вскоре доверили Ф. Достоевскому свои подпольные тайны, — он был приглашен в элитный либеральный кружок, который собирался каждую пятницу у М. В. Буташевича-Петрашевского. «Что были из нас люди образованные — против этого, как я уже заметил, тоже, вероятно, не будут спорить. Но бороться с известным циклом идей и понятий, тогда сильно укоренившихся в юном обществе, из нас, без сомнения, еще мало кто мог. Мы заражены были идеями тогдашнего теоретического социализма. Политического социализма тогда еще не существовало в Европе, и европейские коноводы социалистов даже отвергали его», — вспоминал Ф. М. Достоевский. — Тип декабристов был более военный, чем у петрашевцев, но военных было довольно и между петрашевцами... И те и другие принадлежали бесспорно совершенно к одному и тому же господскому, "барскому", так сказать, обществу, и в этой характерной черте тогдашнего типа политических преступников, то есть декабристов и петрашевцев, решительно не было никакого различия. Если же между петрашевцами и было несколько разночинцев (крайне немного), то лишь в качестве людей образованных, и в этом качестве они могли явиться и у декабристов»(«Дневник писателя»).

В подполье прозападные петербургские интеллектуалы не только изучали классических немецких философов и либеральных французских мыслителей — Вольтера, Руссо, Дидро, но и прогрессивных социалистов Фурье, Прудона, и радикального К. Маркса и опыт революций в Европе...

«В половине текущего столетия, некоторые из нас удостоились приобщиться к французскому социализму и приняли его, без малейших колебаний, за конечное разрешение всечеловеческого единения, то есть за достижение всей увлекавшей нас доселе мечты нашей. Таким образом, за достижение цели мы приняли то, что составляло верх эгоизма, верх бесчеловечия, верх экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей, но это нас не смущало нисколько. Напротив, видя грустное недоумение иных глубоких европейских мыслителей, мы с совершенною развязностью немедленно обозвали их подлецами и тупицами. Мы вполне поверили, да и теперь еще верим, что положительная наука вполне способна определить нравственные границы между личностями единиц и наций (как будто наука, — если б и могла это она сделать, — может открыть эти тайны раньше завершения опыта, то есть раньше завершения всех судеб человека на земле).

Наши помещики продавали своих крепостных крестьян и ехали в Париж издавать социальные журналы, а наши Рудины умирали на баррикадах. Тем временем мы до того уже оторвались от своей земли русской, что уже утратили всякое понятие о том, до какой степени такое учение рознится с душой народа русского. Впрочем, русский народный характер мы не только считали ни во что, но и не признавали в народе никакого характера. Мы забыли и думать о нем и с полным деспотическим спокойствием были убеждены (не ставя и вопроса), что народ наш тотчас примет всё, что мы ему укажем, то есть в сущности прикажем. На этот счет у нас всегда ходило несколько смешнейших анекдотов о народе», — признавался повзрослевший и поумневший Ф. Достоевский.

При этом для российского религиозного общества западные либеральные «священники» преподносили свои идеи соответственно «съедобно» — оригинально через образ Христа, — ведь, по их мнению, Христос был социалистом — революционером, пошёл против «отцов» за интересы бедных...

«Ну не-е-т! — подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперед по комнате.) — Ну нет; если бы теперь появился Христос, он бы примкнул к движению и стал во главе его...
— Ну да, ну да, — вдруг и с удивительною поспешностью согласился Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними»
— вспоминал Ф. М. Достоевский в 1873 году («Дневник писателя») об этом периоде масонско-либеральных идей. — Действительно правда, что зарождавшийся социализм сравнивался тогда, даже некоторыми из коноводов его, с христианством и принимался лишь за поправку и улучшение последнего, сообразно веку и цивилизации. Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловеческими, будущим законом всего без исключения человечества. Мы еще задолго до парижской революции 48 года были охвачены обаятельным влиянием этих идей. Я уже в 46 году был посвящен во всю правду этого грядущего "обновленного мира" и во всю святость будущего коммунистического общества еще Белинским.

Все эти убеждения о безнравственности самых оснований (христианских) современного общества, о безнравственности религии, семейства; о безнравственности права собственности; все эти идеи об уничтожении национальностей во имя всеобщего братства людей, о презрении к Отечеству, как к тормозу во всеобщем развитии, и проч. и проч. — всё это были такие влияния, которых мы преодолеть не могли и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы во имя какого-то великодушия. Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло.

Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться».

Но затем, уже повзрослев и поумнев, Ф.М. Достоевский активно противостоял Белинскому: «Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально. (Замечу, что он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен.) Без сомнения, он понимал, что, отрицая нравственную ответственность личности, он тем самым отрицает и свободу ее; но он верил всем существом своим (гораздо слепее Герцена, который, кажется, под конец усумнился), что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстановляет ее в неслыханном величии, но на новых и уже адамантовых основаниях...

Тут оставалась, однако, сияющая личность самого Христа, с которою всего труднее было бороться. Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называть его ложным и невежественным человеколюбием, осужденным современною наукой и экономическими началами; но все-таки оставался пресветлый лик богочеловека, его нравственная недостижимость, его чудесная и чудотворная красота. Но в беспрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием, как остановился Ренан, провозгласивший в своей полной безверия книге "Vie de Jйsus", что Христос все-таки есть идеал красоты человеческой, тип недостижимый, которому нельзя уже более повториться даже и в будущем.

— Да знаете ли вы, — взвизгивал он раз вечером (он иногда както взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел...

Кругом меня были именно те люди, которые, по вере Белинского, не могли не сделать своих преступлений». И этих опасных людей, больных «болезнью Белинского», Ф.М. Достоевский показал в своих знаменитых произведениях «Преступление и наказание» и «Бесы».

Жестокие уроки жизни и властей…

После очередной неудавшейся революции во Франции 1848 года и очередных восстаний поляков российские власти тщательно просмотрели общество на наличие опасных либералов и «накрыли» кружок Петрашевского, арестовали и Ф. Достоевского. Тут-то только что взлетевшая на волне славы знаменитость спикировала сильно и хлебнула немало беды, и, как оказалось позже — очередного очень ценного опыта, что, вероятно, и было предусмотрено Божьим Провидением.

Во время следствия Ф. Достоевский 8 месяцев просидел в камере-одиночке в Петропавловской крепости, в которой разрешалось арестованным читать. Но поскольку в камере точно не было Руссо и Маркса, то молодой «вольнодумец» продолжил своё образование не только в этом узком направлении, но и более широко — читал гениального Шекспира и другую европейскую классику, книги по истории России и Европы, а когда прочел сочинения святого Дмитрия Ростовского, то написал брату: «Но лучше всего, если бы ты мне прислал Библию (оба Завета)», которую в детстве вслух читал ему отец. Но главные ценные беды-испытания были ещё впереди...

Суд счел, что петрашевцы идейно готовили заговор против существующей власти и постановил: «Лишить... чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни». Оба-на! А вроде всё казалось невинным просвещенческим увлечением. Уверен, — когда человеку объявляют о смертной казни, то этот шок встряхивает сознание основательно, тем более такого внимательного исследователя человека, как Ф. Достоевского... Но вскоре смертную казнь Ф. Достоевскому заменили на более мягкое наказание — «сослать на каторжную работу в крепостях на 8 лет», так же смягчили наказание и всем остальным петрашевцам-арестантам, но никому об этом не сказали. После всего этого император Николай I каждому ещё раз смягчил наказание своей властью, в частности в деле Ф. Достоевского написал резолюцию: «на 4 года, а потом рядовым в Тобольск». Об этом изменении также никому не сообщили и держали в секрете до самого эшафота.

«Мы, петрашевцы, стояли на эшафоте и выслушивали наш приговор без малейшего раскаяния, –вспоминал Ф. Достоевский. — Без сомнения, я не могу свидетельствовать обо всех; но думаю, что не ошибусь, сказав, что тогда, в ту минуту, если не всякий, то, по крайней мере, чрезвычайное большинство из нас почло бы за бесчестье отречься от своих убеждений. Это дело давнопрошедшее, а потому, может быть, и возможен будет вопрос: неужели это упорство и нераскаяние было только делом дурной натуры, делом недоразвитков и буянов? Нет, мы не были буянами, даже, может быть, не были дурными молодыми людьми...

То дело, за которое нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись нам не только не требующими раскаяния, но даже чем-то нас очищающим, мученичеством, за которое многое нам простится! И так продолжалось долго.

Не годы ссылки, не страдания сломили нас. Напротив, ничто не сломило нас, и наши убеждения лишь поддерживали наш дух сознанием исполненного долга. Нет, нечто Другое изменило взгляд наш, наши убеждения и сердца наши (я, разумеется, позволяю себе говорить лишь о тех из нас, об изменении убеждений которых уже стало известно и тем или другим образом засвидетельствовано ими самими). Это нечто другое было непосредственное соприкосновение с народом, братское соединение с ним в общем несчастии, понятие, что сам стал таким же, как он, с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его.

Повторяю, это не так скоро произошло, а постепенно и после очень-очень долгого времени. Не гордость, не самолюбие мешали сознаться. А между тем я был, может быть, одним из тех (я опять про себя одного говорю), которым наиболее облегчен был возврат к народному корню, к узнанию русской души, к признанию духа народного. Я происходил из семейства русского и благочестивого. С тех пор как я себя помню, я помню любовь ко мне родителей. Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с первого детства. Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам нам читал отец».

Власти разыграли поучительный, воспитательный спектакль на тему «Жизнь — это не шутка» или «С властями шутки плохи». До этого — ссылка А. С. Пушкина в Михайловское «подумать» дала поразительный эффект, арест и ссылка И. С. Тургенева в Спасское дала поразительный эффект, и на этот раз жесткий урок российских властей в отношении Ф. Достоевского дал поразительный положительный эффект...

Когда на Семеновском плацу арестантам объявили о смертной казни и о приведении её в исполнение, и первую группу поставили к стенке, то в оставшиеся до казни несколько минут по свидетельству Ф. Достоевского в его сознание пронеслись весьма интересные мысли, о которых он поведал в «Дневнике писателя» и устами своего героя князя Мышкина:

«Троих первых повели к столбам. Привязали, надели на них смертный костюм (белые длинные балахоны), а на глаза надвинули им белые колпаки, чтобы не видно было ружей... Священник обошел всех с крестом. Выходило, что остается жить минут пять, не больше... Эти пять минут казались ему бесконечным сроком, огромным богатством...». И в последний момент арестантам объявили о смягчении наказания...

Вечером этого «расстрельного» дня Ф. Достоевский писал брату: «... Подле меня будут люди, и быть человеком между людьми и остаться

им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях, не унывать и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача её. Я сознал это».

Затем начался очередной жизненный урок выковки будущего гения, — арестантов повезли по этапам в Сибирь. Когда пересекали Уральские горы — границу между Европой и Азией, то Достоевский и многие «петрашевцы» прослезились, — прощались с Европой... В Азии Ф. Достоевский четыре года прожил в тюрьме Омска вместе с уголовниками — ворами и убийцами, и результат этого сожительства был весьма любопытным:

«Я был в каторге и видал преступников, "решеных" преступников. Повторяю, это была долгая школа. Ни один из них не переставал себя считать преступником. С виду это был страшный и жестокий народ. "Куражились", впрочем, только из глупеньких, новенькие, и над ними смеялись. Большею частью народ был мрачный, задумчивый. Про преступления свои никто не говорил. Никогда не слыхал я никакого ропота. О преступлениях своих даже и нельзя было вслух говорить. Случалось, что раздавалось чье-нибудь слово с вызовом и вывертом, и — "вся каторга", как один человек, осаживала выскочку. Про это не принято было говорить.

Но, верно говорю, может, ни один из них не миновал долгого душевного страдания внутри себя, самого очищающего и укрепляющего. Я видал их одиноко задумчивых, я видал их в церкви молящихся перед исповедью; прислушивался к отдельным внезапным словам их, к их восклицаниям; помню их лица, — о, поверьте, никто из них не считал себя правым в душе своей!» («Дневник писателя»).

Этот этап в своём развитии, в своей эволюции проходили многие великие русские мыслители, например, Л. Толстой по этому поводу любил цитировать Николая Гоголя: «Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны. Этого мало — сам ум проясняется: дотоле скрытые положения и поприща людей становятся тебе известны, и делается видно, что кому потребно. Велик Бог, нас умудряющий», и Лев Николаевич сделал вывод:

«Страдания жизни неразумной приводят к сознанию необходимости разумной жизни». Из личных страданий неким закономерным образом выходит любовь, любовь к другим страдающим, как со-чувствие, со-страдание, со-переживание, со-понимание, философия любви.

«Не хотел бы я, чтобы слова мои были приняты за жестокость, — писал после тюрьмы Ф. М. Достоевский. — Но все-таки я осмелюсь высказать. Прямо скажу: строгим наказанием, острогом и каторгой вы, может быть, половину спасли бы из них. Облегчили бы их, а не отяготили».

Это жизненное испытание, как ни странно звучит, — здорово обогатило Ф. Достоевского:

«И на каторге между разбойниками, в четыре года, отличил наконец людей. Поверишь ли: есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото....

Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть не многие знают его...

Я думаю, самая главная, самая коренная духовная потребность русского народа есть потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем. Этою жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно.

Никогда, даже в самые торжественные минуты его истории, не имеет он гордого и торжествующего вида, а лишь умиленный до страдания вид; он воздыхает и относит славу свою к милости господа. Страданием своим русский народ как бы наслаждается. Что в целом народе, то и в отдельных типах, говоря, впрочем, лишь вообще. Вглядитесь, например, в многочисленные типы русского безобразника. Тут не один лишь разгул через край, иногда удивляющий дерзостью своих пределов и мерзостью падения души человеческой. Безобразник этот прежде всего сам страдалец. Наивно-торжественного довольства собою в русском человеке совсем даже нет, даже в глупом.

Возьмите русского пьяницу и, например, хоть немецкого пьяницу: русский пакостнее немецкого, но пьяный немец несомненно глупее и смешнее русского. Немцы — народ по преимуществу самодовольный и гордый собою. В пьяном же немце эти основные черты народные вырастают в размерах выпитого пива. Пьяный немец несомненно счастливый человек и никогда не плачет; он поет самохвальные песни и гордится собою. Приходит домой пьяный как стелька, но гордый собою.

Русский пьяница любит пить с горя и плакать. Если же куражится, то не торжествует, а лишь буянит. Всегда вспомнит какую-нибудь обиду и упрекает обидчика, тут ли он, нет ли...

Самый крупный безобразник, самый даже красивый своею дерзостью и изящными пороками, так что ему даже подражают глупцы, все-таки слышит каким-то чутьем, в тайниках безобразной души своей, что в конце концов он лишь негодяй и только. Он недоволен собою; в сердце его нарастает попрек, и он мстит за него окружающим; беснуется и мечется на всех, и тут-то вот и доходит до краю, борясь с накопляющимся ежеминутно в сердце страданием своим, а вместе с тем и как бы упиваясь им с наслаждением. Если он способен восстать из своего унижения, то мстит себе за прошлое падение ужасно, даже больнее, чем вымещал на

других в чаду безобразия свои тайные муки от собственного недовольства собою».

В 1854 году Ф. Достоевский был зачислен рядовым в 1-ю роту Сибирского 7-линейного батальона в городе Семипалатинске, а на следующий год за усердную службу был произведен в унтер-офицеры.

В Семипалатинске Ф. Достоевский сдружился с будущим знаменитым генералом, а тогда молодым юристом — А. Е. Врангелем. А в 1856 году в Кузнеце женился на вдове своего умершего друга 28-летней Марии Исаевой, у которой был сын. В 1858 году Ф. Достоевскому разрешили уйти в отставку по состоянию здоровья, и вернуться в европейскую часть России, — именно в Тверь. А в конце 1859 года ему разрешили переехать в Петербург, где он, благодаря брату Михаилу, стал быстро возвращаться к творчеству — они вместе стали издавать журнал «Время», а затем «Эпоха»(1861—1864 гг.).

Возвращение из Сибири другого Ф. Достоевского

В 1861 году было опубликовано его первое произведение после возвращения в столицу — роман «Униженные и оскорбленные». Итак, в 40 лет Ф. Достоевский опять вернулся в литературу. Но к разочарованию либералов, западников в этом романе не было социальной или политической остроты, кислотности, это был семейный роман о счастье и о добродетели.

Репутацию среди либералов и «прогрессивной» общественности сильно поправил роман «Записки из Мертвого дома», опубликованный в 1862 году, — либеральных гимнов там не было, но тема была очень выигрышной, ибо с такой правдивостью и красочностью ещё никто описывал русскую тюрьму. И мысль Достоевского, что преступники «может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего» почерпнутую им из трагического личного опыта, либералы почему-то охотно, не спросив писателя, принимали на свой счёт. Восторженные читатели стали называть Федора Михайловича Достоевского «русским Вергилием».

Но Ф. Достоевский после знакомства в Сибири с народом был уже совсем другой, но об этом пока ещё никто не догадывался. «Однажды утром (1862 г.) я нашел у дверей моей квартиры, на ручке замка, одну из самых замечательных прокламаций изо всех, которые тогда появлялись; а появлялось их тогда довольно. Она называлась "К молодому поколению". Ничего нельзя было представить нелепее и глупее. Содержания возмутительного, в самой смешной форме, какую только их злодей мог бы им выдумать, чтобы их же зарезать. Мне ужасно стало досадно и было грустно весь день.

Всё это было тогда еще внове и до того вблизи, что даже и в этих людей вполне всмотреться было тогда еще трудно. Тут подавлял один факт: уровень образования, развития и хоть какого-нибудь понимания действительности, подавлял ужасно. Несмотря на то, что я уже три года жил в Петербурге и присматривался к иным явлениям, — эта прокламация в то утро как бы ошеломила меня, явилась для меня совсем как бы новым неожиданным откровением: никогда до этого дня не предполагал я такого ничтожества! Пугала именно степень этого ничтожества».

Но вскоре в журнале «Время» произошло самораскрытие другого Ф. Достоевского — прозвучали новые, совсем не левые взгляды этого «русского Вергилия»: «Идею мы несём вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина. И это несмотря на то, что наши «русские европейцы» изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, и что мы вовсе не азиаты... Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная и что наша задача — создать свою новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал». Это уже точно славянофильство, а не западничество, не масонство. Мы наблюдаем разительное преображение Ф. Достоевского в Сибири, и возвращение в столицу с совсем другими — с противоположными взглядами.

«В истории славянофильского сознания фактом революционным было явление Достоевского... С Достоевского пошло катастрофически-трагическое жизнеощущение и настал конец бытовому прекраснодушию. Достоевский, конечно, духовно связан со славянофилами и сам был славянофилом, но сколь отличным от славянофилов старых, сколь новым по духу. В Достоевском революционно развивалось славянофильское сознание» — верно заметил Н. Бердяев. Хотя в самом начале 60-х годов Ф. Достоевский ещё не демонстрировал вызывающе свое боевитое славянофильство.

В конце «Дневника писателя» (1881 г.) Ф. М. Достоевский написал сам о себе: «Краткие биографические сведения, продиктованные писателем А. Г. Достоевской:

«По убеждениям своим он открытый славянофил; прежние же социалистические убеждения его весьма сильно изменились». Ещё раньше в «Дневнике писателя» Ф. Достоевский объяснял подробнее:

«Я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил. Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например,

для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский действительно дальше не заходил в понимании славянофильства. Для других (и, заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим. И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово.

Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединение всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы... Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я».

Тут-то либералы, западники всё поняли, и критики дружно навалились на «мирный» роман Ф. Достоевского, на журнал «Время», подключили все «ресурсы» и стали третировать Ф. Достоевского. Естественно, Достоевский разругался и порвал все отношения с «прогрессивным» журналом «Современник», с Некрасовым и прочими. И более того, Ф. Достоевский воспользовался конфликтом между журналами «Русское слово» и «Современник» и «подлил масла в пожар раздрая» своим колким памфлетом «Господин Щедрин или раскол в нигилистах», когда само слово «нигилист» было одновременно ругательным и оскорбительным:

«У нас, в литературном и преимущественно в журнальном мире, случаются целые катастрофы, даже почти романы. Вот, например, недавно, очень недавно, случилась странная кутерьма. "Русское слово", орган неумеренных нигилистов, напал на "Современник", орган умеренных нигилистов... Из этих попреков усматривается, что "Современник" теперь уже не современник, а ретроград, потому что позволил г-ну Щедрину, своему сотруднику, писать о мальчишках, о каких-то "вислоухих", о ничего не понимающих и всё портящих... Так что "Современник", говорят, даже и струсил, до того струсил, что запретил будто бы г-ну Щедрину вести дальнейшую полемику с "Русским словом"».

«Достоевский сделался врагом революции и революционеров из любви к свободе, он увидел в духе революционного социализма отрицание свободы и личности. Что в революции свобода перерождается в рабство. Его ужаснула перспектива превращения общества в муравейник», — отметил Н. Бердяев.

Интересно, что эта тема несвободы в муравейнике актуальна в России и сегодня, например, 31 октября 2007 г. я заглянул на «научный» семинар, проводимый в г. Пушкине в местном Агроуниверситете, который последние 10 лет «оккупировали» неомасоны-«концептуалисты» из «Мертвой воды» и услышал от отца-основателя товарища-жреца В. Зазнобина вначале речь о свободе, равенстве, братстве и общечеловеческих ценностях, а затем «убедительную» речь, — что необходимо российское общество построить по космополитическим принципам и по примеру муравейника или пчелиного улья — чтобы каждый знал смолоду свою задачу до конца жизни и ни шага влево или вправо... И это при том, что эти псевдоборцы с толпоэлитаризмом, за равенство и свободу точно знают, что и в улье и в муравейнике есть иерархия, неравность, элита и рядовые. Удивительны эти повторы-возвраты истории.

В 1863 году западники не остались в долгу и навалились дружно на Ф. Достоевского, их третирование достигло такого накала, что его жена стала болезненно реагировать, стала нервной, раздраженной и уехала во Владимир. А Ф. Достоевский решил не сражаться с либералами «в рукопашную», а по примеру И. С. Тургенева и С. Н. Лескова решил уехать за границу и переждать пока шумиха успокоится.

При этом в 42 года Достоевскому «влез бес в ребро», и он почти влюбился в молоденькую курсистку-нигилистку Аполлинарию Суслову, которая, как молодой автор, пыталась публиковать свои рассказы и стихи в журнале братьев Достоевских; и прихватил её с собой в путешествие по Германии, Франции и Италии. В похожем возрасте, вероятно, многие выдающиеся мыслители и общественные деятели проходят через подобное испытание по теме: «Могу ли я еще кому-нибудь нравиться в этом возрасте?» или «Возможна ли ещё у меня красивая любовь в этом возрасте?». Чтобы в этом убедиться, стоит почитать письма Л. Толстого или вспомнить сладкую трагедию И. Тургенева с Виардо или подобную историю с императором Александром II.

В данном случае Ф. Достоевский «играл с огнем», ибо А. Суслова была классической роковой властной женщиной и классической раскрепощенной «Лолитой», в которую через четверть века(!), пораженный её «черной» красотой, безумно влюбился и чуть было «не пропал» молодой Василий Розанов, кстати, женившийся на ней (когда в следующей книге будем наблюдать за «достижениями» в 20-м веке В. Розанова, то мы с этой особой познакомимся подробнее).

Поездка в Европу была давней сладкой мечтой Ф. Достоевского — заработать денег и своими глазами увидеть прекрасную, роскошную Европу, и он тщательно составил план путешествия, который предусматривал посещение 15 городов. И наконец-то мечта сбылась, стучат колеса поезда и рядом романтичная молоденькая Аполлинария.

«Господи, сколько я ожидал себе от этого путешествия! ...Вся «страна святых чудес» представится мне разом с птичьего полета...», а въехав в Берлин: «Я вдруг, с первого взгляда заметил, что Берлин до невероятности похож на Петербург. Те же кордонные улицы, те же запахи... стоило ж себя двое суток в вагоне ломать, чтоб увидать то же самое». И даже Париж разочаровал, оказался «прескучнейшим городом», в общем, читатель может сам прочитать заметки этого путешественника в его «Зимних заметках о летних впечатлениях».

Путешествие по Европе Ф. Достоевскому немало подпортила и Аполлинария, в которой он наконец-то разобрался умом и понял соотношение её красоты, её капризного характера и его нервов, его самолюбия. И, когда после возвращения в Россию ему хватило воли разорвать с ней отношения, то он с облегчением и одновременно с болью объяснял своему брату: «Аполлинария — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны. Она требует от людей всего, всех совершенств, не прощает ни единого несовершенства в уважение других хороших черт, сама же избавляет себя от самых малейших обязанностей к людям... Я люблю её до сих пор, очень люблю, но я уже не хотел бы любить её...». Яркий типаж Сусловой лег в основу написания некоторых героинь Ф. Достоевского — Полина или Катерина Ивановна в «Братьях Карамазовых», и некоторые сцены в «Игроке» взяты из реальных сцен путешествия с Сусловой по Европе. Опыт не пропал зря.

Возможно, не стоило бы на этом фрагменте жизни Ф. Достоевского останавливаться, если бы не этот довольно редкий пример борьбы и болезненной трагической победы сознания, нравственной части сознания «скорпиона» Ф. Достоевского над своими чувствами.

Во время путешествия Ф. Достоевский начал работать над повестью «Записки из подполья». Это было важной вехой в жизни писателя — он начал писать идеологические произведения, в этой повести появился отрицательный «герой» — идеолог. С этой повести начался длинный путь исследования причин возникновения нигилизма, причин отчуждения от общества и противостояния обществу, причин либерализма-революционности-терроризма.

После возвращения в Россию Ф. Достоевский поехал во Владимир к больной жене Марии Дмитриевне и детям, помирился и переехал с ними жить не в Петербург, а в Москву. В 1864 году его жена умерла. Ф. Достоевский вернулся в Петербург, но контактов с А. Сусловой избегал. В этом же году умер его любимый брат Михаил Михайлович Достоевский (1820—1864) и ближайший друг — критик Аполлон Григорьев. «Моя жизнь переломилась надвое», — сетовал Ф. Достоевский. Но важную для него повесть в 1864 году закончил.

«Записки из подполья»

Пожалуй, читатели это произведение не знают, или знают намного хуже знаменитых произведений писателя: «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы», хотя «Записки из подполья» в этой линии идеологических произведений Ф. Достоевского стоят первыми, начинающими и поэтому являются важными в логической цепочке объяснения трагического для России явления.

В этой повести безымянный «герой» — идеолог своим комплексом рассуждений выделяет себя из общества, и поскольку он знает, что его убеждения не понравятся обществу, он может даже пострадать, и ему не с кем, кроме слуги, поделиться своими соображениями, то этот темный «гений» обособляется от общества, уходит в подполье, не в прямом пока смысле, например, — в петрашевцы, а подпольем является его особое, обособленное «засекреченное» сознание. Этот его внутренний мир — «футляр» и является его подпольем от общества и уже в какой-то мере против общества, ибо он убежден, что «человек всегда и везде, кто бы он ни был, любил действовать, так, как хотел, а вовсе не так, как повелевал ему разум и выгода». — А это уже похоже на безрассудное бунтарство или даже анархию, что может привести к негативным, опасным явлениям в обществе.

Достоевский, будучи тонким и внимательным психологом, «копался» в этой теме ещё долгие годы после издания этой повести, и многие мысли в доработанном состоянии изложил через 10 лет в «Дневнике писателя», поэтому стоит, сохраняя эту тему, рассмотреть все наработки мыслителя по теме. Тем более, что Ф. Достоевский показал целую историю роста нигилиста-революционера, всю его историческую «эволюцию» роста, вернее — его инволюцию, в которой обособление в обществе, показанное в «Записках из подполья», является только промежуточным этапом. Внимательно понаблюдаем за объяснениями и логикой мыслителя:

«Пушкин первый своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем своим отыскал и отметил главнейшее и болезненное явление нашего интеллигентного, исторически оторванного от почвы общества, возвысившегося над народом. Он отметил и выпукло поставил перед нами отрицательный тип наш, человека, беспокоящегося и не примиряющегося, в родную почву и в родные силы ее не верующего, Россию и себя самого (то есть свое же общество, свой же интеллигентный слой, возникший над родной почвой нашей) в конце концов отрицающего, делить с другими не желающего и искренно страдающего.

Алеко и Онегин породили потом множество подобных себе в нашей художественной литературе. За ними выступили Печорины, Чичиковы,

Рудины и Лаврецкие, Болконские (в "Войне и мире" Льва Толстого) и множество других, уже появлением своим засвидетельствовавшие о правде первоначально данной мысли Пушкиным. Ему честь и слава, его громадному уму и гению, отметившему самую больную язву составившегося у нас после великой петровской реформы общества. Его искусному диагнозу мы обязаны обозначением и распознанием болезни нашей...».

Эту болезнь либерализма молодых людей Ф. М. Достоевский прекрасно знал на своём опыте, пережил, излечился и видел много этих гордых «Онегиных» среди «петрашевцев», которые почти все были из «барского, господского общества». Эти гордые «Онегины» были обеспечены, им не надо было думать, куда устроиться на работу и как заработать денег, — у них были другие проблемы: как убить огромное количество свободного времени, чем заняться, то есть — чем наполнить время-жизнь, то есть — каким смыслом наполнить свою жизнь... В этой шикарной ситуации им на ум приходило почему-то только два варианта: увлечься женщинами, как Алеко Пушкина Земфирой или, глядя на Европу, на «цивилизованную» Францию, — романтикой «бодания» с властью. Ф. М. Достоевский:

«В глуши, в сердце своей родины, он конечно не у себя, он не дома. Он не знает, что ему тут делать, и чувствует себя как бы у себя же в гостях. Впоследствии, когда он скитается в тоске по родной земле и по землям иностранным, он, как человек бесспорно умный и бесспорно искренний, еще более чувствует себя и у чужих себе самому чужим. Правда, и он любит родную землю, но ей не доверяет. Конечно, слыхал и об родных идеалах, но им не верит. Верит лишь в полную невозможность какой бы то ни было работы на родной ниве, а на верующих в эту возможность, — и тогда, как и теперь, немногих, — смотрит с грустною насмешкой.

Ленского он убил просто от хандры, почем знать, может быть, от хандры по мировому идеалу, — это слишком по-нашему, это вероятно. Не такова Татьяна: это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда, что и выразилось в финале поэмы. Может быть, Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины, и ей предназначил поэт высказать мысль поэмы в знаменитой сцене последней встречи Татьяны с Онегиным».

Онегин Пушкина пока ещё не пришел ко второму варианту, к «петрашевцам», но он уже отправился в этот путь, — Ф. М. Достоевский: (Онегин) «отправился с мировою тоской своею и с пролитою в глупень-

кой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями:

Я молод, жизнь во мне крепка,
Чего мне ждать, тоска, тоска!

Это поняла Татьяна. В бессмертных строфах романа поэт изобразил ее посетившею дом этого столь чудного и загадочного еще для нее человека. Я уже не говорю о художественности, недосягаемой красоте и глубине этих строф. Вот она в его кабинете, она разглядывает его книги, вещи, предметы, старается угадать по ним душу его, разгадать свою загадку, и "нравственный эмбрион" останавливается наконец в раздумье, со странною улыбкой, с предчувствием разрешения загадки, и губы ее тихо шепчут: “Уж не пародия ли он?” Да, она должна была прошептать это, она разгадала.

Я вот как думаю: если бы Татьяна даже стала свободною, если б умер ее старый муж, и она овдовела, то и тогда бы она не пошла за Онегиным. Надобно же понимать всю суть этого характера! Ведь она же видит, кто он такой: вечный скиталец увидал вдруг женщину, которою прежде пренебрег, в новой блестящей недосягаемой обстановке, — да ведь в этой обстановке-то, пожалуй, и вся суть дела. ...Она прошла в его жизни мимо него не узнанная и не оцененная им; в том и трагедия их романа. О, если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на неё, — о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного! Но этого не случилось...

Ведь этой девочке, которую он чуть не презирал, теперь поклоняется свет — свет, этот страшный авторитет для Онегина, несмотря на все его мировые стремления, — вот ведь, вот почему он бросается к ней ослепленный! Вот мой идеал, восклицает он, вот мое спасение, вот исход тоски моей, я проглядел его, а "счастье было так возможно, так близко!" И как прежде Алеко к Земфире, так и он устремляется к Татьяне, ища в новой причудливой фантазии всех своих разрешений.

Да разве этого не видит в нем Татьяна, да разве она не разглядела его уже давно?.. У него никакой почвы, это былинка, носимая ветром. Не такова она вовсе: у ней и в отчаянии и в страдальческом сознании, что погибла ее жизнь, все-таки есть нечто твердое и незыблемое, на что опирается ее душа. Это ее воспоминания детства, воспоминания родины, деревенской глуши, в которой началась ее смиренная, чистая жизнь, — это "крест и тень ветвей над могилой ее бедной няни". О, эти воспоминания и прежние образы ей теперь всего драгоценнее, эти образы одни

только и остались ей, но они-то и спасают ее душу от окончательного отчаяния. И этого немало, нет, тут уже многое, потому что тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею. А у него что есть и кто он такой? Не идти же ей за ним из сострадания, чтобы только потешить его... Нет, Татьяна не могла пойти за Онегиным».

Итак, гордый Онегин, не найдя счастья и смысла жизни в первом варианте, уже в образе Алеко у Пушкина опять «отправился с мировою тоской своею и с пролитою в глупенькой злости кровью на руках своих скитаться по родине, не примечая ее, и, кипя здоровьем и силою, восклицать с проклятиями: Я молод, жизнь во мне крепка, Чего мне ждать, тоска, тоска!»

И от этой тоски Онегин-Алеко заехал поразвлечься, развеять свою тоску и бессмысленность жизни романтикой к цыганам (поэма А. Пушкина «Цыгане»). Но цыгане были не глупее Татьяны и, — одно дело приехал на пару деньков — повеселился — заплатил — и уехал, а другое — ему понравилось, его понесло, задержался и «наломал дров», и даже решил остаться, но — Ф. М. Достоевский:

«Не только для мировой гармонии, но даже и для цыган не пригодился несчастный мечтатель, и они выгоняют его — без отмщения, без злобы, величаво и простодушно:

Оставь нас, гордый человек;
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним.

Всё это, конечно, фантастично, но "гордый-то человек" реален и метко схвачен. В первый раз схвачен он у нас Пушкиным, и это надо запомнить. Именно, именно, чуть не по нем, и он злобно растерзает и казнит за свою обиду или, что даже удобнее, вспомнив о принадлежности своей к одному из четырнадцати классов, сам возопиет, может быть (ибо случалось и это), к закону, терзающему и казнящему, и призовет его, только бы отомщена была личная обида его...

Тут уже подсказывается русское решение вопроса, "проклятого вопроса", по народной вере и правде: "Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве", вот это решение по народной правде и народному разуму. "Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое

дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его.

Не у цыган и нигде мировая гармония, если ты первый сам ее недостоин, злобен и горд и требуешь жизни даром, даже и не предполагая, что за нее надобно заплатить". Это решение вопроса в поэме Пушкина ("Цыгане") уже сильно подсказано. Еще яснее выражено оно в "Евгении Онегине", поэме уже не фантастической, но осязательно реальной, в которой воплощена настоящая русская жизнь с такою творческою силой и с такою законченностию, какой и не бывало до Пушкина, да и после его, пожалуй».

И Ф. М. Достоевский не скрывал, что он пытался изо всех сил и силой своего таланта продолжить эту линию А. Пушкина, это дело А. Пушкина, и он не скрывал, что целенаправленно назвал свой знаменитый роман — «Бесы», взяв эту идею у А. С. Пушкина из его одноименного стихотворения: «Бес благородный скуки тайной».

И в своей повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевский попытался показать следующую стадию «прогресса» этого гордого праздного барчука Онегина-Алеко, который разозлился на окружающий Мир-общество, обиделся на него, наершился, и в этом состоянии покинул общество, отделился, отщепился, обособился в своём гордом недовольном и озлобленном мирке-сознании, в своём футляре, в своём коконе. И этот маленький люциферик — это не «лишний человек в обществе», который в своём прогрессе якобы перерос отсталое российское общество, обогнал его, и отсталое общество его не поняло и отвергло, — как десятки лет объясняли и объясняют нашим школьникам и студентам старо-шаблонно учителя и профессора, нет — этот бездельник-бунтарь является добровольным отщепенцем-обособленцем. И этот исторический момент в истории России чутко уловил Ф. М. Достоевский:

«Право, мне всё кажется, что у нас наступила какая-то эпоха всеобщего "обособления". Все обособляются, уединяются, всякому хочется выдумать что-нибудь свое собственное, новое и неслыханное... Он проповедует новое, он прямо ставит идеал нового слова и нового человека. Он не знает ни европейской литературы, ни своей; он ничего не читал, да и не станет читать. Он не только не читал Пушкина и Тургенева, но, право, вряд ли читал и своих, т. е. Белинского и Добролюбова.

Он выводит новых героев и новых женщин, и вся новость их заключается в том, что они прямо делают свой десятый шаг, забыв о девяти первых, а потому вдруг очутываются в фальшивейшем положении, в каком только можно представить, и гибнут в назидание читателю...».

Со времен СССР наши учителя и профессора или «по инерции», или по собственной глупости или по собственному идеологическому либеральному убеждению объясняют, что этот отщепенец не обгонял в

своём развитии общество, нет — он-то развивался гармонично правильно, а вот российское общество почему-то сильно запаздывало в развитии, не догоняло «героя», отставало — поэтому у этого «прогрессивного» и возникла благородная революционная мысль: подтянуть российское общество до нужной ступени прогресса, и если надо то и (по Белинскому, Герцену и пр.) силой и ценой крови.

Ф. М. Достоевский думал совсем иначе и объяснял, что происходило с этим отщепенцем-люцифериком-бесом на стадии обособления уже в его эпоху:

«А тут как раз подоспело освобождение крестьян, а с ним вместе — разложение и "обособление" нашего интеллигентного общества во всех возможных смыслах. Люди не узнавали друг друга, и либералы не узнавали своих же либералов. И сколько было потом грустных недоумений, тяжелых разочарований! Бесстыднейшие ретрограды вылетали иногда вдруг вперед, как прогрессисты и руководители, и имели успех. Что же могли видеть многие тогдашние дети в своих отцах, какие воспоминания могли сохраниться в них от их детства и отрочества? Цинизм, глумление, безжалостные посягновения на первые нежные святые верования детей; затем нередко открытый разврат отцов и матерей, с уверением и научением, что так и следует, что это-то и истинные "трезвые" отношения. Прибавьте множество расстроившихся состояний, а вследствие того нетерпеливое недовольство, громкие слова, прикрывающие лишь эгоистическую, мелкую злобу за материальные неудачи, — о, юноши могли это наконец разобрать и осмыслить! А так как юность чиста, светла и великодушна, то, конечно, могло случиться, что иные из юношей не захотели пойти за такими отцами и отвергли их "трезвые" наставления. Таким образом, подобное "либеральное" воспитание и могло произвести совсем обратные следствия, по крайней мере в некоторых примерах. Вот эти-то, может быть, юноши и подростки и ищут теперь новых путей и прямо начинают с отпора тому ненавистному им циклу идей, который встретили они в детстве, в своих родных гнездах...

Он мигом "уединился и обособился", нашу христианскую веру тотчас же и тщательно обошел, всё это прежнее устранил и немедленно выдумал свою веру, тоже христианскую, но зато "свою собственную". У него жена и дети. С женой он не живет, а дети в чужих руках. Он на днях бежал в Америку, очень может быть, чтоб проповедовать там новую веру. Одним словом, каждый сам по себе и каждый по-своему, и неужто они только оригинальничают, представляются? Вовсе нет. Нынче у нас момент скорее правдивый, чем рефлекторный. Многие, и, может быть, очень многие, действительно тоскуют и страдают; они в самом деле и серьезнейшим образом порвали все прежние связи и принуждены начинать сначала, ибо свету им никто не дает.

А мудрецы и руководители только им поддакивают, иные страха ради иудейского (как-де не пустить его в Америку: в Америку бежать все-таки либерально), а иные так просто наживаются на их счет. Так и гибнут свежие силы...

Одним словом, хоть и старо сравнение, но наше русское интеллигентное общество всего более напоминает собою тот древний пучок прутьев, который только и крепок, пока прутья связаны вместе, но чуть лишь расторгнута связь, то весь пучок разлетится на множество слабых былинок, которые разнесет первый ветер. Так вот этот-то пук у нас теперь и рассыпался. Что ж, неужели не правда, что правительство наше, за всё время двадцатилетних реформ своих, не нашло у нас всей поддержки интеллигентных сил наших? Напротив, не ушла ли огромная часть молодых, свежих и драгоценных сил в какую-то странную сторону, в обособление с глумлением и угрозой, и именно опять-таки из-за того, чтоб вместо первых девяти шагов ступить прямо десятый, забывая притом, что десятый-то шаг, без предшествовавших девяти, уж во всяком случае обратится в фантазию, даже если б он и значил что-нибудь сам по себе. Всего обиднее, что понимает что-нибудь в этом десятом шаге, может быть, всего только один из тысячи отщепенцев, а остальные слышали, как в колокола звонят. В результате пусто: курица болтуна снесла. Видали ль вы в знойное лето лесной пожар? Как жалко смотреть и какая тоска! сколько напрасно гибнет ценного материала, сколько сил, огня и тепла уходит даром, бесследно и бесполезно...».

Когда ради своего развития и совершенства обособляется и уединяется в своём «коконе» какой-либо молодой ученый или монах, проводит большую внутреннюю работу и достигает хороших результатов, то через некоторое время из «кокона» в общество выходит прекрасная «бабочка», а когда в «коконе» варится в своей злобе и мрачных мыслях Онегин-Алеко, то через некоторое время из этого «кокона» в общество вылазит либеральный продукт: нигилист или его «продвинутая» форма — монстр-революционер с револьвером и бомбой...

В этом вопросе отщепления-обособления от российского общества Ф. М. Достоевский посмотрел ещё шире, и обратил внимание, что начинают обособляться не только отдельные «прогрессивные» молодые люди, но и более крупные «монады» общества и целые народы:

Мне скажут, что это всего два-три факта, которые ничего не означают, что, напротив, всё несомненно тверже прежнего обобщается и соединяется, что являются банки, общества, ассоциации. Но неужели вы и вправду укажете мне на эту толпу бросившихся на Россию восторжествовавших жидов и жидишек? Восторжествовавших и восторженных, потому что появились теперь даже и восторженные жиды, иудейского и православного исповедания. И что же, даже и об них теперь пишут

в наших газетах, что они уединяются и что, например, над съездами представителей наших русских поземельных банков смеется вдоволь заграничная пресса по поводу "... тайных заседаний первых двух съездов, не без иронии спрашивая: каким образом и по какому праву русские поземельно-кредитные учреждения имеют смелость претендовать на доверие публики, когда они своими тайными заседаниями, происходящими за тщательно охраняющими их китайскими стенами, скрывают всё от публики, давая этим ей даже понять, что у них действительно творится что-то недоброе..."

Вот, стало быть, даже и эти господа обособляются и затворяются и замышляют что-то свое и по-своему...».

На основе вышеизложенного трудно назвать Ф. Достоевского только гениальным писателем, в данном случае он ещё и выдающийся мыслитель-философ.

В 1865 году у Достоевского чуть было не случилось ещё одно несчастье — к нему перешли долги умершего брата, и за долги пытались отобрать все его имущество. Спас его авторитет писателя, — Литературный фонд дал ему 600 рублей на погашение долгов. Чтобы избежать повтора ситуации и увеличить эффективность и быстроту написания литературных произведений, и, соответственно, и скорость поступления гонораров, Ф. Достоевский изменил технологию «производства», ибо рука сильно не успевала за мыслью — и нанял стенографистку Анну Сниткину, которой он стал диктовать тексты. Таким способом он довольно быстро написал и издал в 1866 году знаменитый роман«Игрок». «Стенографистка моя, Анна Григорьевна Сниткина, была молода и довольно пригожая девушка, 20 лет, хорошего семейства... при конце романа я заметил, что стенографистка моя меня искренне любит, хотя никогда не говорила мне об этом ни слова. А мне она всё больше и больше нравилась. Так как со смерти брата мне ужасно скучно и тяжело жить, то я предложил ей за меня выйти. Она согласилась, и вот мы обвенчаны. Разница в летах ужасная (20 и 44), но я всё более убеждаюсь, что она будет счастлива», — писал Ф. Достоевский.

До этого «служебного» романа с А. Сниткиной Достоевский в этом же году очень быстро написал и издал знаменитый роман «Преступление и наказание», об идее которого Достоевский писал в письме издателю М. Каткову: «Идея повести... — психологический отчет одного преступления. Действие современное, в нынешнем году. Молодой человек, исключенный из университета, мещанин по происхождению, и живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях поддавшись некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения. Он решился убить одну старуху... Старуха глупа, глуха, больна, жадна, берет жидовские проценты, зла...».

Это произведение рассмотрим не с помощью каких-то «сверхмудрых» критиков, а с помощью самого автора и его «Дневника писателя».

«Преступление и наказание»

За словом «психологический» у Ф. М. Достоевского стоит такая потрясающая многомерная глубина, и учитывая очень короткие сроки создания этого интеллектуального творения, то приходится только удивляться и преклоняться перед гением Ф. М. Достоевского.

Этот роман — не просто талантливый психологический детектив, он имеет серьёзную философскую и идеологическую нагрузку, актуальную и сегодня и всегда. Достоевский показал всю опасность, — когда этот отщепенец-обособленец-нигилист дозрел в своем либеральном вареве до критической точки — до готовности переступить черту закона и юридического и нравственного, между добром и злом, и в этой ситуации он может уже легко и идеологически «обосновано» совершить преступление — как против личности, так и против власти, против государства — стать пре-ступником. После такой внутренней работы-подготовки для проявления этого во вне дело остается за малым — за поводом, например, для Засулич — это наказание розгами её единомышленника, а для Раскольникова — это нищета и резкая необходимость в деньгах.

Таким образом, раскалывается человеческое сознание, пробегает трещина-раскол между совестью и безнравственностью, размывается понятие зла и настоящего добра, и остается в сознании нигилиста безнравственная злая часть. И этот внутренний раскол и преобладание зла в сознании затем проявляется и во вне между праведным поведением и преступным, и соответственно, общество раскалывается на порядочных, законопослушных и преступников и террористов. Мы наблюдаем как пробегает трещина раскола от сознания одного человека в общество. Поэтому Ф. М. Достоевский и дал «герою» фамилию — Раскольников. Достоевский в романе показывает различные варианты внутреннего раскола и преступления роковой черты — почти все действующие лица романа «Преступление и наказание» пре-ступники: преступна в своей безжалостности Амалия Ивановна, преступен цинизм Лужина, преступил черту Мармеладов, похитив у родных последние деньги, и милая Соня Мармеладова — преступившая и торгующая своим телом ради прокормления семьи.

Эта тема давно вертелась в голове Достоевского, ещё со времен либеральных лекций ему В. Белинским: « “ — Да знаете ли вы, — взвизгивал он (Белинский) раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне, — знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами,

когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел..."

Кругом меня были именно те люди, которые, по вере Белинского, не могли не сделать своих преступлений, а стало быть, были правы и только несчастнее, чем другие. Я знал, что весь русский народ называет нас тоже "несчастными" и слышал это название множество раз и из множества уст. Но тут было что-то другое, совсем не то, о чем говорил Белинский, и что слышится, например, теперь в иных приговорах наших присяжных. В этом слове "несчастные", в этом приговоре народа звучала другая мысль. Четыре года каторги была длинная школа; я имел время убедиться... Теперь именно об этом хотелось бы поговорить». И теперь романом «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский ответил Белинскому и его единомышленникам, и более того — в интригующей запоминающейся форме представил молодежи яркую воспитательную притчу, тем более, что и в жизни «Раскольниковых» становилось всё больше — Ф. М. Достоевский:

«В Петербурге, две-три недели тому, молоденький паренек, извозчик, вряд ли даже совершеннолетний, вез ночью старика и старуху и, заметив, что старик без сознания пьян, вынул перочинный ножичек и стал резать старуху. Их захватили, и дурачок тут же повинился: "Не знаю, как и случилось и как ножичек очутился в руках". И вправду, действительно не знал. Вот тут так именно среда. Его захватило и затянуло, как в машину, в современный зуд разврата, в современное направление народное; — даровая нажива, ну, как не попробовать, хоть перочинным ножичком...

На западе Дарвинова теория — гениальная гипотеза, а у нас давно уже аксиома. На западе мысль, что преступление весьма часто есть лишь болезнь, — имеет глубокий смысл, потому что сильно различается, у нас же эта мысль не имеет никакого смысла, потому что совсем не различается — и всё, всякая пакость, сделанная даже червонным валетом, и та чуть ли не признается болезнью и — увы! — даже видят в этом нечто либеральное! Разумеется, я не про серьезных людей говорю (хотя много ли у нас серьезных-то людей в этом смысле?). Я говорю про улицу, про бездарную средину, с одной стороны, и про плутов, торгующих либерализмом, — с другой, и которым решительно всё равно, только чтобы было или казалось либерально».

И Ф. М. Достоевский обращает внимание, что эти последствия западного либерализма ещё и усиливают русские национальные особенности: «К числу таких сокрытых в русском народе идей — идей русского народа — и принадлежит название преступления несчастием, преступников —

несчастными. Идея эта чисто русская. Ни в одном европейском народе ее не замечалось. На Западе провозглашают ее теперь лишь философы и толковники. Народ же наш провозгласил ее еще задолго до своих философов и толковников. Но из этого не следует, чтобы он не мог быть сбит с толку ложным развитием этой идеи толковником, временно, по крайней мере с краю.

Окончательный смысл и последнее слово останутся, без сомнения, всегда за ним, но временно — может быть иначе. Короче, этим словом "несчастные" народ как бы говорит "несчастным": "Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте — может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, "несчастные", гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей"».

Ф. М. Достоевский много уделяет внимания, чтобы показать опасную ложь либералов, — что они целенаправленно «путают» повод из вне и внутреннюю причину зла, что якобы зло, причина зла находятся во вне — в окружающей среде-обществе, а человек только вынужден отвечать на агрессию общества, на зло злом, — так возникают «праведные» революционеры-террористы:

«А что, если наш народ особенно наклонен к учению о среде, даже по существу своему, по своим, положим, хоть славянским наклонностям? Что, если именно он-то и есть наилучший материал в Европе для иных пропагаторов? Нет, тут с народом пока еще только фортель, а не "философия среды". Тут есть одна ошибка, один обман, и в этом обмане много соблазна...

Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить.

Ведь этак табаку человеку захочется, а денег нет — так убить другого, чтобы достать табаку. Помилуйте: развитому человеку, ощущающему сильнее неразвитого страдания от неудовлетворения своих потребностей, надо денег для удовлетворения их — так почему ему не убить неразвитого, если нельзя иначе денег достать? Да неужели вы не прислушивались к голосам адвокатов: "Конечно, дескать, нарушен закон, конечно, это преступление, что он убил неразвитого, но, господа присяжные, возьмите во внимание и то..." и т. д. Ведь уже почти раздавались подобные голоса...

Ведь сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно ее исправлять. А так-то бежать от собственной жалости и, чтобы не страдать самому, сплошь оправдывать — ведь это легко. Ведь этак мало-помалу придем к заключению, что и вовсе нет преступлений, а во всем "среда виновата". Дойдем до того, по клубку, что преступление сочтем даже долгом, благородным протестом против "среды". "Так как общество гадко устроено, то в таком обществе нельзя ужиться без протеста и без преступлений", "Так как общество гадко устроено, то нельзя из него выбиться без ножа в руках". Ведь вот что говорит учение о среде в противоположность христианству, которое, вполне признавая давление среды и провозгласивши милосердие к согрешившему, ставит, однако же, нравственным долгом человеку борьбу со средой, ставит предел тому, где среда кончается, а долг начинается...

Согласитесь, что ничего нет легче, как применить к такому взгляду учение о "среде": "Общество скверно, потому и мы скверны; но мы богаты, мы обеспечены, нас миновало только случайно то, с чем вы столкнулись. Столкнись мы — сделали бы то же самое, что и вы. Кто виноват? Среда виновата.

Итак, есть только подлое устройство среды, а преступлений нет вовсе... Вот в этом-то софистическом выводе и состоит тот фортель, о котором я говорил.

Нет, народ не отрицает преступления и знает, что преступник виновен. Народ знает только, что и сам он виновен вместе с каждым преступником. Но, обвиняя себя, он тем-то и доказывает, что не верит в "среду"; верит, напротив, что среда зависит вполне от него, от его беспрерывного покаяния и самосовершенствования. Энергия, труд и борьба — вот чем перерабатывается среда. Лишь трудом и борьбой достигается самобытность и чувство собственного достоинства. "Достигнем того, будем лучше, и среда будет лучше"».

Обратите внимание — выше были поставлены очень важные вопросы для каждого человека, и важные и вечные вопросы для общества, — и Ф. М. Достоевский дал верный и конкретный ответ.

Этим романом после Лермонтова, Гоголя и Салтыкова-Щедрина Достоевский продолжил поднимать тревогу по поводу упадка нравственности в обществе, увлекшегося «золотым тельцом», и пытался показать пагубность достижения цели с помощью принципа — разбогатеть любой ценой. В конце 20 века совершенно безнравственным западным бизнес-принципом «успех любой ценой» возмутилась даже такая акула бизнеса, как Джо Сорос.

А чтобы вооружиться этим принципом и применить его на практике, необходимо опять же переступить внутреннюю морально-нравственную

черту. А чтобы это сделать и преодолеть эту преграду-проблему необходимо расширить свою внутреннюю свободу — снять нравственные ограничения и дать себе свободу грабить, обманывать, убивать — в общем, — мы это массово проходили после «перестройки» в 90-х, да и сейчас частенько, совершенно забыв наработки нашей нации в лице Ф. Достоевского.

В этом произведение в понимании либералов, западников еретически трактовалась свобода и их кумир Наполеон, который становится для Родиона Раскольникова образцом для подражания: «Кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает? ...Настоящий властелин, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, забывает армию в Египте, тратит полмиллиона людей в московском походе и отделывается каламбуром в Вильне, и ему же, по смерти, ставят кумиры, а стало быть, и все разрешается». Достоевскому в каком-то смысле повезло, что либералы за остротой детективного сюжета вначале не разглядели крамольную для них сущность произведения, а затем «не захотели» разглядеть, «не видели».

Причем от вышеизложенной безнравственной позиции идет очень неприятная логическая цепочка из неизбежного дуэта в преступлении: «преступник — жертва», ибо в этом случае преступник получается успешный «герой» с необыкновенной внутренней свободой, не ограниченной никакими нравственными и конституционными рамками, который как бы откалывается от общества — взлетает вверх над серой немощной толпой слабаков, и этим раскалывает общество (почему и фамилия — Раскольников) на две части: несколько десятков и сотен успешных героев вверху и на миллионы лохов, чмошников и лузеров внизу, которых можно и даже нужно «кинуть» всеми возможными способами: через пирамиды, споив и забрав квартиру, забрав с помощью «лохотрона», с помощью мудреного кредитного договора, хитрой ипотеки, продав лекарство — которое не лекарство, масло — которое не масло, тушенка — которая не тушенка, и просто — мошенничеством, воровством и грабежом.

Масштабный безнравственный, негативный процесс, начатый либералами в России примерно в 40-х годах 19 века и зафиксированный Гоголем, Салтыковым, Тургеневым и Достоевским, после «перестройки» во второй половине 20-го века получил полное завершение и свой полный черный расцвет, и очень успешно продолжается в России и сегодня, в 21 веке.

И если сравнивать два вида раскола общества — вышеизложенный и в СССР на партийных и беспартийных, то последний, который мы так горячо 20 лет назад критиковали, не идет ни в какое сравнение с глобальной буржуазной пропастью, и вспоминается небольшой трещинкой.

Я уж не говорю об убийстве и грабеже не по корыстным мотивам, а по принципиальным — «на слабо или — не слабо?», о которых, кстати, также говорил Раскольников: «Я для себя убил... тварь ли я дрожащая или право имею...». Так, кстати, недавно убили олимпийского чемпиона в Петербурге, — нашли объект для проверки «на слабо».

Стоит заметить, что некоторые — особенно шибко грамотные пытаются даже обосновать «право на преступление» и даже на убийство древним правом-законом славян, совершенно не обращая внимания, не вникая и не вдумываясь в мощную нравственную составляющую в тот далекий период и высочайший уровень ответственности за свои деяния как перед общиной, так и перед Богом.

В романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевский обратил внимание и обидел благородную тему масонов и либералов, высказанную в молодости Достоевского Белинским: «Люди так глупы, что их насильственно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов... Я начинаю любить человечество по-маратовски, чтобы сделать счастливою малейшую часть его, я, кажется, огнем и мечем истребил бы остальную...».

Ведь Раскольников хотел убить процентщицу не только ради денег, а идеологически — чтобы осчастливить если не всё человечество, то многих, хотел «добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел...». Если в 1917 г. крестьяне «попались» на земельную удочку большевиков, то многие полуобразованные мещане и обыватели попались на эту якобы «благородную» удочку — ну убьём мы несколько миллионов «белых», но зато мы новый мир построим, в котором все будут жить счастливо.

В этом случае граница между добром и злом, между нравственностью и гнилостностью души не просто переступается, она растворяется-разъедается оправдательной мыслью сознания о якобы будущем добре. И тогда преступление — это уже не преступление, а необходимый, и даже «добрый» и даже «жертвенный» для общества и человечества поступок. Увы, — эта коварная ложь-технология врагов России и этот тупизм части нашего народа, это дурачье слишком дорого обошлось России и всему русскому народу...

Прозвучавший в романе лозунг :«Да здравствует вековечная война» пророчески очень похож до боли на — «Да здравствует мировая революция!». И это Раскольников-К.Маркс и выдумал теорию-технологию раскола общества на два противоборствующих слоя одного общества и неуважения к своему государству, пре-ступления — террора и разрушения государства..

Стоит отметить, что у многих горячих и нетерпеливых голов нет терпения долго ждать наступления всеобщего «коммунизма», а хочется всё-таки самому хоть немного пожить в своём маленьком счастливом

Коммунизме, — и отсюда возникает логика одного из героев романа — «Я и сам хочу жить, а то лучше уж и не жить» или — «Я ведь однажды живу, я ведь тоже хочу...». Это полностью созвучно с современным люциферовско-сатанинским хитом педераста Бориса Моисеева: «Жизнь одна — пей до дна» или — «Танго героин», ибо если не получается кайфануть на яхте или в дорогом «мерседесе», то хотя бы временно, благодаря наркотикам...

Интересно, что такая установка приводит не к самоубийству, а к попытке найти «ускоренный» способ достигнуть благополучия — к преступлению, особенно когда не просто говорят о «коммунизме» и нет в сознании его ясного образа, а со всех экранов ТВ показывают яркие примеры капиталистического коммунизма во всей роскоши и гламуре. Это породило в России после «перестройки» под лозунгом «Успех любой ценой!» — миллионы преступников-Раскольниковых, миллионы Сонечек Мармеладовых и миллионы циничных Лужиных в самом уродливом виде.

В каждое время и в каждом обществе своих безнравственных уродов хватает, но вопрос в их количестве и наглости возведенной в ранг новой общественной нормы и новой «нравственной» ценности; и реально жить с таким количеством уродов опасно, противно и неудобно, особенно когда правительство и президент этому потворствуют, позволяя всем СМИ открыто пропагандировать и смаковать «новые» ценности и «новых» «героев»...

Кстати, — не у каждого современного «Раскольникова» могут проявиться остатки человеческого, как у Родиона Раскольникова: «Убить-то убил, а переступить — не переступил. Натура подвела»... Остатки здоровой души, остатки здорового сознания спасли от окончательного падения Раскольникова, его душа через спасительные мучительные душевные страдания хочет очиститься, выкарабкаться и возродиться. Роман «Преступление и наказание» заканчивается с весомой долей оптимизма и надежды ещё потому, что Раскольникова пытается спасать аналог раскаявшейся библейской блудницы — кроткая религиозная Соня Мармеладова.

А чтобы российское общество было нравственно здоровым и успешным, а не расколотым, великий писатель и философ советовал: «Всякому обществу, чтобы держаться и жить надо кого-нибудь и что-нибудь уважать непременно, и, главное, всем обществом, а не то, чтобы каждому, как он хочет про себя». Да, — все связи в обществе, вся конструкция общества-государства скрепляется, склеивается сознаниями всех членов общества, и этой темы коснемся при рассмотрении далее непосредственно «Дневника писателя».

Заработав на двух романах немало денег, Достоевский повез молодую жену в путешествие по Европе. И это путешествие не получилось

удачным, и тем более счастливым, — Достоевский проиграл в рулетку все деньги, и это после написания «Игрока»... Вероятнее всего, по этому поводу и с этой стороны Ф. М. Достоевский пытался заглянуть в душу русского человека:

«Особенно поражает та торопливость, стремительность, с которою русский человек спешит иногда заявить себя, в иные характерные минуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем или в поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего, от семьи, обычая, бога. Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни.

Но зато с такой же силою, с такой же стремительностью, с такой же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда.

Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения. То есть то бывает всегда на счету как бы мелкого малодушия; тогда как в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе».

После сокрушительного проигрыша Ф. Достоевского молодожены в нищете перебирались из одной дешевой гостиницы в другую, в этот период случались припадки эпилепсии у Фёдора Достоевского, их умудрялись догонять письма скучающей, раскаивающейся и любящей А. Сусловой, — в общем, беременной Анне Сниткиной было совсем «весело»... В этих условиях Ф. Достоевский стал писать знаменитейший роман «Идиот».

Во время этого путешествия Ф. Достоевского пригласили на открывшийся в Женеве 9 сентября 1867 года масоно-коммунистический Конгресс «Лиги мира и свободы», на котором выступали все «светила европейской мысли» того периода. «Писал ли я Вам о здешнем мирном конгрессе?.. Все было глупо — и то, как собрались, и то, как дело повели, и то, как разрешили. Начали с предложения вотировать, что не нужно больше монархий и все поделать маленьким. Потом, что не нужно веры. Это было четыре дня крику и ругательств...», — писал внимательный Достоевский в письме Майкову.

Это же событие Достоевский описывал своей племяннице С. А. Ивановой 29 сентября 1867 года: «...Гарибальди скоро уехал, но что эти

господа, которых я впервые увидел не в книгах, а наяву, социалисты и революционеры, врали с трибуны перед пятью тысячью слушателей, то невыразимо...

Комичность, слабость, бестолковщина, несогласие, противоречие себе — это вообразить нельзя. И эта-то дрянь волнует несчастный люд работников. Это грустно.

Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделать маленькие...». Кстати, также сумбурно и бестолково прошёл Интернационал в 1873 году, на котором «деятели» раскололись на социал-коллективистов» (марксистов) и «социал-анархистов (бакунинцев).

Достоевский на Конгрессе в Женеве слушал М. Бакунина и сделал вывод: «Бакунин старый, гнилой мешок бредней, ему легко детей хоть в нужник снести».

Два года Достоевский упорно продолжал писать роман «Идиот», идея которого предельно проста: «Главная мысль романа — изобразить положительного прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь», — писал Достоевский своей племяннице С. А. Ивановой в январе 1868 года, и гениально реализовал эту простую и невероятно сложную в воплощении идею в 1869 году.

«Идиот»

Ещё в одной теме Ф. Достоевского в молодости «задел за живое» черный жрец либерализма В. Белинский, и этим одновременно подсказал Ф. Достоевскому идею романа «Идиот», — Достоевский:

«В этот вечер мы были не одни, присутствовал один из друзей Белинского, которого он весьма уважал и во многом слушался; был тоже один молоденький, начинающий литератор, заслуживший потом известность в литературе. "Мне даже умилительно смотреть на него, — прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня, — каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него всё лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек, — набросился он опять на меня, — поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества".

"Ну не-е-т! — подхватил друг Белинского. (Я помню, мы сидели, а он расхаживал взад и вперед по комнате.) — Ну нет; если бы теперь появился Христос, он бы примкнул к движению и стал во главе его..." — "Ну да, ну да, — вдруг и с удивительною поспешностью согласился Белинский. — Он бы именно примкнул к социалистам и пошел за ними"».

Как видим «неистовый Виссарион» оказался полезным противным сильным раздражителем для Достоевского, и писатель решил доказать романом «Идиот», что это совсем не так: «Заставлю сознаться, что чистый, идеальный христианин — дело не отвлеченное, а образно реальное, возможное...».

Совпадение мнений было только в одном — Иисусу Христу в современном мире было бы точно не легко. Стоит здесь философски заметить, что это — вечная проблема-работа, — сколько будет существовать человечество или другие формы сознания, столько будут существовать различные пороки и необходимость с ними бороться и повышать уровень нравственности «масс», поэтому потребность в таких великих учителях постоянная и вечная.

И можно заметить, что в этой теме — в работе с человеком или «массами» у учителей или «учителей» есть три варианта: 1) просвещать-объяснять-воспитывать; 2) поставить нерадивых в своем большинстве учеников в жесткие рамки закона — «это можно, а это нельзя»; 3) и не учить, а ловко использовать безграмотность и безнравственность в своих коварных целях — «пропитать» необходимой зажигательной чушью и вручить в руки бомбу, или как это продемонстрировали кучерявые политтехнологи из разных европейских столиц в 1917 году, а затем двоечников в «новом мировоззрении» — расстрелять, «троечников» в лагеря на перековку, а из тупых «отличников» выжать максимум, например, — страхом перед лагерями и расстрелом, или соцсоревнованием и переходящими вымпелами, стахановской псевдопатриотичностью, обещаниями райского Коммунизма и т.п.

В романе Ф. Достоевского и в одноименном фильме мы видим, что писатель пытался показать — как нравственно, душевно тяжело было бы Иисусу Христу, если бы он жил в середине 19-го века, а теперь представьте — во сколько раз Христу было бы тяжелее, если бы он жил в наше время — в начале 21 века... и пытался что-то объяснить Ксении Собчак, Анфисе Чеховой, Боре Моисееву, ребятам из «Камеди клаб» и по их поводу не только Эрнсту и Добродееву, но и В. Путину и Д. Медведеву... А я пишу в 2008 году, — это значит, что при их власти уже 8 лет продолжается это западное и горбачевско-ельцинское без-образие, бесовщина, губление миллионов молодых русских душ. И сколько это ещё будет продолжаться с таким дружным упорством? Извините, господа нашего мирка, но тема сегодня очень злободневная, на краю духовной катастрофы русского народа, поэтому трудно избежать параллелей, аналогии.

«А идеал народа — Христос. А с Христом, конечно, и просвещение, и в высшие, роковые минуты свои народ наш всегда решает и решал всякое общее, всенародное дело свое всегда по-христиански. Вы скажете

с насмешкой: "Плакать — это мало, воздыхать тоже, надо и делать, надо и быть". А у вас-то у самих, господа русские просвещенные европейцы, много праведников? Укажите мне ваших праведников, которых вы вместо Христа ставите? Но знайте, что в народе есть и праведники. Есть положительные характеры невообразимой красоты и силы, до которых не коснулось еще наблюдение ваше. Есть эти праведники и страдальцы за правду, — видим мы их иль не видим?

Не знаю; кому дано видеть, тот, конечно, увидит их и осмыслит, кто же видит лишь образ звериный, тот, конечно, ничего не увидит. Но народ, по крайней мере, знает, что они есть у него, верит, что они есть, крепок этою мыслью и уповает, что они всегда в нужную всеобщую минуту спасут его. И сколько раз наш народ спасал отечество?» — представьте себе, с каким выражением лица выслушали бы это объяснение великого Ф. М. Достоевского, это его «анахроничное» «абстрактное» «смешное «морализаторство» вышеперечисленные современные «Белинские» и «Герцены» у власти информационной и политической... — лучше не представлять, чтобы не испортить себе нескольких мгновений жизни.

В романе «Идиот» Ф. Достоевский высказал несколько пророческих фраз: «Слишком шумно и промышленно становиться в человечестве, мало спокойствия духовного», или — «Тщеславные! В Бога не веруют, в Христа не веруют! Кончится тем, что вы друг друга переедите, это я вам предсказываю». И ведь через полвека после сказанного им переели друг друга...

Понятно, что западникам от этого романа было приторно, скучно и раздражительно, ибо он касался «каких-то» высоких нравственных вопросов, пропагандировал добродетель и христианство, молодежь против правительства не поднимал, да и против монархии намеков не было, а для «прогрессивной» молодежи этот роман был слишком сложен — слишком «нагружал» и заставлял зря «напрягаться».

Многие важные вопросы нравственности в этом романе Ф. Достоевский пытался объяснить не спеша, долгими объяснениями, терпеливо и мягко, — и, возможно, поэтому не достиг желаемого эффекта. «Я чувствую, что, сравнительно с «Преступлением и наказанием», эффект «Идиота» в публике слабее, — писал Ф. Достоевский Н. Н. Страхову. — И потому все мое самолюбие теперь поднято: мне хочется произвести этот эффект». И Достоевский все свои тревоги по поводу наступления западного либерализма и падения нравственности, которые он пытался донести к читателю романом «Идиот», решил преподнести в более резкой, контрастной и острой форме, чтобы наверняка тряхнуть читателя, толкнуть его в бок, — и стал писать роман «Бесы», отражая в нем одновременно обе главные темы «Преступления и наказания» и «Идиота», и продолжая славную линию борьбы А. С. Пушкина, поэтому и для названия романа эпиграфом взял идею А. С. Пушкина:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Это был ещё один отчаянный тревожный звон обществу, и очередной щит и булыжник против «Белинских», «Герценых» и прочих западников и доморощенных либералов.

«Бесы» и «Братья Карамазовы»

Ф. Достоевский писал роман «Бесы» как раз во время возмутительных событий в России — когда идеологическая либеральная банда С. Нечаева убила студента Петровской земледельческой академии И. Иванова, только за то, что Иванов перестал разделять их радикальные либеральные взгляды и хотел их покинуть. По этому поводу Ф. Достоевский даже внимательно изучил «Катехизис революционера» и был настолько возмущен либералами и встревожен за будущее России, что ради резкой, встряхивающей формы высказывания (опомнитесь!) готов был отказаться от талантливого художественного литературного изложения, которое он продемонстрировал в «Идиоте».

По поводу «Бесов» Ф. Достоевский писал Н. Н. Страхову в начале 1870 года: «На вещь, которую я теперь пишу в «Русский вестник», я сильно надеюсь, но не с художественной, а с тенденциозной стороны; хочется высказать несколько мыслей, хотя бы погибла при этом моя художественность. Но меня увлекает накопившееся в уме и сердце, пусть выйдет хоть памфлет, но я выскажусь». Сюжет преступления Нечаева и лег в основу этого романа.

Причем в «Бесах» Достоевского либералы убили Шатова (читай И. Иванова), когда тот изменил взгляды –прозрел, понял самобытность и ценность русского народа и России, и «бесы», несущие смерть и гибель русскому народу, убивают пробившуюся сквозь либеральную пыль нравственность. Причем одному из этих русских «бесов» в романе эта пыль настолько пропитала мозги, и он в результате настолько стал нерусским, что из западных моральных уродов Моллешота, Бюхнера и пр. соорудил аналой и молился этим западным богам, то есть — полностью свихнулся, причем опасно для общества.

Досталось в этом романе Достоевского якобы невинному толерантному вольнодумцу — воспитателю нескольких поколений либералов в России профессору московского университета Т. Н. Грановскому, как стволу, благодаря которому из западных корней расцвели черные смертельные цветы, и которого легко было узнать в образе С. Т. Верховенского.

Правда, заканчивается этот роман оригинально — мрачно и оптимистически, ибо почти все «герои» романа погибают, и утопически — главный идеолог прозревает и раскаивается в библейской манере: «...мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это и хватит». Этот образ либеральной свиньи, подгрызающей национальные корни, использовал и М. Е. Салтыков-Щедрин.

Возможно, — хорошо, что Ф. Достоевский умер в великой славе в 19 веке, и не дожил до начала 20-го, ибо сильно бы огорчился и расстроился, потому что, как показала история России, — от момента написания «Бесов» и до 1917, и затем до начала 21 века — ни одна из этих «свиней» не бросилась добровольно в пропасть, и более того — эти взбесившиеся либеральные свиньи не только не прозревали и не каялись, а разрыли и разнесли Россию в пух и прах после 1917, и после «перестройки» никак не могут нажраться Россией, с какой-то сатанинской жадностью поедая общенародные богатства страны, русского народа и других коренных народов России.

Роман «Бесы» был издан в России в 1870 году. Во время написания этого романа Достоевский с семьёй уже несколько лет жил в Европе, наблюдал за жизнью европейцев и не менял своих взглядов. И роман «Бесы» запустил как ракету в российское общества издалека — из Флоренции, будучи спокоен, что наши бдительные и впечатлительные либералы не достанут его своей истерией и третированием. Можете себе представить, что творилось в «прогрессивной» либеральной части российского общества после издания «Бесов» в России... Ф. М. Достоевский им отвечал:

«Мне скажут, пожалуй, что эти господа вовсе не учат злодейству; что если, например, хоть бы Штраус и ненавидит Христа и поставил осмеяние и оплевание христианства целью всей своей жизни, то всётаки он обожает человечество в его целом и учение его возвышенно и благородно как нельзя более. Очень может быть, что это всё так и есть и что цели всех современных предводителей европейской прогрессивной мысли человеколюбивы и величественны.

Но зато мне вот что кажется несомненным: дай всем этим современным высшим учителям полную возможность разрушить старое общество и построить заново — то выйдет такой мрак, такой хаос, нечто до того грубое, слепое и бесчеловечное, что всё здание рухнет, под проклятиями человечества, прежде чем будет завершено. Раз отвергнув Христа, ум человеческий может дойти до удивительных результатов. Это аксиома. Европа, по крайней мере в высших представителях своей мысли, отвергает Христа, мы же, как известно, обязаны подражать Европе. Есть исторические моменты в жизни людей, в которые явное, нахальное, грубейшее

злодейство может считаться лишь величием души, лишь благородным мужеством человечества, вырывающегося из оков. Неужели нужны примеры, неужели их не тысячи, не десятки, не сотни тысяч?..

Что устрицы, пришли? О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать...

Вот эта-то "обжорливая младость" (единственный дрянной стих у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой) — вот эта-то обжорливая младость из чего-нибудь да делается же? И бесспорно, что в последние двадцать лет даже ужасно много русских людей вдруг вообразили себе почему-то, что они получили полное право на бесчестье...

Опять-таки в моем романе "Бесы" я попытался изобразить те многоразличные и разнообразные мотивы, по которым даже чистейшие сердцем и простодушнейшие люди могут быть привлечены к совершению такого же чудовищного злодейства. Вот в том-то и ужас, что у нас можно сделать самый пакостный и мерзкий поступок, не будучи вовсе иногда мерзавцем! Это и не у нас одних, а на всем свете так, всегда и с начала веков, во времена переходные, во времена потрясений в жизни людей, сомнений и отрицаний, скептицизма и шатости в основных общественных убеждениях.

Но у нас это более чем где-нибудь возможно, и именно в наше время, и эта черта есть самая болезненная и грустная черта нашего теперешнего времени. В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость, — вот в чем наша современная беда!» («Дневник писателя»). Как видим мыслитель в «Бесах» продолжал развивать тему «Преступления...».

Всей силой своего таланта Ф. Достоевский показал «цивилизованного» космополита в романе «Бесы» в лице Карамазова, аналога Помады Н.Лескова и Базарова И.Тургенева, эдакого «общечеловека», которому «ничего нет приятнее ему, как объявить банкротство России во всех отношениях перед великими умами Европы».

Этим острым кричащим романом Ф. Достоевский присоединился к И. Тургеневу(«Отцы и дети»), к Н. Лескову («Некуда) и ко всем остальным славянофилам, которые своим гением и талантом палили в российских западников, в либералов, пытаясь защитить русский народ и Россию, — и этого задела, этого «пороху» хватило до начала 20-го века... А в начале 20-го века умерли В. Соловьёв, Л. Толстой, А. Чехов, И. Кронштадтский, и почему-то не было больше интеллектуалов-защитников и как-то легко понеслось российское общество в начале к Февральской, а затем и Октябрьской.

Это, кстати, ещё раз о настырных внушениях многих современных западных и наших прозападных либеральных жрецов, Я.Рабинович: «Один из самых живучих и стойких российско-советских мифов — миф о высоком предназначении, высокой линии и духовном превосходстве так называемой «интеллигенции» (Я. Рабинович, «Быть евреем в России. Спасибо Солженицыну», М. 2006 г.).

Причем, — опять трудно отделаться от аналогии — такое впечатление, что все эти русские гении писали для русского народа и предупреждали об опасности недавно, перед «перестройкой», — и опять всё зря, и опять в лоб теми же либеральным граблями, — да сколько же можно!?.. Уже и не только петух клевал... Неужели даже весь порох уже расклевали? Или это характерная национальная русская черта? Когда же, наконец, пушкинский петух в третий глаз клюнет, чтоб прозрели? Или необходимо испробовать до дна все пороки и подпустить вражеские танки на револьверный выстрел, а затем на грани смерти и жизни и с огромными людскими потерями опять героически удивить весь мир?..

Знаменитый роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» впервые был напечатан в журнале «Русский вестник» в 1879—1880 гг. В этом итоговом романе Ф. М. Достоевский аккумулировал все идеи, выраженные автором в «Бесах», «Идиоте», «Преступлении и наказании», «Записках из подполья» — все те же идеи, все те же переживания за пороки общества, за опасное либеральное наступление, всё тот же урок-предупреждение, но всё это изложено с максимальным писательским и философским гением Ф. Достоевского, в максимально яркой художественной форме.

Вообще следует зафиксировать раз и навсегда важную истину — Ф. М. Достоевский писал только идеологические патриотические произведения и облекал их в привлекательную художественную форму, и все знаменитые произведения писателя являются в первую очередь идеологическими патриотическими против западного либерального нашествия на умы русских людей.

В этом романе так же использованы многоговорящие названия и имена: действие романа происходит в сером городке под названием Скотопригоньевск, а ненавидящий отца и Россию тип имеет фамилию Смердяков и закономерно кончает жизнь самоубийством; Карамазов — от террориста Каракозов, главной фигурой романа является нигилист-интеллектуал Иван Карамазов, который в своём внутреннем расколе спорит со своим же чертом — внутренним чертом, частью самого себя — отколовшейся половинкой сознания под девизом: «Все позволено», а другая его половинка утверждала — успокойся, смирись, не бунтуй.

«Русские народные понятия текли не из тех источников, из которых вытекали идеи французской просветительской литературы. Русский

образованный человек вращался в русской действительности, на него плечах тяготели факты русского прошлого, от которого он никуда уйти не мог, ибо эти факты находились в нем самом, а ум его наполнен был содержанием совсем другого происхождения, совсем другого мира», — объяснял причину раскола этого сознания русского человека 19-го века, да и 20 и 21 веков, Ф. М. Достоевский. То есть русский человек, увлекшийся Западом, борется сам с собой, со своим историческим содержанием-накоплениями, это противостояние своего легкозапыленного ума и своей основы, своего сердца, попытка рассудочника заглушить своё сердце, это раздвоение и предательство самого себя, своих предков в себе.

Выдающийся русский мыслитель Павел Флоренский отметил, что борющиеся с собой и обществом «гуманитарии» — рассудочники в жизни, особенно когда приходят к власти, очень бессердечны, циничны и жестоки: «Рассудочник интеллигент на словах «любит» весь мир и все считает «естественным», но на деле он ненавидит весь мир в его конкретной жизни и хотел бы уничтожить его...».

Мысли Ф. М. Достоевского о нравственности и о Христе в этом романе звучат из уст нового героя в творчестве Достоевского — мудрого старца Зосимы, главный посыл которого: «Смирись, гордый человек». — Это включены новые впечатления писателя от посещения в 1878 году Оптиной пустыни, Свято-Введенского мужского монастыря и знаменитого старца Амвросия.

И, казалось бы — благодаря идеологическим повторам, очередному нравоучительному «надоевшему» тревожному звону для народа этот роман должен был бы быть скучным и непопулярным, но на этот раз Ф. М. Достоевский свою очередную идеологическую лекцию написал с такой художественностью, с таким талантом и вдохновением, что в российском обществе он произвел настоящий фурор. «Роман читают всюду, пишут мне письма, читает молодежь, читают и в высшем обществе и никогда ещё я не имел такого успеха», — писал довольный Ф. М. Достоевский, который с середины 70-х годов был уже признанным в России духовным учителем, авторитетнее многих тысяч священников. К нему обращались сотни людей непосредственно и письмами в надежде получить ответы на их духовные искания и вопросы.

Когда Ф. М. Достоевский в 1880 году прочитал отрывок из романа «Братья Карамазовы» («Исповедь горячего сердца») на вечере в пользу Литературного фонда, то после полуминутного гробового молчания зал взорвался громом аплодисментов, которые не стихали четверть часа — Достоевский по этому поводу писал жене: «Утром сегодня было чтение моей речи в «Любителях». Зала была набита битком. Нет, Аня, нет, никогда ты не сможешь представить себе и вообразить того эффекта,

какой произвела она! ...Когда я вышел, зала гремела рукоплесканиями и мне долго, очень долго не давали читать... Восторг, энтузиазм (всё от «Карамазовых»! — Ф.Д.)».

Но львиная доля этого успеха и авторитета принадлежит «Дневнику Писателя», которым тысячи россиян зачитывались с 1873 года. После издания «Бесов» Ф. Достоевский в 1871 году вернулся в Россию с принципиальной боевой позицией — бороться за души и нравственность в России, и становиться редактором «консервативного» еженедельника «Гражданин», в котором осуществляет большой уникальный, невиданный до сих пор в России публицистический проект, который был в полном смысле засекречен большевиками в СССР и засекречен для наших современных школьников и студентов современными либерал-демократами, под названием «Дневник писателя», рассмотрению этого секрета уделим отдельную главу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Большой секрет после 1917 г. — «Дневник писателя»

Этот проект Ф. М. Достоевский осуществлял до конца своей жизни, и он произвел в России потрясающий эффект. Это было «ноу-хау» Ф. М. Достоевского.

Сегодня вы в каждом магазине можете найти примерно сотое или двухсотое издание «Преступления и наказания» Ф. Достоевского и другие его произведения, но попробуйте найти «Дневник писателя»? Что такое — секретный с 1917 года «Дневник писателя»? Многие современные граждане слышали о нем, но не многие в него заглядывали, и поэтому думали и думают, что это в прямом смысле некий дневник Достоевского, в котором он временами вечерами писал какие-то мысли, ремарки, впечатления.

Журнал «Гражданин» своим названием задавал направление тем и обязывал занять определенную позицию, и это вначале было проблемой для редактора Ф. Достоевского: «"Гражданин" должен непременно говорить с гражданами, и вот в том вся беда его!».

Журнал «Гражданин» был изначально консервативным, точно не либеральным. И именно в этом же 1873 году Ф. Достоевский, вероятно не случайно, познакомился не только с умеренным по своим взглядам философом В. С. Соловьёвым, но подружился с консервативным К. П. Победоносцевым.

Но постепенно Ф. М. Достоевский начал вырабатывать свою позицию и жанр общения «Гражданина» с гражданами: «Итак, вот к какому изданию я приобщил себя. Положение мое в высшей степени неопределенное. Но буду и я говорить сам с собой и для собственного удовольствия, в форме этого дневника, а там что бы ни вышло. О чем говорить? Обо всем, что поразит меня или заставит задуматься. Если же я найду читателя и, боже сохрани, оппонента, то понимаю, что надо

уметь разговаривать и знать, с кем и как говорить. Этому постараюсь выучиться, потому что у нас это всего труднее, то есть в литературе».

И у Ф. М. Достоевского в «Гражданине» в рубрике «Дневник писателя» получился предельно откровенный многолетний разговор умудренного жизнью русского человека, гражданина, писателя, журналиста-редактора с российскими гражданами на самые различные темы: от эстетических, литературных — до политических и религиозных; это — доверительный разговор гражданина с гражданином иногда с позиции более умной и зрелой личности, и одновременно с трогательной откровенностью, а иногда даже вынесенный на публику диалог с самим собой; это в сумме огромное пестрое произведение — сборник многих произведений разного жанра.

Но о своем «Дневнике...» он подчеркивал: «о всех впечатлениях моих, как русского писателя». Поскольку в этом большом пестром сборнике есть немало антилиберальных верных мыслей, то сегодня и в течение почти 100 лет «Дневник писателя» многие «мудрые» идеологи решили спрятать, не публиковать, «не замечать», «забыть» и т.д.

Ф. М. Достоевскому очень повезло, что он не живет в России в наше время — в 21 веке, ибо против этого великого русского писателя и философа современные российские власти в условиях свободы выражения мнений, свободы слова за «Дневник писателя» обязательно возбудили бы уголовное дело по сугубо «русской статье» за разжигание всякой ненависти...

Уже через несколько месяцев после выхода в журнале «Дневника писателя» благодарные читатели засыпали письмами Ф. М. Достоевского, а наиболее восторженные непременно стремились встретиться с ним и поблагодарить, поговорить, спросить, поделиться своими мыслями. В российском обществе, кроме западников, либералов поднялся беспримерный ажиотаж, — для многих граждан Достоевский стал духовным другом и наставником, он приобрел грандиозную популярность в российском обществе. И как результат этой популярности и авторитетности — в 1876 году Ф. М. Достоевского избирают в члены совета Славянского благотворительного общества, а затем членом-корреспондентом Академии наук.

На протяжение нескольких последних глав мы знакомились со многими высказываниями, мыслями Ф. М. Достоевского в «Дневнике...», а теперь я представлю в концентрированном виде по некоторым другим темам его мысли и идеологическую позицию. И ниже будут почти сплошные цитаты Ф. М. Достоевского, в том числе и по темам, которые покажутся какому-либо читателю скучными, но, подчеркну — выводы, мысли по важным вопросам и темам такого выдающегося русского человека, гениального писателя, мыслителя мирового уровня являют-

ся важной наработкой, накопленной мудростью, интеллектуальным богатством всего русского народа, всей нации, шире — всех россиян, и ещё шире — всего человечества, поэтому внимательно познакомиться с этим ценным наследием стоит не только ради ознакомления, эрудиции, но и для понимания некоторых фундаментальных вопросов, для своего развития. Тем более, что почти всё — о чем писал для нас Ф. М. Достоевский сегодня в России, в 21 веке, остается очень актуальным.

Вы видели за последние 20 лет, — чтобы кто-нибудь из русских политических деятелей или работников культуры по актуальным вопросам современности цитировал Ф. М. Достоевского? — Ссылался на его мудрость и авторитет? А ведь они явно не умнее Ф. М. Достоевского. Только на одном телеканале цитируют Ф. М. Достоевского — на НТВ талантливый еврейский политтехнолог В. Соловьёв, выдергивая высказывания Ф. Достоевского себе в угоду, манипулируя ими против русских патриотов... Дожили. Если самим не хватает ума опереться на мощный гений Ф. М. Достоевского по причине неграмотности, игнорирования или страха, то хотя бы дали слово самому Ф. М. Достоевскому — активно пропагандировали бы его идеологическую и политическую позицию, и это было бы достаточно, ибо неспрятанный умышленно Ф. М. Достоевский сам может постоять за свои убеждения, Россию и русский народ.

Ф. М. Достоевский о Петре I

Напомню уже озвученное ранее признание Ф. М. Достоевского о своем периоде молодости: «Все эти тогдашние новые идеи нам в Петербурге ужасно нравились, казались в высшей степени святыми и нравственными и, главное общечеловеческими, будущим законом всего человечества... Все эти идеи об уничтожении национальностей во имя общего братства людей, о презрении к отечеству, как тормозу во всеобщем развитии, и прочее и прочее, — это все были такие влияния, которых мы преодолеть не могли, и которые захватывали, напротив, наши сердца и умы...

Во всяком случае тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашних господствовавших понятий — а это-то и соблазняло. Те из нас, то есть не то что из одних петрашевцев, а вообще из всех тогда зараженных, но которые отвергли впоследствии весь этот мечтательный бред радикально, весь этот мрак и ужас, готовимый человечеству в виде обновления и воскресения его, — те из нас тогда еще не знали причин болезни своей, а потому и не могли еще с нею бороться».

Однако не сразу, но Ф. М. Достоевский, пройдя жестокие жизненные испытания и в результате мощной внутренней работы, сильно поумнел и преодолел все эти ошибки и глупости молодости, смог самостоятель-

но излечиться от этой либеральной болезни, понял всю опасность для России и русского народа либеральных идеологов, коварно вещающих о необходимости ликвидации всего национального наследия, национальных ценностей и замены их универсальными размытыми общечеловеческими, и теперь решил со страниц «Гражданина» в своём «Дневнике...» объяснить молодежи все эти опасности и премудрости жизни, чтобы они не попались в эти ловушки, удачно их преодолели, не заболели, а если заболели, то скорее бы выздоровели и двинулись по жизни дальше.

Ф. М. Достоевский внимательно изучил историю России, российского общества и верно определил начало-причины либеральной, западной болезни российского общества:

«Мы учились и приучали себя любить французов и немцев и всех, как будто те были нашими братьями, и несмотря на то, что те никогда не любили нас, да и решили нас не любить никогда. Но в этом состояла наша реформа, всё Петрово дело: мы вынесли из нее, в полтора века, расширение взгляда, еще не повторявшееся, может быть, ни у одного народа ни в древнем, ни в новом мире.

Допетровская Россия была деятельна и крепка, хотя и медленно слагалась политически; она выработала себе единство и готовилась закрепить свои окраины; про себя же понимала, что несет внутри себя драгоценность, которой нет нигде больше, — православие, что она — хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах. Эта драгоценность, эта вечная, присущая России и доставшаяся ей на хранение истина, по взгляду лучших тогдашних русских людей, как бы избавляла их совесть от обязанности всякого иного просвещения.

Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русский ум и на русскую идею, извратить самое православие и совлечь Россию на путь погибели, "по примеру всех других народов". Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей готовилась быть неправа, — неправа перед человечеством, решив бездеятельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества, вроде иных раскольников, которые не станут есть из одной с вами посуды и считают за святость каждый завести свою чашку и ложку.

Это сравнение верно, потому что перед пришествием Петра у нас именно выработались почти точно такие же политические и духовные отношения к Европе. С Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное, — и вот в этом, повторяю, и весь подвиг Петра. Это-то и есть та самая драгоценность, про которую я говорил уже в одном из предыдущих № "Дневника", — драгоценность, которую

мы, верхний культурный слой русский, несем народу после полуторавекового отсутствия из России...». Таким образом Ф. Достоевский оценил интернациональные и космополитические заслуги Петра I, но... — Ф. М. Достоевский:

«Ускорять же искусственно необходимые и постоянные исторические моменты жизни народной никак невозможно. Мы видели пример на себе, и он до сих пор продолжается: еще два века тому назад хотели поспешить и всё подогнать, а вместо того и застряли; ибо, несмотря на все торжественные возгласы наших западников, мы несомненно застряли.

Наши западники — это такой народ, что сегодня трубят во все трубы с чрезвычайным злорадством и торжеством о том, что у нас нет ни науки, ни здравого смысла, ни терпения, ни уменья; что нам дано только ползти за Европой, ей подражать во всем рабски и, в видах европейской опеки, преступно даже и думать о собственной нашей самостоятельности; а завтра, заикнитесь лишь только о вашем сомнении в безусловно целительной силе бывшего у нас два века назад переворота, — и тотчас же закричат они дружным хором, что все ваши мечты о народной самостоятельности — один только квас, квас и квас и что мы два века назад из толпы варваров стали европейцами, просвещеннейшими и счастливейшими, и по гроб нашей жизни должны вспоминать о сем с благодарностию...

К тому же наука есть дело всеобщее, и не один какой-нибудь народ в Европе изобрел ее, а все народы, начиная с древнего мира, и это дело преемственное. Со своей стороны русский народ никогда и не был врагом науки, мало того, она уже проникала к нам еще и до Петра. Царь Иван Васильевич употреблял все усилия, чтоб завоевать Балтийское прибрежье, лет сто тридцать раньше Петра. Если б завоевал его и завладел его гаванями и портами, то неминуемо стал бы строить свои корабли, как и Петр, а так как без науки их нельзя строить, то явилась бы неминуемо наука из Европы, как и при Петре... Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконец, до последних пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена... Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездною».

Ф. М. Достоевский о Европе и наших «европейцах»

«Но в сущности единение исчезло окончательно. Олигархи имеют в виду лишь пользу богатых, демократия лишь пользу бедных, а об общественной пользе, пользе всех и о будущем всей Франции там уж никто теперь не заботится, кроме мечтателей социалистов и мечтателей позитивистов пусть будет "Мак-Магония" вместо Франции, но пусть

только она называется республикой, — вот характеристика теперешней "победы" республиканцев во Франции»,

«И чего же мы достигли? Результатов странных: главное, все на нас в Европе смотрят с насмешкой, а на лучших и бесспорно умных русских в Европе смотрят с высокомерным снисхождением. Не спасала их от этого высокомерного снисхождения даже и самая эмиграция из России, то есть уже политическая эмиграция и полнейшее от России отречение. Не хотели европейцы нас почесть за своих ни за что, ни за какие жертвы и ни в каком случае: Grattez, дескать, le russe et vouz verrez le tartare, и так и доселе. Мы у них в пословицу вошли.

И чем больше мы им в угоду презирали нашу национальность, тем более они презирали нас самих. Мы виляли пред ними, мы подобострастно исповедовали им наши "европейские" взгляды и убеждения, а они свысока нас не слушали и обыкновенно прибавляли с учтивой усмешкой, как бы желая поскорее отвязаться, что мы это всё у них "не так поняли".

Они именно удивлялись тому, как это мы, будучи такими татарами (les tartares), никак не можем стать русскими; мы же никогда не могли растолковать им, что мы хотим быть не русскими, а общечеловеками. Правда, в последнее время они что-то даже поняли. Они поняли, что мы чего-то хотим, чего-то им страшного и опасного; поняли, что нас много, восемьдесят миллионов, что мы знаем и понимаем все европейские идеи, а что они наших русских идей не знают, а если и узнают, то не поймут; что мы говорим на всех языках, а что они говорят лишь на одних своих, — ну и многое еще они стали смекать и подозревать. Кончилось тем, что они прямо обозвали нас врагами и будущими сокрушителями европейской цивилизации. Вот как они поняли нашу страстную цель стать общечеловеками!..

Я сказал, что русских не любят в Европе. Что не любят — об этом, я думаю, никто не заспорит, но, между прочим, нас обвиняют в Европе, всех русских, почти поголовно, что мы страшные либералы, мало того — революционеры и всегда, с какою-то даже любовью, наклонны примкнуть скорее к разрушительным, чем к консервативным элементам Европы. За это смотрят на нас многие европейцы насмешливо и свысока — ненавистно: им не понятно, с чего это нам быть в чужом деле отрицателями, они положительно отнимают у нас право европейского отрицания — на том основании, что не признают нас принадлежащими к "цивилизации".

Они видят в нас скорее варваров, шатающихся по Европе и радующихся, что что-нибудь и где-нибудь можно разрушить, — разрушить лишь для разрушения, для удовольствия лишь поглядеть, как всё это развалится, подобно орде дикарей, подобно гуннам, готовым нахлынуть

на древний Рим и разрушить святыню, даже без всякого понятия о том, какую драгоценность они истребляют.

Что русские действительно в большинстве своем заявили себя в Европе либералами, — это правда, и даже это странно. Задавал ли себе кто когда вопрос: почему это так? Почему чуть не девять десятых русских, во всё наше столетие, культурясь в Европе, всегда примыкали к тому слою европейцев, который был либерален, к "левой стороне", то есть всегда к той стороне, которая сама отрицала свою же культуру, свою же цивилизацию...

И, заметьте, это вовсе не какие-нибудь подбитые ветром люди, по крайней мере — не все одни подбитые ветром, а и имеющие даже и очень солидный и цивилизованный вид, иногда даже чуть не министры, но виду-то этому европейцы и не верят: "Grattez le russe et vous verrez le tartare", — говорят они (поскоблите русского, и окажется татарин). Всё это, может быть, справедливо, но вот что мне пришло на ум: потому ли русский в общении своем с Европой примыкает, в большинстве своем, к крайней левой, что он татарин и любит разрушение, как дикий, или, может быть, двигают его другие причины, — вот вопрос!.. и согласитесь, что он довольно любопытен.

Сшибки наши с Европой близятся к концу; роль прорубленного окна в Европу кончилась, и наступает что-то другое, должно наступить по крайней мере, и это теперь всяк сознает, кто хоть сколько-нибудь в состоянии мыслить. Одним словом, мы всё более и более начинаем чувствовать, что должны быть к чему-то готовы, к какой-то новой и уже гораздо более оригинальной встрече с Европой, чем было это доселе...

А как же не любопытно такое явление, что те-то именно русские, которые наиболее считают себя европейцами, называются у нас "западниками", которые тщеславятся и гордятся этим прозвищем и до сих пор еще дразнят другую половину русских квасниками и зипунниками, — как же не любопытно, говорю я, что те-то скорее всех и примыкают к отрицателям цивилизации, к разрушителям ее, к "крайней левой", и что это вовсе никого в России не удивляет, даже вопроса никогда не составляло? Как же это не любопытно?...

Вот что мне кажется: не сказалась ли в этом факте (то есть в примыкании к крайней левой, а в сущности, к отрицателям Европы даже самых яростных наших западников), — не сказалась ли в этом протестующая русская душа, которой европейская культура была всегда, с самого Петра, ненавистна и во многом, слишком во многом, сказывалась чуждой русской душе? Я именно так думаю.

О, конечно, этот протест происходил почти всё время бессознательно, но дорого то, что чутье русское не умирало: русская душа хоть и бессознательно, а протестовала именно во имя своего русизма, во имя своего русского и подавленного начала?

...Человек этот, повторяю, зародился как раз в начале второго столетия после великой петровской реформы, в нашем интеллигентном обществе, оторванном от народа, от народной силы. О, огромное большинство интеллигентных русских, и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже и науками занимаются, читают лекции — и всё это регулярно, лениво и мирно, с получением жалованья, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места, более соответствующие нашему времени. Много-много что полиберальничают "с оттенком европейского социализма", но которому придан некоторый благодушный русский характер, — но ведь всё это вопрос только времени.

Что в том, что один еще и не начинал беспокоиться, а другой уже успел дойти до запертой двери и об нее крепко стукнулся лбом. Всех в свое время то же самое ожидает, если не выйдут на спасительную дорогу смиренного общения с народом. Да пусть и не всех ожидает это: довольно лишь "избранных", довольно лишь десятой доли забеспокоившихся, чтоб и остальному огромному большинству не видать чрез них покоя.

...Как же быть? Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечело-вечность есть идея национальная русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвертывались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма...

Наши «русские европейцы» изо всех сил уверяют Европу, что у нас нет никакой идеи, да и впредь быть не может, что Россия и не способна иметь идею, а способна лишь подражать, и что мы вовсе не азиаты... Мы убедились, наконец, что мы тоже отдельная национальность, в высшей степени самобытная и что наша задача — создать свою новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал».

Ф. М. Достоевский о войне

Ф. М. Достоевский принял активное участие в общественной дискуссии — начинать войну с Турцией в 1877 году или нет, и был сторонником начала войны ради освобождения балканских славян. Свою позицию знаменитый мыслитель выразил милитарно и оригинально в рассказе «ПАРАДОКСАЛИСТ», по смыслу — в духе древней священной индийской книги «Бхагавад-Гита», в которой Бог — Кришна объяснял герою Арджуне о смысле и необходимости войны. Ф. М. Достоевский:

«Он защищал войну вообще и, может быть, единственно из игры в парадоксы. Замечу, что он "статский" и самый мирный и незлобивый человек, какой только может быть на свете и у нас в Петербурге.

— Дикая мысль, — говорил он, между прочим, — что война есть бич для человечества. Напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и действительно пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия. Но политическая, международная война приносит лишь одну пользу, во всех отношениях, а потому совершенно необходима.

— Помилуйте, народ идет на народ, люди идут убивать друг друга, что тут необходимого?

— Всё и в высшей степени. Но, во-первых, ложь, что люди идут убивать друг друга: никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственною жизнью — вот что должно стоять на первом плане. Это же совсем другое. Нет выше идеи, как пожертвовать собственною жизнию, отстаивая своих братьев и свое отечество или даже просто отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее. Тут потребность.

— Да разве человечество любит войну?

— А как же? Кто унывает во время войны? Напротив, все тотчас же ободряются, у всех поднят дух, и не слышно об обыкновенной апатии или скуке, как в мирное время. А потом, когда война кончится, как любят вспоминать о ней, даже в случае поражения! И не верьте, когда в войну все, встречаясь, говорят друг другу, качая головами: "Вот несчастье, вот дожили!" Это лишь одно приличие. Напротив, у всякого праздник в душе. Знаете, ужасно трудно признаваться в иных идеях: скажут, — зверь, ретроград, осудят; этого боятся. Хвалить войну никто не решится.

— Но вы говорите о великодушных идеях, об очеловечении. Разве не найдется великодушных идей без войны? Напротив, во время мира им еще удобнее развиться.

— Совершенно напротив, совершенно обратно. Великодушие гибнет в периоды долгого мира, а вместо него являются цинизм, равнодушие, скука и много — много что злобная насмешка, да и то почти для праздной забавы, а не для дела. Положительно можно сказать, что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, — главное к богатству и капиталу.

Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир — все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают всё. Остается под конец лишь одно лицемерие — лицемерие чести, самопожертвования, долга, так что, пожалуй, их еще и будут продолжать уважать, несмотря на весь цинизм, но только лишь на красных словах для формы.

Настоящей чести не будет, а останутся формулы. Формулы чести — это смерть чести. Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Наслаждения не утончаются, а грубеют. Грубое богатство не может наслаждаться великодушием, а требует наслаждений более скоромных, более близких к делу, то есть к прямейшему удовлетворению плоти. Наслаждения становятся плотоядными. Сластолюбие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость. Вы никак не можете всего этого отрицать, потому что нельзя отрицать главного факта: что социальный перевес во время долгого мира всегда под конец переходит к грубому богатству.

Богатство, грубость наслаждений порождают лень, а лень порождает рабов. Чтоб удержать рабов в рабском состоянии, надо отнять от них свободную волю и возможность просвещения. Ведь вы же не можете не нуждаться в рабе, кто бы вы ни были, даже если вы самый гуманнейший человек?

Замечу еще, что в период мира укореняется трусливость и бесчестность. Человек по природе своей страшно наклонен к трусливости и бесстыдству и отлично про себя это знает; вот почему, может быть, он так и жаждет войны, и так любит войну: он чувствует в ней лекарство. Война развивает братолюбие и соединяет народы.

— Как соединяет народы?

— Заставляя их взаимно уважать друг друга. Война освежает людей. Человеколюбие всего более развивается лишь на поле битвы. Это даже странный факт, что война менее обозляет, чем мир.

В самом деле, какая-нибудь политическая обида в мирное время, какой-нибудь нахальный договор, политическое давление, высокомерный запрос — вроде как делала нам Европа в 63-м году — гораздо более обозляют, чем откровенный бой. Вспомните, ненавидели ли мы

французов и англичан во время крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, ласкали их пленных; наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух.

А про материальные бедствия войны я и говорить не стану: кто не знает закона, по которому после войны всё как бы воскресает силами. Экономические силы страны возбуждаются в десять раз, как будто грозовая туча пролилась обильным дождем над иссохшею почвой. Пострадавшим от войны сейчас же и все помогают, тогда как во время мира целые области могут вымирать с голоду, прежде чем мы почешемся или дадим три целковых.

— Но разве народ не страдает в войну больше всех, не несет разорения и тягостей, неминуемых и несравненно больших, чем высшие слои общества?

— Может быть, но временно; а зато выигрывает гораздо больше, чем теряет. Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия. Как хотите, будьте самым гуманным человеком, но вы все-таки считаете себя выше простолюдина. Кто меряет в наше время душу на душу, христианской меркой? Меряют карманом, властью, силой, — и простолюдин это отлично знает всей своей массой. Тут не то что зависть, — тут является какое-то невыносимое чувство нравственного неравенства, слишком язвительного для простонародия. Как ни освобождайте и какие ни пишите законы, неравенство людей не уничтожится в теперешнем обществе. Единственное лекарство — война.

Пальятивное, моментальное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства — в жертве жизнию за общее дело, за всех, за отечество. Неужели вы думаете, что масса, самая даже темная масса мужиков и нищих, не нуждается в потребности деятельного проявления великодушных чувств? А во время мира чем масса может заявить свое великодушие и человеческое достоинство?

Мы и на единичные-то проявления великодушия в простонародье смотрим, едва удостоивая замечать их, иногда с улыбкою недоверчивости, иногда просто не веря, а иногда так и подозрительно. Когда же поверим героизму какой-нибудь единицы, то тотчас же наделаем шуму, как перед чем-то необыкновенным; и что же выходит: наше удивление и наши похвалы похожи на презрение. Во время войны всё это исчезает

само собой, и наступает полное равенство героизма. Пролитая кровь важная вещь. Взаимный подвиг великодушия порождает самую твердую связь неравенств и сословий. Помещик и мужик, сражаясь вместе в двенадцатом году, были ближе друг к другу, чем у себя в деревне, в мирной усадьбе.

Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну: он слагает про войну песни, он долго потом заслушивается легенд и рассказов о ней... пролитая кровь важная вещь! Нет, война в наше время необходима; без войны провалился бы мир или, по крайней мере, обратился бы в какую-то слизь, в какую-то подлую слякоть, зараженную гнилыми ранами...

Вот как говорит, например, англичанин Гладстон о теперешней русской войне с Турцией:

"Что бы ни говорили о некоторых других главах русской истории, освобождением многих миллионов порабощенных народов от жестокого и унизительного ига Россия окажет человечеству одну из самых блестящих услуг, какие только помнит история, услугу, которая никогда не изгладится из благодарной памяти народов".

Как вы думаете, откровенно спрашивая, мог ли бы произнесть такие слова русский европеец? Да никогда в жизни! Он проглотил бы язык свой прежде, чем это произнести; он от деликатности не то что перед Европой, а перед самим собой покраснеет, если только услышит это или прочтет по-русски и у русского. Помилуйте, да как мы смеем... в калашный ряд!.. И "для всего человечества" — это мы-то, русские! Да мы еще рылом не вышли для этого, у нас еще рожа крива, чтоб "освобождать человечество". И при этом всё нелиберальные такие мысли:"Россия освобождает народы» — какая нелиберальная мысль! Вот искреннее мнение русского европейца чистого типа, и он отрубит себе сначала пальцы, чем напишет то же, что и Гладстон...

Я знаю: подъем духа народа нашего в последнюю войну, а тем более причины этого подъема, не признаются либералами, смеются они над этой идеей: "У этих, дескать, смердов собирательная идея, у них гражданское чувство, политическая мысль — разве можно это позволить?" И почему, почему наш европейский либерал так часто враг народа русского? Почему в Европе называющие себя демократами всегда стоят за народ, по крайней мере на него опираются, а наш демократ зачастую аристократ и в конце концов всегда почти служит в руку всему тому, что подавляет народную силу, и кончает господчиной. О, я ведь не утверждаю, что они враги народа сознательно, но в бессознательности-то и трагедия. Вы будете в негодовании от этих вопросов? Пусть. Для меня это всё аксиомы, и, уж конечно, я не перестану их разъяснять и доказывать, пока только буду писать и говорить».

Понятны патриотические настроения и мысли Федора Михайловича Достоевского, но я с его позицией не согласен и придерживаюсь позиции Горчакова: нечего лезть с оружием за пределы своей страны, нечего самим развязывать войну, если внутри страны есть много проблем, тем более — очень тяжелых и когда в стране неспокойно, да и вообще — нечего лезть войной на других из-за сладких имперских замашек. Кроме этого, мне с высоты своего времени, — исходя из большего исторического опыта России, объективно легче более глобально окидывать историческую картину и делать выводы, поэтому повторю уже ранее сказанное, — ничего кроме огромных людских и материальных потерь Россия не получила в Крымскую войну (1854—1855 г.), ничего кроме огромных людских, материальных потерь и симпатии на некоторое время балканских народов (которые при первой возможности побежали в 20-м веке от России в НАТО) Россия не получила в войну с Турцией 1877—1878 гг., и то же самое повторилось с ещё горшими последствиями через 26 лет в войне с Японией, и точно такая же была восторженная дискуссия славянофилов и поддержка западников с их черными надеждами перед Первой мировой войной, — после чего Россия получила наконец-то катастрофические последствия...

Интересно — Россия когда-нибудь вылечится от этой пагубной имперской болезни? И при этом стоит заметить, что на протяжении всех этих войн Россию лихорадило с возрастающей силой от последствий оккупации Польши Екатериной «великой», и все это вместе трагично сошлось к 1917...

Как показывает исторический опыт — мы добывает победу и славу в оборонительных, защитных войнах, спасая себя и все человечество.

Ф. М. Достоевский о России и Русском народе

«Россия вовсе была не Европа, а только ходила в европейском мундире, но под мундиром было совсем другое существо. Разглядеть, что это не Европа, а другое существо, и приглашали славянофилы, прямо указывая, что западники уравнивают нечто непохожее и несоизмеримое и что заключение, которое пригодно для Европы, неприложимо вовсе к России, отчасти и потому уже, что всё то, чего они желают в Европе, — всё это давно уже есть в России, по крайней мере в зародыше и в возможности, и даже составляет сущность ее, только не в революционном виде, а в том, в каком и должны эти идеи всемирного человеческого обновления явиться: в виде божеской правды, в виде Христовой истины, которая когда-нибудь да осуществится же на земле и которая всецело сохраняется в православии... Славянофилы, конечно, знали во сто раз более западников (и это minimum), но и они действовали почти что

ощупью, умозрительно и отвлеченно, опираясь более на чрезвычайное чутье свое. Научиться чему-нибудь стало возможным лишь в последнее двадцатилетие: но кто и теперь-то что-нибудь знает о России?

...Загорелось село и в селе церковь, вышел целовальник и крикнул народу, что если бросят отстаивать церковь, а отстоят кабак, то выкатит народу бочку. Церковь сгорела, а кабак отстояли. Примеры эти еще пока ничтожные, ввиду неисчисленных будущих ужасов... А то как заставить сострадать, когда вещи сложились именно как бы с целью искоренить в человеке всякую человечность? Да и одно ли вино свирепствует и развращает народ в наше удивительное время?

Носится как бы какой-то дурман повсеместно, какой-то зуд разврата. В народе началось какое-то неслыханное извращение идей с повсеместным поклонением материализму. Материализмом я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, пред властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, а что всё, о чем говорили ему и чему учили его доселе отцы, — всё вздор. Беда, если он укрепится в таких мыслях; как ему и не мыслить так?

...Народ видит и дивится такому могуществу: "Что хотят, то и делают" — и поневоле начинает сомневаться: "Вот она где, значит, настоящая сила, вот она где всегда сидела; стань богат, и всё твое, и всё можешь". Развратительнее этой мысли не может быть никакой другой. А она носится и проницает всё мало-помалу. Народ же ничем не защищен от таких идей, никаким просвещением, ни малейшей проповедью других противоположных идей...

...Я вот в моей речи сказал, что Татьяна, отказавшись идти за Онегиным, поступила по-русски, по русской народной правде, а один из критиков моих, оскорбившись, что у русского народа есть правда, вдруг возразил мне вопросом: "А свальный грех?" Таким критикам разве можно отвечать? Главное, оскорблены тем, что русский народ может иметь свою правду, а стало быть, действительно просвещен.

Да разве свальный грех существует в целом народе нашем и существует как правда? Принимает ли его весь народ за правду? Да, народ наш груб, хотя и далеко не весь, о, не весь, в этом я клянусь уже как свидетель, потому что я видел народ наш и знаю его, жил с ним довольно лет, ел с ним, спал с ним и сам к "злодеям причтен был", работал с ним настоящей мозольной работой, в то время когда другие, "умывавшие руки в крови", либеральничая и подхихикивая над народом, решали на лекциях и в отделении журнальных фельетонов, что народ наш "образа звериного и печати его". Не говорите же мне, что я не знаю народа!

...Особенно поражает та торопливость, стремительность, с которою русский человек спешит иногда заявить себя, в иные характерные ми-

нуты своей или народной жизни, заявить себя в хорошем или в поганом. Иногда тут просто нет удержу. Любовь ли, вино ли, разгул, самолюбие, зависть — тут иной русский человек отдается почти беззаветно, готов порвать все, отречься от всего, от семьи, обычая, бога. Иной добрейший человек как-то вдруг может сделаться омерзительным безобразником и преступником, — стоит только попасть ему в этот вихрь, роковой для нас круговорот судорожного и моментального самоотрицания и саморазрушения, так свойственный русскому народному характеру в иные роковые минуты его жизни.

Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше некуда. Но особенно характерно то, что обратный толчок, толчок восстановления и самоспасения, всегда бывает серьезнее прежнего порыва — порыва отрицания и саморазрушения. То есть, то бывает всегда на счету как бы мелкого малодушия; тогда как в восстановление свое русский человек уходит с самым огромным и серьезным усилием, а на отрицательное прежнее движение свое смотрит с презрением к самому себе...

Все русские песни взяты с какой-нибудь были — заметили вы это? Но будьте же и справедливы хоть раз, либеральные люди: вспомните, что народ вытерпел во столько веков! Вспомните, кто в зверином образе его виноват наиболее, и не осуждайте! Ведь смешно осуждать мужика за то, что он не причесан у французского парикмахера из Большой Морской, а ведь почти до этих именно обвинений и доходит, когда подымутся на русский народ наши европейские либералы и примутся отрицать его: и личности-то он себе не выработал, и национальности-то у него нет! Боже мой, а на Западе, где хотите и в каком угодно народе, — разве меньше пьянства и воровства, не такое же разве зверство, и при этом ожесточение (чего нет в нашем народе) и уже истинное, заправское невежество, настоящее непросвещение, потому что иной раз соединено с таким беззаконием, которое уже не считается там грехом, а именно стало считаться правдой, а не грехом.

Но пусть, все-таки пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нем есть неоспоримо: это именно то, что он, в своем целом, по крайней мере (и не в идеале только, а в самой заправской действительности), никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду! Он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: "Я сделал неправду". Если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена. Грех есть смрад, и смрад пройдет, когда воссияет солнце вполне. Грех есть дело преходящее, а Христос вечное. Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы

минуты, он никогда в правде не ошибется. То именно и важно, во что народ верит как в свою правду, в чем ее полагает, как ее представляет себе, что ставит своим лучшим желанием, что возлюбил, чего просит у Бога, о чем молитвенно плачет...».

В споре с Ф. М. Достоевским профессор Градовский после долгой «артподготовки» выдвинул тезис: «Улучшение людей в смысле общественном не может быть произведено только работой "над собою" и "смирением себя". Работать над собой и смирять свои страсти можно и в пустыне и на необитаемом острове. Но, как существа общественные, люди развиваются и улучшаются в работе друг подле друга, друг для друга и друг с другом. Вот почему в весьма великой степени общественное совершенство людей зависит от совершенства общественных учреждений, воспитывающих в человеке если не христианские, то гражданские доблести». На это Ф. М. Достоевский ему ответил:

«Откуда же, коли так, взяться идеалу гражданского устройства в обществе человеческом? А следите исторически, и тотчас увидите, из чего он берется. Увидите, что он есть единственно только продукт нравственного самосовершенствования единиц, с него и начинается, и что было так спокон века и пребудет во веки веков. При начале всякого народа, всякой национальности идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью. Эти убеждения формулировались всегда и везде в религию, в исповедание новой идеи, и всегда, как только начиналась новая религия, так тотчас же и создавалась граждански новая национальность.

Взгляните на евреев и мусульман: национальность у евреев сложилась только после закона Моисеева, хотя и началась еще из закона Авраамова, а национальности мусульманские явились только после Корана. Чтоб сохранить полученную духовную драгоценность, тотчас же и влекутся друг к другу люди, и тогда только, ревностно и тревожно, "работают друг подле друга, друг для друга и друг с другом" (как вы красноречиво написали), — тогда только и начинают отыскивать люди: как бы им так устроиться, чтоб сохранить полученную драгоценность, не потеряв из нее ничего, как бы отыскать такую гражданскую формулу совместного жития, которая именно помогла бы им выдвинуть на весь мир, в самой полной ее славе, ту нравственную драгоценность, которую они получили.

И заметьте, как только после времен и веков (потому что тут тоже свой закон, нам неведомый) начинал расшатываться и ослабевать в данной национальности ее идеал духовный, так тотчас же начинала

падать и национальность, а вместе падал и весь ее гражданский устав, и меркли все те гражданские идеалы, которые успевали в ней сложиться. В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Достоевский о путях выхода и спасения

«Петровская реформа, продолжавшаяся вплоть до нашего времени, дошла, наконец, до последних пределов. Дальше нельзя идти, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена... Вся Россия стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездною...».

И Ф. М. Достоевский свой посыл делает в основном российским интеллектуалам, интеллигенции.

«Как же быть? К народу. Стать русскими во-первых и прежде всего. Если общечело-вечность есть идея национальная русская, то, прежде всего, надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу всё изменится. Стать русским значит перестать презирать народ свой.

И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет он и нас самих уважать. И действительно: чем сильнее и самостоятельнее развились бы мы в национальном духе нашем, тем сильнее и ближе отозвались бы европейской душе и, породнившись с нею, стали бы тотчас ей понятнее. Тогда не отвертывались бы от нас высокомерно, а выслушивали бы нас. Мы и на вид тогда станем совсем другие. Став самими собой, мы получим наконец облик человеческий, а не обезьяний. Мы получим вид свободного существа, а не раба, не лакея, не Потугина; нас сочтут тогда за людей, а не за международную обшмыгу, не за стрюцких европеизма, либерализма и социализма...».

Идеалом русского интеллектуала, примером отношения к своему народу Ф. М. Достоевский считал А. С. Пушкина, и этот пример старательно пропагандировал:

«...В Пушкине же есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления...

Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов. По крайней мере, не проявились бы они в такой силе и с такою ясностью, несмотря даже на великие их дарования, в какой удалось им выразиться впоследствии, уже в наши дни...

Ибо, что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности? Став вполне народным поэтом, Пушкин тотчас же, как только прикоснулся к силе народной, так уже и предчувствует великое грядущее назначение этой силы. Тут он угадчик, тут он пророк...

Я думаю так: вряд ли мы столь хороши и прекрасны (об интеллектуалах-славянофилах. — Р.К.), чтоб могли поставить самих себя в идеал народу и потребовать от него, чтоб он стал непременно таким же, как мы. Не дивитесь вопросу, поставленному таким нелепым углом. Но вопрос этот у нас никогда иначе и не ставился: "Что лучше — мы или народ? Народу ли за нами или нам за народом?" — вот что теперь все говорят, из тех, кто хоть капельку не лишен мысли в голове и заботы по общему делу в сердце. А потому и я отвечу искренно: напротив, это мы должны преклониться перед народом и ждать от него всего, и мысли и образа; преклониться пред правдой народной и признать ее за правду, даже и в том ужасном случае, если она вышла бы отчасти и из Четьи-Минеи (книги житий святых православной церкви только для чтения –«четьи» ежемесячно «минеи». — Р.К.).

Одним словом, мы должны склониться, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, но воротившиеся, однако же, все-таки русскими, в чем, впрочем, великая наша заслуга.

Но, с другой стороны, преклониться мы должны под одним лишь условием, и это sine qua non: чтоб народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой...».

Эта проблема просвещения народа является более сложной, чем казалось бы, ибо проблема заключается не только в количестве школ и учебников, но шире и глубже — в качестве образования, и, как оказалось после жизни Ф. М. Достоевского — кто по идеологической позиции воспитывает навязчиво и ненавязчиво молодежь и взрослых со страниц газет, журналов, радио и сегодня самого мощного учителя и воспитателя — телевидения.

Ф. М. Достоевский очень любил свой народ и очень верил в его здоровую нравственную основу, и у него были конкретные основания, например — когда террористы-псевдонародники пошли со своей агитацией на бунт в народ, то иммунная система сознания русского народа сработала надежно, и «хождение» полностью провалилось даже в период, когда были крестьянские восстания после отмены крепостного права, поэтому он утверждал:

«Я очень наклонен уверовать, что наш народ такая огромность, что в ней уничтожатся, сами собой, все новые мутные потоки, если только они откуда-нибудь выскочат и потекут. Вот на это давайте руку; давайте способствовать вместе, каждый "микроскопическим" своим действием, чтоб дело обошлось прямее и безошибочнее. Правда, мы сами-то не умеем тут ничего, а только "любим отечество", в средствах не согласимся и еще много раз поссоримся; но ведь если уж решено, что мы люди хорошие, то что бы там ни вышло, а ведь дело-то, под конец, наладится. Вот моя вера. Повторяю: тут двухсотлетняя отвычка от всякого дела и более ничего. Вот через эту-то отвычку мы и покончили наш "культурный период" тем, что повсеместно перестали понимать друг друга. Конечно, я говорю лишь о серьезных и искренних людях, — это они только не понимают друг друга; а спекулянты дело другое: те друг друга всегда понимали...».

По поводу вышесказанного Достоевским можно заметить с высоты нашего времени, что великий мыслитель не мог предположить, что после молодых неопытных «псевдонародников» через несколько десятков лет придут опытные взрослые профессионалы-политтехнологи, и после их обработки народ не только легко поддастся на искушение: «Земля крестьянам! Заводы рабочим!», но его расколют несколько раз на щепки: вначале рабочих и крестьян противопоставят верхним слоям и их же руками уничтожат, затем противопоставят крестьянам рабочих (продотряды и смертельный голод в деревне), и даже самих крестьян расколют на два противоборствующих другу другу «класса»: кулаки и беднота, во всех случаях осуществляя старый как мир и эффективный принцип «разделяй и властвуй над разделенными». Поэтому с позиции нашего времени, нашего исторического опыта после Ф. М. Достоевского некоторые его надежды, «веры» и выводы выглядят утопическими, не соответствующими реальности. Ф. М. Достоевский:

«Утверждать же, что нищая и неурядная земля наша не может заключать в себе столь высокие стремления, пока не сделается экономически и гражданственно подобною Западу, — есть уже просто нелепость. Основные нравственные сокровища духа, в основной сущности своей по крайней мере, не зависят от экономической силы. Наша нищая неурядная земля, кроме высшего слоя своего, вся сплошь как один человек. Все восемьдесят миллионов ее населения представляют собою такое духовное единение, какого, конечно, в Европе нет нигде и не может быть, а, стало быть, уже по сему одному нельзя сказать, что наша земля неурядна, даже в строгом смысле нельзя сказать, что и нищая... Мы же утверждаем, что вмещать и носить в себе силу любящего и всеединящего духа можно и при теперешней экономической нищете нашей, да и не при такой еще нищете, как теперь. Её можно сохранять и вмещать

в себе даже и при такой нищете, какая была после нашествия Батыева или после погрома Смутного времени, когда единственно всеединящим духом народным была спасена Россия».

Вышесказанное верно, если русский народ будет «вариться» в своём «котле», в своём «соку», как это было в России раньше — до Петра I и даже до конца 19-го века. Но когда на сознание народа или «целевых групп» будет оказано извне сильное воздействие с целью замутить мозги и направить в «нужном» направлении, то без активного и эффективного идеологического противодействия возможно многократное повторение беды, а реалии современного глобального мира таковы, что избежать коварных идеологических атак на народы России не получиться, и вопрос стоит только — как этому противодействовать...

Всё сказанное касается других надежд-утопий-ошибок Ф. М. Достоевского:

«Тут уже подсказывается русское решение вопроса, "проклятого вопроса", по народной вере и правде: "Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудись на родной ниве", вот это решение по народной правде и народному разуму. "Не вне тебя правда, а в тебе самом; найди себя в себе, подчини себя себе, овладей собой — и узришь правду. Не в вещах эта правда, не вне тебя и не за морем где-нибудь, а прежде всего в твоем собственном труде над собою. Победишь себя, усмиришь себя — и станешь свободен как никогда и не воображал себе, и начнешь великое дело, и других свободными сделаешь, и узришь счастье, ибо наполнится жизнь твоя, и поймешь наконец народ свой и святую правду его...

Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованы, очеловечены и счастливы. Я знаю и верую твердо, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может. Верую даже, что царство мысли и света способно водвориться у нас, в нашей России, еще скорее, может быть, чем где бы то ни было, ибо у нас и теперь никто не захочет стать за идею о необходимости озверения одной части людей для благосостояния другой части, изображающей собою цивилизацию, как это везде во всей Европе... Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасется лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово.

Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно — "церковной" идеи вы и смеетесь, господа европейцы наши. О, есть много и других "идей" в народе, с которыми вы никогда не сойдетесь и признаете их прямо татарскими в европейском миросозерцании вашем». Я с болью представляю выражение лица этого

русского гения, если бы он увидел, как через 40 лет обманутый, одурманенный его народ сбрасывает с храмов кресты и купола...

Но озвученная Ф. М. Достоевским идея русского нравственного социализма не была подхвачена массово русской интеллигенцией следующего поколения — в начале 20-го века, её сильно не хватало в 1916—1917 годы, и она очень актуальна в России сегодня — в начале 21 века. Ф. М. Достоевский:

«А в заключение мне хочется прибавить еще одно слово о русской женщине. Я сказал уже, что в ней заключена одна наша огромная надежда, один из залогов нашего обновления... Теперь, однако, уже можно свести счеты и сделать безбоязненный вывод. Русская женщина целомудренно пренебрегла препятствиями, насмешками. Она твердо объявила свое желание участвовать в общем деле и приступила к нему не только бескорыстно, но и самоотверженно. Русский человек, в эти последние десятилетия, страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. В жажде высшего образования она проявила серьезность, терпение и представила пример величайшего мужества».

Да, русский мужчина в своём большинстве азартен, непоседлив, изменчив, увлекается всем: и политикой и всякими идеями — часто ложными, и только когда враг приходит забрать его мать-Россию, жену-Россию и дочь-Россию, то он ложится костьми не жалея живота своего.

А русская женщина во многом олицетворяет фундаментальное: Родину-Мать, основу семьи и основу детского воспитания, она намного ответственнее, и там где не хватает образования или даже ума — выручает её материнское сердце и фундаментальное женское чутье. — И так было в России и на Руси тысячи лет — до начала 90-х 20-го века, когда в России пошла мощная атака либералов, западников на саму суть женщины — и вместо перечисленного её стали увлекать гламуром и вещизмом, карьерой или поиском олигарха, мужским стриптизом и тотальным гедонизмом, красивыми путешествиями и приятным шопингом, возлюбленный или муж заменен сексуальными партнерами и даже «та –ту». В результате всего этого мы вот-вот получим новое поколение русских особей женского пола, для которых семейные ценности и воспитание детей — это смешной мешающий звук, и если они будут рожать, то только нагулявшись, — после 35 лет, как на «цивилизованном» Западе, — и поэтому в России через 3-4 поколения русские, благодаря этим мирным технологиям, будут естественно вытеснены детьми тех, кто продолжает рожать по 5-10 детей, у которых женщина не работает и занимается только детьми и домашним очагом, а ими будут руководить

те, в чьих руках сконцентрированы все финансы, то есть — зарплаты, цены, продукты, товары, оружие и т.п.

Потеря своего духовного ведет к потере своего материального, и лучше не проверять эту истину на практике в масштабе народа. Сегодня 2008 год — и ничего в вопросах нравственности в России с 1999 года В. Путиным и Д. Медведевым не сделано. Или они считают, что дать денег на золочение куполов и повысить зарплату священникам в конвертах — и от этого поднимется в стране нравственность?... «По русскому пониманию и упованию, чтобы не церковь перерождалась в государстве, ...а, напротив, государство должно кончить тем, чтобы способствовать стать единственно лишь церковью и ничем более. Сие и буди», — объяснял Ф. М. Достоевский, и хотел бы верить, что когда-нибудь в России настанет время нравственного государства. И хочется вопросы, поднятые нашим великим Ф. М. Достоевским, завершить с оптимизмом и надеждой. Ф. М. Достоевский:

«Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству.

Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь... Всякий народ верит и должен верить, если он только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира...».

Сегодня много говорят о миссии какой-либо корпорации или даже фирмочки, а у государства Россия и русского народа есть своя миссия? — Да, и она озвучена выше Ф. М. Достоевским, и в истории человечества Россия и русский народ уже не раз эту свою глобальную миссию подтверждали. И если очередной раз не подтвердят, не смогут, не спасут, то увесистую книгу под названием «Человечество на планете Земля» можно будет уже захлопнуть. Что случается с любым живым организмом, когда у него поражена иммунная система и перестает функционировать: защищать и спасать?

В ракурсе темы этой главы Федор Михайлович Достоевский поднял ещё один важный и новый для России вопрос, но поскольку этот вопрос большой во всех смыслах, то мы рассмотрим его отдельно в следующей главе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Ф. М. Достоевский и «Еврейский вопрос»

В отличие от своих современников — Тургенева, Лескова, Гончарова и Салтыкова-Щедрина Ф. М. Достоевский не включал специально в свои литературные произведения образ еврея или еврейского сообщества, но в «Дневнике писателя» в работе под названием «Еврейский вопрос» уделил много внимания этой теме. Историк из Израиля Я. Рабинович в 2006 г. в своей книге, посвященной истории России, отметил вклад Ф. М. Достоевского в этой теме:

«В сущности, Солженицын повторяет Достоевского, который за четыре года до смерти категорически отрицал и отвергал всякое обвинение его в антисемитизме: «всего удивительнее мне то, как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа и нации... Когда и в чём заявил я ненависть еврею? Так как в сердце моём этой ненависти не было никогда, и те из евреев, которые знакомы со мной и были в сношениях со мной, это знают, то я с самого начала и прежде всякого слова с себя это обвинение снимаю раз и навсегда»... Суждения Достоевского многие называют “библией русских антисемитов”». Связь времён... — обоих великих писателей соединила одна тема.

Ф. М. Достоевский по этому поводу писал: «Но что же я говорю и зачем? Или и я враг евреев? Неужели правда, как пишет мне одна, безо всякого для меня сомнения (что уже видно по письму ее и по искренним, горячим чувствам письма этого), благороднейшая и образованная еврейская девушка, — неужели и я, по словам ее, враг этого "несчастного" племени, на которое я "при всяком удобном случае будто бы так жестоко нападаю". "Ваше презрение к жидовскому племени, которое "ни о чем, кроме себя, не думает" и т. д. и т. д., очевидно". — Нет, против этой очевидности я восстану, да и самый факт оспариваю. Напротив, я именно говорю и пишу, что "всё, что требует гуманность и справедливость, всё,

что требует человечность и христианский закон, — всё это должно быть сделано для евреев". Я написал эти слова выше, но теперь я еще прибавлю к ним, что, несмотря на все соображения, уже мною выставленные, я окончательно стою, однако же, за совершенное расширение прав евреев в формальном законодательстве и, если возможно только, и за полнейшее равенство прав с коренным населением (NB, хотя, может быть, в иных случаях, они имеют уже и теперь больше прав или, лучше сказать, возможности ими пользоваться, чем само коренное население)».

Ф. М. Достоевский непосредственно столкнулся с евреями в молодости во время ареста петрашевцев: «Мне даже случилось с народом, в массе народа, в одних казармах, спать на одних нарах. Там было несколько евреев — и никто не презирал их, никто не исключал их, не гнал их... и что же, вот эти евреи чуждались во многом русских, не хотели есть с ними, смотрели чуть не свысока (и это где же? в остроге!) и вообще выражали гадливость и брезгливость к русскому, к “коренному” народу». Вероятно после этого случая, после этого интригующего поведения евреев Ф. М. Достоевский, как внимательный исследователь человека, обращал внимание на евреев и информацию о евреях: «Между тем я только что прочёл в мартовской книжке «Вестника Европы» известие о том, что евреи в Америке, Южных штатах, уже набросились всей массой на многомиллионную массу освобождённых негров и уже прибрали к рукам по своему, известным и вековечным своим «золотым промыслом»...

А десять дней тому назад прочёл в «Новом времени» (371) корреспонденцию из Ковно прехарактернейшую: “Дескать, до того набросились там евреи на местное литовское население, что чуть не сгубили всех водкой, и только ксендзы спасли бедных опившихся... Просвещенный корреспондент... сообщает при этом, что поднялись вслед за ксендзами и просвещённые местные экономисты, начали устраивать сельские банки, именно чтобы спасти народ от процентщика-еврея... чтобы можно было «бедной трудящейся массе» получать предметы первой потребности по настоящей цене, а не по той, которую назначает еврей».

Как видим, Ф. М. Достоевский отмечал те же массовые технологические факты и явления, которые мы наблюдали во второй книге этой серии. Ф. М. Достоевский:

«О, не думайте, что я действительно затеваю поднять "еврейский вопрос"! Я написал это заглавие в шутку. Поднять такой величины вопрос, как положение еврея в России и о положении России, имеющей в числе сынов своих три миллиона евреев, — я не в силах. Вопрос этот не в моих размерах. Но некоторое суждение мое я всё же могу иметь, и вот выходит, что суждением моим некоторые из евреев стали вдруг интересоваться. С некоторого времени я стал получать от них письма, и они

серьезно и с горечью упрекают меня за то, что я на них "нападаю", что я "ненавижу жида", ненавижу не за пороки его, "не как эксплуататора", а именно как племя, то есть вроде того, что:

"Иуда, дескать, Христа продал". Пишут это "образованные" евреи, то есть из таких, которые (я заметил это, но отнюдь не обобщаю мою заметку, оговариваюсь заранее) — которые всегда как бы постараются дать вам знать, что они, при своем образовании, давно уже не разделяют "предрассудков" своей нации, своих религиозных обрядов не исполняют, как прочие мелкие евреи, считают это ниже своего просвещения, да и в бога, дескать, не веруем.

Замечу в скобках и кстати, что всем этим господам из "высших евреев", которые так стоят за свою нацию, слишком даже грешно забывать своего сорокавекового Иегову и отступаться от него. И это далеко не из одного только чувства национальности грешно, а и из других, весьма высокого размера причин. Да и странное дело: еврей без бога как-то немыслим; еврея без бога и представить нельзя. Но тема эта из обширных, мы ее пока оставим.

Всего удивительнее мне то: как это и откуда я попал в ненавистники еврея как народа, как нации? Как эксплуататора и за некоторые пороки мне осуждать еврея отчасти дозволяется самими же этими господами, но-но лишь на словах: на деле трудно найти что-нибудь раздражительнее и щепетильнее образованного еврея и обидчивее его, как еврея. Но опять-таки: когда и чем заявил я ненависть к еврею как к народу?...

Уж не потому ли обвиняют меня в "ненависти", что я называю иногда еврея "жидом?" Но, во-первых, я не думал, чтоб это было так обидно, а во-вторых, слово "жид", сколько помню, я упоминал всегда для обозначения известной идеи: "жид, жидовщина, жидовское царство" и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века. Можно спорить об этой идее, не соглашаться с нею, но не обижаться словом.

Положим, очень трудно узнать сорокавековую историю такого народа, как евреи; но на первый случай я уже то одно знаю, что наверно нет в целом мире другого народа, который бы столько жаловался на судьбу свою, поминутно, за каждым шагом и словом своим, на свое принижение, на свое страдание, на свое мученичество. Подумаешь, не они царят в Европе, не они управляют там биржами хотя бы только, а стало быть, политикой, внутренними делами, нравственностью государств».

Под понятием «жид» или «жидовщина» Ф. М. Достоевский понимал не евреев, а характер корыстного сугубо материального безнравственного человека-индивидуалиста, как и под понятием «биржевик»: «Биржевиками я называю здесь условно всех вообще теперешних русских, которым, кроме своего кармана, нет никакой в России заботы, а потому

взирающих и на Россию единственно с точки зрения интересов своего кармана». В этом ракурсе Ф. М. Достоевскому повезло в своём 19 веке, — видел бы он огромное количество наших русских жидов и биржевиков после «перестройки»...

Кстати, выше замеченное Достоевским можно отнести равно и к нашей эпохе, — разница лишь в том, что тогда евреи вспоминали средневековый гнёт, а теперь вспоминают Вторую мировую войну, упрекают немцев, и всем напоминают о Холокосте. Причём понятно, что это стало не только национальной традицией, но важным элементом международной политики. Ф. М. Достоевский:

«Но вот пришел освободитель и освободил коренной народ (об отмене крепостного права. — Р.К.), и что же, кто первый бросился на него как на жертву, кто воспользовался его пороками преимущественно, кто оплел его вековечным золотым своим промыслом, кто тотчас же заместил, где только мог и поспел, упраздненных помещиков, с тою разницею, что помещики хоть и сильно эксплуатировали людей, но всё же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтоб не истощить рабочей силы, а еврею до истощения русской силы дела нет, взял свое и ушел.

Я знаю, что евреи, прочтя это, тотчас же закричат, что это неправда, что это клевета, что я лгу, что я потому верю всем этим глупостям, что "не знаю сорокавековой истории" этих чистых ангелов, которые несравненно "нравственно чище не только других народностей, но обоготворяемого мною русского народа" ...Нет-с, уверяю вас, что в русском народе нет предвзятой ненависти к еврею, а есть, может быть, несимпатия к нему, особенно по местам и даже, может быть, очень сильная. О, без этого нельзя, это есть, но происходит это вовсе не от того, что он еврей, не из племенной, не из религиозной какой-нибудь ненависти, а происходит это от иных причин, в которых виноват уже не коренной народ, а сам еврей. Ненависть, да еще от предрассудков — вот в чем обвиняют евреи коренное население.

Но если уж зашла речь о предрассудках, то как вы думаете: еврей менее питает предрассудков к русскому, чем русский к еврею? Не побольше ли? Вот я вам представлял примеры того, как относится русское простолюдье к еврею; а у меня перед глазами письма евреев, да не из простолюдья, а образованных евреев, и — сколько ненависти в этих письмах к "коренному населению"! А главное, — пишут, да и не примечают этого сами.

...Но не вникая в суть и в глубину предмета, можно изобразить хотя некоторые признаки этого status in statu, по крайней мере, хоть наружно. Признаки эти: отчужденность и отчудимость на степени религиозного догмата, неслиянность, вера в то, что существует в мире лишь одна на-

родная личность — еврей, а другие хоть есть, но все равно надо считать, что как бы их и не существовало.

"Выйди из народов и составь свою особь и знай, что с сих пор ты един у бога, остальных истреби, или в рабов обрати, или эксплуатируй. Верь в победу над всем миром, верь, что всё покорится тебе. Строго всем гнушайся и ни с кем в быту своем не сообщайся. И даже когда лишишься земли своей, политической личности своей, даже когда рассеян будешь по лицу всей земли, между всеми народами — всё равно, — верь всему тому, что тебе обещано, раз навсегда верь тому, что всё сбудется, а пока живи, гнушайся, единись и эксплуатируй и — ожидай, ожидай..." Вот суть идеи этого status in statu, а затем, конечно, есть внутренние, а может быть, и таинственные законы, ограждающие эту идею.

Вы говорите, господа образованные евреи и оппоненты, что уже это-то всё вздор, и что "если и есть status in statu (то есть был, а теперь-де остались самые слабые следы), то единственно лишь гонения привели к нему, гонения породили его, религиозные, с средних веков и раньше, и явился этот status in statu единственно лишь из чувства самосохранения. Если же и продолжается, особенно в России, то потому, что еврей еще не сравнен в правах с коренным населением". Но вот что мне кажется: если б он был и сравнен в правах, то ни за что не отказался бы от своего status in statu. Мало того: приписывать status in statu одним лишь гонениям и чувству самосохранения — недостаточно. Да и не хватило бы упорства в самосохранении на сорок веков, надоело бы и сохранять себя такой срок.

И сильнейшие цивилизации в мире не достигали и до половины сорока веков и теряли политическую силу и племенной облик. Тут не одно самосохранение стоит главной причиной, а некая идея, движущая и влекущая, нечто такое, мировое и глубокое, о чем, может быть, человечество еще не в силах произнесть своего последнего слова, как сказал я выше. Что религиозный-то характер тут есть по преимуществу — это-то уже несомненно. Что свой промыслитель, под именем прежнего первоначального Иеговы, с своим идеалом и с своим обетом продолжает вести свой народ к цели твердой — это-то уже ясно. Да и нельзя, повторю я, даже и представить себе еврея без бога, мало того, не верю я даже и в образованных евреев безбожников: все они одной сути, и еще бог знает чего ждет мир от евреев образованных!

...Конечно, христианство и идея его там пали и падают не по вине еврея, а по своей вине, тем не менее нельзя не указать и в Европе на сильное торжество еврейства, заменившего многие прежние идеи своими. О, конечно, человек всегда и во все времена боготворил матерьялизм и наклонен был видеть и понимать свободу лишь в обеспечении себя накопленными изо всех сил и запасенными всеми средствами деньгами.

Но никогда эти стремления не возводились так откровенно и так поучительно в высший принцип, как в нашем девятнадцатом веке. "Всяк за себя и только за себя и всякое общение между людьми единственно для себя" — вот нравственный принцип большинства теперешних людей, и даже не дурных людей, а, напротив, трудящихся, не убивающих, не ворующих.

А безжалостность к низшим массам, а падение братства, а эксплуатация богатого бедным, — о, конечно, всё это было и прежде и всегда, но — но не возводилось же на степень высшей правды и науки, но осуждалось же христианством, а теперь, напротив, возводится в добродетель. Стало быть, недаром же все-таки царят там повсеместно евреи на биржах, недаром они движут капиталами, недаром же они властители кредита и недаром, повторю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов.

Наступает, напротив, матерьялизм, слепая, плотоядная жажда личного матерьяльного обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу, вместо христианской идеи спасения лишь посредством теснейшего нравственного и братского единения людей. Засмеются и скажут, что это там вовсе не от евреев. Конечно, не от одних евреев, но если евреи окончательно восторжествовали и процвели в Европе именно тогда, когда там восторжествовали эти новые начала даже до степени возведения их в нравственный принцип, то нельзя не заключить, что и евреи приложили тут своего влияния.

....Капитал есть накопленный труд; еврей любит торговать чужим трудом! Но всё же это пока ничего не изменяет; зато верхушка евреев воцаряется над человечеством всё сильнее и тверже и стремится дать миру свой облик и свою суть. Евреи все кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О боже! да разве в этом дело? Да и вовсе мы не о хороших или дурных людях теперь говорим. И разве между теми нет тоже хороших людей? Разве покойный парижский Джемс Ротшильд был дурной человек? Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо "неудавшегося" христианства...

Вон евреи кричат, что они были столько веков угнетены и гонимы, угнетены и гонимы и теперь, и что это, по крайней мере, надобно взять в расчет русскому при суждении о еврейском характере. Хорошо, мы и берем в расчет и доказать это можем: в интеллигентном слое русского

народа не раз уже раздавались голоса за евреев. Ну, а евреи: брали ли и берут ли они в расчет, жалуясь и обвиняя русских, столько веков угнетений и гонений, которые перенес сам русский народ? Неужто можно утверждать, что русский народ вытерпел меньше бед и зол "в свою историю", чем евреи где бы то ни было? И неужто можно утверждать, что не еврей, весьма часто, соединялся с его гонителями, брал у них на откуп русский народ и сам обращался в его гонителя? Ведь это всё было же, существовало, ведь это история, исторический факт, но мы нигде не слыхали, чтоб еврейский народ в этом раскаивался, а русский народ он все-таки обвиняет за то, что тот мало любит его.

Если высокомерие их, если всегдашняя "скорбная брезгливость" евреев к русскому племени есть только предубеждение, "исторический нарост", а не кроется в каких-нибудь гораздо более глубоких тайнах его закона и строя, — то да рассеется всё это скорее и да сойдемся мы единым духом, в полном братстве, на взаимную помощь и на великое дело служения земле нашей, государству и отечеству нашему! Да смягчатся взаимные обвинения, да исчезнет всегдашняя экзальтация этих обвинений, мешающая ясному пониманию вещей.

А за русский народ поручиться можно: о, он примет еврея в самое полное братство с собою, несмотря на различие в вере, и с совершенным уважением к историческому факту этого различия, но все-таки для братства, для полного братства нужно братство с обеих сторон. Пусть еврей покажет ему и сам хоть сколько-нибудь братского чувства, чтоб ободрить его. Я знаю, что в еврейском народе и теперь можно отделить довольно лиц, ищущих и жаждущих устранения недоумении, людей притом человеколюбивых, и не я буду молчать об этом, скрывая истину. Вот для того-то, чтоб эти полезные и человеколюбивые люди не унывали и не падали духом и чтоб сколько-нибудь ослабить предубеждения их и тем облегчить им начало дела, я и желал бы полного расширения прав еврейского племени, по крайней мере по возможности, именно насколько сам еврейский народ докажет способность свою принять и воспользоваться правами этими без ущерба коренному населению. Даже бы можно было уступить вперед, сделать с русской стороны еще больше шагов вперед...

Вопрос только в том: много ли удастся сделать этим новым, хорошим людям из евреев, и насколько сами они способны к новому и прекрасному делу настоящего братского единения с чуждыми им по вере и по крови людьми?»

Это был отчаянный тревожный звон в колокол нашего пророка. Боль и плачь о грядущей трагедии России и русского народа. Практически все предупреждения-пророчества Достоевского на эту тему сбылись, повторю:

«Безбожный анархист близок — наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнётся, ибо нет для неё отпора ни в управлении, ни в обществе», «Что религиозный-то характер тут есть по преимуществу — это-то уже несомненно. Что свой промыслитель, под именем прежнего первоначального Иеговы, со своим идеалом и с своим обетом продолжает вести свой народ к цели твердой — это-то уже ясно. Да и нельзя, повторю я, даже и представить себе еврея без бога, мало того, не верю я даже и в образованных евреев безбожников: все они одной сути, и еще бог знает чего ждет мир от евреев образованных! (Бронштейн-Троцкий, Свердлов, Урицкий, Луначарский, Володарский и прочие тысячи образованных евреев. — Р.К.)».

К концу 70-х в «знаменитых» российских западниках, либералах Достоевский видел вредную, но уже не смертельную силу, а видел угрозу уже в новой поднимающейся силе, поэтому пророчески написал работу «Еврейский вопрос». Ещё в молодости, — когда Достоевский увлекался либерализмом, был социалистом и задумывался: «Я никогда не мог понять мысли, что одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке», и через четверть века в «Еврейском вопросе» вернулся к этой теме: «Стало быть, еврейству там и хорошо, где народ ещё невежествен, или несвободен или мало развит экономически, — тут-то, стало быть, ему и лафа!»,

«Капитал есть накопленный труд: еврей любит торговать чужим трудом! ...Евреи всё кричат, что есть же и между ними хорошие люди. О, Боже! Да разве в этом дело?... Мы говорим о целом и об идее его, мы говорим о жидовстве и об идее жидовской, охватывающей весь мир, вместо «неудавшегося» христианства...», «недаром же они властители кредита и недаром, повторяю это, они же властители и всей международной политики, и что будет дальше — конечно, известно и самим евреям: близится их царство, полное их царство! Наступает вполне торжество идей, перед которыми никнут чувства человеколюбия, жажда правды, чувства христианские, национальные и даже народной гордости европейских народов. Наступает, напротив, материализм, слепая, плотоядная жажда личного материального обеспечения, жажда личного накопления денег всеми средствами — вот всё, что признано за высшую цель, за разумное, за свободу...»

Многим людям очень тяжело заставлять себя интеллектуально трудиться кроме работы в какой-то фирме, — что-то стараться понять глубинное и высокое в этом мире. Гораздо легче нахвататься знаний в «студенческом объёме», расслабиться и получить массу удовольствий. Но после падения, после хруста позвоночника и сотрясения мозга

бывает уже поздно, лёжа в крови, грязи и нищете, что-то «осознать» и пытаться «догнать».

«...Призваны в мир мы вовсе не для праздников и пирований, — объяснял Николай Гоголь, — на битву мы сюда призваны; праздновать же победу будем ТАМ. А потому мы ни на миг не должны позабыть, что вышли на битву, и нечего тут выбирать, где поменьше опасностей: как добрый воин, должен бросаться из нас всяк туда, где пожарче битва».

И добрый воин Ф. М. Достоевский бросался смело обсуждать и пытаться найти решение самых насущных и даже опасных проблем в России — «... хоть иногда сказать правду, если б даже она была и недостаточно, по-вашему, либеральна». Стоит учесть, что при написании «Еврейского вопроса» в России, как мы наблюдали ранее, шла первая террористическая война, в которой самое активное участие принимали еврейские террористы, и антисемит Ф. М. Достоевский сильно рисковал, поднимая тему «еврейского вопроса».

Активная деятельность Ф. М. Достоевского и других патриотов в 70-80-х годах в России склонила чашу весов в борьбе славянофилов с западничеством, куда входило и еврейское сообщество, в пользу патриотов и России. Но, похоже, всему есть предел. Запаса прочности иммунной системе российского общества, данного Ф. М. Достоевским и его соратниками хватило до 1917 года, ибо в начале 20-го века ни одного продолжателя идеологической борьбы Ф. М. Достоевского не было.

Великий мыслитель предупреждал о надвигающейся Катастрофе, называемой революцией, но одни воспринимали его слова как чудачества старого писателя, другие — не придали должного значения и быстро забыли послания великого мыслителя потомкам, которое на Западе и не переводили.

Уверен, те, — кто остался жив после Кровавой Катастрофы русского народа в 1917 году, и успел сбежать в Прагу, Шанхай, Аргентину (и т.п.), сидя в нищете далеко от Родины не раз чесали свои «просвещенные» и «образованные» репки, терли в глубоком раздумье свои высокие узкие лбы... и не раз с ужасом «по-другому» перечитывали западников: Белинского, Писарева, Герцена и Чернышевского, и без всякой иронии и сарказма перечитывали великих славянофилов: Гоголя, Данилевского, Леонтьева, Аксакова, Салтыкова-Щедрина и Достоевского, пытаясь не столько насладиться их литературным талантом, сколько понять наконец-то их мысли, их идеологические предупреждения и хотя бы в конце своей несчастной жизни.

Ф. М. Достоевский хорошо выделил тему «европейского вопроса», обратил внимание российского общества на проблему и угрозы, но не предложил конкретного решения этой проблемы, а что он предлагал — было неэффективным, и даже утопическим:

«Мы не враждебно (как, казалось, должно бы было случиться), а дружественно, с полною любовию приняли в душу нашу гении чужих наций, всех вместе, не делая преимущественных племенных различий, умея инстинктом, почти с самого первого шагу различать, снимать противоречия, извинять и примирять различия, и тем уже выказали готовность и наклонность нашу, нам самим только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему общечеловеческому воссоединению со всеми племенами великого арийского рода. Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите. О, всё это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое. Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей...». Похоже, Достоевский надеялся, что в дружественном, братском российском обществе, как в плавильном котле, всё образуется, поглотиться, евреи ассимилируются и в результате — их обособляемость и враждебность исчезнут.

Та же красивая оптимистическая и утопическая идея всемирного братания идеологических противников прозвучала в конце жизни Достоевского, в его знаменитой речи, посвященной открытию памятнику А. С. Пушкина. «Мою речь о Пушкине я приготовил... в самом крайнем духе моих... убеждений, — подчеркивал Ф. М. Достоевский. — Я же заявляю теперь — да и заявил это в самой речи моей, — что честь этого нового шага (если только искреннейшее желание примирения составляет честь), что заслуга этого нового, если хотите, слова вовсе не мне одному принадлежит, а всему славянофильству, всему духу и направлению "партии" нашей, что это всегда было ясно для тех, которые беспристрастно вникали в славянофильство... Теперь вот заключение: если западники примут наш вывод и согласятся с ним, то и впрямь, конечно, уничтожатся все недоразумения между обеими партиями, так что "западникам и славянофилам не о чем будет и спорить...». Эту же идею Ф. М. Достоевский пропагандировал на многочисленных выступлениях перед своей кончиной, и эти идеи очень близко и эмоционально воспринимались слушателями, например, посмотрите, как реагировала публика во время выступления Ф. Достоевского летом 1880 г. в «Обществе любителей российской словесности», — Ф. Достоевский:

«Когда же я провозгласил в конце о всемирном единении людей, то зала была как в истерике, — рассказывал о своём успехе Достоевский в

письме жене, — когда я закончил — я не скажу тебе про рев, про вопль восторга: люди незнакомые между публикой плакали, рыдали, обнимали друг друга и клялись друг другу быть лучшими, не ненавидеть впредь друг друга, а любить.

Порядок заседания нарушился: все ринулись ко мне на эстраду... Вызовы продолжались полчаса, махали платками, вдруг, например, останавливают меня два незнакомых старика: "Мы были врагами друг друга 20 лет, не говорили друг с другом, а теперь мы обнялись и помирились. Это вы нас помирили, Вы наш святой, вы наш пророк!". "Пророк, пророк!" — кричали в толпе. Тургенев, про которого я ввернул доброе слово в моей речи, бросился меня обнимать со слезами...

Прибежали студенты. Один из них, в слезах, упал передо мною в истерике на пол и лишился чувств. Полная, полнейшая победа!»

Но это была кратковременная победа, к сожалению, — в рамках одного зала, зажженного глаголом писателя. Под знакомым нам лозунгом: «Давайте все жить дружно!» Достоевский пытался утопически призвать к объединению и служению родине западников, либералов, евреев, террористов... Но что получится, если смешать в этом мире черный цвет с белым, смешать воедино добро и зло, мы это и так всё имеем по замыслу западников, либералов: в одном сером флаконе, чтобы не могли различить — что добро, а что зло, где — добро и где — зло...

Когда после речи «атмосфера» остыла, Достоевский в «Дневника писателя» писал более реалистично: «Рядом со славянофилами, обнимавшими меня и жавшими мне руку, тут же на эстраде, едва лишь я сошел с кафедры, подошли ко мне пожать мою руку и западники, и не какие-нибудь из них, а передовые представители западничества, занимающие в нем первую роль, особенно теперь. Они жали мне руку с таким же горячим и искренним увлечением, как славянофилы, и называли мою речь гениальною, и несколько раз, напирая на слово это, произнесли, что она гениальна. Но боюсь, боюсь искренно: не в первых ли "попыхах" увлечения произнесено было это!»

И скорее всю иллюзорность и «дружелюбность» западников Достоевский смог прочитать на страницах "Московских ведомостей" и отвечал: «Но, прочтя вашу критику, г-н Градовский, я приостановил печатание "Дневника", чтобы прибавить к нему и ответ на ваши нападки. О, предчувствия мои оправдались, гам поднялся страшный. И гордец-то я, и трус-то я, и Манилов, и поэт, и полицию надо бы привесть, чтоб сдерживать порывы публики, — полицию моральную, полицию либеральную, конечно. Но почему же бы и не настоящую? И настоящая полиция ведь у нас теперь либеральна, отнюдь не менее возопивших на меня либералов. Воистину немного недоставало до настоящей!» Это были русские западники, либералы, и их еврейские единомышленники

тем более не собирались брататься с русскими, тем более со славянофилами, которых сегодня, в начале 21 века, обязательно назвали бы русскими националистами и русскими фашистами.

Закончу эту главу и всю тему о идеологических взглядах нашего великого Фёдора Михайловича Достоевского позицией по «еврейскому вопросу» его друга — нашего великого философа В. С. Соловьёва(1853—1900), который встал вровень с Ф. Ницше и поднял русскую философию на мировой уровень, и также искал решения «еврейского вопроса» и в своей работе «Еврейство и христианский вопрос» (1884 г.) писал: «Евреи привязаны к деньгам вовсе не ради одной их материальной пользы, а потому, что находят в них ныне главное орудие для торжества и славы Израиля». Это был уже более реалистичный и более глубокий подход.

Издавший книгу о В. Соловьёве В. Л. Величко утверждал, что В. Соловьёв в разговоре с ним в конце 19-го века грустно сказал: «Я чую близость времени, когда христиане будут собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима. Разве ты не видишь, что надвигается? Я вижу, давно вижу». И, вероятно, исходя из этих мрачных предчувствий, великий философ в самом конце жизни решил кого-то в России предупредить, а кого-то пугнуть своим последним метафоричным произведением «Краткая повесть об Антихристе» (1900 г.), в котором, кстати, пророчески предугадал или, скорее всего, логически вычислил страшную мировую войну (сбылось две), об образовании «Соединенных Штатов Европы» — сегодняшний Евросоюз, и что Европой будут править масоны.

И если великий писатель Ф. Достоевский перед своей кончиной перестал писать литературные произведения и стал произносить публичные философские речи, то его друг — великий философ В. Соловьёв перед своей кончиной решил использовать литературный жанр, чтобы лучше донести свои мысли российскому обществу.

В «Краткой повести об Антихристе» В. Соловьёв решил основательно пугнуть евреев. Сюжет этого произведения был оригинален: наконец сбылась мечта евреев — объявился долгожданный Мессия — Антихрист, — как некий высокоразвитый человек — сверхчеловек, который стал императором, поселился в Иерусалиме и объявил евреям о достижении заветной цели — всемирном владычестве Израиля на Земле, и евреи торжествуют. Но, «не сразу сказка сказывалась...» — на пике этого счастья обнаруживается обман, «подстава» коварных врагов: Антихрист-Мессия оказывается вовсе не евреем, и даже не иудеем, и не обрезан. И обманутые евреи, уже радующиеся близкому всемирному владычеству, восстали против Лже-Мессии, Лже-Антихриста (Лже-антихрист — оригинально... — Р.К.). Но против них начинает восставать Природа — происходят стихийные бедствия, в результате которых —

«Евреи же бежали к Иерусалиму в страхе и трепете, взывая о спасении к Богу Израилеву».

Но... вдруг они увидели не своего Бога, а «Христа, сходящего к ним в царском одеянии и с язвами от гвоздей на распростёртых руках». Это был для них кошмарный «ужастик», ибо они забыли, что распятый ими Христос милостив, милосерд и всепрощающ... И заканчивается весь этот «хоррор» для евреев очень даже счастливо, «хеппи енд» — евреи дружно и мирно с христианами «воцарились во Христе на тысячу лет».

Этим оригинальным способом В. Соловьёв преподнес старое европейское предложение решения еврейского вопроса (вспомните спор в первой половине 19-го немца Бруно Бауэра с евреем Карлом Марксом) — проблема решается только добровольным отказом евреев от своей агрессивной религии-иудаизма и переходом в христианство. Сегодня, с высоты нашего времени и исторического опыта совершенно понятно, что это была ошибка, иллюзия, утопия, причем оскорбительная для евреев; то есть — ошиблись многие европейские интеллектуалы, ошибся В. Соловьёв, и после него ещё немало выдающихся русских мыслителей пришли к этому ошибочному выводу.

А время шло, жизнь продолжалась, отмеченные Достоевским негативные тенденции развивались и усугублялись, и русский народ в лице крестьян оказался непохож на белорусских, не захотел повторения и беды и трагедии (которую мы рассматривали в предыдущей книге), и не мог ждать — когда их голова, интеллект русского общества — интеллектуалы, интеллигенты найдут правильное решение «еврейского вопроса», который к концу 70-х годов добрался в разных областях России до русских деревень и городков, монополизировал торговлю зерном и лесом, земельной арендой, перевозками и кредитами. К каким выводам пришли русские крестьяне и какое решение приняли — мы рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Крестьянская защита, погромы

В 1881 году в России начались первые крестьянские погромы еврейских бизнесменов в сельском хозяйстве, которые продолжались на протяжении двух лет. И началось это изгнание евреев крестьянами в провинциальных городках на юге России. Первый погром произошёл 15 апреля в Елизаветграде. 17 апреля погром был подавлен войсками, был убит один еврей. Затем погромы начались в Одесской губернии, Киевской, Черниговской.

Эти события указывали на то, что те процессы и технологии, которые российское правительство наблюдало в начале 19-го века в Белоруссии — уже начали происходить в России, и в центральных областях Украины, — евреи стали хозяйничать в сельском хозяйстве: в скупке и торговле хлебом, в вопросах аренды земли. Но российское правительство почему-то на замечало, что заметил Ф. М. Достоевский: «Кто тотчас же заместил, где только мог и поспел, упразднённых помещиков, с тою разницею, что помещики хоть сильно эксплуатировали людей, но всё же старались не разорять своих крестьян, пожалуй, для себя же, чтобы не истощить рабочей силы, а еврею до истощения рабочей силы дела нет, взял своё и ушёл».

И это притом, что точно все члены правительства и царской семьи читали скандальную тему, озвученную Ф. М. Достоевским в 1873 году в журнале «Гражданин», то есть ещё за 8 лет до погромов:

«Вон жиды становятся помещиками, — и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы воротить капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая же

тут равноправность, если тут явный и талмудный Status in Statu прежде всего и на первом плане, если тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освободясь от помещиков, несомненно и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство и к гораздо худшим помещикам — к тем самым новым помещикам, которые уже высосали соки из западнорусского мужика, к тем самым, которые не только поместья и мужиков теперь закупают, но и мнение либеральное начали уже закупать и продолжают это весьма успешно. Почему это всё у нас?

Почему такая нерешимость и несогласие на всякое решение, на какое бы ни было даже решение (и заметьте: ведь это правда)? Помоему, вовсе не от бездарности нашей и не от неспособности нашей к делу, а от продолжающегося нашего незнания России, ее сути и особи, ее смысла и духа, несмотря на то, что, сравнительно, со времен Белинского и славянофилов у нас уже прошло теперь двадцать лет школы». Эти последние строки великого мыслителя явно обращены к власти, к либеральному Александру Второму, вопрошают и взывают. И погромы и в самом деле подтвердили полное незнание властью своего народа, «незнание России, её сути и особи, её смысла и духа» и непонимание негативных процессов, происходящих в России, связанных с еврейской экономической экспансией.

И это знание нужно не для того, чтобы своевременно предупредить восстание народа, его погасить силой или коварными мудреными политтехнологиями, как это обязательно бы сделала либеральная власть в России сегодня, во главе с Путинным или Медведевым. А это знание нужно, чтобы своевременно помочь своему народу, считай — себе самому...

И в этой ситуации, в этот исторический момент то ядро России, тот дух русского народа, на который так уповал Ф. М. Достоевский, и активизировался, стал в защиту, и крестьяне стали решать проблему, которую давно должен был решить горе-реформатор Александр Второй и его «мудреное» правительство.

К началу 80-х, как отмечает революционный еврейский деятель Ю. Лурье (Ларин) почти в каждой российской деревне жило по две-три семьи евреев — не крестьян, а бизнесменов, которые контролировали всю торговлю, ссуды, винокурение и беспощадно высасывали экономические силы русских крестьян, их благополучие, благополучие и развитие их детей — то есть — русского народа.

Еврейские погромы явились последней каплей, отчаянно кричавшей, что что-то необходимо предпринимать, хотя бы для защиты русского крестьянства. Таким образом, Россия стала защищаться от экспансии евреев не сверху, а снизу, сам народ стал это делать. Российские кресть-

яне оказались не похожими на белорусских, — долго терпеть не стали. И опасения Ф. Достоевского в этот период истории России оказались напрасными: «Конечно, мне приходит тут же на ум, например, такая фантазия: ну что если пошатнется каким-нибудь образом и от чего-нибудь наша сельская община, ограждающая нашего бедного коренника-мужика от стольких зол, — ну что если тут же к этому освобожденному мужику, столь неопытному, столь не умеющему сдержать себя от соблазна и которого именно опекала доселе община, — нахлынет всем кагалом еврей — да что тут: тут мигом конец его: всё имущество его, вся сила его перейдет назавтра же во власть еврея, и наступит такая пора, с которой не только не могла бы сравняться пора крепостничества, но даже татарщина».

Через полтора месяца после цареубийства по свидетельству Еврейской Энциклопедии — погромы еврейских лавок и домов «внезапно с громадной эпидемической силой охватили обширную территорию». Но многие еврейские идеологи и пропагандисты, включая современных, стараются опровергнуть внезапность и стихийность этих погромов, то есть их народную спонтанность. Они утверждают, что погромы были срочно организованы российскими властями в ответ на убийство императора. Например, уже другая еврейская энциклопедия Краткая ЕЭ утверждает:

«Власти действовали в тесном контакте с приехавшими». То есть утверждалось, что погромы устраивали специально разъезжающие по городам погромщики, специальные агенты полиции или добровольцы-патриоты из общественности.

Еврейский идеолог Семён Резник саркастически возмущается — царя убил русский, а в России начали громить евреев... — этот прием для совсем неграмотных в истории России.

Связь здесь есть, но особого рода — как назревшая снежная лавина-шапка в горах срывается по первому поводу. Исследовав историю погромов 80-х годов, еврейский историк Ю. Гессен пришёл к выводу: «Действительно... сказались черты стихийного характера... Местные люди, которые по самым различным побуждениям желали расправы с евреями, — они расклеивали призывные прокламации, организовывали основные кадры погромщиков, к которым вскоре добровольно, без всякого увещевания, примыкали сотни людей, увлекаемых общей разгульной атмосферой, лёгкой наживой. В этом было нечто стихийное, «возникновение в короткий срок на огромной территории множества погромных дружин и самое свойство выступлений устраняет мысль о наличии единого организационного центра» (С).

Было исследование этих погромов и другого рода, — когда после переворота 1917 года к власти в России пришли евреи, то их предста-

вители тщательно проверяли всю документацию министерства внутренних дел и полиции с целью найти руководящую руку российского правительства в погромах, — «После 1917 группа исследователей — С. Дубнов, Г. Красный (он же Адмони) и С. Лозинский — тщательно искали доказательств по всем открывшимся государственным архивам — и нашли только противоположное, начиная с того, что энергичного расследования требовал сам Александр Третий», — указывает в своём исследовании Солженицын.

Но одно дело — это учёные, историки: Ю. Гессен или С. Дубнов, а другое современные марксисты с лихими перьями с их потрясающей логикой — нет доказательств? — Будут. — Где взять? — Придумаем. И самая правдоподобная ложь — это самая наглая ложь. Солженицын, тщательно изучивший максимум исторических документов, искренне удивляется — где это нашли такое высказывание Александра Третьего: «А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев!»

«И принялось, — отмечает Солженицын, — печаталось в эмигрантских освобожденьческих брошюрах, вошло в либеральный фольклор, и даже вот через 100 лет, поныне, это выныривает в публикациях как историческая достоверность».

Другие еврейские исследователи не стали ничего придумывать, но задумались над глубинными причинами — так, например, И. Г. Оршанский поставил закономерный вопрос по поводу случившегося в этот период погрома в Одессе, в которой мирно живут вместе много различных национальностей: «почему же одни евреи вызывают всеобщее к себе нерасположение, переходящее при случае в жестокую ненависть?»

Большинство евреев, зная свою историю, не задают подобный вопрос или им объясняют раввины. В данном же случае Оршанский задаёт этот вопрос, чтобы дать ответ на него русским — всё это случилось по вине российского законодательства, ограничившего в свободе евреев, попытка евреев обойти его или решить своё благополучие, несмотря на эти ограничения, выглядит как — «нахальство, ненасытность и захват», что естественно сильно раздражает других граждан. Оршанский, вероятно, долго думал, чтобы так изголиться и объяснить знаменитую еврейскую наглость, идущую за такой же знаменитой еврейской скромностью.

Писатель Аксаков, свидетель тех событий, отметил, что погромы были протестом против «гнёта еврейства над русским местным народом» (С).

Городские власти еврейской столицы в России — Одессы чтобы защитить евреев и успокоить погромщиков действовали оригинально — войска локализовали бунтующий народ, оттеснили в порт, погрузили на суда, которые отплыли от берега, чтобы пассажиры остыли и успокоились.

Российские, власти по свидетельству Еврейской Энциклопедии, принимали и более радикальные меры, например, в городе Борисове — «Для защиты евреев против погромщиков было употреблено огнестрельное оружие». А в Киеве власти арестовали 1400 человек погромщиков.

В период погромов были обнаружены случаи провокационной агитации к погромам членов известной революционной организации «Народная Воля». Солженицын приводит пример — листовку, распространяемую этой организацией на Украине, в которой писалось: «Кто забрал в свои руки земли, леса да корчмы? — Жиды... Куда ни глянешь, до чего не приступишь — жиды везде... Поднимайся же честный рабочий люд...».

Согласно исследователю истории Вадиму Кожинову («Черносотенцы и Революция» (1998 г.)) и еврейскому историку Ю. И. Гессену в целой череде еврейских погромов в России с 1881 по 1883 гг. погибло 2 еврея от рук крестьян и 19 крестьян от рук солдат, защищавших евреев.

В 1882 году погромы неожиданно для евреев вспыхнули в Прибалтике, в ходе которых был убит один еврей. Со статистикой погибших евреев отдельная история. Солженицын отмечает, что во всех погромах 80-х вместе взятых погибли по разным источникам 6–7 человек.

Ситуация с количеством погибших евреев резко изменилась после 1917 года. А. Солженицын отмечает: «Тогда, в 80–90-е годы, никто не упоминал массовых убийств и изнасилований. Однако прошло более полувека — и многие публицисты, не имеющие нужды слишком копаться в давних российских фактах (вернее преследуя свои цели и выдавая ложь за действительность), зато имеющие обширную доверчивую аудиторию, стали писать уже о массовых и преднамеренных зверствах. Например, читаем в многократно изданной книге М. Рейзина, что погромы 1881 привели «к изнасилованию женщин, убийству и искалечиванию тысячи мужчин, женщин и детей. Позже выяснилось, что эти беспорядки вдохновило и придумало само правительство, которое подстрекало погромщиков и препятствовало евреям в их самозащите».

Какая цель этой лжи? Причём эту ложь печатают не в каких-то там брошюрках, а, в казалось бы, серьёзных изданиях. Солженицын удивляется: «Мы только что прочли в старой Еврейской энциклопедии: в Балте убит один еврей, а ранено — несколько. А в новой, через век от событий, читаем: в Балте «к погромщикам присоединились солдаты... Несколько евреев было убито, сотни ранены, многие женщины изнасилованы».

Для чего эта наглая ложь? Эта циничная манипуляция количеством жертв? — Может для того, чтобы возбудить ненависть современных россиян к своим предкам? Или — чтобы возбудить ненависть евреев к русским, то есть разжечь национальную ненависть? Или чтобы оправдать творимый кошмар в России после 1917 года? Кстати, вот она сила

науки истории, и её «опасность». Человека необразованного, незнакомого с историей своей страны еврейские идеологи легко убедят в своих аргументах. Но когда видишь историческую цепочку событий, видишь характерность и закономерность, например — смертельное порабощение белорусского крестьянства, то уже нет сомнений в оценке событий в российских губерниях.

В неудобное положение в связи с погромами попали террористы — свою озабоченность высказывал славнейший из них Лев Дейч в письме Аксельроду:

«Еврейский вопрос теперь, действительно, на практике почти неразрешим для революционера. Ну что им, например, делать в Балте, где бьют евреев? Заступиться за них, это значит «вызвать ненависть против революционеров, которые не только убили царя, но и жидов поддерживают».

Здесь можно только посочувствовать этим двум евреям-террористам, в таких условиях поднимать против русского царя русский народ, который в это время бунтует против евреев не просто... Это потом, прогрессируя, евреи догадались вести превентивную, упредительную пропаганду о преступном еврейском замысле российского правительства и о чёрных сотнях, черных силах и т. п.

В связи с погромами император Александр Третий Указом от 22 августа 1881 г. создал Губернские комиссии в каждой губернии, где обнаруживались погромы евреев крестьянами, для выяснения причин погромов и их устранения. Результат работ этих комиссий, многочисленные опросы членами этой комиссии участников погромов опубликованы в наше время в газете «За Русское дело» (№ 6/ 29 за 1995 г.). Вот, например, краткое и очень ёмкое объяснение столь радикальных действий участника одного из погромов — крестьянина Херсонской губернии:

«Мы били их не за то, что они обдирают, — они на то и жиды, чтобы обдирать, — а за то, что, обдирая нас, они хотят над нами пановать». Вдумайтесь в эти слова. Эти слова можно было произнести в России и в 1996 г., и в 1998 г. и в 2003 г. — когда к власти рвался Мойша Ходорковский. Визжащему о ксенофобии, антисемитизме или о русском фашизме современному российскому политику, доктору исторических наук или активисту организации по правам человека это очень трудно понять, даже если он хочет честно, искренне разобраться в этой тысячелетней проблеме.

А этому крестьянину не надо было читать много книг и результатов исследований различных комиссий — он это пережил, был свидетелем, переживал, страдал, много трудился, возмущался и, наконец, — решился на радикальную защиту благополучия своей семьи, своих детей, — поскольку власти в этот процесс не вмешивались, власти «проворонили»

начало перемен, нового процесса и допустили до монополии евреев на сельхозпродукцию, на сельхозинвентарь и одежду, на кабальные ссуды и грозила повториться «Белорусская Катастрофа».

Тогда скупщики урожая тоже, улыбаясь, говорили: «Вы же сами понимаете — мы не можем у вас купить зерно, мясо или шерсть по более высокой цене, такова в этом году цена на рынке, не мы устанавливаем цены — а рынок. Я же не дурак покупать дороже — если могу купить дешевле. Не нравится — ешьте всё сами, или езжайте в другой городок или станицу (где монополию на торговлю держала другая еврейская семья) или в прекрасный дорогой Санкт-Петербург за тридевять земель... — у вас есть свобода выбора, мы ведь вас не принуждаем. Не хватает денег на новый плуг и на одёжку детишкам? — Возьмите у нас ссуду под совсем невысокий процент, напишите долговую расписку — заложите свою землицу, не бойтесь — говорят: по всем признакам в следующем году будет отменный урожай — вот и рассчитаетесь...

А плуг и одежку купите у нас, поверьте — у нас хорошие низкие цены, мы вам ещё скидку дадим, если у нас ссуду возьмёте, зачем вам ехать далеко на ярмарки и лишне тратиться». Через год или два крестьяне осознавали всю трагедию происшедшего, и в их голове пульсировал свободный выбор: или вешаться, чтобы не видеть страдания тех родных, за которых ты несёшь ответственность, — или хвататься за вилы, невзирая на возможные жестокие наказания властей.

Это было то, что отмечал как раз в этом веке А. Шопенгауэр — тихое, мирное закабаление в рабство русских крестьян. А поскольку таковых «попавших» было очень много, то они, пороптав, коллективно не вешались, и не стали ждать дружной гибели от голода — как белорусы, а коллективно хватались за вилы и грабли, таким образом решая проблему долговой кабалы и своего понимания справедливости, сводя разницу интеллектуальной сверхмудрости еврейского торговца и своего честного умишка до минимума.

Понятна в таких случаях реакция еврейских торговцев и раввинов — это апелляция к русским властям: утихомирьте своих крестьян, накажите своих варваров, дикарей, природных фашистов, природных антисемитов... — Россия является многонациональной страной, домом для многих народов — и все должны жить мирно и дружно... Сегодня бьют евреев, а завтра эти фашисты будут бить татар, калмыков, украинцев. Эй вы — татары, калмыки, украинцы и прочие — видите, что происходит, понимаете что вам грозит, не молчите, возмущайтесь властям, возмущайтесь в газетах, апеллируя к общественному мнению.

А цивилизованная Европа тем более не должна молча наблюдать — объясните царю и министрам, что такое в цивилизованной стране не должно происходить, а если они не поймут — не давайте им кредиты,

введите препоны на их товары, не приглашайте их в гости — пусть будут изгоями. Глядишь — станут сговорчивее. Эй, кто у нас там главный в Вене, Париже, Лондоне, необходимо скоординировать действия...

Заканчивая эту главу, стоит заметить, что теперь в XXI веке можно услышать от еврейских идеологов, например — от телеведущего политолога В. Познера, что в России у русских антисемитизм, антиеврейские настроения являются исторически традиционными. При этом не оглашаются никакие объяснения этому. Поэтому выглядят эти антиеврейские настроения как врождённые, как какая-то древнейшая ксенофобия русских, под которую случайно попали евреи.

А на самом деле эта история недавняя — с XIX века, и имеет она конкретные причины и конкретные объяснения: погромы — это естественная защита крестьян от закабаления их евреями. Это русские крестьяне поняли довольно быстро, — и не изучая историю закабаления евреями крестьян Украины, Белоруссии, Молдавии . И если В. Познера или Н. Сванидзе можно понять и даже оправдать — ведь они евреи, естественно, защищают своих, естественно, изобретают и вгоняют свою ложь в сознание российских граждан, то как понять «наших» — «великого» Никиту Михалкова и Янковского-младшего? Эти «наши» в XXI веке в своём фильме «Статский советник» кинематографическим языком попытались убедить российских граждан, что русские крестьяне — это природные фашисты, это природные шовинисты и ксенофобы, у которых временами «вдруг» «беспричинно» чешутся огромные кулаки, и они с лихой радостью идут бить евреев, громить именно евреев, их торговые лавки и ссудные дома, хотя рядом с ними живут много других национальностей.

И соответственно — по объяснению Н. Михалкова и Янковского-младшего, молодым беззащитным евреям ничего не остаётся в России — как стать жестокими кровавыми террористами, достать револьверы и пальнуть этим русским крестьянам-фашистам в лоб, а затем идти и чувством полной своей правоты убивать представителей Российского Правительства, которое не принимает никаких «воспитательных» мер против своих миллионов фашистов.

Можно понять автора книги и сценариста Акунина — он еврей и поступает, естественно, как В. Познер, Н. Сванидзе или Л. Радзиховский с Э. Радзинским. Но почему так поступают Н. Михалков и Янковский-младший? — Дураки, что ли? — Совсем неграмотные в истории своего народа? — Непохоже, по крайней мере, на Никиту Михалкова. Тогда что? — Это услужливо-омерзительное желание угодить еврейским олигархам и политикам: чтобы получить дешёвые кредиты или щедрые подарки, а то и опять престижные награды за этот антирусский фильм на западных кинофестивалях?

Если бы этот фильм про себя — «природного фашиста» смотрел тот мудрый терпеливый харьковский крестьянин, слова которого цитировались в государственном докладе, и вдруг он встретил бы умиляющегося русскими просторами Никиту Михалкова, то, вероятнее всего, одним плевком в лицо не обошлось бы...

Как видим — тема того далёкого прошлого очень актуальна сегодня. И, к сожалению, Н. Михалков и Янковский-младший не одиноки среди русских в своём желании замазать сложные фрагменты истории России «простыми» красками.

Не менее изобретательными оказались и некоторые современные коммунисты. Вот что сегодня утверждает в рупоре «продвинутых» коммунистов А. Баранов: «Но и в Восточной Европе евреи селились не потому, что им так нравилось, а от того, что в Европе католической их систематически вырезали, а в православных восточных землях относились спокойно и даже вполне дружелюбно. Погромы же, вошедшие во все европейские языки в славянской транскрипции, начались одновременно с распространением католицизма на Восток. Там же, где западная культура ещё не привилась, не было и ксенофобии. Вот и сейчас мы видим вспышки ксенофобии отнюдь не в маленьких городках...» (газета «Завтра» № 16, 2006 г.).

Что мы в этом случае наблюдаем? — Разгуляй-подлеца в надежде на неграмотность населения. Остается с горькой улыбкой спросить у А. Проханова — где он нашёл такого «специалиста» по еврейскому вопросу — такого «творческого» лжеца-беспредельщика? Или это задание самого коммуниста А. Проханова — на волне патриотизма «прикрыть» любым способом своих идеологических «отцов», подаривших человечеству Маркса, Ленина-Бланка и «родных» комиссаров? Понятно, что в семье, особенно нашей современной — не без уродов, однако... — Люди, будьте умными и бдительными — изучайте историю, и вас будет тяжело одурачить, обидеть и унизить «природным фашизмом» или «природной ксенофобией».

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Защитные меры российских властей и общественности в Европе

После убийства Александра II новым императором России стал Александр III (1845–1894 гг.). С виду он был величавый и грозный, но очень боялся террористических актов, участи своего предшественника, поэтому даже боялся не только передвигаться по собственной стране, но и жить в столице, хотя во многом был решительным и умным человеком и императором. Он устроил из дворца в Гатчине неприступную крепость, из которой и руководил страной, за что и получил прозвище — «гатчинский пленник». Для него также не нашлось в России красивой душевной девушки, и он женился на Марии Софии Фредерике Дагмар, которую на русский лад стали называть Марией Федоровной. Хотя как показала трагическая история России — династическая «сердечная дружба» себя не оправдала, не проявилась, и только давала опасные иллюзорные надежды.

Александру Третьему, как и Александру II, пришлось принимать правление страной в бурном потоке событий. Естественно, первым делом ему пришлось разбираться с погромами евреев.

Следственная комиссия спешно изучила причины возникших беспорядков в стране, и министр Лорис-Меликов доложил Александру III: «В основании настоящих беспорядков лежит глубокая ненависть местного населения к поработившим его евреям...»

Председатель Комитета министров при Александре Третьем и Николае Втором Н.Х. Бунге писал в своей докладной записке государю: «Еврейство обособляется не столько национальностью, расовой особенностью и религией сколько талмудом, т.е. совокупностью гражданских и житейских правил, которые делают евреев государством в государстве... ни у одного народа поклонение золотому тельцу не доходит до такого обожания, как у евреев. Еврей на богатого еврея смотрит, как на

высшее существо; на богатого христианина, как на золотую россыпь, из которой следует извлечь богатство искусными способами... Вот источник ненависти, которую повсеместно возбуждали евреи. Напрасно евреи полагают, что эта ненависть имеет религиозную основу... Нет, причина этой ненависти и мер, ограничивающих права евреев, другая: это самозащита, это охранение своих единоплеменников и единоверцев от еврейского гнёта».

А министр внутренних дел Н. П. Игнатьев 21 августа 1881 года дал следующее заключение:

«Главная причина столь несвойственного русскому народу движения (погромов) заключается в обстоятельствах, имеющих исключительно экономический характер. Евреи за последние 20 лет мало по малу захватили в свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрели посредством купли и арендования значительную поземельную собственность, ...направили все свои усилия не к увеличению производительных сил государства, а к эксплуатации коренных жителей и преимущественно беднейших классов населения, чем и вызвали с его стороны протест, высказавшийся в прискорбных формах — насилиях...».

«Талмудическая нравственность не ставит евреям никаких преград, ежели дело идёт о наживе за счёт иноплеменников; только страх наказания и опасения вызвать репрессивные меры против своего племени побуждают евреев сдерживать свои дурные инстинкты, направленные против коренного населения», — объяснял харьковский губернатор (С).

Писатель Аксаков обращался к властям с требованием срочно решать вопрос «не о равноправности евреев с христианами, а о равноправии христиан с евреями, об устранении бесправности русского населения пред евреями» (С).

Новому императору приходилась думать уже о других реформах. Усиление позиции евреев в экономике России, их революционная настроенность против царя и всего российского руководства, их позиция во время войны и интендантский скандал, откровения Брафмана, предупреждения Ф. Достоевского и других патриотов — неизбежно привели к усилению антиеврейских настроений в российском обществе, как в нижних его слоях, так и в верхних. А от эйфории русских по поводу охристианивания евреев и тем более — их русификации уже не осталось и следа. Власти закрыли предназначенные для евреев пустующие учебные заведения.

3 мая 1882 года царь Александр Третий своим указом запретил евреям селиться в сёлах и деревнях России. А правительством были приняты «Временные правила», которые назвали «майскими законами». Это был свод законов, по которым евреи лишались права селиться

вне городов и местечек даже в черте оседлости. В царском акте от 3 сентября 1882 года так объяснялось введение этих законов: «В течение некоторого времени правительство уделяло внимание вопросам евреев и их взаимоотношениям с остальными жителями империи... За несколькими исключениями, евреи уделяют своё внимание не тому, чтобы обогатить или принести пользу стране, а тому, чтобы обмануть её жителей, в особенности её беднейших жителей. Такое их поведение вызвало протесты со стороны народа... Так что срочным делом и вопросом справедливости стало принятие строгих мер, с тем, чтобы положить конец притеснению, практикуемому евреями в отношении других жителей, и освободить страну от их злоупотреблений, которые, как известно, привели к волнениям».

Этими законами вводился также запрет евреям приобретать недвижимость в сельской местности. Но, как мы помним из воспоминаний С. М. Дубнова о своём дедушке, крупном земельном арендаторе, — эти меры не давали ожидаемого эффекта. Евреи находили множество методов обойти эти новые правила-ограничения. Самым тяжёлым для евреев, как и раньше, был запрет заниматься винокурением. Солженицын в своём исследовании отмечает реакцию еврейского сообщества на это ограничение: «Вот эта мера — ограничить евреев в сельской виноторговле, впервые намеченная ещё в 1804 и даже вот в 1882 осуществлённая лишь крайне частично, — разожгла повсеместно негодование на «исключительную жестокость»... Теперь эти «майские правила» изображаются как решающий и бесповоротный репрессивный рубеж российской истории. Еврейский автор (И. М. Дижур) пишет: это был первый толчок к эмиграции! — сперва «внутренней» миграции, потом массовой заокеанской». Вот какая интересная реакция на попытку российского правительства защитить своё крестьянство от спаивания «огненной водой».

Так как еврейские идеологи иногда ссылаются на авторитет великого писателя Льва Толстого, то стоит отметить, что да, — получился казус: Лев Толстой был недоволен решением властей и высказался в защиту евреев: «Ведь это всё равно, что не давать этому народу (еврейскому) дышать воздухом... кому может быть от этого плохо... что евреи поселяться в деревнях и заживут чистой трудовой жизнью, о которой, вероятно, уже истосковался этот старый, умный и прекрасный народ...»

Читать про «чистую трудовую жизнь в деревне» евреев, конечно, без улыбки невозможно. К этому времени Л. Толстой уже давно избавился от симпатий к Петру Первому и давно уже миновал его эволюционный либеральный этап, когда он в молодости вместо крестика носил медальон с изображением Руссо, в этот период Лев Николаевич сам экспериментировал с сохой и изучал философию буддизма. И почему-то Лев Толстой не знал, что десятилетиями российские императоры пытались

заселить евреев в южных плодородных степях России, дали евреям для этого большое количество денег — и ничего из этого не получилось. Там прижились только немецкие переселенцы и русские. Кроме того, оказалось, что Л. Толстой не знал положение крестьян в западных губерниях и в отличие от Ф. Достоевского не читал прессу. Лев Толстой был великим писателем и хорошим философом, но он не занимался историей и был поэтому плохим историком, вернее — он не был вовсе историком, и показал свою вопиющую неграмотность в этом вопросе. Но некоторые еврейские идеологи уверены, что для неграмотного читателя Лев Толстой должен быть авторитетом во всём, наверное, — и в ракетостроении...

Император Александр III решил изменить структуру власти в деревне с целью улучшения жизни крестьян, оперативного реагирования на их жалобы, что вызвало недовольство некоторых обеспеченных либеральных слоёв общества. Например, княгиня Ельцова в своих мемуарах ворчит на императора: «реформы Александра Третьего, главное, уничтожение суда в деревне и замена его земскими начальниками. Нам казалось это невероятной и оскорбительной нелепостью. Соединение в одной власти судебной и административной после векового усилия разделить одну с другой, отнятие у народа суда и всякого доверия к закону в глазах самых умеренных ... ужасным насилием».

Стоит отметить, что в начале 80-х годов либеральной болезнью были заражены не только студенты и интеллигенция из средних слоёв, но и самый высший слой — аристократия, дворянство, которые были основой власти. Иначе трудно объяснить следующую историю: поскольку после свобод Александра II университеты превратились в революционные и агитационные центры, то в 1880 году граф Д. А. Толстой предложил проект нового «Университетского устава», согласно которому государство усиливало свой контроль за университетами — ликвидировались самостоятельные университетские суды, ликвидировались выборы ректора и т.п. Но Государственный совет это проект не принял. Этот проект стали обсуждать с 1882 по 1884 годы — и опять не приняли.

И только когда в эту историю вмешался император Александр Третий, который, пытаясь преодолеть непонятное сопротивление, три месяца безуспешно собирал совещания, и не добившись результата в августе 1884 года своим указом ввел в действие Университетский устав.

Погромы к концу 1883 пошли на убыль и утихли. Причин этому было несколько: во-первых, во многих местах крестьянские погромы жестко подавила армия, солдаты. Во-вторых, убегая от разъяренных крестьян, евреи перемещались в тихие губернии, в столицы и Одессу, произошла сильная внутренняя миграция евреев в России. В-третьих, активные меры в помощь крестьянам предпринял российский император, — в

1882 году были сильно снижены для крестьян выкупные платежи, и в этом же году был учрежден Крестьянский поземельный банк для кредитования крестьян под низкие проценты, а 1883 году вышел царский указ об отмене подушной подати. В-четвертых, принятые запретные меры против евреев «спустили пар» народного недовольства и дали крестьянам надежду на улучшение их положения.

Это снижение количества погромов оригинально, надеясь на безграмотность россиян, комментирует современный еврейский идеолог из США Семён Резник: «С государственной точки зрения, граф Н. П. Игнатьев (официальный автор антиеврейских законов 1882 г.) и П. Н. Дурново наделали много вреда своей глупой политикой в еврейском вопросе. Такой ультраконсерватор, но умный человек, как граф И. И. Толстой, бывший министр внутренних дел при Александре Третьем, не допустил бы этих ошибок», «При графе И. И. Толстом прекратились еврейские погромы, ...но именно при нём была узаконена процентная норма». Что такое процентная норма для евреев?

В 1883 году Александром III был создан десятый по счёту еврейский комитет под названием «Высшая комиссия для пересмотра действующих о евреях Империи законов» или вкратце её называли — «Паленская комиссия» по её руководителю графу Палену. И с участием этой комиссии до 1885 г. в ряде вузов был введён ограничительный 5% предел для студентов еврейского происхождения. Это было сделано не только для того, чтобы пропорционально были представлены другие национальности, но ещё и потому, что российские власти считали еврейских студентов радикальными, революционно настроенной частью российской молодёжи, ориентируясь на Военно-медицинскую академию.

«Но если бы число желающих учиться действительно превышало возможности университетов, то разве российским властям была незнакома конкурсная система, позволяющая отбирать лучших и тем поддерживать высокие стандарты образования? — комментирует процентную норму современный еврейский историк и идеолог Я. Рабинович, — Но не тем путём пошла Россия. Она стала бороться с «переполнением русской школы евреями» с помощью процентных норм, окончательно узаконенных в 1887 г. в так называемых Временных правилах... Более дикую, более откровенную и циничную дискриминацию трудно себе представить».

И как признаёт этот же Я. Рабинович — для еврейской молодёжи эти меры не принесли никакого ущерба в силу «неисполнения» и «обхода» этого постановления: «Меры властей по ограничению доступа евреев к образованию в конце 19-го — начале 20 века были столь же нелепы и неэффективны, как и меры по насаждению такого образования в начале 19 века».

В 1885 году российскими властями был введен налог для богатых — на магазины, дома, склады, на землю и т.д., который сильно ударил по самой богатой части еврейского общества.

Недавно выкрест Брафман занялся саморазоблачением и «раскрыл» евреев, потом массовые погромы неграмотных крестьян, а сейчас ещё и началась тенденция репрессий со стороны властей, — поэтому настроение евреев можно понять. В этих условиях — что могли чувствовать евреи к властям, крестьянству и к этой стране в целом кроме ненависти? Если и до этого хватало неприязни и презрения. И многие евреи в эти годы решили покинуть Россию, на этот раз решив, что лучшим местом для жительства будет Америка.

С 1881 года около 50–60 тысяч евреев ежегодно стали покидать Россию и переезжать в Америку, и даже в Палестину возрождать былую родину. Но это был мизер по сравнению с проживавшими в России 6–7 миллионами евреев. Еврейский историк Семён Маркович Дубнов писал в дневнике:

«Вернулся (1884 г.) из Палестины после трёхлетнего отсутствия мой брат Вольф, один из пионеров колонизации, не выдержавший тяжести земледельческого труда в пустынной стране... Теперь он стоял предо мною разочарованный в быстром успехе палестинской колонизации».

Как видим в Белоруссии, в России жить было лучше, безопаснее и беспечнее, — здесь было кому обрабатывать землю... И здесь евреи получали свои немалые доходы не обрабатывая землю. Такое же положение было у евреев и в Европе, где они прекрасно жили — не тужили, — и зачем им эти ненужные трудности под палящим солнцем. Патриотическая идея, конечно, хорошо, но...

При этом следует заметить, что брат Семёна Марковича вернулся обратно в Россию после погромов в России в 1881году и принятия в этом же году российским правительством ряда защитных антиеврейских мер. Писатель Д. Мордовцев был юдофилом — страстным поклонником евреев и в журнале «Рассвет» из самых добрых побуждений, желая спасти евреев от русского мужика, призывал всех евреев «эмигрировать в Палестину и Америку...». И с изумлением этот профан удивлялся — почему евреи, имея достаточно денег, не покидают Россию, эту «ужасную» страну?

А ведь это была хорошая идея, во-первых, обе Америки ещё не были обжиты людьми и могли устроить всех российских евреев, и как раз в это время в конце 19-го века свободолюбивые масоны у власти в США и Канаде сотнями тысяч уничтожали коренное население — индейцев, освобождая от них себе жизненную территорию, а масоны ведь — все юдофилы, и приняли бы евреев с радостью.

Во-вторых, уже почти 90 лет продолжалось противостояние еврейского сообщества и российских властей, и эта тенденция только усили-

валась, плюс к этому начались народные погромы. В случае реализации предложения Мордовцева — конфликт решался окончательно, мирно, бескровно.

С уверенностью можно утверждать, что все евреи об этом много думали. И... — миллионы евреев решили остаться в России... несмотря на ухудшающуюся политическую ситуацию. Почему? Может, евреи надеялись, что со временем ситуация в России нормализуется и будет как в Европе?

Кстати, а почему Мордовцев забыл Европу и говорил только об Америке и Палестине? — Почему евреи не устремились в их любимую «цивилизованную» Европу из этой «варварской» страны?

Ответ был прост для грамотных в истории людей — как раз в этот период в Европе неожиданно или наоборот — закономерно началась сильная критика евреев и борьба с ними, и начали создаваться общественные антисемитские организации для защиты от евреев...

В 1879 году гамбургский писатель Вильгельм Марр основал в Германии Антисемитскую лигу. Кто должен первый осознать Истину — действительность, историческую ситуацию, положение своего народа и различные опасности? — Столяр? Грузчик? Крестьянин? — Понятно, что в первую очередь это должна сделать интеллектуальная элита нации — интеллигенция в правильном понимании этого слова. А немецкая интеллигенция этого периода была на очень высоком уровне, имея в багаже достижения таких великих немцев как Гёте, Шиллер, Фихте, Гегель, Бетховен, Шопенгауэр и многих, многих других выдающихся представителей немецкого народа.

Первый Международный антиеврейский конгресс собрался в Дрездене в 1882 году, затем в 1886 году в Касселе, после ещё в 1889 году в Бохуме. На всех этих конгрессах из уст интеллигенции звучали призывы к обществу и к своим правительствам об изгнании евреев или ограничении их прав. В 1886 году даже была создана немецкая антисемитская партия.

Противостояние в Германии между немецкими патриотами и евреями было очень сильным, — несмотря на то, что у противной стороны в руках была вся пресса и огромный финансовый ресурс.

«Атаки (в Германии на евреев) шли со всех сторон: слева и справа, от аристократов и популистов, от промышленников и фермеров, из академии и канавы, из музыкального мира, литературы и не в последнюю очередь со стороны науки», — отмечает в своём историческом исследовании советник премьеров Англии Маргарет Тетчер и Тони Блэра — Пол Джонсон.

В 1881 году великий немец Рихард Вагнер в своей книге «Религии в искусстве» взывал:

«Я воспринимаю еврейскую расу как прирождённого врага чистого человечества и всего благородного, что в нём имеется; нет сомнения, что мы, немцы, будем подчинены им, и, возможно, я — последний немец, который ещё знает, как должен себя вести подлинный любитель искусства перед лицом иудаизма, который устанавливает свой контроль надо всем».

Это, кстати, ответ тем несведущим интеллигентам, которые удивляются — почему в Израиле в XX веке не исполняли, и в XXI веке не исполняют произведения Рихарда Вагнера, а когда в редких случаях его в этой стране исполняют, то случается скандал.

Как это часто бывало в истории — анализируя еврейство, мыслители объективно и неизбежно приходили к анализу христианства, его начала и его сути — находили множество изъянов и фактов не связанных с понятием Истины и переходили к критике христианства. Это же произошло и в Германии в этот период. Как отмечает в своей книге Пол Джонсон:

«Пауль де Легард отвергал христианство, которое было извращённым образом придумано евреем Святым Павлом, и хотел бы заменить его особой немецкой фольк-религией, которая повела бы крестовый поход за то, чтобы удалить евреев... со священной немецкой земли...».

Как видим, к этому времени немецкие интеллектуалы сделали шаг вперед по сравнению с 40-ми годами и поняли ошибочность надежды, которую ещё иллюзорно питал в этот период наш В. Соловьёв, — что евреев получиться разиудеить и охристьянить...

А упомянутый еврейским историком П. Джонсоном писатель и видный общественный деятель не только в Германии, но и во всей Европе Пауль де Легард был категоричен: «Не ведём же мы переговоров с трихинами и бациллами и не пытаемся их просвещать. Их истребляют — причём так быстро и тщательно, как только можно». Это уже позиция римлян или египтян, очередной повтор в истории человечества и в истории еврейского народа, повеяло грядущим гитлеризмом.

Пристальное внимание этой теме уделил и известный немецкий философ Евгений Дюринг (1833–1921 гг.), его книга «Еврейский вопрос» изданная в Германии в 80-х была опубликована в России в 1906 году, глянем на несколько цитат из этой книги, — на это достижение европейской мысли к концу 19-го века: «У нас евреи разыграли свою нахальнейшую роль в последнее время, — эру, господствующей характерной чертой которой были всё возрастающая общественная испорченность»;

«Свободу в той мере, которая стала доступна, оно (еврейство) ограбило для расширения своего господства в сфере гешефтов. Той мерой равенства, которая осуществилась в буржуазном смысле, оно со своей стороны воспользовалось, чтобы вынести наверх своё племя и до крайней степени закабалить в сфере гешефта всё. Таким образом,

оно усиливало несвободу под видимостью свободы и неравенство под видимостью равенства.

Где дело шло о гражданской равноправности различных элементов населения, там евреи, как бы разнородны ни были с виду всюду рассеянные их группы, всегда имели авангард, состоящий из людей их племени, у которого была специальная задача — афишировать свободу и правовое равенство. Дела лучших человеческих прав люди эти никогда всерьёз не брали; ибо на деле на уме у них были только права для евреев. Несмотря на такое стремление, в основе своей от главного дела уклоняющееся и даже ему враждебное, единичные представители их при этом действовали и должны были действовать так, что состояниям несвободы они делали кое-какую действительную оппозицию. Таким образом, даже и жиды в прежнее время достигали некоторой либеральной популярности, и именно это обстоятельство необыкновенно содействовало расширению их влияния»;

«Евреи сделались обладателями газет и вообще всякой периодической печати, посредством которой, большей частью незаметно, руководят и опекают публику. Это обладание прессой сосредоточило почти исключительно в их руках все так называемые либеральные и даже радикальные органы, а кроме того, в их руках и подавляющее большинство органов консервативной прессы»;

«Не только в рейхстаге, но и всюду суются к нам эти современные подражатели синайского законодателя... Мотив вмешательства иудеев в законодательства других народов всюду один и тот же, усиление власти иудейства. Освободительные идеи для иудея только предлог, а цель — гешефты.

Чистая эмансипация для него только этап к господству к фактическим привилегиям и к санкционированным монополиям. Всё равно, надевает он на себя личину свободы, или ломает из себя консерватора, — всегда на уме у него расчёты на отменные выгоды, которые он должен для себя выудить у той или другой партии»;

«То, чего, по духу своей религии, они не смели в полном объёме проделывать в отношениях друг к другу, то самое им дозволялось, в полной мере проделывать с остальным человечеством... Натурально, остальные народы стали по отношению к ним в оборонительное положение. Обижаемое человечество реагировало. Например, средневековый гнёт, на который жиды обыкновенно с такой партийной односторонностью жалуются, по большей части был просто грубым способом народной самообороны. При грубых отношениях тогдашнего времени иного выбора не было»;

«Иудеи-то, жалующиеся на средневековые преследования, — празднуют праздники, в которых нарочито прославляют свои древние оргии убийств, которые совершали они в недрах других народов. Этот Гаман

(Персия) есть не что иное, как воплощение прав всех других народов на отпор иудейской надменности и на отпор ограблению иудеями всех народов»;

«Сами то евреи именно желают и требуют, чтобы к ним относились в духе так называемого практического христианства, иначе говоря, чтобы их подвиги по части опутывания и обрабатывания лучших народов не только были бы им обеспечены, но чтобы их и прикрывали мантией так называемой христианской любви, и таким образом защищали против приговоров народного правосудия»;

«Иудей всегда считался старой принадлежностью христианства, и до самого последнего времени всегда умел это интимное отношение эксплуатировать в свою пользу»;

«Их внутренние задатки, которые опять-таки связаны с ядром их существа, с отменнейшим эгоизмом всегда толкали и всегда будут толкать их к таким деятельностям; где выгоднее иметь инстинкты присвоения, нежели иметь совесть. Поэтому-то совершенно невозможно рассчитывать на то, чтобы можно было принудить иудеев участвовать в творческой работе народа, Они будут барышничать и гандлевать, как они гандлевали, пока в человечестве останется к этому хоть какая-нибудь возможность. Поэтому нечего надеяться изменить их. То, что целые тысячелетия оставалось как бы с их природой сросшейся особенностью, того нельзя переделать какой-либо общественной реформой, не говоря уже — чисто моральными средствами»;

«Даже простую критику, которая порицает их бахвальство, называют они травлей на иудеев.

Но интриги и оскорбления, которые позволяют они в своей прессе против всего самостоятельного,... но тайный их заговор против лучшего народного духа и его представителей, всё это — отнюдь не травля, хотя на деле всё это есть даже организованное и опирающееся на корпоративные союзы иудеев по религии, преследование»;

«Когда они говорят о терпимости, то в сущности, они хотят, чтобы терпели их, несмотря на всё их бесстыдство. Но такая терпимость означает притеснение, в сущности, признание их господства, а господство их опять-таки означает притеснение и враждебность ко всему прочему. Кто ближе знает иудейскую расу и её историю, тот ясно осознаёт, что не может быть более кричащего противоречия, чем иудей с терпимостью на устах»;

«В самом деле, организованная война в целях утеснения и ограбления, которую ведут иудейские элементы против остальных народов уже целые тысячелетия, в настоящее время распространилась слишком уж далеко. Её модернизированный фасон не должен вводить в обман»;

«Он хочет заставить все народы служить своему изысканному эгоизму и всюду и всегда держал себя соответственно этой цели. На этом

основании еврейский вопрос не есть просто вопрос расовый вообще, но специально и вполне определённо — вопрос о вреде, всюду наносимом этой расой»;

«Что касается меня лично, то, — судя по опытам последнего десятилетия и особенно судя по всему, что выяснилось в последние два года истекшего столетия, — во мне вне всякого сомнения твёрдо укрепилось убеждение, что еврейскую национальность нельзя обезвредить ближайшими простыми ограничениями...».

При этом стоит отметить, что философ Евгений Дюринг был слепым — но зрячим...

И здесь стоит обратить внимание на интересный момент — вышеперечисленные события и критика происходили за 40-50 лет до прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера. Как видим из неоспоримых исторических фактов — антисемитизм в Германии — это не изобретение Гитлера и не на голом месте он возник в 30-е годы XX столетия. Это общественное, народное движение в Германии по защите своих национальных прав было ещё до рождения Гитлера. Это был призыв общественности к руководству страны принять защитные меры. И только Гитлер, придя к власти начал эти меры осуществлять, и к большому сожалению, — Гитлер прибегнул к фашистским методам борьбы с еврейской гегемонией.

Вернёмся к концу XIX века в Германию. Вся Германия в этот период (90-е годы) взахлеб читала антисемитскую литературу: книгу профессора Мюнхенского университета Вильгельма Гейнриха «Земля и люди» (1892 г.), книгу Вильгельма фон Поленца «Крестьянин Бютнер» (1895 г.), а позже (1910 г.) на эту же тему вышла книга Германа Лона «Вервольф». В этих книгах была описана жизнь немецких крестьян, отношения к ним евреев и т. д. — все, что мы уже видели в Белоруссии, Украине, Молдавии, России. Ничего нового не было, везде ситуация была одинакова. Только ранее правда о ситуации крестьян почему-то звучала редко. Теперь в Германии о зависимости крестьян от евреев и вообще о еврейском вопросе стали говорить в слух и громко. К концу 90-х годов даже большинство депутатов немецкого парламента относились критически к евреям.

Мало того, в этот исторический период антисемитизм вспыхнул и в других европейских странах — в Австрии и во Франции. В Австрии убеждённый антисемит Люгер в 1895 году стал даже бургомистром Вены. Причём антисемитизм во Франции не был принесён из Германии, а был спровоцирован еврейской финансовой элитой. Во Франции в этот период почти все финансовые олигархи (около десяти семей) были евреями, многие из которых оказались организаторами громких финансовых афёр — хищений из государственной казны. Факты вышли

наружу, и во Франции разгорелись громкие общественные скандалы в1882 году, 1889 г., 1892 г. (панамский скандал). А в 1886 году знаменитый французский писатель Э.-А.Дрюмон писал: «сто лет тому назад евреи были ничто, менее, чем ничто. Сегодня они всё, или почти всё» («Жидовская Франция»).

Неудивительно, что патриоты собрались вокруг журнала «Старая Франция», и во Франции была создана антисемитская организация «Лига патриотов». «Франция – не единственная страна свободы и прогресса, где старый призрак ненависти к еврею встал среди яркого дня под лучами цивилизации», – так красиво пафосно отметил современный израильский идеолог Я. Рабинович.

Это массовое антисемитское явление в Европе, — эта последняя попытка защититься и выбраться из экономической и идеологической кабалы выглядит даже странной, потому что после всех бурных и кровавых событий во Франции и в других европейских государствах, спровоцированных масонами, которые, бесспорно являются космополитами-интернационалистами, — масоны чувствовали себя на вершине своего счастья, их цели на этом историческом этапе были достигнуты, и как нажравшиеся досыта кровавым мясом тигры, уже пановавшие над Европой, ковыряясь довольно в зубах, могли позволить себе уже массу откровений, например, — знаменитый в России европейский масон и по совместительству черный маг доктор Папюс с гордостью писал:«Франкмасонство всегда было великим инициатором политических и социальных реформ. Для своих членов оно разрушает границы и предрассудки относительно рас и цветов кожи...» («Генезис и развитие масонских символов»).

«Каждая ложа, — читаем мы в Бюллетене Великого Востока Франции за 1885 год, — является центром республиканского мировоззрения и пропаганды». Брат Гадан заявлял на Собрании Конвента в 1894 г., что: «Франкмасонство не что иное, как республика в скрытом виде, так же как республика не что иное, как республика в скрытом виде, так же Республика не что иное, как масонство в открытом виде». «Масонство и демократия — это одно и то же, — объяснял масон Панница, — или же больше — масонство должно быть рассматриваемо, как армия демократии» («Обозрение масонства» за 1892 год, все цитаты из исследования Б. Башилова). И эта закаленная в революциях, интригах и аферах «гвардейская» армия демократии была точно на стороне еврейского сообщества.

Причем эта армия в Европе продолжала «прогрессировать» интеллектуально. «В 1877 году ими была упразднена ритуальная формула признания братьями Великого архитектора Вселенной (то есть Бога. — Р.К.). Фактически это означало полный отказ адептов этой масонской

ассоциации от веры в Бога...», — отметил в своём исследовании Б.Башилов. То есть — масоны стали убежденными безбожниками-атеистами или, что вероятнее всего, сами себя посчитали богами и вершителями судеб, а это уже богоборчество, люциферство и форма сатанизма.

На последнее указывают другие факты этого периода. В 1867 году в колыбели масонства — в Англии, в Лондоне розенкрейцер, рыцарь «креста и розы» лорд Бульвер Литтон организовал очередную масонскую ложу под названием «Золотая заря», в которую собрал 194 человека. Эту ложу после него возглавлял его «выдающийся» ученик Алистер Кроули — автор книги «Евангелие от Сатаны». Поэтому неудивительно, что в Европе — о чудо, в самой Европе! — в 1897 году во Франции аббат Жюль Турмантен организовал «Антимасонскую лигу». От такой возмутительной наглости в нарушении прав господ Европы, вероятно, сотни масонов поперхнулись при этой новости.

В вышеназванную масоно-сатанинскую ложу входил и знаменитый автор многих кровавых ужастиков Брэм Стокер. Этот английский педераст решил помочь своей Англии и союзнице Турции в войне против Балканских стран, Румынии и России (война 1877-8гг.), и осуществил идеологическую поддержку, — создав ужасный образ восточного врага, заслуживающего только смерти и порабощения в своей вопиющей антицерковной сатанинской книге «Дракула».

Эта книга как раз была в духе масонской «высокой нравственности» и их «просветительских» тенденций. Причём главным героем этой книги был славянский князь Влад, который якобы был вампиром и настоящим историческим персонажем. На самом деле князь Влад не был вампиром, а был просто жестоким и часто сажал осуждённых на кол вместо виселицы. Но пишущий «заказуху» Стокер «забыл», что во времена князя Влада в Англии, Франции и других «цивилизованных» европейских странах практиковались ещё более жестокие казни: вешали за рёбра, за нос, отрубали и вырывали части тела и т.п. Но важен был образ варварского азиата, варварского славянина, который и до сих пор муссирует Голливуд, и которого поэтому необходимо покорить и сделать «цивилизованным». Поэтому масоны, обуреваемые страстным желанием господства над всей планетой, уже в тот период начали разрабатывать теорию «матричного управления», и до Ф. Ницше — идею сверхчеловека «грядущей расы», и пытались освоить таинственную мощную всепроникающую космическую энергию «вриль», усердно экспериментировали в парапсихологии и мистике.

Вся эта европейская черная сатанинская силища напряглась по максимуму в окончательной схватке с европейскими патриотами и просто с активными нравственными людьми в истории во Франции со шпионом еврейской национальности Альфредом Дрейфусом.

«Теодор Герцль, австрийский журналист, аккредитован в Париже. Свободный человек в свободной стране, он едва помнит о своём еврейском происхождении. И вдруг сталкивается с озверением толпы. Науськиванием на евреев так называемыми антидрейфусарами. И это в общепризнанной столице просвещённого европейского либерализма!» — с наивным видом удивляется наш современник еврейский идеолог, пикирующий против А.Солженицына, — С. Резник. В связи с делом Дрейфуса Пол Джонсон в своей книге восклицал:

«Если даже Франция отвернулась от евреев, то где же в Европе можно рассчитывать на понимание?» И этот современный советник главы английского правительства ставит логический вопрос: «Неужели еврейство, как горько шутил Гейне, действительно неизлечимая болезнь?» Этот вопрос риторический, потому что на него именно в конце XIX — начале XX века дал ответ сам основатель сионизма Теодор Герцль: «Еврейский вопрос существует во всех местах, где евреи проживают в значительном числе. Туда, где он существует, его приносят с собой евреи во время своих странствований». Еврейской Энциклопедия:

«Словно молния, Герцля озарила новая мысль: антисемитизм не есть случайное явление, встречающееся лишь в данной обстановке и при данных условиях; нет, он — постоянное зло, он — вечный спутник Вечного Жида» (т. 6, с. 407–409) (С).

Поэтому Герцль пришёл к выводу о необходимости создания собственного государства. Да, в собственном государстве можно жить среди своих и на своей земле, можно отдохнуть или спрятаться от преследования (Израиль и сейчас не выдаёт преступников — граждан других стран еврейской национальности, с которыми нет специальной договорённости). И с этого момента старая идея возрождения в Палестине Израиля или Иудеи получила второе историческое дыхание, энергетику — лучшие умы стали готовить с удвоенным рвением многоходовую комбинацию по организации Первой мировой войны с очень конкретными целями. Но эту историю мы внимательно рассмотрим в следующей книге этой серии, а пока понаблюдаем — как завершилась история с Дрейфусом, и затем вернемся в Россию конца 19-го века.

Сколько было шума в прессе в защиту представителя гонимой и преследуемой нации!!! Но в 1894 году французский суд признал Дрейфуса виновным и осудил к каторге за шпионство. Но это ещё не была победа патриотов, которые, возможно, и не подозревали — какая началась принципиальная многолетняя 12-летняя подковерная борьба. Современный специалист по истории масонства В. Брачев отметил: «Пробой сил между клерикалами и масонами стало дело капитана французской армии Альфреда Дрейфуса – сына богатого еврея-фабриканта, обвиненного в 1894 году в шпионаже в пользу Германии... И в первых рядах

защитников были братья-масоны»(«Масоны у власти», М., 2006 г.). И если евреи боролись за своего и за честь всей еврейской нации, то масоны боролись против своих идейных врагов консерваторов-клерикалов, чтобы их дискредитировать.

В результате всей этой борьбы Дрейфуса не только оправдали в 1906 году, но еврейско-масонская корпорация нанесла мстительный ответ-удар по духовному европейскому центру патриотов — по христианству, в результате которого во Франции Церковь была отделена от государства. То есть — от французского общества и государства Франции как от тела — отделили голову, и на место убранной в сторону головы поставили свою, и стали активно готовиться к Первой мировой войне, чтобы европейцам некогда было задумываться над «вредными» и опасными вопросами.

Чем занялась новая голова, новое сознание можно наблюдать по следующим шагам защитников Дрейфуса после победы, например, лидер защитников Дрейфуса во Франции еврейский «гений» Лейб Блюм в своей книге «Супружество» выступил с революционной инновацией против предбрачной девственности девушек, утверждая, что девушка, вступая в брак, должна быть опытной в сексуальной жизни, а поэтому она должна с 15 лет активно трахаться налево и направо, а в отсутствии любовников Блюм рекомендовал с этой целью поискать сексуальных партнеров среди родных: родных братьев или своего отца...

В Европе начиналась «славная» сексуальная революция, немного приторможенная двумя мировыми войнами. Можно только догадываться — какая возмущённая протестная реакция была у беспомощных порядочных людей в европейском обществе.

Тот же эффект вызывало и озвученное Эдуардом Дрюмоном в своей книге «Еврейская Франция» высказывание одного из олигархов Ротшильдов: «Вы себе мало отдаёте отчёта в назначении каждой расы! Ариец должен изобретать, например, открыть силу пара и затем умереть где-нибудь на чердаке; кроме того, под видом более или менее многочисленного количества плательщиков податей он должен истратить известное число миллионов, чтобы открыть сеть железных дорог. Тогда и только тогда мы, семиты, выступаем, чтобы пользоваться дивидендами. Вот так надо обращаться с гоем. Разве не написано в Талмуде, что еврей есть человек, а все неевреи происходят от скотского племени?»

Как видим — в вечном противостоянии: «вечный Жид — вечный Антисемит» или «еврейство — антисемитизм» всегда первым начинает еврейство, а антисемиты защищаются.

В этом вопросе словосочетание «вечное противостояние» и на иллюзорное предложение Ф. М. Достоевского о мире и братании хорошо пояснил знаменитый еврейский историк Семен Маркович Дубнов, име-

нем которого назван современный Еврейский университет в Москве (с некоторого времени — Высшая гуманитарная школа им С. М. Дубнова) в своей книге «Основы Национального Иудаизма»: «Ассимиляция — это элементарная измена символам и идеям еврейского народа... Но никогда нельзя стать «членом» естественной (врождённой) группы, такой как семья, племя или нация... Еврей, с другой стороны, если даже случится, что он был рождён во Франции и все ещё живёт там, несмотря на все это, он остаётся членом еврейского народа, и независимо от того, нравится ему это или нет, осознаёт он это или нет, он несёт печать исторической эволюции еврейской нации». Это, кстати, он объяснял о самобытности, аутентичности еврейской нации и невозможности ассимиляции с другими и современным российским полуграмотным толерантным юдофилам.

А известный еврейский учёный и писатель Бернар Лазар (не путать с современным Берл Лазаром) для особо непонятливых объяснил совсем доходчиво:

«Из того факта, что враги евреев принадлежали к самым разнообразным племенам, что они жили в странах, весьма друг от друга отдалённых, что они подчинялись различным законам и управлялись противоположными принципами, что они не имели ни одинаковых нравов, ни одинаковых обычаев, что они были движимы отличными друг от друга психологиями, не позволявшими им одинаково судить обо всём, — вытекает заключение, что общие причины антисемитизма всегда коренились в самом Израиле, а не у тех, которые с ним боролись».

Как видим, — старушка Европа пыталась выздороветь и отстоять свою свободу изо всех последних интеллектуальных сил даже с помощью некоторых евреев, это была последняя попытка встряхнуться и быть свободной перед полной гегемонией Ротшильдов, их соотечественников и масонов. И эта последняя попытка провалилась... И только Вторая Мировая война на некоторое время встряхнула, нарушила установившееся господство в Европе.

Кстати, к ответу на вопрос — почему из России евреи двинулись именно в США(?) есть ещё дополнение, — 1885 году английский масонский идеолог Дж. Стронг выдвинул тезис богоизбранничества американцев, поскольку уже К. Маркс в середине 19-го века зафиксировал, что евреи достигли господства в США, Стронг: «Звезда христианства остановилась над американским Западом, и здесь она останется навсегда... Сюда, к колыбели молодой империи Запада, принесут дань все нации мира... Мы держим ключи от будущего». Затем эту идею продолжил Ф. Тернер в своей «Теории границ», где главный секрет процветания США в экспансии: «Экспансия является тем средством, которое даёт возможность подавлять волнения, сохранять демократию

и восстановить процветание», и так как «дары свободной земли не предложат себя сами», то «первый идеал — завоевание». Это сладкое слово «экспансия»... — чем он отличается в исполнении США от ещё более сладкого и терпкого марксистского — «гегемония», от восхитительной большевистской — «мировой революции» и еврейского древнерелигиозного — «мировое владычество»?..

А Александр Третий продолжал проводить в России реформы и, в отличие от Александра Второго, в 1887 году пошёл на новые ограничительные меры для евреев — черту оседлости сузили. Из черты оседлости были выведены города Ростов-на-Дону и Таганрог с уездом.

Затем российские власти обратили внимание, что во многих городах юга и запада России доля учащихся еврейской национальности достигала 70–80% от всех учащихся, что, во-первых, далеко не соответствовало процентному соотношению евреев в общей массе жителей страны, а во-вторых, сильно осложняло доступ к знаниям молодёжи других национальностей, и опять же удивительная революционность еврейской молодежи...

Поэтому был введен полный запрет на поступление евреев в военные училища и понизили процентную ставку для евреев при поступлении в гражданские учебные заведения страны — 10% в черте оседлости, 5% — вне черты, в Москве и Петербурге — 3%. (Похожую меру ввели для евреев в США в 20-х годах XX столетия). Доля еврейского населения в России колебалась между 4–5%.

Весьма интересно комментирует эти меры современный еврейский идеолог Семён Резник: «Если власти рассчитывали, что в ответ на процентную норму в гимназиях и университетах евреи введут процентную норму на своё участие в революционном движении, то это была утопия»...

Непропорциональное присутствие евреев бросалось в глаза и в некоторых других учреждениях, например, в 1889 г. министр юстиции докладывал императору: «адвокатура наводняется евреями, вытесняющими русских, что эти евреи своими специфическими приёмами нарушают моральную чистоту, требуемую от сословия присяжных поверенных» (С.Л. Кучеров «Евреи в русской адвокатуре»). То есть еврейское сообщество усиливало свою правовую защиту.

Европейские еврейские олигархи боролись не только за своё господство в Европе, но и пытались активно влиять на ситуацию в России, пытались всячески помочь своим единоверцам, оказывая давление на российское правительство. Вот что обнаружил американский исследователь Д. Дьюк («Еврейский вопрос глазами американца» 2001 г.) в Британской Энциклопедии: «Русские Майские Законы(1882 г.) были наиболее заметным законодательным движением, достигнутым совре-

менным антисемитизмом. Их немедленным результатом была убедительная коммерческая депрессия, которая ощущалась по всей империи, и которая оказала глубокое воздействие на национальный кредит.

Российский министр не знал, что делать из-за нехватки денег. Приступили к переговорам о большом займе с финансовым домом Ротшильдов, и предварительный контракт был уже подписан, когда... министр финансов был проинформирован, что до тех пор, пока не прекратятся гонения евреев, величайший банкирский дом будет вынужден отозвать свои финансовые операции...».

И здесь мы имеем замечательный пример в истории России и с полным основанием можем воздать хвалу Александру Третьему, ибо Британская Энциклопедия — это тоже публичный идеологический продукт и врать была горазда, ибо «убедительная коммерческая депрессия» при Александре Втором, до погромов, сменилась при Александре Третьем удивительным ростом экономики России. Последствия погромов и послепогромовых реформ рассмотрим в следующей главе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Результаты послепогромных реформ

Напомню, — российский император для крестьян отменил подушную подать, понизил выкупные платежи, из густонаселённых губерний организовал переезд около полумиллиона крестьян в Сибирь и Азию. Для облегчения участи рабочих, и для ограничения произвола работодателей на заводах и фабриках в 1882 году ввёл государственных инспекторов («Фабричная инспекция». И власти стали разрабатывать законодательство в промышленности для разрешения споров между работодателями и рабочими, и к 1886 году такое законодательство было создано.

Хотя не обходилось и без эксцессов, например, в январе 1885 года возник большой бунт рабочих, сопровождавшийся погромами на хлопчатобумажной фабрике Саввы Морозова, друга большевиков, этот русский по национальности, жид по натуре, по своей алчности и ненасытности попытался заставить работать рабочих в церковные праздники.

Своей созидательной реформаторской деятельностью Александр Третий был страшнее для террористов, чем ограничениями, так как выбивал почву из-под ног их агитации и пропаганды. Согласно исследованиям Ю. М. Иванова («Евреи в русской истории» 1998 г.), Кожинова и др. — в России с середины 80-х годов 19-го века начался мощный экономический подъём. До воцарения Александра Третьего внешние долги России составляли около 30% всех государственных доходов.

Если в России до 1881 года расходы над доходами превышали 44 млн. рублей, то через 13 лет к 1893 году напротив, уже доходы намного превышали расходы. Произошел резкий рост экономики страны и благосостояния населения — в сберегательных кассах накопительные вклады населения увеличились в 30 раз с 10 млн. рублей в 1881 до 330 млн. в 1894 году.

Воодушевлённое крестьянство увеличило производство сахара, зерна и хлопка в среднем на 250%, а в промышленности производство чугуна, стали и добыча угля увеличилась втрое (!). Это при том, что в России в тот период рабочие составляли только 5% всего населения.

Когда экономическое состояние России улучшилось, то было принято решение перейти на золотые деньги как универсальные для межгосударственных платежей, и для этого стали копить золото, и золотой запас увеличился с 273 млн. рублей в 1885 г. до 581 млн. руб. в 1893 году. И с 1897 года Россия стараниями С. Ю. Витте перешла к обращению золотым рублем.

В результате увеличения доходов в казну — сильно увеличены были правительственные отчисления на образование, а налоги были снижены до самого минимального в Европе уровня, в результате чего к 1894 году в России функционировало 31 тысяча церковно-приходских школ в отличие 5 тысяч в 1880 году. В 1883 году в Москве был открыт Исторический музей, обращение внимания на свою историю — этот признак здорового общества.

Как показали события начала 1880-х годов, — полиция не справлялась с террористическими актами и не уберегла даже императора. Поэтому для защиты императора по инициативе некоторых дворян-патриотов была создана специальная промонархическая охранная организация «Святая дружина». На этих патриотов западники поставили клеймо «черносотенцы». Стоит заметить, что деятельность патриотической организации «Святая дружина» оказалась неэффективной.

В результате всех мероприятий с начала 80-х терроризм в России был сильно потушен. «По отношению к революционным организациям новый император вел себя жестко. И результаты были налицо: «Народная воля» оказалась практически уничтоженной, а террористические акты надолго прекратились», — с осуждением отметил еврейский историк Я. Рабинович.

В деятельности террористов в 80-х можно отметить два события: в 1883 году по инициативе Л. Дейча, П. Аксельрода и Г. В. Плеханова была создана за границей революционная марксистская организация «Освобождение труда», в которую также входили новые россияне: Израиль Гельфанд (он же Парвус — будущий банкир террористов), Давид Гольдендах — он же в будущем славный большевик по фамилии Рязанов, Рафаил Соловейчик, Мандельштам, Борис Рейнштейн, Людвиг Нагель, Соня Шенцис, Левентис, Шефтель и др. — многие из них дошли в своём кровавом шествии до революции 1905 г. и до победного конца в 1917 г.

И следует отметить неудачное покушение в 1887 г. родного брата Ленина-Бланка — Александра Ульянова-Бланка с товарищами на но-

вого императора — они готовили крушение императорского поезда под Харьковом.

В 1890 году в России вышло «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», которым был либерализован институт земских начальников, которые до этого были только из дворян. И с 1890 года по новому Земскому положению евреи не могли участвовать в земском самоуправлении. Кроме того, правительство запретило принимать евреев в акционеры тех акционерных обществ, которые по роду своей деятельности приобретали или арендовали земли.

Разработка многих законодательных актов при Александре Третьем была связана с выдающимся русским правоведом Константином Петровичем Победоносцевым (1827—1907), который к тому же занимал высокую должность оберпрокурора Святейшего Синода и был автором знаменитого «Курса гражданского права». Естественно, либералы сразу навесили на него ярлык — «черный кардинал империи». Победоносцев очень верно считывал действительность и развивающиеся в России негативные тенденции и не раз публично предсказывал страшное крушение России, если её верховная власть будет слабой, поэтому всё делал для её усиления, и поэтому его сильно невзлюбили большевики, советские и еврейские идеологи. К. П. Победоносцев придерживался принципиального взгляда славянофилов: «Несовершенные люди не могут построить на земле ничего совершенного».

В 1891 году был принят запрет поселяться в Москве мелким еврейским купцам и ремесленникам, и даже было принято решение о принудительном выселении. И в 1892 году из Москвы принудительно выселили 20 тысяч евреев, многие из которых были мнимыми ремесленниками, то есть называли себя ремесленниками, но ничего не производили и занимались только торговлей – и фактически были торговцами. В этом году по своей инициативе из России в США уехало 111 тысяч евреев. Эти меры, как попрание прав человека, осудил Конгресс США, который тысячами расстреливал коренных жителей Северной Америки, и в ответ ввёл льготы для еврейских переселенцев из России.

«В центральных частях столицы очень строго следили за евреями, не имеющими права жительства вне черты оседлости, но в загородных частях легче обойти закон и уладить дело «приписки» путём соглашения с полицейским чином. Хозяин нашей квартиры (еврей)... сам жил в столице на основании неписаной "русской конституции", как Герцен называл взятку для чиновников», — вспоминал в своих мемуарах еврейский историк С. М. Дубнов то время, когда он решил уехать из Белоруссии и поселиться в столице именно таким способом.

В 1892 году российский император создал щепетильную опасную ситуацию во внешней политике — подписал два договора с Германией

и Францией, по которым в случае войны между Францией и Германией Россия должна «употребить все войска» для помощи союзника, то есть помочь обеим сторонам... и в любом случае была бы втянута в войну.

В июне 1892 года Александр Третий упорядочил городское хозяйство «Городовым положением». И было принято решение о недопущении евреев в состав городских дум и управ в стране. Что могли чувствовать в этой ситуации евреи? — С каждой новой ограничительной для них мерой ненависть к российскому царю и вообще — российским властям только возрастала и толкала на выезд в Америку или на борьбу. Ожесточенной борьбы с их стороны пока не было, как и не было активного выезда из России в объятия США — на что очень надеялись российские власти.

Если министр внутренних дел Н. П. Игнатьев открыто говорил, что: «западная граница империи открыта для евреев», то Александр Третий говорил это делом — своими реформами, — в принципе мирными способами хотел спровадить из страны имперское приобретение Екатерины «великой» и «намекнул» очередной раз — в 1893 году запретил евреям поселяться в Ялте, так как, отмечает ЕЭ — массовое приобретение евреями недвижимости в этом русском курортном городе «грозит этому лечебному месту обратиться в чисто-еврейский город».

Симпатизировавший евреям английский историк Дж. Паркс (тот самый, которого так внимательно читал в заключении в 2004 г. российский олигарх Ходорковский) — в своей книге «Евреи среди народов...» о мерах, принятых российским правительством в 80–90-х годах XIX столетия объяснял: «В довоенное время (до первой Мировой), некоторые евреи сосредоточили в своих руках значительные богатства... (и это) вызвало опасение, что с уничтожением ограничений евреи быстро сделаются хозяевами в стране». И в этих словах было много правды, впрочем, мы это наблюдали и в 20-ом веке после 1996 года. Тоже объяснял и В. Шульгин:

«Ограничение в правах евреев в России имело под собой весьма «гуманную мысль» ...Признавалось, что русский народ во всей его совокупности, так сказать, женственно несовершеннолетен; ...что его поэтому надо как-то поддержать и защитить мерами государства; защитить против других элементов, более сильных... Северная Россия посмотрела на еврея глазами Южной России. Исторически же взгляд Малой России на еврея, которого она хорошо узнала за время сожития с Польшей, именно был таков: хохлы представляли себе еврея в образе "шинкарив-ориндатарив", которые "пьют кровь" из русского люда».

«Ограничения были задуманы правительством — против сплочённого экономического напора, опасного для национальной основы государства», — подытожил А.Солженицын.

В 1893 году Александр Третий одобрил «Закон об именах», который запрещал евреям приобретать двойные имена и фамилии, то есть кроме имеющихся еврейских называть себя ещё и русскими. То есть, российское правительство решило сорвать русские маски. Этот очередной антисемитский закон сыграл, вероятнее всего, роль «последней капли» в гибели российского императора. В этом году по своей инициативе 137 тысяч евреев покинули Россию и уехали в США.

Смерть Александра Третьего в 1894 году приостановила реформы, ибо занявший место на престоле совсем молодой Николай Второй не был на них способен. По официальной версии, которую мы можем встретить в современных энциклопедиях, Александр Третий умер от болезни почек «из-за неумеренного употребления алкоголя». Версия, что император Александр Третий умер от пьянства во время интенсивной работы и прекрасного развития России, которую, естественно, поддержали большевики и советские идеологи, — является не просто нелепицей, а оскорбительной ложью. И вот эта ложь и вносит большие подозрения насильственной смерти.

О. А. Платонов («Терновый венец России», 2001 г.) настаивает на другой причине смерти императора: «Террористам не удалось убить Александра Третьего. Однако сразу же после смерти Императора в Крыму от болезни стали распространяться слухи, что его отравили... В 1921 г. русская эмигрантская организация Союз «Единство Руси», располагавшаяся в Нью-Йорке, опубликовала брошюру «Кто убивал русских царей?», согласно которой Государь был отравлен еврейским врачом Г. А. Захарьиным по указанию тайной иудейской власти».

В. Г. Бостунич в своём исследовании также пишет, что в 1894 году «в Ливадию к больному императору был вызван знаменитый терапевт Захарьин, масон-еврей с такой подкупающе благозвучной русской фамилией. Лекарство он привез с собой, и ясно, какого рода это было «лекарство». Отравив царя, Захарьин с сатанинской гримасой следил за действием своего «лекарства»... На вопрос пришедшего в себя царственного страдальца, вопрос, естественно заданный при виде наклоненной зверской головы: "Кто ты такой?" — Захарьин тихо, с особой интонацией ответил: "Я еврей". Когда государь громко переспросил, Захарьин обернулся к присутствующим и холодно произнес: "Его Величество бредит". А затем опять дьявольски прошептал умирающему: "Вы приговорены к погибели"».

Но после смерти Александра Третьего неприятности евреев в России не закончились. После 1896 года, со слов еврейского историка Пола Джонсона, произошла «экономическая катастрофа для евреев», потому что российские власти ввели государственную монополию на спиртное. Слиозберг констатировал реакцию еврейского сообщества на водочную

монополию государства: «с ужасом встречена была... евреями в черте оседлости». Эта мера, как указывает ЕЭ — «лишила более 100 000 евреев их заработка».

Введение монополии мешало евреям получать максимум прибыли от хлебного бизнеса, так сказать, нарушало вертикальную интегральную линию — полноту монополии, ибо водка производилась в основном из хлеба.

Кстати, тогда в России многие «умные экономисты» предрекали (как и сегодня) экономическую катастрофу в России вследствие сворачивания и ухода из России еврейских капиталов. Но, как показала реальность, ничего подобного не произошло. И даже наоборот — пошёл какой-то «загадочный» и «парадоксальный» рост в сельском хозяйстве и промышленности. Солженицын в своём исследовании приводит данные, что на следующий год после введения государственной монополии на спиртное доход казны от спиртного увеличился в три раза с 98 млн. до 285 млн. Сколько каждый год зарабатывало государство — столько же каждый год недополучали евреи. Эта «экономическая катастрофа» опять дала повод к массовой эмиграции евреев в Америку, а у оставшихся в России ещё более прибавила ненависти к российской власти и желания с ней расправиться.

Хотя российские власти водочный бизнес у евреев отобрали и из сельского хозяйства их потеснили, но торговля сельхозпродукцией осталась в их руках. «Из всего еврейского населения СССР до революции целых 18% (то есть более миллиона) приходилось на тех, кто занимался хлебной торговлей самостоятельно, как хозяин, и на членов их семей. Это обстоятельство создавало известное нерасположение к еврейскому населению со стороны крестьян», — констатировал Лурье (Ларин).

Если подвести итог, то следует отметить, что принятые вышеуказанные ограничения российским правительством не изменили монополию евреев на хлебный бизнес, тем более на монополию экспорта леса, зерна и в других отраслях. Хороший пример приводит Российская Еврейская Энциклопедия (т.1., с.171): «Около сахарной промышленности питались сотни тысяч еврейских семейств в качестве посредников при продаже сахара и т. п.». Весь российский рынок сахара жёстко контролировали еврейские миллионеры братья Бродские, которые семейными узами были связаны с такими гигантами банковского бизнеса, как братья Гинсбурги, которые, в свою очередь, как указывает Солженицын, ссылаясь на КЕЭ: «после 1892 года занимались почти исключительно золотопромышленностью», «Гораций Гинсбург был «основателем... Забайкальского, Миасского, Березовского, Алтайского и других товариществ» по добыче золота». Они же были основными акционерами и знаменитых Ленских приисков, которые так рьяно с оружием защищало правительство от рабочих.

О сухопутных перевозках мы уже говорили в предыдущей книге, и можно только добавить, что в железнодорожных перевозках не было равных Самуилу Полякову. Можно вспомнить и о водном транспорте, например, до революции судоходное общество Давида Марголина насчитывало 78 пароходов (71% всех перевозок по Днепру) и фактически контролировало этот бизнес в этом регионе. Братья С. и М. Поляк вместе с Ротшильдами не менее успешно торговали нефтью.

Более половины еврейского народа на планете жило в России и жило очень хорошо, несмотря на многочисленные ограничения. «Провидение водворило в нашем отечестве самую большую и самую крепкую часть еврейства», — с тревогой отметил в 1891 году философ Владимир Соловьёв. В общем, — еврейское сообщество в России продолжало успешно развиваться и в экономике и в культуре — В 80–90-е годы выходили в столице еврейские издания «Рассвет», «Русский еврей», «Гамелиц»; появились первые в России талантливые еврейские публицисты и писатели, например, Эрманс Александр Соломонович после окончания медицинского факультета университета в 1889 г. стал редактировать в столице газету «Новости дня» и организовал издание собственной газеты в Одессе — «Одесские новости» (С). С 1891 года в России начала работать еврейская организация — Еврейская Историко-Этнографическая комиссия, которая занималась историей евреев в России.

Вскоре евреям сильно повезло — российское руководство на волне успеха допустило серьёзную ошибку — кто-то его убедил с целью привлечения инвестиций (как знакомо) ввести конвертацию — и во второй половине 90-х годов правительство приняло решение о конвертации золотого рубля и, — огромные массы накопленных денег, обеспеченные русским золотом стали уплывать за рубеж и оседать в европейских банках. Вместо того, чтобы российский «жирок» накапливался и работал на свою экономику — он уплыл и стал работать на экономики других стран. Риски потери денег в результате неблагоприятной политической ситуации для евреев резко сократились — теперь можно было зарабатывать деньги в России, а складывать и хранить их, например, в Швейцарии. (Как происходит и в современной России в начале XXI века).

Если следовать терминологии Маркса — экономический базис евреев был более чем впечатляющий, или — экономический базис России был у них под контролем. Теперь интересно глянуть на ту новую «надстройку», которую порождал этот базис. Тем более, что в старой российской идеологической «надстройке» произошли со временем существенные изменения. Молодой П. Н. Милюков, будущий заговорщик против последнего царя и будущий министр Временного правительства в 1893 г. констатировал факт падения уровня славянофильства в своей статье под одноимённым названием — «Разложение славянофильства». Как

такового разложения славянофильства не было, просто не было в этот период среди славянофилов ярких личностей, — в России не родились новые Аксаковы, Самарины, Леонтьевы, Данилевские или Достоевские, способные уловить суть происходящего и доходчиво объяснить.

Зато западная пропаганда и марксистские идеи продолжали воздействовать на студенческую молодёжь, и западные настроения в российском обществе сильно росли. К тому же появился горячий поклонник евреев Василий Розанов. А Чехов, Толстой и Соловьёв в конце своей жизни думали о другом. А такие посредственности, как Пётр Струве и другие умники, печатавшиеся в его журнале «Освобождение» (издавался в Германии), пели старую петровскую песню — призывали «признать свою некультурность и идти учиться у Запада».

Идеологическое поле в России оказалось свободным для западничества, анархистов, сионистов, террористов — для всех, кто стоял против славянофилов и неотвратимо шёл к революции. К этому времени, после казни террориста-неудачника Александра Ульянова-Бланка, подрастал уже его мстительный младший брат, который уже засорял марксистскими идеями студенческие головы. Но и без него в России хватало смутьянов. После 16-летнего спокойствия в России, после относительного террористического затишья наступал новый опасный для России период.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Подготовительный период перед Второй террористической войной в России

После гибели Александра Третьего заметно оживились террористические, антироссийские, антимонархические, антиправительственные силы — наступал новый этап истории России. Вот как он выглядел в нарастающем развитии:

Соня Гинсбург в конце 80-х восстановила частично «Народную волю» и, уже её силами, готовила покушение на Александра Третьего. Таким образом после разгрома начала формироваться вторая волна террористов в России. А в 1889 г. освободился из заключения заслуженный террорист и агитатор за свержение властей — Марк Натансон, и сразу примкнул к Соне Гинсбург, возглавил «Народную волю» и приступил к формированию на её базе новой террористической организации. И вместо «Народной воли» он создал организацию «Народное право», но из этой организации через несколько лет получилась мощнейшая национальная еврейская террористическая организация «Бунд» (с 1897 г.), сильно «недооцененная» советскими, да и современными, историками.

С появлением Бунда сильнее стало развиваться и сионистское движение евреев. Вот как вспоминал в своих мемуарах вторую половину 90-х годов верный спутник нашего исследования — еврейский историк С.М. Дубнов: «Только через два-три года застал я то же захолустье в сильном брожении; везде шумели кружки политических сионистов» (О городе Мстиславле).

В 1895 г. Ю. Цедербаум (под маской — Мартов) вместе с В. Ульяновым-Бланком (будущим Лениным) создали тайную организацию под марксистским популистским названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Через год — в 1896 г. российская власть арестовала

обоих этих горе-подпольщиков, они были сосланы в Сибирь, где охотились на рябчиков и читали присланную из Лондона прессу.

В том же1895 г. Юлий Цедербаум написал один из первых в России трудов по марксизму под названием — «Всеобщий еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России». В этом труде ставилась задача — «создать специально еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата». Мы наблюдаем эволюцию самоорганизации еврейских террористов в России. В 1897 году для решения этих задач и был создан в городе Вильно (Вильна, Вильнюс) «Бунд», по сравнению с которым — ленинские организации выглядели детской забавой. Вообще, — 1897 год был очень знаменательный в истории еврейского народа — кроме Бунда в этом же году рядом с Вильно — в Минске Цедербаумом и Лениным-Бланком была организована знаменитая РСДРП, ставшая затем КПСС, и были образованы «Всемирная сионистская организация» и «Еврейский рабочий союз» в США.

Почему выбор евреев в организации Бунда пал на г. Вильнюс — объяснил Солженицын: «Вильна была — «Литовский Иерусалим», Вильна всегда имела значительную еврейскую интеллигенцию, через Вильну же текли с Запада и все транспорты нелегальной литературы в Петербург и Москву».

На первом её съезде РСДРП из восьми делегатов пятеро были евреи, поэтому не было сомнений, кто в этой партии правит, хотя наличие представителей других национальностей позволило назвать эту подпольную террористическую партию интернациональной.

Эти же лица «зажгли» и газету «Искру». Поскольку еврейский идеолог Карл Маркс делал ставку на оболванивание и противопоставление власти рабочего класса, и тем более в России уже был провальный опыт поднять против властей крестьян, то и российские еврейские революционеры-террористы второй волны решили «поработать» с рабочим классом.

В этом вопросе у террористов была интересная эволюция, — если раньше Натансон и его друзья маскировались и шли агитировать крестьянство, то теперь новая волна террористов, вооружённая теорией Маркса, оставила в покое безнадёжное крестьянство и пошла агитировать пролетариат. Да, но чтобы агитировать русский пролетариат — опять же необходимо маскироваться под «своих» и тренироваться. Поэтому вначале, чтобы потренироваться, набраться опыта и взбодриться первым успехом, пошли агитировать в еврейский пролетариат, в своих «родных» белорусских городах.

«Исаак Гурвич рассказывает, как с Моисеем Хургиным, Львом Рогаллером, Иосифом Резником, они «в Минске ставили себе задачей создание ядра интеллигентных рабочих», — пишет в своём исследовании

А. Солженицын. Эта затея провалилась, случился неприятный казус: в Минске, и даже в Гродно не оказалось еврейских рабочих кружков, работать было не с кем, — террористы «вдруг» сделали неприятное для себя открытие — еврейских рабочих было очень мало, всё больше — бизнесмены, врачи, юристы и раввины, в худшем случае — портные. А без тренировок на своих — на большие заводы, где работали русские, белорусы, поляки, сунуться еврейские агитаторы побоялись.

А чтобы сунуться туда, необходимо было кроме евреев в своей верхушке иметь представителей «рабочих» народностей, необходимо было отказаться от узкого национализма и согласиться на некоторый интернационализм, — таким образом возникла идея создания интернациональной рабочей партии — РСДРП, и Ленин-Бланк уже обдумывал, как лучше объяснить рабочим, что — «Террор — это средство убеждения» российских властей (ПСС, т. 45, с. 405 — для сомневающихся), а после свержения национальной русской власти необходимо было уже объяснить своим однопартийцам, особенно русским, что — «Террор — это средство убеждения» покорённого народа.

И даже строго национальный еврейский «Бунд» вскоре тоже перешёл «к работе» с рабочими различных национальностей.

Вторая традиционная целевая группа, с которой легче всего было работать террористам, — это захваченные бунтарской романтикой и юношеским максимализмом и адреналином студенты. Здесь эффект был быстрым, как и ожидалось — «Длиннейшие коридоры университета были заполнены жужжащей студенческой толпой. Меня поразило преобладание евреев в этой толпе. Было их более или менее, чем русских, я не знаю. Но, несомненно, они «преобладали», т.е. они руководили этим мятущимся месивом в тужурках», — свидетельствовал знаменитый В. Шульгин о событиях в Киевском университете в 1899 году. Молодые «демократы» вели себя совсем не демократично — грубо выбрасывали из аудиторий профессоров и несогласных с ними студентов.

А доведенная «прогрессивными» идеями до революционной экзальтации арестованная студентка Вера Ветрова в 1897 г. в Петербурге сожгла себя «за свободы по английскому образцу» в камере Петропавловской крепости, облившись керосином из лампы.

Всё — теперь зараженные студенты готовы были идти на смерть, это очередной качественный этап, ибо теперь им можно было торжественно в подпольной обстановке вручать бомбы и револьверы и направлять против российских чиновников, то есть — можно было уже начинать Вторую террористическую войну в России. Дело было за малым — в производстве и доставке бомб.

И как оказалось, — знаменитая тихая Женева — это не только рай для богатых и банкирская столица мира, в то время она была террори-

стическим центром, в котором собирались и обучались террористы для России. Именно здесь вскоре знаменитые кровавые российские еврейские террористы Гершуни, Азэф и Гоц планировали свои преступления, и обучали талантливого кровавого русского выродка Савенкова, а в химической лаборатории возле Ниццы, принадлежащей брату Азэфа, супругам Зильбербергам и Рашель Лурье, изготовлялись самые качественные бомбы для уничтожения российских чиновников.

И только когда Савенков породнился с маститыми террористами в прямом и духовном смысле, он бросил свою жену Веру Успенскую (дочь знаменитого писателя Глеба Успенского) и женился на Е. И. Зильберберг, то его «черные духовные отцы» доверили Савенкову исполнить важные убийства, дав в помощь ему циничных убийц: Дору Вульфовну Бриллиант, Арона Шпайзмана, Маню Школьника.

В 1899 г. в Россию тайно вернулась знаменитая террористка В. Засулич – это был тревожный признак.

Этих исторических фактов, этой правды Вы, дорогие читатели, исследователи истории не прочитаете ни в одном современном российском учебнике для наших студентов и школьников. Впрочем, они целенаправленно не знают и о другой важной исторической тенденции-линии в России, которую, чтобы поведать, я опять воспользуюсь советом современного израильского историка Я. Рабиновича — и использую наработки знаменитого еврейского историка того периода С. М. Дубнова, который описывает ситуацию в городе Речица (недалеко от Гомеля) в 1899 году:

«На еврейской улице стоял шум от сионистских кружков, конференций и конгрессов, а в литературе шли споры о политическом и духовном сионизме, об ассимиляции и духовном национализме...». Затем мудрый С. М. Дубнов, который был одним из идеологов еврейского народа, сделал интересный вывод по поводу возможности ассимиляции и интеграции еврейского сообщества в российское общество:

«Рост национального движения в русском еврействе дошёл до той точки, где открытое его столкновение с (русским) ассимиляторством было неизбежно». И в 1901 году С. М. Дубнов зафиксировал в этом ракурсе интересное практическое явление:

«Уже в Гомеле я очутился в шумном кругу родственников, друзей и сионистских агитаторов, под каскадом слов, вопросов, споров. Метался доктор Г. Я. Брук, начальник местной сионистской армии, шумели его адъютанты и наиболее ретивые из передовых...».

И в этом ракурсе развития этой тенденции уже неудивительно звучит название главы из переизданной в 1902 году и дополненной исторической книги священника И. Лютостанского «Талмуд и евреи» «Дело об избиении патруля и вообще христиан евреями в г. Минске в 1898 году».

Это был первый погром евреями русских в России. А в следующем году — 1899 произошёл уже второй более крупный погром русских в России евреями в городе Шклове, — когда толпа евреев жестоко избила нескольких русских безоружных солдат, находящихся в городе в увольнении. Тогда российский Сенат рассмотрел этот случай и признал его проявлением племенной и религиозной вражды евреев к христианам (С). Причем обратите внимание — в обоих случаях евреи нападали в России на российских солдат... — это говорит о многом.

В ракурсе всех выше наблюдаемых негативных процессов в России уже было неудивительным и закономерным убийство в 1901 году очень мирного и авторитетного среди студентов министра просвещения России — Н. П. Боголепова. Некоторые исследователи истории удивляются — почему очередная волна терактов-убийств, вернее — Вторая террористическая война в России начались с убийства самого гуманного министра, а не с министра внутренних дел и других «силовиков».

Началась борьба за умы и души студенчества, — за это террористическое «пушечное мясо». Студентов необходимо было зажечь, подтолкнуть к активности с «мертвой точки» и использовать. Вот как современный еврейский идеолог Семён Резник оправдывает словами либерального министра Ю. Витте убийство Боголепова в своём «параллельном» прочтении истории: «Боголепов был весьма порядочный, корректный и честный человек, но он держался крайне реакционных взглядов...». Запомните — за что демократы и либералы убивают людей — за взгляды, за своё мнение отличное от либерального тоталитарного.

Период с 1895 года по 1901 год следует называть в истории России — «Подготовительный период ко Второй террористической войне в России», а период с 1901 года по 1906 — «Вторая террористическая война в России» или «Вторая попытка террористическим путем свергнуть законную власть в России». Это большая и интересная тема в объеме отдельной книги, следующей, я и так этой последней главой в неё поспешил залезть. Два этих периода и последующую историю России мы рассмотрим в следующей книге этой серии — № 4.

Всё изложенное в этой серии моих книг-исследований я называю не только историей России, но и — философией истории России или — прагматичной мудростью, прагматичной философией — пра-философией.

В таких науках как история, философия, социология, нациология и других науках о человеке и человеческом обществе невозможно говорить об абсолютных знаниях или о полных знаниях, здесь всегда есть неполнота, неисследованность и плюс к этому – страх показывать некоторые знания и умышленное укрывательство, засорение и умышленное искривление-коверкание знаний-правды-истины, поэтому научность здесь всегда неполная, имеет полутона от светлого до почти черного.

В этом ракурсе утверждаю, что данная моя книга по истории — самая научная на этот момент времени. Возможно, я упустил какие-то мелкие детали и незначительные подробности, но всё, что касается главных определяющих в истории моментов, векторов, процессов, то сравните с другими книгами и учебниками по истории других авторов и целых коллективов профессоров и академиков и посмотрите разницу. И это касается всей данной серии моих книг.

«Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений! Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы Мироздания... Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых...», — объясняла наш великий мыслитель Елена Рерих.

Надеюсь, читателям было интересно работать с этой книгой, самим исследовать, необязательно во всем соглашаясь с автором, возможно, интересно было что-то новое для себя узнать в истории России и в мировой мудрости; а главное — чтобы эта книга, как и вся эта серия книг, была бы полезна Вам и Вашим детям, внукам и правнукам, России, потому что впереди, в будущем нас всех обязательно ждут многие «грабли» и другой вражеский «шанцевый» инструмент для наших умов, очень знакомый нам по прошлой истории или забытый нами...

Будьте внимательны и по мере своего развития мудры в пути, и тогда с большей вероятностью он будет добрым для вас и Отечества.

Роман Ключник

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1878-1881 гг.

ISBN 978-5-903097-52-4

Подписано в печать 18.07.2008. Формат 60x84/16. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Объем 24,75 п.л. Тираж 10000 (1 завод 1000) экз. Заказ 932

Отпечатано в типографии ООО «СПб СРП “Павел” ВОГ»
196620, Санкт-Петербург – Павловск, ул. Березовая, 16

